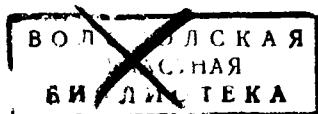

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖС- 4132.

2

1 9 5 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР

Москва

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 9.VI. 1953 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7³/₄
Т 04821. Печ. л. 21,23+1 вклейка. Заказ № 1173. Уч.-изд. листов 26,9. Тираж 2300 экз.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

С. П. ТОЛСТОВ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

(К 65-летию со дня смерти)

Шестьдесят пять лет назад русская и мировая наука понесла тяжелую утрату. 14 апреля 1888 г., в возрасте сорока двух лет, скончался выдающийся русский ученый-гуманист Николай Николаевич Миклухо-Маклай, отдавший всю свою недолгую жизнь мужественной борьбе за права «цветных» народов колоний на человеческое существование, борьбе против человеконенавистнической «расовой теории», уже тогда игравшей свою подлую роль в порабощении колониальных народов, а в наши дни ставшей идеологическим оружием поджигателей новой мировой войны.

В научной и общественной деятельности Н. Н. Миклухо-Маклай, развернувшейся в 70-х — 80-х гг. прошлого века, нашли свое отражение передовые идеи «шестидесятников» — русских революционных демократов шестидесятых годов, в первую очередь идеи Чернышевского.

Родившись в семье, близкой к передовым кругам тогдашней России, Н. Н. Миклухо-Маклай, по словам его брата Михаила, впитал «с молоком матери идеи шестидесятых годов, идеи справедливости и гуманности». Изгнанный в 1864 г. царской полицией из Петербургского университета за участие в студенческом общественном движении, «без права поступления в другие русские университеты», Миклухо-Маклай, как и многие представители передовой молодежи царской России, закончил свое образование за границей, в Иенском университете.

Своей первой научной специальностью Миклухо-Маклай избрал зоологию, конкретно — изучение морской фауны. Работе над этой тематикой были посвящены его первые путешествия: на Канарские острова (1866), в Марокко (1867), в Сицилию (1868), на берега Красного моря (1868—1869). Однако анализ архивных материалов к его биографии ¹ позволяет прийти к выводу, что его последующий отход от зоологической тематики был отнюдь не случаен, что с самого начала в центре его внимания стояли вопросы изучения человека и человеческого общества. Как и многие русские демократы того времени, находясь в этом отношении под несомненным влиянием идей Чернышевского, Миклухо-Маклай видел в углубленном изучении естественных наук единственный путь к правильному пониманию жизни человеческого общества, не подозревая, как и Чернышевский, о том, что уже существует в области обществоведения подлинно научный метод, столь же точный, как методы передового естествознания — марксистский метод. Это незнакомство с марксизмом заставило Миклухо-Маклай, как и многих его современников, идти к своей цели длинным, окружным и не всегда надежным путем.

¹ Новые материалы к биографии Н. Н. Миклухо-Маклай см. в статьях Н. А. Бутинова, Я. Я. Рогинского и С. А. Токарева в приложениях к II и IV томам Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклай, издаваемого Академией Наук СССР (М.—Л., 1950—1953 гг.).

Уже на студенческой скамье Миклухо-Маклай слушает и конспектирует лекции не только по естествознанию, но и по философии и политической экономии. Он особенно интересуется утопическим социализмом, в частности, теориями Роберта Оуэна и Сен-Симона. Особенно отчетливо его обществоведческие интересы выступают в отчете 1869 г. на заседании Русского географического общества — «О путешествии по берегам Красного моря», где мы найдем немало ярких строк, характеризующих тяжелое положение арабского населения этого района. Еще во многом наивные попытки Миклухо-Маклая вскрыть исторические причины нищеты и отсталости этого населения свидетельствуют, однако, о глубоком, живом интересе к судьбе народов, с которыми он сталкивался в своих скиниях.

В полной мере облик Миклухо-Маклая как ученого и общественного деятеля проявляется, однако, позднее — в годы его героической тихоокеанской эпопеи.

Первоначальный план тихоокеанской экспедиции Миклухо-Маклая, представленный им в 1869 г. в Русское географическое общество, еще мало отличается от планов его предшествующих экспедиций. На первом месте стоит исследование фауны обширной области от побережий Охотского и Японского морей до островов Океании, задача «проследить изменение и зависимость животных организмов от различных внешних факторов природы»². Лишь последним пунктом программы Миклухо-Маклая стоит производство антропологических и этнологических наблюдений в свободное от зоологических исследований время. Однако уже в процессе подготовки к экспедиции характер ее плана резко меняется. Антропологические и этнографические проблемы занимают первое, центральное место. Место Охотского побережья в качестве первого, а затем и основного объекта исследования занимает отдаленный от русских берегов огромный, в те времена почти не известный остров Новая Гвинея, внутренние области которого и посейчас остаются мало исследованными.

Чем объясняется этот, на первый взгляд крутой, поворот в научных интересах Миклухо-Маклая?

В процессе подготовки экспедиции, в процессе внимательного изучения литературы по тихоокеанскому островному миру Миклухо-Маклаю стало ясно, что центральной, наиболее неотложной научной задачей является изучение населения этих островов, уже ставшего объектом хищнической эксплуатации со стороны империалистических держав. Изучая литературу об этом населении, Миклухо-Маклай убедился, насколько далека она от подлинной науки, насколько проникнута человеконенавистнической расовой теорией, ставящей своей целью оправдать самые варварские формы угнетения и истребления «цветных» народов. Миклухо-Маклай как передовой русский человек, прогрессивный естествоиспытатель, мировоззрение которого сформировалось под влиянием идей «шестидесятников», не мог примириться с господством этих антинаучных бредней. Он поставил себе задачей объективное научное исследование населения той части тихоокеанских островов, которая не стала еще сферой деятельности империалистических хищников, изучение которой могло дать мировой науке реальную картину общественного быта «примитивных» племен, еще не столкнувшихся с кровавой «цивилизацией» европейско-американских колонизаторов. Так он формулирует свои задачи в остававшейся до 1939 г. неопубликованной статье «Почему я выбрал Новую Гвинею»³. Сама совершенно новая методика исследования, избранная Миклухо-Маклаем, может быть понята только в свете его передовых общественных взглядов, в свете высоких задач, поставленных им перед собой. Его европейско-американскими предшественниками

² Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, М.—Л., 1951, стр. 7—8.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, М.—Л., 1950, стр. 3—10.

в изучении колониальных народов были империалистические разведчики и администраторы, купцы и миссионеры, задачи которых были весьма далеки от подлинно-объективного познания этих народов, по существу — прямо противоположны ему; либо, в лучшем случае, это были естествоиспытатели, наблюдавшие эти народы с палубы корабля или во время кратковременных экскурсий на берег, Миклухо-Маклай поставил своей задачей глубоко изучить жизнь этих народов путем длительного пребывания в их среде, без всякой попытки вмешаться в их внутреннюю жизнь, без всякой попытки использовать для укрепления своего влияния технические преимущества европейской цивилизации, в частности, огнестрельное оружие, — даже в порядке самозащиты.

С большим трудом отстоял он изменение своего плана в Географическом обществе, от которого получил лишь ничтожную субсидию в 1200 рублей, главным образом на научное оборудование, да выхлопотанное председателем Общества адмиралом Литке место на корвете «Витязь», отправлявшемся в тихоокеанское плавание. 20 сентября 1871 г. Миклухо-Маклай высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, который он назвал «Берегом Маклая» (название, кстати сказать, «забытое» германскими, а впоследствии англо-австралийскими «хозяевами» этого берега).

Невозможно в рамках небольшой мемориальной статьи сколько-нибудь подробно охарактеризовать героический подвиг Миклухо-Маклая. Ограничимся основным. Миклухо-Маклай фактически один (из двух его слуг один, полинезиец, вскоре умер от жестокой тропической лихорадки, а другой, швед, оказался трусом и бездельником) пробыл год и три месяца на нездоровом тропическом побережье, среди до этого не видевших европейцев, стоявших по уровню своего исторического развития на ступени «нового каменного века» папуасов Берега Маклая, которых имевшиеся в те времена сведения, исходившие преимущественно от хищников-торговцев «трэдеров», клеветнически характеризовали как свирепых «людоедов». В первый же день он пришел один в деревню недоверчивых и враждебных к чужеземцу «людей каменного века» без оружия и без дешевых побрякушек, завозимых «трэдерами», и с этого дня и в последующие долгие месяцы завоевывая их доверие, входя в их жизнь, с почти невероятной настойчивостью и терпением изучая их язык, никому, кроме них самих до того не известный, — сумел найти прямой путь к сердцу «людей каменного века», стать их настоящим, бескорыстным другом.

Миклухо-Маклай отдавал себе отчет в том, что он каждодневно подвергается опасности, и принял меры к сохранению, на случай смерти, своих дневников и научных материалов.

Его антропологические наблюдения, каждое из которых, по его словам, приводило его «в приятное настроение», скоро окончательно убедили его в лживости клеветнических измышлений европейско-американских «ученых»-расистов. Он удостоверился в том, что физический тип папуасов ничем принципиально не отличается от европейского, что все отличия сводятся к несущественным локальным различиям, не дающим никакого права видеть здесь доказательство «расовой неполноценности» папуасов. Его дневники представляют собой замечательный документ, где подлинно научное, объективное описание быта папуасов раскрывает перед нами картину жизни этого народа, также ничем от жизни других людей не отличающейся, кроме местных особенностей быта и более низкого уровня культуры, объясняемого отнюдь не их «неполноценным» расовым или «психическим» типом, а лишь неблагоприятными историческими условиями, с изменением которых папуасы, как и другие «цветные» народы, могут быстро достигнуть культурного уровня европейцев. Дневники Миклухо-Маклая — суровый приговор над псевдонаучной, клеветнической стряпней современных американских этнографов-«психорасистов». Стоит сопоставить беспристрастный и правдивый образ папуасов Берега Маклая,

нарисованный в этих дневниках, с беспардонной клеветой основательницы психо-расистской школы американской этнографии Рут Бенедикт на таких же папуасов соседнего архипелага Антракасто (о-в Добу), выступающих в писаниях этой «ученой» особы как люди, характеризующиеся «крайней формой враждебности ко всему миру и злобности, которые большая часть человеческих обществ сводят к минимуму своими общественными учреждениями». «Учреждения добуанцев,— заявляет Рут Бенедикт,— напротив, возводят их (враждебность и злобность.— С. Т.) в высшую степень. Добуанец живет под давлением худших человеческих кошмаров злой воли вселенной, и, согласно его взглядам на жизнь, добротель состоит в том, чтобы выбрать жертву, на которую он может излить злобу, питаемую им к человеческому обществу и к силам природы»⁴.

Эта лживая, подлая клевета агента империалистов на маленький трудолюбивый народ ничего общего не имеет с объективными фактами, нашедшими свое отражение в дневниках Миклухо-Маклая. Правдивые характеристики, даваемые им его друзьям-папуасам, особенно Тую, и всему населению деревень Берега Маклая, рисуют перед нами жизнь простых, трудолюбивых людей, ничем по своей психике, по своему поведению не отличающихся от европейцев (мы оставляем, конечно, в стороне колониальных бандитов и им подобных — тут разница огромная, и не в пользу этих представителей «высшей» белой расы), так же любящих своих детей, свои деревни, свою работу, как и мы, так же, как и мы, относящиеся к чужеземцам, любя и уважая тех из них, которые приходят с честными, дружественными намерениями. Не с честными, не с дружественными намерениями приходят на о-в Добу соотечественники Бенедикт и подобные им разбойники и работогорцы. Данная ею характеристика добуанцев — клеветническое обобщение, приписывание папуасам в качестве их «расового характера», их отношения «к людям вообще», тех чувств, которые они, как и все трудящиеся люди, питают к своим врагам-колонизаторам.

Миклухо-Маклай еще дважды — в июне 1876 — ноябре 1877 и в 1883 г. посетил Берег Маклая, проживя среди папуасов в общей сложности около трех лет. В промежутках между этими посещениями он продолжал свои неутомимые одинокие странствования, посетив юго-восточный и западный берег Новой Гвинеи, острова Меланезии, Микронезии и Индонезии, дважды, в исключительно трудных условиях, пересек полуостров Малакку, долго жил в Австралии и на о-ве Яве; однако Берег Маклая и судьба его народа прочно заняли центральное место в его научных и общественных интересах.

Путешествия вплотную столкнули его с отвратительным миром разного рода европейско-американских хищников-колонизаторов, от респектабельных губернаторов колоний и «достопочтенных» отцов-миссионеров до непрятательных и откровенных бандитов, командиров «трэйдерских» и «вербовочных» шхун — «охотников за черными птицами», как изысканно именовали себя достойные предки современных англо-американских гангстеров, работогорцы конца XIX в. Миклухо-Маклай называл их профессию более простым и точным термином «людокрадство».

И мы видим, как постепенно меняется понимание Маклаем своих целей. Если, впервые выезжая на Новую Гвинею, он мечтает лишь о том, чтобы противопоставить вздорным расистским бредням подлинно научное описание жизни и быта отсталых «цветных» народов, мечтает о победе прогрессивных идей, основанных на «чисто научной» почве, то в дальнейшем он убеждается в недостаточности этого. Он понимает, что единими книгами нельзя обуздить империалистических разбойников, жадно

⁴ См. С. П. Толстов, Кризис буржуазной этнографии, Сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Института этнографии АН СССР, т. XII, М., 1951, стр. 9—10.

расхватывающих еще не поделенные жирные куски колониального пирога. Больше того, он начинает — и не без основания — бояться, что, будучи опубликованными, его собственные работы могут принести вред «цветным» народам, могут быть использованы разведчиками империалистов, колониальными захватчиками. И действительно, «ученый» проходимец, подготовивший захват Берега Маклай бисмарковской Германией, «доктор» Отто Финн накануне этого захвата стремится всеми правдами и неправдами выпытать у Маклай всякого рода сведения о Береге. Именно это обусловило сознательный отказ Маклай от публикации многих его материалов.

Уже в дневнике своего второго путешествия на Берег Маклай Миклухо-Маклай ставит перед собой вопрос: «окажу ли я туземцам услугу, облегчив моим знанием страны, обычаям и языка доступ европейцев в эту страну?» И отвечает на этот вопрос твердым решением «положительно ничем, ни прямо, ни косвенным путем, не способствовать водворению сношений между белыми и папуасами»⁵.

После своего путешествия на Малакку он пишет 31 декабря 1875 г. секретарю Географического общества, объясняя мотивы отказа от публикации ряда материалов: «Путешествие на Малаккском полуострове дало мне значительный запас сведений, важных для верного понимания политического положения стран малайских ради... я почел бы сообщение моих наблюдений, даже под покровом научной пользы, положительно делом нечестным. Малайцы, доверявшие мне, имели бы совершенное право назвать такой поступок шпионством»⁶.

Именно этим, в первую очередь, объясняется тот факт, что большинство трудов Миклухо-Маклай было опубликовано лишь много лет спустя после его смерти.

Семенов Тян-Шанский, характеризуя Маклай этого нового периода, писал: «Его поездки с 1878 по 1882 г. были обусловлены уже не чисто научными антрополого-этнографическими целями, а желанием быть трибуном диких папуасов, активным защитником прав, по его мнению, угнетаемых и стираемых с лица земли австралийских племен»⁷.

Угроза аннексии Новой Гвинеи Англией уже в 1875 г. заставляет Миклухо-Маклай возбудить перед русским правительством ходатайство принять папуасов под протекторат России — попытка, не встретившая со стороны царского правительства никакого отклика. С этой даты начинается одинокая героическая борьба «белого папуаса», как прозвали в России Маклай, за человеческие права ставшего ему родным и близким народа. Из естествоиспытателя и этнографа он действительно становится трибуном и защитником этого народа, его первым и пока единственным дипломатическим представителем. Под давлением все ближе и ближе надвигающейся угрозы захвата Берега Маклай империалистическими хищниками, он засыпает канцелярии европейских правительств и колониальных администраторов письмами с требованием защиты папуасов от надвигающегося захвата. Он делает это, чем дальше, тем больше, отдавая себе отчет в безнадежности таких попыток. «Мне не раз приходила на ум мысль, что мои уверения пощадить «во имя справедливости и человеколюбия» папуасов походят на просьбу, обращенную к акулам не быть такими прожорливыми», пишет он в 1879 г., комментируя свою попытку найти в одном из высокопоставленных английских администраторов защитника прав «туземцев»⁸.

В 1881 г. Миклухо-Маклай выдвигает план создания самоуправления,

⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950, стр. 423.

⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, М.—Л., 1953, стр. 128. Письмо № 115.

⁷ Цит. по статье Н. А. Бутинова «Н. Н. Миклухо-Маклай (Биографический очерк)», Там же, т. IV, стр. 538.

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 443, прим. 2.

«туземного правительства» Берега Маклая, организации «Папуасского союза». Он энергично работает над этим планом, предполагает привлечь к его осуществлению русских добровольцев. Но в разгаре подготовки этого в тогдашних условиях нереального, утопического плана Германия аннексирует Берег Маклая. Только один человек протестовал против этого бессовестного захвата.

«Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию», — гласила телеграмма трибуна «цветных» народов Океании Миклухо-Маклая на имя Бисмарка от 9 января 1885 г.⁹ Но этот протест, как и призыв Маклая к царскому правительству поддержать этот протест, остались без ответа.

Наступает новый этап в жизни Маклая. Он решает обратиться за поддержкой к новой силе — к передовой русской общественности. Он возвращается в Россию и, несмотря на тяжелое состояние здоровья, подорванного многолетними странствованиями, развертывает энергичную общественную кампанию за создание «вольной русской колонии» на Берегу Маклая, колонии, которая мыслилась как община с совместной обработкой земли и распределением продуктов по труду и которая должна была содействовать материальному прогрессу и культурному подъему папуасского народа. В проекте этой трудовой колонии русских людей вновь ожидают с юности владевшие Маклаем идеи Чернышевского, идеи утопического социализма. Призыв Маклая находит широкую поддержку в русском обществе. Около 2000 человек изъявило желание ехать с Миклухо-Маклаем. Пресса широко обсуждала его проект. Он стал одним из наиболее популярных людей России. Но при реализации проекта нельзя было обойти одной фигуры. Это был «самодержец всероссийский» Александр III, который 9 декабря 1886 г. наложил на проект свою резолюцию: «Считать это дело конченным. Миклухо-Маклаю отказать»¹⁰.

Маклай не надолго пережил полное крушение дела, ставшего делом его жизни. Менее чем через полтора года его не стало.

Действительность превзошла самые худшие опасения Миклухо-Маклая относительно дальнейшей судьбы его друзей — папуасов Новой Гвинеи, ныне изнывающих под пятой англо-австралийских колонизаторов. В марте 1952 г. советский представитель в Совете по опеке ООН, основываясь на данных официальных австралийских документов, нарисовал ужасающую картину хищнической эксплуатации бесправного коренного населения Новой Гвинеи английскими и австралийскими плантаторами и золотопромышленниками.

«Все лучшие земли захватили английские и австралийские плантаторы. Дневная заработка рабочих — коренных жителей составляет мизерную сумму в 6 пенсов, на которые можно купить, например, три коробки спичек.

Коренное население обречено на голод и вымирание. Смертность коренных жителей в течение года увеличилась, по официальным данным, с 91 до 133 человек на тысячу. В результате все увеличивающейся смертности численность населения острова Новая Ирландия за период с 1930 г. уменьшилась на 27,1 процента.

Особенно высока детская смертность. В 1949—1950 гг. детская смертность на Новой Гвинее составила от 250 до 300 человек на тысячу, а в районе среднего течения реки Сепик она достигла громадной цифры 454 на тысячу детей»¹¹.

Таковы результаты беспардонного хозяйственничества империалистических хищников на тихоокеанских островах, защиты прав населения которых так упорно добивался Маклай.

⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, стр. 279.

¹⁰ Н. А. Бутинов, Н. Н. Миклухо-Маклай (Биографический очерк), стр. 555.

¹¹ Газ. «Московская правда», 20 марта 1952 г., № 68.

Преждевременная смерть вырвала Миклухо-Маклая из рядов защитников свободы и мирной жизни колониальных народов. Но память о нем не умерла. Долго помнили «Тамо Маклай» его друзья — папуасы. Его имя вошло в папуасские легенды Берега Маклая, в которых он через два десятилетия получил уже черты свойственного первобытной мифологии образа «культурного героя». Вот, что говорит сказание островитян Били-Били в бухте Астролябия: «...пришел Маклай и дал нам железо; теперь мы работаем с помощью ножей и топоров. Маклай говорил: «О, люди Били-Били, идите с моими ножами, с моими топорами, которые я вам дал, на плантации и обрабатывайте поля, работайте и ешьте; ваши каменные топоры не острые, они тупы. Бросьте их в лес, они плохие, не годятся, они тупы. Так говорил Маклай...»¹².

Русские слова «топор», «арбуз», «бык» и другие прочно вошли в папуасские диалекты Берега Маклая. Самое имя «Берег Маклая», которое вычеркнули с географических карт германские и англо-австралийские колонизаторы, по сей день звучит в местных папуасских диалектах.

Память о Миклухо-Маклае чтит и гордится им и народ его родины — великий советский народ, чтит и все прогрессивное человечество. Имя его присвоено крупнейшему этнографическому учреждению нашей страны, премии его имени присуждаются Академией Наук СССР за лучшие этнографические и антропологические работы. В его лице мы чтим не только замечательного ученого, смелого путешественника, первооткрывателя этнографического мира — огромного острова с миллионным населением — Новой Гвинеи. В его лице мы чтим мужественного защитника угнетенных народов колоний, смело поднявшего свой одинокий голос против «великих» империалистических хищников. Пусть планы Маклая в его дни были неосуществимы, ибо они были связаны с идеями утопического, а не научного социализма. Но сейчас, в наши дни, когда подлинное равенство народов стало реальностью для трети человечества, когда оно стало не отдаленной мечтою, а реальной перспективой борьбы еще угнетенных народов колоний, — мы с любовью и признательностью вспоминаем того, кто шестьдесят пять лет тому назад отдал свою жизнь за благородное дело защиты прав этих народов.

¹² Цит. по статье Н. А. Бутинова «Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников» (Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 749).

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. И. ПОТЕХИН

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ЭТНОГРАФИИ В СВЕТЕ ТРУДА И. В. СТАЛИНА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР»

Гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», являясь непосредственным продолжением «Капитала» К. Маркса и работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», открывает новую эпоху в развитии марксистской экономической мысли, в развитии марксистско-ленинской теории вообще. Посвященная исследованию экономических законов развития общества, новая работа И. В. Сталина создает теоретическую базу для дальнейшего развития всех отраслей науки об обществе.

Диалектический материализм исходит из того, что развитие экономики является решающей силой исторического процесса. «Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества»¹. Экономика, способ производства, включающий в себя производительные силы и соответствующие им производственные отношения, определяет развитие всех других сторон общественной жизни — характер политических учреждений и взглядов, идеи и теории, культуру и быт народов. И. В. Стalin учит, что «ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, — в экономике общества»². Поэтому знание экономики и экономических законов является обязательным условием для всех ученых, исследующих те или иные стороны общественной жизни.

Этнография — одна из отраслей исторической науки. Содержание этнографической науки очень многогранно. История доклассового, первобытно-общинного строя всеми ее сторонами — от условий материальной жизни общества (географическая среда, рост народонаселения, способ производства) до форм общественного сознания (первобытное искусство, религия и пр.) — входит в предмет этнографической науки. Этнографы наряду с археологами являются единственными специалистами в области дописьменного периода человеческой истории; представители всех других научных дисциплин в исследовании первобытно-общинного строя опираются на изыскания этнографов и археологов. Чем дальше от первобытности и ближе к современности, тем уже становится предмет, содержание

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 5.

² И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

этнографической науки. В изучении истории социалистического общества перед этнографией стоят задачи исследования таких сторон жизни народов, как семья и семейный быт во всем его многообразии, народное жилище, одежда, народное художественное творчество и т. п. При этом этнография концентрирует свое внимание на национальных особенностях социалистической культуры и социалистических форм быта народов СССР, руководствуясь указанием И. В. Сталина о том, что «каждая нация,— всё равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций»³. Верная принципам историзма, этнография исследует процессы развития, изменения, перестройки этих особенностей, процесс взаимного обогащения культуры и быта братских народов нашей страны, становления и укрепления общенародных форм культуры и быта. Этнография исследует самые глубинные процессы перестройки жизни народов в эпоху социализма. Отсюда вытекает ее большое значение и ее большая ответственность перед народом.

В исследованиях по истории первобытно-общинного строя в круг непосредственных интересов этнографии входит и экономика — производительные силы и производственные отношения. В исследованиях современной культуры и быта народов экономика не входит в непосредственные задачи этнографа — это дело специалистов в области политической экономии и конкретной экономики. Но это не значит, что этнограф не должен интересоваться современными экономическими проблемами, не должен знать законов экономического развития общества. Этнографы повинны именно в том, что они до сих пор мало внимания уделяли экономическим процессам в жизни общества. Это относится как к исследованиям проблем первобытно-общинного строя, так и проблем современности.

В исследованиях по первобытно-общинному строю большинство этнографов, следуя дурной традиции буржуазной науки, вращались в заколдованным кругу семейно-родственных отношений: семья — род — племя и т. п., отрывая их от развития экономического базиса. И. В. Сталин учит, что никакой общественный строй невозможен без своего экономического базиса, что каждая общественная формация «имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей»⁴. Был свой экономический базис и в первобытно-общинном строю. Этнографы собрали большой фактический материал, дали немало описаний орудий труда, производительных сил первобытно-общинного строя, но не дали еще ни одного специального и серьезного марксистского исследования по производственным отношениям, экономическому базису первобытно-общинного строя. Для многих этнографических работ характерно рассмотрение производительных сил в отрыве от производственных отношений. Этим серьезным недостатком страдает, например, последняя работа Л. И. Лаврова. «Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.»⁵ Не дали такого исследования и экономисты. Да и едва ли экономисты без помощи этнографов могут дать такое исследование.

Дело в том, что производственные отношения первобытно-общинного строя отличаются большой спецификой. Особенно на ранних его этапах, например, в доплеменном периоде, производственные отношения совпадают с кровнородственными отношениями. Кровнородственные отношения шире производственных отношений — семья не входит в экономический базис общества (как не входит она и в надстройку). Но никаких иных

³ И. В. Стalin, Речь на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации, «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

⁴ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 64.

⁵ Опубликована в сборнике Института истории АН СССР «Материалы по истории земледелия СССР», Сборник I, М., 1952.

отношений, существующих отдельно и независимо от кровнородственных, на этих ранних этапах истории общества нет.

«Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу и изготавляет необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды — варит, ткет, шьет. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина — собственник оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями. То, что делается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка»⁶. Такова, по Энгельсу, картина экономического базиса родового общества «на низшей ступени варварства».

Люди живут небольшими общинами, построенными на принципах кровного родства. Каждая такая община является вместе с тем и производственным коллективом, экономически с другими подобными коллективами не связанным, самостоятельно обеспечивающим условия существования. Способ производства и здесь определяет характер, структуру общества. Специфичность этого этапа в развитии общества состоит в том, что отношения людей в процессе производства — производственные отношения — находят свое внешнее выражение в кровнородственных отношениях, определяя их, как содержание определяет форму. На поверхности видны кровнородственные, а не производственные отношения.

Этнографы скользили по поверхности, замечая и исследуя кровнородственные отношения, и не проникали в глубь этих кровнородственных отношений, не замечали, что они являются одновременно по своему экономическому содержанию и производственными отношениями. Вся история первобытно-общинного строя представляет собой историю отделения производственных отношений от отношений кровнородственных. Последовательные этапы этого процесса и представляют собой, с экономической точки зрения, период развития первобытно-общинного строя. Этнографы до сих пор не только не исследовали, но и не поставили эту проблему. Но это всего лишь одна из проблем первобытно-общинного строя, в разработке которой этнографы должны принять решающее участие.

Отвлекаясь от экономического базиса первобытно-общинного строя, этнографы зачастую увлекались внешними формами рода или племени, его структурой, в ущерб содержанию, отрывали форму от содержания, превращали форму рода в нечто самодовлеющее, саморазвивающееся. Отсюда, в частности, налет социологизма, схематизма в работах такого крупного специалиста по истории первобытно-общинного строя, как М. О. Косвен⁷. Другие этнографы, не поняв закономерностей развития общества, наоборот, впадали в вульгарный материализм. Так, например, Н. П. Горбачева⁸, пытаясь дать материалистическое объяснение происхождению одежды, пришла к выводу о безсознательном изобретении человеком одежды, противоречащему указанию Энгельса, что человеческие потребности «отражаются в голове, осознаются»⁹.

Выход в свет работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» привлекает внимание этнографов к вопросам экономики

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1951, стр. 164.

⁷ См. введение к Программе для сокращения сведений о патронимии и структуре рода («Краткие сообщения Института этнографии», вып. XIII, 1951) и др.

⁸ Н. П. Горбачева, К вопросу о происхождении одежды, «Советская этнография», 1950, № 3.

⁹ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1952, стр. 12. См. также «История ВКП(б)», Краткий курс, стр. 124.

и, в частности, к постановке, разработке ряда экономических проблем истории первобытно-общинного строя. Эта работа не только ставит новые задачи перед историками первобытного общества, но и создает базу для решения этих задач. Формулировка вновь открытых основных экономических законов социализма и капитализма является методологической основой для разработки вопроса об основных экономических законах других социально-экономических формаций, первобытно-общинного строя, в частности. Как основной экономический закон социализма, так и основной экономический закон современного капитализма включают в себя цель общественного производства и средства достижения этой цели. Исходя из этого, этнографы, занимающиеся проблемами первобытно-общинного строя, должны попытаться сформулировать основной экономический закон этой формации, ответить на вопросы: какова была цель производства и каковы были средства достижения этой цели?

Институт этнографии АН СССР уже приступил к подготовке труда на тему «Базис и надстройка в первобытном обществе». Этнографам следует иметь в виду, что разработка этой темы является главнейшим условием дальнейшего развития науки о первобытно-общинном строе. После выхода в свет гениальной работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» накоплен огромный материал по первобытному обществу. Научная разработка этого материала должна проводиться в полном соответствии с указаниями И. В. Сталина о базисе и надстройке.

Этнографы, занимающиеся исследованиями современной социалистической культуры и современных форм быта народов СССР, за последние годы потратили не мало усилий на споры о том, должен ли этнограф, изучая культуру и быт колхозного крестьянства, заниматься вопросами экономики или не должен. Основой этих споров является неправильное понимание соотношения политики и экономики, субъективных и объективных факторов в условиях социалистического общества. Некоторые этнографы все изменения культуры и быта колхозного крестьянства выводили непосредственно из роста зажиточности колхозников, отбрасывая роль надстройки, и неминуемо приходили к своеобразному экономизму. Ярким примером такого «экономизма» является статья Г. С. Масловой «Культура и быт одного колхоза Подмосковья», опубликованная в журнале «Советская этнография» (№ 1 за 1951 г.). В первой части работы Г. С. Маслова нарисовала яркую картину развития коллективного хозяйства крестьян с. Дединово, в другой части — не менее яркую картину социальных преобразований. Переход от первой части ко второй выражен таким образом: «Коренные производственные преобразования обусловили изменения быта, наблюдаемые в жилище колхозника, пище, одежде, семейной, а также общественной и культурной жизни деревни»¹⁰. Все социальные преобразования выводятся непосредственно из производственных преобразований, из экономики, отбрасывается направляющая роль партии, хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа Советского государства, влияние города и др. Объективно существующие экономические законы социализма вовсе не являются стихийно действующими законами. Опираясь на объективные экономические законы, Коммунистическая партия и Советское государство сознательно направляют развитие нашей страны по пути к коммунизму. Под направляющим воздействием политики партии и государства находятся как экономика, так и культура и быт. Не только работа Г. С. Масловой, но и ряд других работ по культуре и быту колхозного крестьянства страдают недооценкой этой направляющей роли партии и государства. Другие этнографы, наоборот, переоценивали роль политики, субъективных факторов,

¹⁰ «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 47.

не понимая объективной закономерности экономического развития социалистического общества, впадали в волюнтаризм, субъективный идеализм.

Выход в свет труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» кладет конец этим заблуждениям и спорам. Этнограф должен заниматься вопросами колхозного производства, колхозной экономикой, ибо экономические процессы лежат в основе социалистической перестройки культуры и быта колхозного крестьянства. Но этнограф не экономист, он не имеет специально экономической подготовки. Не может быть принято и предлагаемое некоторыми этнографами сотрудничество этнографа и экономиста, это может быть полезным лишь в больших, комплексных экспедициях. Этнографическая наука имеет свою специфику, свой предмет, и этнограф должен самостоятельно решать свои задачи. У этнографа должен быть свой подход к экономическим материалам, определяемый его особыми задачами. Ему незачем заниматься самостоятельной разработкой экономических проблем социалистического сельского хозяйства, но он должен быть знаком со специальной экономической литературой и, прежде всего, с руководящими указаниями партии и правительства по вопросам сельского хозяйства. Понимая свою специальную задачу, зная общие положения по вопросам колхозной экономики, этнограф безошибочно привлечет такие экономические материалы, которые ему нужны, и не больше.

В работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» дано новое, блестящее обоснование объективного характера экономических законов и законов развития общественной жизни вообще. «Марксизм понимает законы науки,— всё равно идёт ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии,— как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их»¹¹.

Для этнографии эти положения имеют первостепенное значение. Дело в том, что этнография до сих пор считается многими из ее представителей наукой описательной. До сих пор еще удерживается мнение, что научное описание — это потолок этнографической науки. Собрать факты путем личного наблюдения и изучения литературных источников, привести их в систему, дать научное их описание, сделать некоторые исторические экскурсы и сравнения — таково традиционное содержание этнографического исследования. Такое понимание сущности этнографического исследования — пережиток позитивизма, господствовавшего в старой, дореволюционной этнографии. Советские этнографы уже давно встали на путь преодоления этого пережитка, однако еще далеко не до конца освободились от него. Конечно, научное описание является непременной стадией всякого исследования. В такой науке, как этнография, науке по преимуществу полевой, научное описание должно занимать очень важное место. Без научного описания собранных в поле материалов не может быть никакого исследования. Но нельзя ограничиваться только научным описанием. Этнографическая наука, как и всякая другая наука, имеет своей целью раскрытие закономерностей изучаемых явлений. Не может быть науки, которая не занималась бы изучением законов жизни. Факты и явления, взятые сами по себе, — всего лишь строительный материал: лишь при познании законов их появления и развития создается научное здание. И. В. Стalin пишет, что «наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей»¹². Где нет закономерностей, там нечего делать науке. И этнография, как научная дисциплина, имеет право на существование лишь потому,

¹¹ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

¹² Там же, стр. 85.

что изучаемые ею этнографические явления имеют свои специфические закономерности.

Этнография, как и всякая общественная наука, исходит из тех закономерностей исторического процесса, которые являются предметом исторического материализма. Но исторический материализм — учение об общих законах общественного развития. Надо различать законы общие, управляющие развитием всех общественных явлений, и законы частные, управляющие развитием отдельных сторон общественной жизни, отдельных явлений или групп явлений. Эти последние являются частным случаем, одной из форм проявления общих законов.

В работе «Марксизм и вопросы языкоznания» И. В. Сталин говорит, что всем общественным явлениям присущее нечто общее, но что «у общественных явлений, кроме этого общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»¹³. Указав на особенности языка как общественного явления, И. В. Сталин писал: «Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки, — языкоznания. Без этих особенностей языка языкоznание потеряло бы право на самостоятельное существование»¹⁴.

Все это в равной мере относится и к этнографии. Этнографические явления имеют свою специфику и свои частные закономерности развития. Они-то и составляют содержание этнографии как науки. Исторический материализм не исследует, например, закономерностей, лежащих в основе развития национальных форм народного быта, но эти закономерности существуют и не могут не существовать. Достаточно вспомнить, какой большой устойчивостью обладают эти национальные формы, чтобы понять глубокие связи этих форм со всеми условиями жизни людей, исключающие случайность, произвол. Глубоким всесторонним раскрытием этих связей, обусловливающих национальные формы народного быта, этнография внесет свой вклад в познание общеисторических закономерностей.

Этнография должна подняться на новую ступень своего развития, окончательно преодолеть груз позитивизма и перейти от описания этнографических явлений к изучению закономерностей развития этих явлений. Задача состоит в том, чтобы не ограничиваться описанием этнографических явлений, а проникать в глубь этих явлений, в самую суть процессов, выяснять их объективную основу, объективные закономерности, кропотливо изучать различные формы проявления этих закономерностей, уметь из всего этого делать правильные выводы для практики, для ее улучшения. Этнографы, изучающие народы СССР, располагают богатейшими возможностями на конкретном этнографическом материале раскрыть действие объективных законов развития социалистического общества, показать, как Коммунистическая партия и Советское государство, используя эти законы, направляли и направляют перестройку культуры и быта народов.

Образцом научного исследования для этнографов, как и для всех научных других специальностей, являются труды И. В. Сталина. «Огромное значение теоретических трудов товарища Сталина, — говорит Г. М. Маленков, — состоит в том, что они предупреждают против скольжения по поверхности, проникают в глубь явлений, в самую суть процессов развития общества, учат видеть в зародыше те явления, которые будут определять ход событий, что даёт возможность марксистского предвидения»¹⁵.

И. В. Сталин открыл и с предельной четкостью сформулировал основ-

¹³ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкоznания, Госполитиздат, 1950, стр. 35.

¹⁴ Там же, стр. 36.

¹⁵ Г. М а л е н к о в, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 107.

ной экономический закон социализма: «Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹⁶. Это величайшее научное открытие — его теоретическое и практическое значение трудно переоценить. Для этнографов, исследующих социалистическую культуру и социалистические формы быта, этот закон явится руководящим началом всей дальнейшей работы.

«Цель социалистического производства,— говорит И. В. Сталин,— не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей»¹⁷. Этнограф имеет дело прежде всего с человеком, с его материальными и культурными потребностями.

«Чтобы жить, нужно иметь пищу, одежду, обувь, жилище, топливо и т. п., чтобы иметь эти материальные блага, нужно производить их, а чтобы производить их, нужно иметь орудия производства, при помощи которых люди производят пищу, одежду, обувь, жилища, топливо и т. п., нужно уметь производить эти орудия, нужно уметь пользоваться этими орудиями»¹⁸. Экономист исследует, при каких общественных условиях и как происходит производство материальных благ, согласно каким общественным законам и как происходит распределение этих материальных благ. Этнограф, когда он исследует материальную культуру современных народов, изучает самый процесс потребления, когда «продукт выпадает из этой общественной циркуляции и становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе использования»¹⁹. Сохраняются еще некоторые остатки домашней промышленности и ремесла (ткачество, изготовление одежды и др.), изучение их входит в круг интересов этнографа, но в общей массе материальных благ, производимых в нашей стране, они занимают уже весьма скромное место и постепенно отмирают. Этнограф прежде всего изучает, в какой мере и как человек удовлетворяет свои материальные и духовные потребности, в какой форме и как потребляет он продукты производства: чем и как он питается, из какой материи и какого покроя одежды он носит, в каком жилище он живет и т. д. и т. п. Именно здесь больше и ярче всего проявляются те национальные особенности народов, которые прежде всего и интересуют этнографов.

Производство материальных благ у всех народов нашей страны является однотипным — социалистическим. Конкретные отрасли хозяйственной, производственной деятельности республик, краев и областей определяются законом планомерного, пропорционального развития социалистического производства и зависящим от него географическим размещением производительных сил. Этнические традиции народов продолжают оказывать влияние на процесс производства, но это влияние уже мало заметно. Наоборот, в области потребления, т. е. когда продукт социалистического производства выпадает из «общественной циркуляции», этнические традиции очень живучи, устойчивы. У каждого народа сохраняются еще свои формы одежды, свои кушанья и способы их приготовления, своя планировка жилища и способы его украшения, свои многочисленные обряды и обычаи, иногда полезные, иногда вредные. Именно здесь — в быту, в семейной и личной жизни советских людей — больше всего сохраняются всякого рода вредные пережитки, с которыми надо вести борьбу.

Если потребление является целью производства, то, с другой стороны, производство «создает потребление: 1) производя для него материал,

¹⁶ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

¹⁷ Там же, стр. 77.

¹⁸ И. Стalin. О диалектическом и историческом материализме. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 114.

¹⁹ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 200.

2) определяя способ потребления, 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт»²⁰. В условиях социализма, когда удовлетворение потребностей человека является непосредственной целью производства, когда производство развивается по единому государственному плану, оно стало фактором сознательного правления процесса перестройки быта людей. Учитывая эту взаимную связь производства и потребления, этнографы могут сыграть большую практическую роль в использовании Советским государством основного экономического закона социализма.

Наряду с материальным производством, ростом материальных потребностей и степенью их удовлетворения могучим фактором перестройки быта является рост культуры. Единая по своему содержанию социалистическая культура нашего общества имеет национальные формы. В условиях социализма национальные формы культуры не только не отмирают, но получают свое дальнейшее и полное развитие. При отсутствии национальной вражды и неприязни, в обстановке взаимного доверия и братского сотрудничества всех народов нашей страны, процесс роста культуры органически включает в себя свободный и широкий обмен культурными ценностями, взаимное культурное влияние. Особенно велика роль культуры великого русского народа, ее благотворное влияние на культуру других, в прошлом менее развитых народов.

«Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всём мире и социализм войдёт в быт,— в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре»²¹.

Этнографы проделали большую работу по изучению национальных форм культуры народов и тем содействовали развитию этих форм. Но этнографы еще мало сделали для изучения процесса взаимного обогащения и сближения форм национальных культур. Нет еще ни одной работы, посвященной специально, например, исследованию влияния культуры русского народа на культуру других народов. Популяризация лучших народных традиций и форм культуры всех народов СССР значительно содействовала бы взаимному обогащению культуры этих народов и росту культурности.

Наша страна пережила в период социализма подлинную культурную революцию. Неграмотная в недалеком прошлом, наша страна по степени развития высшего образования стоит впереди всех остальных стран мира. У нас больше нет культурно отсталых народов. Социалистические нации, входящие в состав СССР, являются передовыми нациями. Одной из центральных задач социалистического общества в период постепенного перехода от социализма к коммунизму является задача дальнейшего повышения культурности его членов. И. В. Сталин указывает, что «раньше, чем перейти к формуле «каждому по потребностям», нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества»²². Культурный рост общества И. В. Сталин считает одним из трех основных предварительных условий перехода к коммунизму. Рост культурности включает в себя и дальнейшую перестройку быта, совершенствование его форм, окончательную ликвидацию всего отсталого и вредного.

Действие основного экономического закона социализма ярко выражается в итогах культурного роста и перестройки быта разнообразных, разнозычных, принадлежащих к разным расам, стоявших в прошлом на самых различных уровнях социально-экономического и культурного развития народов нашей великой страны. Перед этнографами стоит большая

²⁰ Там же, стр. 204.

²¹ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 369.

²² И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 66.

и благороднейшая задача показать этот закон в действии. На богатейшем этнографическом материале они могут и должны показать, как в соответствии с основной целью социалистического производства росло удовлетворение материальных и культурных потребностей советского человека, как вместе с этим перестраивались и формы быта.

Основному экономическому закону социализма И. В. Сталин противопоставил открытый им основной экономический закон современного капитализма: «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»²³.

Для этнографов, изучающих культуру и быт народов буржуазных стран и особенно народов колониальных и зависимых стран, где основной экономический закон современного капитализма проявляется с особой силой, знание этого закона окажет неоценимую помощь.

В изучении народов колониальных и зависимых стран советская этнография концентрирует свое внимание на исследовании таких проблем, как характер и причины отсталости этих народов; разложение родо-племенной организации, искусственно консервируемой империалистами в качестве своей социальной опоры и вспомогательного административного аппарата; формирование буржуазных наций.

Открытие И. В. Сталиным основного экономического закона современного капитализма дает возможность по-новому подойти к этим проблемам и дать более глубокий теоретический их анализ.

Единственной причиной отставания в развитии колоний является сейчас колониальный режим. В интересах обеспечения максимальных прибылей империалисты грабят свои колонии: происходит ничем не компенсируемый вывоз огромной массы ценностей, создаваемых народами колоний. «Установлено, что из каждого 100 фунтов стерлингов, полученных от продажи минеральных ископаемых, 92 вывозятся из Африки и только 8 остаются в стране»²⁴. Ежегодная дань Индонезии Голландии накануне второй мировой войны оценивалась в 150 млн. долларов²⁵. Ежегодная дань Индии Англии в 1945 г. оценивалась в 135 млн. фунт. стерлингов²⁶. Этой задаче — выкачиванию прибылей — подчинена вся политика империалистов в колониях, а все проекты «развития» колоний, «пломои» колониям являются лишь прикрытием этой грабительской политики.

Буржуазная этнография, пытаясь оправдать ограбление народов колоний империалистами, утверждает, что эти народы, якобы сами виноваты в своей отсталости, что причина этой отсталости кроется в их расовых особенностях. Раньше эти расовые особенности выводились из физических, биологических признаков. В последние годы английская этнография стала замалчивать, например, черный цвет кожи африканцев; из этнографической литературы исчезло даже слово «негр». Под влиянием американской этнопсихологической школы отсталость народов колоний стали объяснять особым «психологическим профилем» этих народов. За последнее время в английских этнографических журналах все чаще стали публиковаться «исследования» об умственных способностях африканцев. Особую активность в этом направлении проявляет журнал «African studies». В послевоенные годы, после смены редакции (в частности, после выхода из ее состава проф. Шапера, выступавшего против антиисторизма

²³ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 38.

²⁴ Кумар Гошал, Народ в колониях, Изд-во иностранной литературы, 1949, стр. 158.

²⁵ Там же, стр. 145.

²⁶ Пальм Датт, Индия сегодня. Изд-во иностранной литературы, 1948, стр. 148.

функциональной школы), он превратился в орган американской психо-расистской пропаганды²⁷.

Империалисты и их этнографические приказчики пытаются убедить народы колоний, что быстрое развитие общественной жизни не соответствует их «психологическому профилю», что этот «психологический профиль» требует постепенности, что поэтому требуется 200—300 лет на то, чтобы народы колоний могли догнать народы метрополий.

Замечательны в этом отношении воспоминания супруги Поля Робсона — Эсланд Робсон о поездке по Африке. Беседуя с большой группой африканских женщин Уганды, она рассказала, как в Советском Союзе ранее отсталые народы за 10—20 лет ликвидировали свою отсталость, догнали русский народ. «Глубокий вздох прошел по толпе,— пишет Э. Робсон.— Англичане говорили им, что потребуются тысячи лет, чтобы догнать народы Европы»²⁸.

Леонард Бернс, служивший в прошлом в африканских колониях Англии, в книге «Empire or Democracy» писал: «Британские власти рассчитали, что при существующих темпах прогресса потребуется не менее 700 лет на то, чтобы туземцы Золотого Берега научились читать и писать на родном языке»²⁹.

Эта империалистическая ложь находит поддержку среди части колониальной интеллигенции, связанной с реакционными феодальными кругами³⁰. Разоблачение этой опасной лжи — благороднейшая задача советской этнографии. Открытие И. В. Сталиным основного экономического закона современного капитализма явится в руках советских этнографов сильнейшим оружием в выяснении действительных причин отсталости и в разоблачении этой империалистической клеветы на народы колоний. Знание этого закона поможет уяснить, почему империалистам в течение долгого времени удается консервировать родо-племенную организацию.

И. В. Сталин пишет: «Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей»³¹. Империалисты в колониях, располагая в результате земельных экспроприаций и принудительного труда избытком дешевой силы, отказываются от применения машин и механизмов, предпочитая им ручной труд. Но ручной труд не требует длительной выучки и специальных производственных навыков. Поэтому империалисты могут обходиться трудом крестьян-отходников. Они препятствуют превращению разорившихся крестьян в кадровых рабочих, пролетариев, порвавших связи с деревней, со своим родом и племенем. В этом одна из главных причин длительной сохранности родо-племенной организации.

Империалисты и буржуазные этнографы выдают сохранение родо-племенной организации за благо, за добродетель. Они пытаются убедить народы колоний, что родо-племенная организация это самобытная форма демократии, соответствующая особому «психологическому профилю». Эта

²⁷ Например, в № 2 и 3 за 1952 г. опубликована большая статья S. Biesheuvel, «The study of african ability», в № 3 вслед за этой статьей помещена статья M. D. W. Jeffreys, «Samsonic suicide or suicide of revenge among africans». Автор сообщает, что для европейцев характерны три типа самоубийц: эгоистический, альтруистический и аномический. Африканское общество отлично от европейского, и поэтому для африканцев характерен особый тип самоубийцы — самсонический. Весь этот бред, преподносимый читателю в квазиученой форме, имеет определенное целевое назначение: оправдать гнусную империалистическую политику порабощения африканских народов.

²⁸ E. G. Robson, African journey, New York, 1945, стр. 117.

²⁹ L. Berens, Empire or Democracy, London, 1939, стр. 141.

³⁰ См., например, Obafemi Awolowo, Path to Nigerian freedom, London, 1947.

³¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

империалистическая ложь находит сторонников в среде верхушки родоплеменной организации, имеющей еще большое влияние на массы.

Разоблачение этой лжи — вторая задача советской этнографии. Познание основного экономического закона современного капитализма позволяет подвергнуть эту империалистическую политику более обстоятельной и более глубокой критике.

Этнографы должны противопоставить неуклонный рост удовлетворения материальных и культурных потребностей и совершенствование форм быта народов СССР, где действует основной экономический закон социализма, разорению и обнищанию народов буржуазного мира, где действует основной экономический закон современного капитализма.

«Открытие товарищем Сталиным основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма наносит сокрушающий удар всем апологетам капитализма. Эти основные экономические законы свидетельствуют о том, что если в капиталистическом обществе человек подчинён безжалостному закону извлечения максимальной прибыли, во имя чего люди обрекаются на тяжкие страдания, нищету, безработицу и кровопролитные войны, то в социалистическом обществе все производство подчинено человеку с его непрерывно растущими потребностями. В этом состоит решающее преимущество нового, более высокого, чем капитализм, общественного строя — коммунизма»³².

Этнографический материал является благодарным материалом для показа двух противоположных социальных систем, он действует убедительнее голых статистических выкладок. Этнографы, изучающие народы колониальных и зависимых стран, слабо используют эти материалы для разоблачения империалистической политики угнетения этих народов. Совсем мало сделано для разоблачения роли американского империализма в порабощении и ограблении народов. Империю доллара называют «невидимой империей». Формально США имеют мало колоний, но американские монополии обогащаются за счет всех народов буржуазного мира, выступают всюду и везде в роли душителей свободы. Американский империализм выступает теперь «как международный эксплуататор и поработитель народов»³³. Опираясь на знание основного экономического закона современного капитализма, этнографы должны показать роль американского империализма в резком ухудшении условий жизни народов всех колониальных и зависимых стран после второй мировой войны.

Таковы основные задачи этнографической науки в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Значение этого труда для этнографии исключительно велико и всесторонне. Не только указанные здесь, но все другие вопросы этнографической науки испытывают на себе благотворное влияние этого труда И. В. Сталина. Он сыграет крупнейшую роль в дальнейшем развитии этнографии, в повышении теоретического уровня этнографических исследований.

³² Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б), стр. 105.

³³ Там же, стр. 12.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

ОБ «АНТАХ» ПСЕВДОМАВРИКИЯ¹

В советской литературе, посвященной антам, неизменно привлекается в качестве одного из важнейших исторических источников наряду с другими сочинениями византийских писателей VI—VII вв. и произведение, известное под названием «Стратегикон», без достаточных к тому оснований приписанное перу императора Маврикия (582—602 гг. н. э.).

Точное время и условия написания «Стратегикона» так же, как и его авторство, не установлены до сих пор. Неясность происхождения «Стратегикона» заставляла историков крайне осторожно относиться к этому произведению, и долгое время оно совсем не использовалось как источник при изучении древней истории славянских народов. В частности, Штриттер, а затем и Крумбахер, первыми собиравшие высказывания византийских авторов о древних славянах, не включили «Стратегикон» в свои труды.

О ценности данного источника заявил впервые Ф. И. Успенский, который и использовал его в своих работах.

Большинство советских авторов полагает, что независимо от того, написан ли «Стратегикон» действительно императором Мавриkiem или кем-либо иным, дата его написания отстоит очень недалеко от времени правления Маврикия и, по всей вероятности, приходится на VII в. н. э. Характер произведения (военное руководство) дает основание считать, что содержащиеся в нем сведения должны в значительной степени соответствовать действительности, иначе оно не могло бы выполнять своего назначения.

Между тем при внимательном чтении «Стратегикона» обнаруживается, что приведенные в этом произведении сведения, касающиеся антов, коренным образом расходятся, а в ряде случаев и прямо противоречат сведениям, содержащимся в произведениях византийских писателей VI—VII вв. н. э.—Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Иорнанда, Менандра Протектора, Феофилакта Симокатты, Иоанна Эфесского и других. Эти различия касаются вопросов социальной организации антского общества, антского военного искусства и образа жизни антов.

В произведениях названных византийских писателей антское общество изображено с ярко выраженными признаками разложения родовых отношений. Анты стоят уже на пороге цивилизации. Они знают политическую власть князей и вельмож и создали — пусть примитивное — политическое объединение государственного типа, поддерживавшее дипломати-

¹ Публикуя настоящую статью, содержащую ряд спорных положений, редакция приглашает специалистов высказаться по затронутым в статье вопросам.

ческие связи со своими соседями, располагавшее собственной достаточно сильной и организованной армией. У антов было развито рабовладение и производилась работторговля внутри самого общества.

В противоположность этому автор «Стратегикона» под именем антов рисует общество с типичными чертами родового строя. Это общество не знает еще политической власти; в нем очень слабо развито рабовладение (анты Псевдомаврикия охотно отпускают пленных, захваченных на войне, домой за выкуп)².

Описанные в «Стратегиконе» анты отнюдь не воинственны, даже трусливы; они избегают вступать в сражения, плохо вооружены, не имеют никакой серьезной военной организации. Живут они в труднодоступных местах — в лесах и болотах, где, повидимому, рассчитывают укрыться от неприятеля и военной опасности. У них еще сильно развита родовая месть, в полной мере действует обычай, согласно которому жены должны следовать в могилу за своим мужем, отмечаются и другие признаки, характерные для развитой родовой организации.

Любопытно сопоставить некоторые сведения, приводимые Псевдомавриkiem, с сообщениями других византийских авторов.

Говоря об общественном устройстве антов, Псевдомаврикий пишет: «Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и собираются, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг к другу и при этом никто не хочет уступить другому»³. В других местах «Стратегикона» подчеркивается, что анты «не имеют над собою главы и враждуют друг с другом», что «они не имеют военного строя и единого начальника», что «они не умеют ни подчиняться, ни сражаться в строю»⁴.

Эти высказывания обычно используются в исторической литературе как свидетельство о том, что анты жили родовым строем. Так, Б. А. Рыбаков в связи с этим писал: «Перед нами — картина отдельных, враждующих между собой родов и племен, не спаянных еще никакой единой властью»⁵. Конечно, иного вывода из приведенных слов сделать невозможно. Но эти сведения не подтверждаются другими источниками.

Иногда в связи с этими высказываниями Псевдомаврикия приводится одно место из произведения Прокопия «О войнах с готами», где говорится о том, что «склавины и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим»⁶. Это место также расценивается обычно как свидетельство наличия у антов пережитков родового строя. В общем и целом это, конечно, верно, однако об отождествлении этого сообщения со сведениями, приводимыми Псевдомавриkiem, не может быть и речи.

В самом деле, смысл сообщения Прокопия сводится к тому, что у антов (как и у родственных им склавинов) органом политической власти было народное собрание. На данной ступени общественного развития наличие такого органа управления можно рассматривать как пережиток родового строя, однако этот пережиток может существовать и в обществе с вполне сложившейся классовой организацией. Греческое общество, представляющее, по Ф. Энгельсу, «в высшей степени типичный пример» генезиса государства, знало народное собрание не только в досолоновский период басилеев, но и в эпоху развитой афинской рабовладельческой

² «Стратегикон», стр. 253. Произведения древних авторов цитируются по сводке А. В. Мишулина «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.», «Вестник древней истории», 1941.

³ «Стратегикон», стр. 254.

⁴ Там же, стр. 254 и 253.

⁵ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», 1939, 1, стр. 327.

⁶ Прокопий, О войнах с готами, III. 14, 22, стр. 237.

демократии⁷. В форме веча этот институт существовал и у восточных славян в эпоху Киевской Руси, т. е. в период уже вполне сложившегося феодализма.

Таким образом, наличие у антов народного собрания в качестве органа политической власти отнюдь не является свидетельством того, что они жили родовым строем.

В произведениях Прокопия и других авторов содержится много сведений об антских князьях, королях (рексах) и вельможах вообще, обладающих политической властью; таков, например, Мусокий, некоторыми авторами весьма основательно отождествляемый с упомянутым в арабских источниках князем Маджаком, возглавлявшим политическое объединение восточных славян, известное под именем Валинана⁸. У Мусокия, по прямому свидетельству Феофилакта, было много подданных⁹. О «властителях антских» упоминает Менанд¹⁰. Весьма любопытны сведения Иорнанда об антском «короле» Боже, жившем в конце IV в. Бож вел упорные войны с готами и был в конце концов взят в плен готским «королем» Винитаром и распят им вместе со своими сыновьями и 70 главнейшими вельможами¹¹. Естественно, Винитар стремился обезглаголить антское общество, чтобы лишить антов способности к сопротивлению. А на это он мог рассчитывать, только уничтожив антского «короля» и всех главнейших его приближенных, осуществлявших,— в чем не может быть никакого сомнения,— политическую власть.

В рассматриваемых источниках названо довольно много подобных антских князей и вельмож. Можно предполагать, что власть их была в то время уже наследственной. В этом отношении важны указания источников на династические связи. Например, Менанд указывает на родственные связи весьма влиятельного антского вельможи Межамира, бывшего около 568 г. послом ко двору аварского кагана Ваяна¹².

Следовательно, сообщение Прокопия о наличии у антов народного собрания нельзя рассматривать как указание на то, что народное собрание было главным и тем более — единственным органом власти в антском обществе. Он отмечает наличие народного собрания потому, что для гражданина Византийской империи, основанной на абсолютной власти императора и знавшей самые жестокие формы классового угнетения и политического деспотизма, оно не могло не показаться весьма примечательным признаком народной свободы. Однако это нисколько не исключает наличия одновременно власти князей и вельмож.

Псевдомаврикий же говорит об отсутствии у антов всякой политической власти. Он утверждает, что у антского общества не было «главы», т. е. какого-либо верховного правителя. По существу он отрицает и наличие народного собрания. Псевдомаврикий пишет, что междуантами «нет единомыслия», они «не собираются вместе», если же в отдельных случаях и принимается какое-то согласованное решение, то тотчас же нарушается, так как все анты «враждебны друг к другу». Разница междуантами Псевдомаврикия иантами Прокопия, у которых «счастье и несчастье в жизни считается делом общим», — совершенно явная.

Сведения эти требуют лишь правильного истолкования. Сообщение Псевдомаврикия нельзя, конечно, понимать в буквальном смысле, т. е. как «войну всех против всех». Речь, очевидно, идет о разобщенности каких-то отдельных первичных общественных ячеек, т. е. родов или общин, которые еще не объединены в союз, не образовали единого полити-

⁷ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 111—123.

⁸ Н. С. Державин, Происхождение русского народа, М., 1944, стр. 37.

⁹ Феофилакт, История, VI, 9, 1, стр. 263—264.

¹⁰ Менанд, Фрагменты, стр. 247.

¹¹ Иорнанд, О готах, XVIII, 246—248, стр. 233.

¹² Менанд, Фрагменты, стр. 247.

ческого целого. Точно так же и сообщение Прокопия о единстве власти нельзя истолковывать только применительно к отдельным общинам, так как совершенно ясно, что, говоря о военно-политических столкновениях Византии со славянами, Прокопий интересовался такими славянскими объединениями, которые могли представлять серьезную угрозу для Византийской империи.

Противоречия между сведениями, сообщаемыми Псевдомаврикием и другими авторами, становятся еще более яркими при сравнении данных, касающихся военного дела у антов. По вполне понятной причине эти данные тесно связаны с данными, характеризующими социальное устройство антского общества.

«Стратегикон» — трактат, специально посвященный военному делу. Военные столкновения антов с Восточно-Римской империей стоят в центре внимания и других авторов — Прокопия, Агафия, Иоанна Эфесского, Менандра, Феофилакта. Но у Псевдомаврикия, в полном соответствии с остальными приводимыми им сведениями, военная организация антов представлена весьма примитивной. По существу ее вообще нет. Он пишет: «Пусть даже этих варваров много, но они не имеют военного строя и единого начальника; таковы славяне и анты, равно и другие варварские племена, не умеющие ни подчиняться, ни сражаться в строю». И далее: «Не имея над собой главы и враждую друг с другом, они (анты и склавины. — М. Б.) не признают военного строя, неспособны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах»¹³.

Тактика антов, как утверждает Псевдомаврикий, вполне соответствует подобной организации. Они никогда не сражаются открытым строем на равнине, а предпочитают всякого рода уловки, западни, засады в труднопроходимых местах. «Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобетая много (разнообразных) способов. ...Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдергут их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке». Зато, «имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают (как бы) под влиянием замешательства и бегут в леса, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами с целью заманить противника»¹⁴.

Эти сведения находятся в явном противоречии с исторической действительностью, как она выступает на основании сообщений других византийских писателей. Разрозненные, действовавшие в одиночку в разного рода теснинах и лесных трущобах отряды, описанные Псевдомаврикием, не смогли бы побеждать византийские прекрасно обученные, организованные войска, снабженные первоклассным вооружением. Между тем в истории записан ряд весьма крупных побед, одержанных над византийцами значительными по размерам войсковыми соединениями славян — антов и склавинов. Сведения о таких больших военных отрядах довольно многочисленны.

Так, например, по сообщению Прокопия, война 550—551 гг. началась вторжением в пределы Византии славянской армии, численностью более 3000 человек, разделенной на два больших отряда, примерно по 1800 человек в каждом, которые действовали согласованно, по заранее составленному и разработанному плану¹⁵. Феофилакт Симокатта сообщает о

¹³ «Стратегикон», стр. 253, 254.

¹⁴ «Стратегикон», стр. 253 и 254.

¹⁵ Прокопий, О войнах с готами, III, 38, стр. 239—242.

славянском войске, численностью гораздо более 8000 человек (такое количество было взято византийцами в плен)¹⁶. Менандр приводит сведения о славянском войске численностью около 100 000 воинов, вторгшемся во Фракию на четвертом году царствования императора Тиверия Константина¹⁷.

Некоторые сообщения, хотя и не содержат прямых данных о численности славянских отрядов и войск, все же дают косвенное представление об этом. Так, например, Прокопий сообщает, что во время одного из вторжений славян начальники Иллирии с 15-тысячным войском следовали за войском славян, но «подойти к неприятелям близко они нигде не решались»¹⁸. Отсюда можно заключить, что войско славян было не на много меньше (а может быть и больше), чем византийское.

Таким образом, анты, безусловно, имели прекрасную военную организацию.

Византийцы неоднократно прибегали к помощи славян, как союзников, во время своих войн с другими странами. Так, например, по сообщению Прокопия, антская конница участвовала в византийско-готских войнах в Италии¹⁹; Агафий сообщает об участии славянских отрядов в войне с Персией²⁰. Военная организация антов была очень сильной, что неоднократно подчеркивалось византийцами. Анты научились вести войну по всем правилам военного искусства и тактика их в военных походах, изображенных византийскими авторами, совершенно не соответствует описанной Псевдомаврикием.

Судя по сведениям Прокопия, Менандра, Феофилакта и других византийских писателей, анты вовсе не боялись военных действий на открытых местах. Они вели наступление против Византии широким фронтом, крупными войсковыми соединениями и наносили прославленным византийским войскам жестокие поражения на равнине по всем правилам тогдашнего военного искусства. Показательна, например, блестящая победа, одержанная славянским войском над византийской конницей под командованием Асбада при Тзуруле во время войны 550—551 гг. и особенно — решительная победа славян над отборным византийским войском во главе с рядом выдающихся полководцев (Константин, Аратий, Назарес, Юстин, Иоанн Фага) под общим командованием Схоластика в бою под Адрианополем во время той же войны²¹.

О том, каких успехов достигли анты в области военного искусства, свидетельствует успешная осада славянским войском сильно укрепленного причерноморского города Топера в 550—551 гг.²²

Как все это непохоже на ту картину, которая обрисована в «Стратегиконе»!

Все упомянутые сражения произошли еще в царствование Юстиниана, т. е. задолго до вступления на престол Маврикия; следовательно, если «Стратегикон» написан даже в период царствования Маврикия (и уж во всяком случае не раньше), то эти события должны были бы быть известны его автору.

Между тем вряд ли допустимо брать сведения Псевдомаврикия под сомнение. «Стратегикон» — это практическое руководство по военному делу. Если предположить, что своим сочинением Псевдомаврикий хотел помочь вести военные действия против тех антов, о которых писали Прокопий и другие авторы, то при таком изображении врагов эта его попытка была обречена на неудачу. Недооценка Псевдомаврикием соци-

¹⁶ Феофилакт, Истории, VIII, 3, 13, стр. 267.

¹⁷ Менандр, Фрагменты, стр. 247.

¹⁸ Прокопий, О войнах с готами, III, 29, стр. 239.

¹⁹ Там же, II, 1, 27, стр. 234.

²⁰ Агафий, О царствовании Юстиниана, III, 6; III, 27; IV, 20, стр. 246

²¹ Прокопий, О войнах с готами, III, 38, стр. 239—240 и 242.

²² Там же, стр. 240—241.

альной организации и военного искусства антов в таких условиях ни к чему хорошему привести не могла. Полководец, подготовившийся к сражениям с маленькими отрядами, способными только сражаться в засадах и малопроходимых топях и лесах, неизменно потерпел бы поражение, встретившись на практике с такими антскими отрядами, которые действовали в событиях, описанных Прокопием, Менандром, Феофилактом и другими авторами.

В свете сказанного вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что анты Псевдомаврикия не тождественны антам Прокопия и других византийских писателей. Иными словами, в «Стратегиконе» под именем антов описано какое-то совершенно другое общество. Анты Прокопия, Менандра, Феофилакта и других византийских писателей по уровню своего исторического развития стояли значительно выше антов Псевдомаврикия.

Примечательно, что сведения Псевдомаврикия об антах стоят особняком и не находят подтверждения в других источниках, тогда как во всех остальных без всякого исключения не обнаруживается каких-либо существенных разногласий в отношении характеристики антского общества. В то же время происхождение этого единственного источника, содержащего сведения, явно противоречащие данным всех прочих источников об антах; до сих пор остается неясным. Однако это вряд ли дает основание отрицать подлинность «Стратегикона». Во всяком случае вся советская историография склоняется к признанию его подлинности и правильности его датировки временем Маврикия или чуть позже (во всяком случае VII в. н. э.).

Расхождения в описании антов Псевдомаврикия со всеми прочими авторами позволяют поставить в качестве специальной проблемы вопрос о том, какое общество изображено в «Стратегиконе» под именем антов. Решение этой проблемы весьма затрудняется отсутствием сведений о том, когда, где, в каких условиях был написан «Стратегикон» и кто был его автором. В настоящих условиях для выяснения поставленного вопроса прежде всего необходимо обратиться к археологическим материалам.

* * *

Сведения об антах, содержащиеся в произведениях Иорнанда, Прокопия, Менандра, Феофилакта и других византийских писателей, находят подтверждение в материалах полей погребений черняховского типа. Мнение о принадлежности культуры полей погребений черняховского типа антам, впервые высказанное Б. А. Рыбаковым в 1943 г.²³ и затем поддержанное рядом исследователей²⁴, в настоящее время можно считать общепринятым. Эта культура распространена в пределах лесостепной полосы Восточной Европы от Подунавья, включая Поднестровье, до Среднего Днепра. Это вполне соответствует сведениям Иорнанда, который сообщает, что племена антов обитают на землях от Днестра до Днепра²⁵.

Памятники культуры полей погребений черняховского типа появились около III в. н. э. в степном Причерноморье и даже в Крыму. В Керчи обнаружен памятник III в. н. э. с надписью, в которой упоминается на-

²³ Б. А. Рыбаков, Ранняя культура восточных славян, «Исторический журнал», 1943, № 11—12, стр. 73—80.

²⁴ Е. В. Махно, Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу, «Археологія», т. IV, Київ, 1950, стр. 56—77; М. Ю. Брайчевський, Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст., «Археологія», т. IV, Київ, 1950, стр. 27—55; його же, Основні питання археологічного вивчення, антів, «Вісник АН УРСР», 1952, № 7, стр. 51—56.

²⁵ Иорнанд, О горах, III, 34—35, стр. 232.

звание «ант»²⁶. Датировка культуры полей погребений в пределах II—середины VII в. н. э.²⁷ также вполне соответствует письменным сведениям об антах: древнейшее упоминание названия «ант» датируется III в., а позднейшее — началом VII в. н. э. Именно из этого соответствия и исходят советские археологи при этническом определении культуры полей погребений. Носители этой культуры по уровню исторического развития вполне отвечают той характеристике антов, которая содержится в произведениях Прокопия, Менандра, Феофилакта, в частности и тем из этих сведений, которые расходятся с данными, содержащимися в «Стратегиконе».

Общество, бывшее носителем культуры полей погребений черняховского типа, так же как и анты Прокопия, Менандра и других писателей, уже вышло из стадии родоплеменной организации. Об этом свидетельствует прежде всего характер поселений. Для данной культуры типичны ничем не защищенные, открытые поселения, сплошь и рядом достигающие значительных размеров. Городища, характерные для предшествующей эпохи или для более архаических культур, расположенных севернее, в пределах лесной полосы, на данной территории совершенно неизвестны. Поселения культуры полей погребений расположены на пологих склонах берегов рек и балок, удобных для земледелия, но не представлявших никаких естественных защит. Это не соответствует сообщению Псевдомаврикия о том, что анты выбирают для поселения наиболее укромные места, безопасные от внешнего нападения. Очевидно, интересы обороны совершенно не принимались во внимание при выборе мест для поселений культуры полей погребений черняховского типа. Кроме того в поселениях данной культуры почти не встречаются предметы вооружения.

Характер поселений культуры полей погребений черняховского типа соответствует стадии развития тогдашнего общества. Городища доклассового общества представляют собой поселки родовых общин в отличие, например, от городищ Киевской Руси, бывших обыкновенными замками, характерными для классового, феодального общества²⁸. Городища доклассового общества служили для защиты всего населения данной общины от внешнего врага и прежде всего от подобных же соседних общин или племен. С возникновением из отдельных разрозненных общин и племен единого политического образования вроде «антского союза племен» отпала необходимость в создании укрепленных родовых поселков. Отсутствие оружия в поселениях культуры полей погребений черняховского типа наряду с другими археологическими фактами (наличие погребений воинов отдельно от кладбищ, совершенно лишенных оружия и служивших местом захоронения рядовых хлебопашцев и ремесленников) позволяет сделать вывод о том, что в обществе, бывшем носителем данной культуры, вооруженная часть населения была уже отделена от основной массы земледельческого и ремесленного населения. Иными словами, есть основание предполагать существование в этом обществе в какой-то мере специальных военных отрядов, представлявших собой организованную военную силу.

Ясное представление о такого рода отрядах дает раскопка Вознесенского клада на Надпорожье²⁹. Этот клад, состоящий из предметов

²⁶ ІосРЕ, II, 29; А. Л. Погодин, Эпиграфические следы славянства, Сб. статей по археологии и этнографии, СПб., 1902, стр. 164.

²⁷ М. Ю. Брайчевский, Археологічні матеріали..., стр. 27—55; М. Ю. Смішко, Раннеславянська культура Поднестров'я в світі нових археологіческих даних, «Краткі сообщення ІІМК», вып. XLIV, М., 1952, стр. 67—82.

²⁸ М. Ю. Брайчевский, К происхождению древнерусских городов (города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII—IX вв. н. э. по полевым данным последних лет), «Краткие сообщения ИИМК», вып. XLI, М., 1951, стр. 32—33.

²⁹ В. Г. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі, «Археологія», т. III, Київ, 1950, стр. 37—63.

вооружения, конской упряжи, драгоценных украшений и принадлежностей одежды, изготовленных из золота и серебра, был обнаружен в центральной части укрепленного военного лагеря — местопребывания конного отряда, охранявшего Днепровский водный путь и переправы через Днепр в районе Надпорожья. Большой интерес представляют серебряные скульптурные изображения орла и льва с монограммами, напоминающие инсигнии римских военных знамен. По общему мнению исследователей, это были значки войсковых соединений.

Такого рода хорошо организованные антские отряды были созданы для защиты всей территории, занимаемой данным обществом. Основная часть населения, занимавшаяся земледелием и ремеслом, не была вооружена. Поэтому укрепления вокруг поселений теряли смысл. В таких условиях становились целесообразными укрепления в масштабах всей страны, вроде Змievых валов, часть которых, возможно, восходит к антской эпохе.

Из такого же рода отрядов составлялись войска для наступления на рабовладельческую Византийскую империю.

В этом отношении памятники материальной культуры вполне соответствуют тому положению вещей, которое отражено в сочинениях византийских авторов (Прокопия и других), посвященных славяно-византийским воинам.

Во главе военных отрядов стояли военачальники и князья, о которых сообщают византийские писатели. В некоторых кладах, найденных в Восточной Европе обнаружены римские медальоны. Известно, что награждение медальонами использовалось римской администрацией для привлечения на сторону Рима или по крайней мере для обеспечения нейтральности в военных событиях на границах империи местных (в том числе и славянских) князей и военачальников. Найдки римских медальонов известны и на территории культуры полей погребений черняховского типа. Большинство их датируется IV в. н. э. Это дает основание предполагать, что славянские военные отряды уже в то время играли существенную роль на Дунае.

Такие медальоны, иногда в большом количестве, встречаются в кладах, зарытых в землю представителями местной общественной верхушки. Примером может служить очень интересный Ласковский клад, найденный на Волыни. Он состоял из драгоценной серебряной утвари и семи золотых медальонов IV в. н. э.³⁰ Несомненно, владелец этих медальонов стоял во главе какого-то крупного военного соединения и играл выдающуюся роль в событиях на Дунае.

Интересен в этом отношении также Боротицкий клад, открытый также на Волыни³¹. Он состоял из нескольких тысяч римских серебряных монет, серебряной посуды византийского происхождения, местной керамики культуры полей погребений и большого золотого медальона, вправленного в богатое обрамление. Датируется этот клад V в. н. э.

Вообще, так называемые антские клады, относящиеся ко времени от конца IV до VIII в. н. э., подтверждают наличие в антском обществе правящей верхушки, о которой сообщают Прокопий и другие византийские писатели и существование которой отрицает Псевдомаврикий. Нередко в состав кладов входят предметы византийского или иранского происхождения, являющиеся следами деятельности антов на Балканах против Византии. Такие предметы были, например, обнаружены в Кры-

³⁰ В. А. Шугаевский, Клад римских золотых медальонов и серебряных бытовых предметов эпохи «переселения народов», найденный на Волыни в 1610 г. (рукопись в Институте археологии АН УССР); М. А. Тиханова, Забытый памятник (Волынский клад 1610 г.), Академия наук СССР, Отделение истории и философии, Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г., М.—Л., 1947, стр. 81.

³¹ J. Piotrowski, Skarb Borotyczycki, pow. Gorochów na Wołyńiu, Lwów, 1929.

лосском³², Залесском³³, Перещепинском³⁴ и других кладах. О наличии в антском обществе правящей верхушки свидетельствуют и некоторые богатые погребения (например, в Рудке близ Кременца на Южной Волыни)³⁵.

Таким образом, археологические материалы показывают, что общественная организация носителей культуры полей погребений черняховского типа была довольно сложной. Это вполне соответствует данным, содержащимся в письменных источниках об антах, принадлежащих византийским писателям. Сложная социальная структура данного общества базировалась на высоком уровне развития земледелия и ремесла.

Такой характеристике культуры полей погребений черняховского типа совершенно не отвечают сведения об антах, сообщаемые Псевдомаврикием. Ясно, что он имел в виду не это общество. Описаниям антов, приведенным в «Стратегиконе», вполне соответствует культура городищ роменского типа, несколько более архаическая, чем культура полей погребений черняховского типа.

На это соответствие обратил внимание еще в 1939 г. Б. А. Рыбаков³⁶. Именно на данных, приведенных Псевдомаврикием, он обосновывал в первую очередь свою гипотезу о том, что культура городищ роменского типа является археологическим эквивалентом антов. Позже в связи с тем, что данная гипотеза не нашла подтверждения в новых материалах и восторжествовала точка зрения о принадлежности антам культуры полей погребений черняховского типа, наблюдения Б. А. Рыбакова относительно чрезвычайного сходства данных Псевдомаврикия с культурой городищ роменского типа не получили в литературе дальнейшего развития. Между тем эти наблюдения представляются совершенно справедливыми и заслуживают самого пристального внимания.

Соответствие описаний, содержащихся в «Стратегиконе», памятникам типа роменских городищ обнаруживается прежде всего в типе поселений. Для рассматриваемой культуры чрезвычайно характерны сравнительно небольшие городища, расположенные в наиболее укромных местах. Как правило, они обнаруживаются на выступах речных террас над заболоченной поймой, кое-где и в настоящее время покрытых лесами. Открытые, незащищенные селища, расположенные примерно в таких же условиях, встречаются сравнительно редко.

Именно эти городища и поселения уже по самому своему типу ассоциируются с описаниями антских поселений в «Стратегиконе». Псевдомаврикий пишет: «Они (т. е. склавины и анты.—М. Б.) селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей»³⁷. «В этом описании,— пишет Б. А. Рыбаков,— нельзя не узнать типичного городища с его естественной защитой из болот и озер, городища типа Боршевского или Гочевского, где на центральной площадке расположен сложный комплекс землянок с большим количеством выходов»³⁸.

В «Стратегиконе» отмечено; «У них (т. е. у антов и склавинов.—М. Б.) большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы»³⁹. Это дало основа-

³² Коротка археологія західно-українських земель, Львів, 1932, стр. 56, табл. XV; B. J a p i s z, Zabytki przedhistoryczne Galicji Wsch., Lwów, 1918, стр. 217.

³³ B. J a p i s z, Указ. раб., стр. 102.

³⁴ А. А. Бобринский, Перещепинский клад, Материалы по археологии России, вып. 34, СПб., 1914, стр. 111—120.

³⁵ «Z otchłani wieków», XI, 1936, z. 10—11, стр. 143.

³⁶ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, стр. 317—337.

³⁷ «Стратегикон», стр. 253.

³⁸ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, стр. 323.

³⁹ «Стратегикон», стр. 253.

вание Б. А. Рыбакову лишний раз подчеркнуть соответствие описаний Псевдомаврикия рассматриваемой культуре. «Даже обычные для таких городищ ямы-хранилища не укрылись от наблюдательного взора византийского стратега... Это подтверждается находками зерна в Гочевском городище»⁴⁰.

Городища типа Монастырища⁴¹, Боршевского⁴², Петровского⁴³ отличаются от поселений культуры полей погребений не только по чисто внешним признакам (местоположению, устройству, размерам и т. д.), но прежде всего по своему характеру, который был обусловлен определенной стадией развития общества. Городища роменского типа — это самые настоящие укрепленные родовые поселки, воздвигнутые родовой общиной в первую очередь для защиты от соседних общин. Следовательно, носители рассматриваемой культуры жили разделенными общинами. В этом обществе вооруженная часть населения еще не отделилась от остальной его части, занимавшейся сельским хозяйством и ремеслами. В отличие от населения, бывшего носителем культуры полей погребений черняховского типа, население городищ роменского типа не создало еще никакой более или менее регулярной военной силы, тем более для защиты значительной территории. Это как нельзя лучше соответствует многочисленным высказываниям Псевдомаврикия, касающимся военной организации и военного искусства антиков.

Одновременно это указывает и на отсутствие единой политической власти в более или менее крупных масштабах, что опять-таки неоднократно отмечал Псевдомаврикий.

Городища типа Монастырища, Боршевского, Волынцевского⁴⁴, Петровского представляли собой в прямом смысле слова замкнутый общественный организм. В таком городище сосредотачивалась вся жизнь сравнительно небольшой замкнутой общественной единицы. Именно о таком обществе мог современник писать, что между членами его нет единомыслия, что все они враждебны друг другу. Отмечая это, он имел в виду отдельные, часто враждебные друг другу роды и племена, не объединенные в одно целое единой политической властью.

Отсюда стремление располагать городища, как правило, в укромных малодоступных местах, среди густых лесов и болот. Такие городища распространены на территории древних лесов левобережья Днепра.

Сообщение Псевдомаврикия о том, что анти «устраивают в своих жилищах много выходов»⁴⁵, обратило на себя особое внимание исследователей. Общепринято истолковывать эту особенность домостроительства как наличие переходов между отдельными землянками, составляющими основной тип жилой постройки в городищах роменского типа⁴⁶. Комплексы землянок, связанных переходами или просто примыкающих друг к другу и имеющих сообщающиеся ходы, были обнаружены в городищах данного типа неоднократно. Очень характерный комплекс был открыт в Большом Боршевском городище, исследованном П. П. Ефименко⁴⁷.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, стр. 323.

⁴¹ М. Макаренко, Городище Монастырище, «Наук. зб. істор. секції УАН», т. XIX, 1924.

⁴² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, Материалы и исследования по археологии СССР, № 8, М.—Л., 1948, стр. 14—78.

⁴³ П. Третьяков, Стародавні слов'янські поселення у верхній течії Ворскла, «Археологія», т. I, Київ, 1947, стр. 123—140.

⁴⁴ В. И. Довженок, Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської обл., Арх. пам. УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 251—270.

⁴⁵ «Стратегикон», стр. 253.

⁴⁶ См., например, В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 40—41.

⁴⁷ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, стр. 14—71.

Землянки с аналогичными переходами были найдены также П. Н. Третьяковым при раскопках Петровского городища над Ворсклой⁴⁸ и, повидимому, на роменском городище «Курган» у с. Волынцева (раскопки В. И. Довженка)⁴⁹.

Переходы сооружали не только для создания запасных выходов, как это полагал Псевдомаврикий, но и потому, что землянки еще были связаны в единый хозяйственно-жилой комплекс в силу наличия родственных связей у их обитателей. Здесь мы сталкиваемся с любопытнейшим пережитком родовых отношений. Это — комплексное жилище какой-то семейной организации типа «большой семьи», состоящей из ряда отдельных, связанных друг с другом семейных ячеек.

Эта черта свидетельствует об относительной архаичности общественного уклада носителей культуры городищ роменского типа. Архаичность общественного уклада в свою очередь базируется на архаичности хозяйственного и экономического уклада этого общества. Культура городищ роменского типа выглядит значительно более архаичной по сравнению с культурой полей погребений черняховского типа. Например, в обществе, которое было носителем культуры городищ роменского типа, еще не завершился процесс выделения ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства. Лесной ландшафт, в условиях которого протекала хозяйственная деятельность носителей данной культуры, обуславливал сравнительно высокий удельный вес подсечного земледелия и лесных промыслов, хотя им было известно и пашенное земледелие⁵⁰.

Архаический уклад хозяйства обуславливал неразвитость имущественных отношений, поэтому данная культура выглядит довольно бедно. Псевдомаврикий отмечал: «необходимые для них вещи они (скавины и анты.—М. Б.) зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют»⁵¹. Это указание нельзя рассматривать как намек на процесс накопления сокровищ: сокровища составляются вовсе не из необходимых вещей. Весьма вероятно, сообщая о храненииантами большого количества продуктов в поселениях⁵², Псевдомаврикий имел в виду наличие каких-то общественных запасов. Создание таких запасов опять-таки является пережитком коллективных форм труда, свойственных родовому обществу. Все это находит соответствие в характере культуры городищ роменского типа.

Итак, для носителей рассматриваемой культуры, как можно судить по совокупности археологических данных, были характерны общественные отношения позднеродового строя. Разложение родовых отношений здесь еще не дошло до такого этапа, когда отдельные общины утрачивают хозяйственную и политическую самостоятельность. Это целиком соответствует данным, сообщаемым об антах в «Стратегиконе».

Псевдомаврикий пишет о жестоком обычаях погребения жены с умершим мужем. «Скромность их (антов и склавинов.—М. Б.) женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство из них считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушивают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь»⁵³.

В произведениях византийских писателей не встречается и намека на этот обычай. И действительно, в культуре полей погребений черняховского типа ни разу не были обнаружены парные погребения, хотя

⁴⁸ П. Третьяков, Стародавні слов'янські поселення у верхній течії Ворскла, стр. 123—140.

⁴⁹ В. Довженок, Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської обл., стр. 251—270.

⁵⁰ В. И. Довженок, Прогресс землеробства в древней Руси, «Вісник АН УРСР», 1952, № 4, стр. 28—31.

⁵¹ «Стратегикон», стр. 253.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

в настоящее время известны многие сотни погребений этой культуры, принадлежащие лицам, относящимся к разным общественным слоям населения.

В то же время, как ни плохо изучены погребения культуры городищ роменско-боршевского типа⁵⁴, следы подобного обычая налицо. В Волынцеве обнаружены датируемые VII—VIII вв. н. э. погребения, содержащие останки нескольких лиц. Вследствие того, что обрядом погребения было сожжение, полную картину восстановить трудно, но на основании инвентаря можно догадываться, что среди сожженных были лица как мужского, так и женского пола.

Любопытно отметить, что в более позднее время, в эпоху дохристианской Киевской Руси, обычай погребения жен с мужьями прослеживается археологически на территории левобережья Днепра (в частности, на территории северян), т. е. там, где была распространена культура городищ роменского типа. Но этот обычай совершенно не характерен для лесостепного правобережья, т. е. для той территории, где была распространена культура полей погребений черняховского типа.

Бытование такого обычая не может служить бесспорным показателем особой архаичности культуры городищ роменского типа, но в то же время это не говорит и о высоком развитии данного общества. Такой обычай является, очевидно, пережитком эпохи патриархата. В период феодального строя на Руси подобный обычай не бытовал.

Во всяком случае данная черта лишний раз подчеркивает соответствие сведений, сообщаемых Псевдомавриkiem об антах, характеру культуры городищ роменского типа.

* * *

Таким образом несомненно, что по основным признакам носители культуры городищ роменского типа могли быть теми антами, о которых писал Псевдомаврикий.

Возникает вопрос, увязывается ли такое предположение с той исторической обстановкой, теми историческими условиями, которые нашли отражение в «Стратегиконе».

В отношении хронологии серьезных препятствий для отождествления антов Псевдомаврикия с носителями культуры городищ роменского типа не встречается. Правда, в литературе принято (и это справедливо) относить данную культуру в основном к VIII—X вв. н. э.⁵⁵, тогда как «Стратегикон» обычно датируют несколько более ранним временем.

Однако уже Б. А. Рыбаков отмечал наличие во многих городищах роменского типа и более ранних слоев, относящихся к VI—VII вв. н. э., и даже еще более древних. В качестве примера можно назвать Гочевское городище⁵⁶. В настоящее время, после открытия Волынцева, представляющего ранний вариант культуры городищ роменского типа, датируемый VII—VIII вв. н. э.⁵⁷, древность данной культуры не вызывает сомнений. Совершенно очевидно, что корни ее уходят не только в античное, но и в гораздо более древнее время.

⁵⁴ По существу как следует, был раскопан только один могильник у с. Волынцево, давший около двух десятков погребений (см. Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путивльського району Сумської обл., Арх. пам. УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 248—250).

⁵⁵ И. И. Ляпушкин, Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья, «Советская археология», т. XVI, М.—Л., 1952, стр. 36.

⁵⁶ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, стр. 322—325; Д. Эдинг, Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г., «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 143.

⁵⁷ Д. Т. Березовец, Дослідження на території Путивльського району Сумської обл., стр. 242—250.

Серьезные трудности возникают при установлении территориального распространения культуры городищ роменского типа. Данная культура принадлежит, как это можно считать доказанным современной наукой, племени северян⁵⁸. Ареал ее охватывает Подесенье выше Чернигова, Посеймье и верхнее течение левобережных притоков Днепра — Сулы, Псла, Ворсклы, а также (частично) Подонье. На юг она распространяется до границы между зонами леса и степи. Никаких признаков этой культуры на правобережье Днепра не обнаружено. Именно территориальная ограниченность ее в пределах левобережья Днепра и заставила пересмотреть точку зрения, согласно которой культура городищ роменского типа считалась антской⁵⁹.

Таким образом, территория распространения данной культуры непосредственно с территорией Византийской империи не соприкасалась.

Анты, о которых идет речь у Псевдомаврикия, территориально локализованы довольно точно, причем весьма далеко от северянского левобережья Днепра. Их территория приходится на Нижнее Подунавье, на что в «Стратегиконе» имеется ряд совершенно бесспорных указаний: «Так как их (антов и склавинов.—М. Б.) реки вливаются в Дунай, то перевозка на судах удобна и т. д.». Или: «Не нужно, чтобы (наши отряды) держались близко от Дуная для того, чтобы, если враги заметят, что они малочисленны, то стали относиться к ним с презрением; но они не должны быть и очень далеко от реки, чтобы не задержаться, если необходимость призовет их на помощь перешедшему на ту сторону войску; одним словом, они должны держаться от Дуная на расстоянии одного дневного перехода»⁶⁰.

Таким образом, то общество, которое Псевдомаврикий называет антическим, обитало на Дунае и близ него. Отсюда следует, что, несмотря на все соответствия, этим обществом не могло быть население левобережья Днепра, которое оставило нам памятники собственно роменского типа. Однако, несовпадение территории является трудностью кажущейся и отпадает при учете исторических событий VI—VII вв. н. э.

По письменным источникам известно, что в VII в. н. э. на Нижнем Дунае обитало какое-то племя северян. Феофан под 671 (678) г. сообщает, что Аспарух, перейдя со своей ордой через Дунай, столкнулся с этим славянским племенем в Малой Скифии (т. е. в Нижнем Подунавье): «Болгары... преследовали их (византийских всадников.—М. Б.), весьма многих истребили мечом, многих ранили, гнались за ними до самого Дуная, переправились через эту реку и, прийдя к так называемой Варне, близ Одиссы, увидели здесь ровную землю, со всех сторон огражденную: с тылу — рекою Дунаем, с боков — горными теснинами и Понтийским морем; они овладели живущими здесь семью племенами славян и поселили северян на восточной стороне в береговых теснинах, а прочих, обложив данью, поселили к югу и западу до самой Аварии»⁶¹.

Таким образом, во второй половине VII в. н. э. северяне во всяком случае обитали в Подунавье вместе с семью племенами, названия которых остались неизвестными (в некоторых источниках они именуются дунайцами или подунавцами)⁶².

Вопрос о появлении племени северян на Дунае и об отношении дунайских северян к северянам, обитавшим на левобережье Днепра и

⁵⁸ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, «Советская этнография», т. VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 94.

⁵⁹ П. Н. Третьяков, Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г., «Краткие сообщения ИИМК», вып. X, М.—Л., 1941, стр. 120—124.

⁶⁰ «Стратегикон», стр. 256 и 255.

⁶¹ Феофан, Летопись, стр. 278.

⁶² В том числе и в древнерусской летописи (см. «Повесть временных лет»), М.—Л., 1950, стр. 13).

бывших носителями культуры городищ роменского типа, давно интересовал исследователей, причем многие полагают, что дунайские северяне имеют самое непосредственное отношение к днепровским северянам⁶³.

Вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что в движении славян на юг, в пределы Византийской империи принимали участие не только собственно антские племена (носители культуры полей погребений черняховского типа), но и более северные и северо-восточные их соседи. Важно отметить, что среди племен, фигурировавших в VII в. на Балканах, помимо северян, были другие племена, которые по их названиям могут быть связаны с восточнославянскими племенами: драговиты (дреговичи), смоляне (смоленцы, смоленские кривичи), и т. д.⁶⁴ П. Н. Третьяков собрал очень интересный материал, вскрывающий черты восточнославянского быта и восточнославянской культуры в быту и культуре болгарского населения Нижнего Подунавья⁶⁵. Особенno важно подчеркнуть, что все археологические факты, использованные П. Н. Третьяковым для выявления восточнославянских черт, относятся к культуре городищ роменского типа. Это прежде всего данные о жилищах типа полуземлянок, соединенных переходами. Такой тип жилища как пережиток родовых отношений сохранялся, например, в Ломском округе Болгарии до совсем недавнего времени. Точно так же еще совсем недавно близкие по типу (хотя и отличные от ломских) земляные жилища встречались и в восточной части придунайской Болгарии — в Добрудже⁶⁶.

Выявленные П. Н. Третьяковым черты, родственные восточнославянской культуре, отмечены в пределах довольно точно определенной территории, совпадающей с территорией, которую занимали в VII в. н. э. северяне вместе с семью безымянными племенами. На этой же территории распространена топонимика с корнем «рос» — Россава, Русе, Росица⁶⁷. Это важно отметить потому, что термин «рос» первоначально не был общим для всех восточных славян, а охватывал только их юго-восточную ветвь. В частности, как вполне основательно полагает П. Н. Третьяков, собственно антские племена, обитавшие к западу от Днепра, первоначально не соответствовали «росам», вследствие чего этот термин не имеет прямого отношения к антским землям Поднестровья, Подолии, Волыни, основной части правобережья Днепра⁶⁸. Наличие на Нижнем Дунае указанной топонимики свидетельствует о каких-то восточных связях населения данной территории.

Таким образом, с совершенно определенной территорией Нижнего Подунавья, т. е. с той именно территорией, на которой Псевдомаврикий помещает антов и склавинов, связываются определенные признаки восточнославянской культуры, причем именно в ее роменско-боршевском варианте. Отсюда вполне закономерно заключить, что на данной территории, в процессе движения славянских племен на юг в пределы Византийской империи и колонизации ими Балканского полуострова, осела какая-то часть восточнославянского племени северян, бывшего носителем культуры городищ роменского типа. Именно к такому выводу приходит П. Н. Третьяков на основании своих наблюдений⁶⁹.

⁶³ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, «Советская этнография», т. VI—VII, карта-схема на стр. 95; П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 173—174.

⁶⁴ Н. С. Державин, История Болгарии, т. I, М.—Л., 1945, стр. 100.

⁶⁵ П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, стр. 170—183.

⁶⁶ Там же, стр. 176—182.

⁶⁷ Там же, стр. 174.

⁶⁸ П. Н. Третьяков, Анты и Русь, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 71—83.

⁶⁹ П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, стр. 173, 183.

Если обратиться к исторической обстановке, в которой должно было происходить это переселение, можно отметить ряд весьма любопытных моментов. В 558 г. н. э. впервые в Европе (на ее крайнем юго-востоке) появились авары, которые к 568 г. в результате движения на запад осели в Паннонии, где основали свое примитивное государство — аварский каганат. Примерно с этого времени начинаются длительные и тяжелые аваро-антские войны, нашедшие отражение не только в произведениях византийских писателей⁷⁰, но и в древнерусской летописи⁷¹. Эти войны, насколько можно судить по Киевской летописи, продолжались примерно до середины VII в. н. э. (правление Ираклия).

Следовательно, в конце VI — начале VII в. н. э., т. е. как раз около того времени, к которому относят написание «Стратегикона», анты, занятые борьбой с аварами, ослабили натиск против Византии и в связи с этим серьезной угрозы для нее в то время не представляли. Поэтому вообще в произведениях византийских писателей, сообщавших о времени правления Маврикия, Фоки, Ираклия, анты упоминаются редко. В событиях на Балканах фигурируют главным образом склавины, по большей части выступающие союзниками аваров в борьбе против Византийской империи. Антские поселения непосредственно в Подунавье, надо полагать, весьма пострадали от набегов аваров.

Уже отсюда можно заключить, что анты Псевдомаврикия — это не те анты, которые столь решительно действовали против Византии до 568 г. (главным образом в эпоху правления Юстиниана), а позже столь упорно отстаивали свою свободу во время нашествия аваров. Очевидно, в данном случае имеются в виду те восточнославянские племена, которые около рубежа VI—VII вв. н. э. заменили антов.

Важным фактором в рассматриваемом процессе, по всей вероятности, было и движение к Дунаю болгарских племен, начавшееся в VII в. н. э. Очевидно, прав П. Н. Третьяков, когда пишет: «У себя на родине северяне являлись ближайшими соседями приазовских болгар, и возможно, что появление Аспаруха прежде всего именно в их среде отнюдь не являлось простой случайностью»⁷².

В связи с этим нельзя не отметить следующего обстоятельства. Феофан, описывая переход болгар через Дунай, отмечает, что Аспарух обложил данью семь безымянных племен, но ничего подобного не сообщают о северянах⁷³. Очевидно, с северянами у болгар были какие-то особые отношения.

Указанные племена — северяне и семь безымянных племен (дунайцы) составили основу древнейшего болгарского царства. На занятой ими территории находились важнейшие города болгар Преслав, Плиска, Шумен, Тырнов. Из всех южнославянских народов болгары по языку и культуре стоят наиболее близко к восточным славянам. Надо полагать, что это результат оседания на данной территории восточнославянских этнических элементов — вначале собственно антских, а позже северянских.

Таким образом, соответствие данных, приводимых Псевдомаврикием для характеристики общества, именуемого им антским, характеристике населения, бывшего носителем культуры городищ роменского типа, т. е. северян, имеет глубокое основание, хотя Псевдомаврикий имеет в виду, конечно, не ту часть северян, которая обитала в бассейне Десны, Сейма, Сулы, Псла и Ворсклы.

Совершенно очевидно, что северские племена, обитавшие в пределах лесного и лесостепного левобережья Днепра, принимали самое активное

⁷⁰ Менанд, Отрывки, стр. 247.

⁷¹ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, стр. 14.

⁷² П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, стр. 173.

⁷³ Феофан, Летопись, стр. 278.

участие в общем движении славян на юг, в пределы Византийской империи. На рубеже VI—VII вв. н. э. в связи с аваро-антскими войнами и, возможно, началом движения болгарских племен на запад, к Дунаю, произошло оседание значительных масс северского населения в нижнем Подунавье. Это нашло отражение в письменных источниках («Стратегикон») и обнаруживается при изучении археологических и этнографических материалов.

Как отмечает П. Н. Третьяков, «северянам, жившим далеко от Дуная, на отдаленной восточной окраине антского мира, если они действительно принимали участие в колонизации Балканского полуострова, неизбежно должна была оставаться наиболее северо-восточная и наименее благоприятная для жизни часть полуострова»⁷⁴.

В дальнейшем северяне продолжали движение на юг, вплоть до главного Балканского хребта, сталкиваясь при этом с византийскими войсками. Не удивительно, что они привлекли к себе внимание византийской правящей общественности, что и нашло отражение в произведении, именуемом «Стратегикон». Естественно, северяне, характеризовавшиеся в ту эпоху по сравнению с антами несколько более архаичным хозяйственным и общественным укладом, принесли эти архаические черты быта на новые места своего обитания. Автор «Стратегикона» не делал существенных, принципиальных различий между отдельными восточнославянскими племенами или группами племен. Но ему было отлично известно, что антами византийцы называли восточных славян — обитателей обширных земель между Дунаем, Днепром, Днестром и далее на восток⁷⁵, земель, лежащих к северу от причерноморских степей, занятых различными гунно-болгарскими племенами. Именно оттуда пришли северяне. Нет поэтому ничего удивительного в том, что они были названы Псевдомаврикием антами. Стремясь изобразить их быт, обычай и в особенности общественный строй и военное искусство максимально точно, он показал своих «антов» отличных от тех, о которых писали Прокопий, Менандр, Агафий, Иорнанд, Феофилакт и другие византийские писатели.

Таким образом, сличение сведений Псевдомаврикия относительно общества, именуемого им «антами», с другими источниками открывает любопытный эпизод в истории славянской колонизации придунайских и балканских земель.

⁷⁴ П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, стр. 173.

⁷⁵ Ср. замечание Прокопия о том, что бесчисленные племена антов обитают северу от утигуров («О войнах с готами», IV, 4, стр. 242).

С. А. ТОКАРЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БУРЯТСКОГО НАРОДА

1

Старый вопрос о происхождении бурятской народности, о котором столько писалось, вновь привлек к себе внимание исследователей. Это не случайно. Общее оживление интереса в советской науке к проблемам этногенеза связано непосредственным образом с лингвистической дискуссией на страницах «Правды» и с появлением блестящих работ И. В. Сталина по вопросам языкоznания. Помимо целого ряда статей общеметодологического содержания (например, доклады на Совещании по методологии этногенетических исследований, ноябрь 1951 г.), советские этнографы, как и археологи, антропологи, лингвисты, вновь обращаются к конкретным вопросам происхождения отдельных народов, особенно народов СССР.

Происхождению бурят посвящены: четвертая глава в недавно вышедшем I томе «Истории Бурят-Монгольской АССР»¹, написанная Г. Н. Румянцевым; доклад его же на специальном совещании по вопросам истории Бурят-Монголии 30/X 1952 г.; наконец, статья Б. О. Долгих «Некоторые данные к истории образования бурятского народа»². Взгляды как Г. Н. Румянцева, так и Б. О. Долгих заслуживают серьезного внимания. В отличие от старых, по большей части буржуазных, авторов, писавших о происхождении бурят, новые советские исследователи стараются придерживаться строго исторической точки зрения и руководятся указаниями классиков марксизма, особенно замечательными идеями И. В. Сталина об истории языка в связи с историей народа. Но взгляды Г. Н. Румянцева и Б. О. Долгих все же весьма отличны друг от друга: первый из этих исследователей старается обобщить все положительное, что добыто и старой наукой и современными учеными по вопросу о происхождении бурят, Б. О. Долгих же не ставит проблемы в целом, зато приводит обстоятельные и точные данные о родо-племенном составе бурятского населения в XVII в., со временем прихода русских в Прибайкалье, о численности и расселении отдельных родовых и племенных групп. Из этих данных он делает очень существенный вывод по проблеме этногенеза бурят: бурятские племена, по мнению Б. О. Долгих, не составляли еще в XVII в. единого народа. Они не имели еще общеноародного сознания, не имели даже общего названия. Образование бурятской народности происходило, по Б. О. Долгих, уже после вхождения бурятских племен в Русское государство. Тогда появилось и название «бурят» и «сознание принадлежности к одному народу»³.

Именно эта последняя мысль, видимо, основная идея статьи Б. О. Долгих, и представляется весьма спорной. Спорны и некоторые

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», Улан-Удэ, 1951.

² Б. О. Долгих, Некоторые данные к истории образования бурятского народа, «Советская этнография», 1953, № 1.

³ Там же, стр. 53; см. также стр. 31.

частные утверждения автора. Несмотря на очень большую ценность разработанного в статье, совершенно нового для науки и мастерски обобщенного автором материала, статья требует, думается мне, существенных поправок.

2

Древнейшая история Прибайкалья исследована в настоящее время сравнительно хорошо благодаря усиленной работе нескольких поколений археологов. Особенно много сделал в этом отношении в последние годы проф. А. П. Окладников, который подвел итоги всем прежним работам и на основе своих собственных обширных исследований построил серьезно мотивированную схему периодизации культурной истории населения Прибайкалья, от конца палеолита и вплоть до появления письменных памятников⁴. Однако и после его работ, посвященных главным образом неолиту и раннеметаллической эпохе, остаются сравнительно слабо изученными более поздние стадии развития человеческой культуры в Прибайкалье — век железа.

Что касается собственно этнической истории интересующей нас области, то о ней исследования археологов позволяют делать только предположения. Весьма правдоподобна гипотеза А. П. Окладникова, подкрепляемая археологическими и сравнительно-этнографическими данными, с тем, что с неолитическими культурами Северного Прибайкалья III—II тысячелетий до н. э. связан процесс этногенеза эвенков⁵. Очень вероятно, что именно из Прибайкалья началась широкая экспансия эвенков и их культуры, веерообразно направлявшаяся на северо-запад, север, северо-восток и восток и приведшая к тому, что в настоящее время эвенки (с родственными им эвенами) расселены на огромнейшем пространстве от бассейна р. Оби до Тихого океана и от Ледовитого моря до Маньчжурии.

В последние века до нашей эры в Прибайкалье получила широкое распространение железная металлургия. Возможно, что это стояло в связи с подчинением народов Прибайкалья хуннскому племенному союзу, объединившему вокруг себя множество разноязычных племен и народностей от Восточной Маньчжурии до Приаралья. Хотя этнический состав хуннского племенного союза остается не вполне ясным, но очень вероятно, что в нем значительную роль играли тюркские элементы⁶. Ко времени хуннского господства, т. е. около н. э., следует, вероятно, приурочить и тюркизацию населения Прибайкалья.

Тот же А. П. Окладников очень убедительно показал, и в настоящее время в этом согласны все советские исследователи, — что характерная для Прибайкалья в I тысячелетии н. э. культура «курумчинских кузнецов» принадлежала курыканам — народу, упоминаемому в орхонских надписях VIII в.; в китайских источниках этот народ известен под именем гулигань. Это был сильный и многочисленный народ, который в VII в. находился в дипломатических сношениях с Китаем. Курыканы занимались скотоводством и охотой, но знали и земледелие. Найдены нескольких надписей орхонским письмом не оставляют сомнения в том, что курыканы были тюркоязычным народом⁷.

⁴ См. А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18, 1950, и другие его работы.

⁵ А. П. Окладников, Неолитические находки в низовьях Ангары, «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 181—186; его же, Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии, «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 34.

⁶ К. Иностранцев, Хунну и гунны, 2-е доп. изд., Л., 1926.

⁷ Несколько странно то, что Г. Н. Румянцев считает их «монгольской группой племен», хотя и подвергшейся тюркскому влиянию (Г. Н. Румянцев, К вопросу о

С VI в. тюркские языки вообще очень широко распространились в Центральной Азии и Южной Сибири. Тюркские рунические надписи найдены в разных местах Монголии, в Туве, на Алтае, в Хакасско-Минусинском крае, в Прибайкалье. Политическое и культурное преобладание принадлежало вплоть до начала X в. тюркоязычным народам, которые сменяли друг друга, возглавляя крупные межплеменные объединения: с середины VI в. до середины VIII в.—орхено-енисейские тюрки («тугю»), с середины VIII в. до середины IX в.—уйгуры, с середины IX в. до начала X в. кыргызы (хакасы).

Таким образом, в VII—X вв. в Прибайкалье, по крайней мере Западном, жили тюркоязычные племена. А в начале XVII в. русские, придя в Прибайкалье, застали здесь монголоязычных бурят. Следовательно, в промежуток времени X—XVII вв. должна была произойти монголизация населения страны. Когда же, как и почему она произошла? Когда и откуда появилась и как возобладала здесь монгольская речь? Это один из основных и в то же время наименее ясных вопросов в проблеме происхождения бурят.

3

В науке долго держалось мнение, что «монголы» — это вообще исконное население Центральной Азии, что в истории ее государств сменяли друг друга только названия правящих родов, этнический же облик всех этих государств был и оставался один и тот же: это были будто бы одни монголы. Взгляд этот, высказанный вскользь еще в XVIII в. (Дегинь, Паллас), был наиболее полно и последовательно развит, как известно, Иакинфом Бичуриным. Бичурин с полной ясностью высказал этот свой взгляд еще в одной из своих ранних работ «Записки о Монголии» (1828)⁸ и неуклонно держался его до конца жизни. «Монголы с незапамятных времен смешанно жили с китайцами на северных пределах Китая», — писал он в последней своей большой работе. «В Средней Азии искони господствовала удельная система правления, т. е. государство делилось на мелкие владения, которые, в свою очередь, тосливались, то снова дробились и переобразовывались в новые государства. Монгольский народ сверх того получал народное название от господствующего дома. Сим образом один и тот же народ под домом Хунну назывался хуннами, под домом Дулга (Тукюе) — дулгасцами; под домом Монгол назывался монголами и будет дотоле носить сие название, пока вновь усилившийся какой-либо дом покорит его и сообщит ему свое, другое народное, название»⁹.

Эта точка зрения, хотя она и была в известной мере здоровой реакцией против безудержно миграционистских построений, излюбленных буржуазной наукой, в то же время страдала, конечно, явным недостатком историзма. Фактическая несостоятельность этой теории извечно монгольского населения Центральной Азии была обнаружена открытием чисто тюркской письменности уйгуров и орхено-енисейских тюрков тугю (которых Бичурин тоже считал монголами — «дулга»). Однако вопрос о древности монгольских языков в Центральной Азии и о происхождении их вообще остается все же нерешенным. Попрежнему, повидимому, не доказано наличие (а тем более преобладание) монгольских элементов в

происхождении бурят-монгольского народа. Тезисы, см. Совещание по основным вопросам истории Бурят-Монголии при Ин-те истории АН СССР 27/X 1952 г., Тезисы докладов, Улан-Удэ, 1952, стр. 26). Трудно себе представить, какие могут быть доказательства в пользу мнения о монголизме курыканов.

⁸ Иакинф, Записки о Монголии, СПб., 1828, стр. 1—2.

⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.—Л., 1950, стр. 8, 9, 10.

языке или языках хуннов¹⁰; не доказан и монголизм сяньбийцев, жужан. Быть может, только о киданях есть основания утверждать с большей уверенностью, что это был монголоязычный народ¹¹. Кидане известны по китайским источникам со времени династии Юань-Вей, примерно с конца V в.¹² Первоначальная область их расселения находилась, судя по этим источникам, в Юго-восточной Маньчжурии, что, правда, плохо согласуется с предположением об их исконном монголизме. Под именем «кытай» они упоминаются в орхонских памятниках: против них тюрки шли походами в 722 и в 734 гг.¹³ Образовав в дальнейшем мощный племенной союз, кидане покорили Северный Китай (династия Ляо) и заняли своими кочевьями Центральную Азию, изгнав оттуда кыргызов-хакасов (нач. X в.). С этого времени, как полагают обычно историки¹⁴, навсегда кончилось господство тюркоязычных народов в Центральной Азии и преобладание перешло к монголоязычным народам: за киданями последовали (XII в.) считающиеся монголоязычными татары, керайты, найманы, а в XIII в.—собственно монголы.

Собственно монголы, давшие впоследствии свое имя величайшей, хотя и недолговечной, империи, а в научной терминологии—целой семье языков и даже одной из трех основных рас человечества, первоначально представляли собой, видимо, небольшое племя. Имя «монгол» упоминается впервые в летописях Танской династии в форме Mong-и, а в хронике династии Ляо—в форме Мын-гу-ли. О них говорится, как о кочевниках-охотниках и скотоводах, питающихся мясом и кислым молоком. Их земля находилась в 4 тысячах ли от «Шан-цина» («Северной резиденции»)¹⁵. Последнее указание, вероятно, не противоречит данным монгольских преданий, согласно которым исконная область расселения монголов—бассейны рек Онона и Керулена.

Объединение и усиление монгольских племен при Темучине (Чингисхане), покорение ими соседних и родственных племен—меркитов, тайджиутов, татар, керайтов, найманов—все это привело к тому, что само название «монгол» распространилось чрезвычайно широко, охватив прежде всего целый ряд родственных по языку племен, раньше монголами себя не называвших; вероятно, это сопровождалось языковой асимиляцией, монголизацией и многих других немонгольских по происхождению племен. Это явление очень хорошо заметил и выразил крупнейший историк начала XIV в. Рашид-ад-дин. «...В настоящее время,— писал он,— вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, так как они суть монголы,— (разные) тюркские племена¹⁶ подобно джалаирам, татарам, сиратам, онгутам, керайтам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище,— все они из-за самовосхваления называют себя (тоже) монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются (этим именем), а это не так, ибо в древности

¹⁰ См. K. Shiratori, Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. II. Ueber die Sprache der Hiungnu und der Thungu-Stämme, «Известия Академии Наук», т. 17, № 2, сентябрь 1902 г.; К. Иностранцев, Хунну и гунны, Л., 1926.

¹¹ K. Shiratori, Указ. соч.; Е. М. Залкинд, Кидане и их этнические связи, «Советская этнография» 1948, № 1.

¹² О. Ковалевский, Кидань, «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 24, 1839, отд. 2; Н. Я. Бичурин, Указ. соч., I, стр. 362.

¹³ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3-te Lief., 1895, стр. 428.

¹⁴ См. В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташк., 1928, стр. 9—10 и др.

¹⁵ W. Schott, Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, Berlin, 1846, стр. 13—17.

¹⁶ Понятие «тюрки» Рашид-ад-дин употреблял в широком смысле, включая в него все степные кочевые народы Азии, по преимуществу тюрко-монгольские.

монголы были (лишь) одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен. Так как... Чингиз-хан и его род происходят из племени монголов и от них возникло много ветвей, особенно со временем Алан-Гоа, около 300 лет тому назад возникла многочисленная ветвь, племена которой называют нирун и которые сделались почтены и возвеличены,—то все стали известны как племена монгольские, хотя в то время другие племена не называли монголами.— Так как внешность, фигура, прозвание, язык, обычай и манеры их были близки у одних с другими и хотя в древности они имели небольшое различие в языке и обычаях,—ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурдже¹⁷, кангасов, уйголов, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами¹⁸.

Охарактеризованное здесь Рашид-ад-дином явление было очень сложным процессом, в котором можно различать три стороны или три последовательных этапа, неодинаково протекавших в разные периоды и в разных частях Монгольской империи: это, во-первых, этническая консолидация собственно монгольских племен и народов, распространение первоначального племенного имени «монгол» на группу родственных по языку и происхождению племен и народов; во-вторых, языковая ассимиляция, монголизация некоторых племен и народностей, немонгольских по происхождению; в-третьих, распространение названия «монгол» в качестве чисто политического на разные народности, вошедшие в состав Монгольской империи, но отнюдь не ассимилировавшиеся с монголами ни по языку, ни по культуре.

Из этих трех этапов последний выделяется очень легко: среди перечисляемых Рашид-ад-дином народов ясно видна целая группа таких, которые никогда не были монголами и не превратились в таковых, а лишь временно усваивали себе это чисто политическое обозначение: это кипчаки, туркмены, уйгуры и другие тюркоязычные народы западной части империи, а на востоке,— например, тангуты (тибетцы). Но первые два этапа разграничить гораздо труднее, хотя это-то и представляет самый большой интерес для нашей непосредственной темы. Было бы чрезвычайно существенно узнать, какие из племен и народов, известных нам (теперь или исторически) как монголоязычные,— джалиры, татары, ойраты, керайты и другие, были таковыми с самого начала, а какие были монголизированы только в ходе монгольской экспансии XIII в.¹⁹.

Тут мы вновь обращаемся к основной нашей теме. Когда и как подверглось монголизации население Прибайкалья? Произошло ли это еще до возникновения Монгольской империи Чингиз-хана, так что включение племен Прибайкалья в империю было лишь политическим закреплением этнических и культурных связей, установившихся уже раньше? Или монголизация этих племен была, напротив, результатом присоединения их к Монгольской империи, причем эта монголизация могла произойти и не

¹⁷ То есть Китая и Маньчжурии.

¹⁸ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 102—103; см. также стр. 77.

¹⁹ Следует обратить внимание историков на существенный пробел в изученности этнической истории Центральной Азии: этот пробел — X—XII вв. Когда и как степи Монголии, где еще в начале X в. господствовали тюркоязычные народы, оказались заняты кочевьями монгольских народов, которые в XII в. были здесь господами положения? И были ли все эти народы XII в.—найманы, керайты, меркиты, татары и другие действительно уже тогда монголоязычны? Эти чрезвычайно важные вопросы почти совершенно выпадали до сих пор из поля зрения историков (см. В. П. Васильев, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., Записки имп. Археол. об-ва, т. 13, СПб., 1859).

сразу, а постепенно, на протяжении нескольких столетий господства монголов?

В литературе высказывались на этот счет разные взгляды. А. П. Окладников на основании археологических данных полагает, что монголизация населения Прибайкалья совершилась в основном в X—XI вв.; он выводит это из появления в Прибайкалье (на верхней Лене), как раз около этого времени, нового типа погребальных памятников («Сэгэнутский могильник»), отличного от более ранних курыканских²⁰. По мнению А. П. Окладникова, в эту пору могла иметь место передвижка населения в связи с образованием киданьской империи (Ляо). Это предположение, однако, представляется очень слабо обоснованным. Не вдаваясь в обсуждение вопроса (не будучи археологом, я не считаю себя в этом отношении компетентным) о правильности хронологической датировки «Сэгэнутского» могильника, а также и того вопроса, можно ли на основании одного единственного памятника (а о существовании других А. П. Окладников не упоминает, и, видимо, их и нет) заключать о смене всего типа культуры в целой стране,— не входя в обсуждение этих вопросов, позволительно усомниться в допустимости делать из факта смены форм культуры вывод о смене и языка. Ведь понятия «тюркский» и «монгольский» относятся исключительно к языкам. Нас интересует сейчас вопрос о времени вытеснения тюркской речи из Прибайкалья (курыканы VII—X вв.) монгольской речью (буряты XVII в.). Появление же нового типа археологических памятников в X—XI вв., сходных с памятниками Монголии, говорит самое большее о культурном влиянии со стороны Монголии, а не о смене языка. Аналогичные явления находим мы (в более позднее время) в Туве: тувинцы, находясь долгое время под властью монгольских князей, подверглись в сильной степени культурному влиянию монголов, но остались тюркоязычным народом; только некоторые местные группы тувинцев, а именно дархаты у озера Косогола и «урянхайцы» монгольского Алтая — бассейна Черного Иртыша и верховьев р. Урунгу, монголизированы и по языку, притом «урянхайцы» — совсем недавно, около середины XIX в.²¹

Согласно другому распространенному в литературе взгляду — Н. Н. Козьмина, проникновение монгольских элементов в Прибайкалье (и образование монгольского ядра бурятской народности) относится в основном к первой половине XIV в. и связано не столько с монгольскими завоеваниями, сколько с прекращением этих завоеваний, когда для монгольских воинов закрылись источники обогащения в виде военных грабежей²². Произвольность и искусственность такого «объяснения» совершенно очевидны, но самую датировку нельзя отвергать с порога.

Таким образом, для убедительного решения вопроса о времени монголизации населения Прибайкалья или, что то же, о времени образования монголоязычного ядра бурятской народности не приведено до сих пор достаточных оснований. Вопрос приходится пока оставить открытым. Наиболее правдоподобным при настоящем состоянии наших знаний представляется предположение, что именно монгольское завоевание при Чин-

²⁰ «История Якутии», т. I, Якутск, 1949, стр. 329—331; «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 82. К тому же примерно времени относил начало монголизации Прибайкалья В. И. Сосновский («К вопросу об образовании бурятской народности», Верхнеудинск, 1929), но он исходил при этом из иных источников — из данных фольклора и из соображений исторической этнографии. Он считал племя хоринцев самым ранним из бурятских племен и относил проникновение его в Прибайкалье к началу X в. Однако доказательства Сосновского малоубедительны.

²¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, ч. 1, 1926, стр. 19, 20—21, 174—175.

²² М. Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1926, стр. 25—27. Глава «К вопросу о времени переселения бурят в Прибайкалье» написана Н. Н. Козьминым.

гиз-хане, сопровождавшееся массовыми передвижениями племен Центральной Азии и захватившее и области Прибайкалья, имело своим результатом и монголизацию их населения; иначе говоря, что начало образования монголоязычного ядра бурятской народности относится к первым десятилетиям XIII в.

4

Необходимо особенно подчеркнуть, что монгольские элементы, пришедшие с юга, из степей Монголии, составили лишь один из компонентов бурятской народности. Народность эта — смешанная, и в составе ее несомненно наличие и чисто местных, аборигенных элементов. Это лучше всего видно у западных бурят, среди которых, можно думать, именно аборигенный элемент, видимо, связанный с курыканами, перевешивал, хотя при столкновении языков монгольский язык пришельцев одержал верх над тюркской речью аборигенов.

Антропологический тип западных бурят наиболее близок к одному из преобладающих антропологических типов среди якутов. Установив этот факт, советские антропологи (М. Г. Левин, Г. Ф. Дебец)²³ вполне правильно объясняют его тем, что в состав якутов и бурят вошел один и тот же компонент — курыканский. Кстати, этим же, вероятно, надо объяснить и наличие многих совпадений в отдельных чертах культуры у якутов и бурят, сходных верований и пр. Этим же путем наиболее естественно объясняется наличие заметного монгольского слоя в тюркском языке якутов. С другой стороны, в бурятском языке обнаруживается много слов тюркского происхождения, главным образом в области терминологии земледелия и оседлого скотоводства²⁴.

Надо полагать, что общение тюркоязычного населения Западного Прибайкалья (условно — курыканов) с монголоязычными пришельцами было достаточно длительным. Уже подвергшиеся значительному монгольскому влиянию, однако сохранившие свой тюркский язык курыканы начали постепенно передвигаться на север, на среднюю Лену, образовав там существенный компонент якутской народности. Оставшаяся же часть курыканов была окончательно монголизирована, и так образовались западные буряты.

Наличие мощного аборигенного пласта в западнобурятском населении подтверждается очень вескими фактами. Не раз отмечалось, например, что бурятские предания — о предках-родоначальниках — приурочены в большинстве именно к Прибайкалью: с этой страной связаны и легенды о Хориде и Бурядае, прародителях бурят, и легенды об Эхирите и Булагате, рожденных от двух шаманок, и предания о Буха-Нойон-Бабае, мифическом родоначальнике всех бурят, и пр.²⁵ Однако надо отметить, что другие бурятские — генеалогические — предания говорят как раз о переселениях предков «из-за Байкала»²⁶. И те и другие предания, видимо, отражают историческую действительность — наличие в составе бурят и аборигенных и пришлых элементов.

²³ М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951, стр. 492—493; Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии, т. XVII, М., 1951, стр. 80—81.

²⁴ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 80—81.

²⁵ М. Н. Боданов, Указ. соч., стр. 1—4; Б. Б. Бамбаев, К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1929, стр. 7; П. Т. Хаптаев, Краткий очерк истории бурят-монгольского народа, Улан-Удэ, 1942, стр. 9—10.

²⁶ Т. А. Земляницкий, Родословные бурят (рукопись, хранится в библиотеке Об-ва изучения Вост. Сибири, Иркутск).

Аборигенный пласт в бурятской культуре отразился и в известных преданиях об «эпохе зэгэтэ-аба» (облавных охот), когда будто бы своеобразный военно-охотничий строй лежал в основе всей структуры бурятского общества. Известный бурятский собиратель-фольклорист М. Н. Хангалов, изучивший предания о зэгэтэ-аба наиболее полно, приурочивал их к лесной полосе, где и сейчас живут северные (т. е. западные) буряты, и к эпохе преобладания охотничьего быта, позже смененного скотоводческим²⁷. М. Н. Богданов, отказываясь от решения вопроса о географическом приурочении преданий о зэгэтэ-аба, полагал однако, что они возникли в эпоху до образования Монгольской империи Чингиз-хана²⁸.

Хозяйственный уклад западных бурят еще в XVII в.— в момент прихода русских — очень во многом представлял продолжение древней традиции, уходящей корнями в полуоседлую «курумчинскую» культуру I тысячелетия, однако наряду с этим были сильны и черты степного скотоводческого уклада.

Охота утратила к этому времени прежнее значение. «А сами мы, холопи ваши,— говорили илимские буряты в 1683 г.— никаким зверем не промышляем, живем на степном пустом месте, а близ нас, холопей ваших, черных лесов нет»²⁹. «А мы, холопи ваши, людишка степные,— писали в 1682/83 г. верхоленские буряты,— живем в степи кочевьями перееzzая, а на ваш, великих государей, ясак соболей и лисиц промышлять не умеем»³⁰. «А собою нам, холопем твоим, соболей и всякого зверя промыслить в ясак не мочно,— жаловались балаганские буряты в 1695 г.,— потому что мы, холопи твои, иноземцы конные»³¹. Поэтому, между прочим, буряты не раз просили царскую администрацию взимать с них ясак не мехами, как это обычно делалось, а скотом. Эта просьба не была удовлетворена, однако царские власти, учитывая неразвитость охоты у бурят, установили для них значительно более низкую норму ясачного обложения, чем, например, для охотников-тунгусов: чаще всего буряты платили в ясак одного, реже двух соболей с человека, тогда как тунгусы обычно платили по 5 соболей³².

Однако у отдельных групп бурят охота продолжала сохранять важное значение. Те же верхоленские буряты в 1701 г. жаловались на русских служилых людей и пашенных крестьян, которые будто бы «всякие наши ухожья и звериные осеки и ловушки отняли, от тех ловушек и от осеков тебе, великому государю, ясак промышляем, и от осеков и от ловушек кормимся и сыты бываем, а пашни не пашем»³³.

Некоторые бурятские роды, жившие около Байкала, промышляли главным образом рыбной ловлей. Так, в 1685 г. коринские и батулинские шуленги сообщали, что «меж ими де есть захребетные людишка, бескотны, живут около Байкала моря и кормяща рыбую»³⁴.

Очень важно наличие у западных бурят в XVII в. земледелия, явного наследия курумчинской эпохи, чуждого собственно монгольским народам степи. Еще до того как русские впервые соприкоснулись с бурятами, в Енисейск уже приходили сведения о том, что буряты — «люди пашеные»³⁵. В 1641 г. эхиритский князец Куржум сообщал русским, что

²⁷ Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов, Общественные охоты у северных бурят, Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910, стр. 136, 148 и др.

²⁸ М. Н. Богданов, Указ. соч., стр. 15.

²⁹ ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), Сибирский приказ, ст. № 913, л. 421.

³⁰ Там же, л. 244.

³¹ Там же, ст. № 1150, л. 471.

³² Там же, ст. № 402, л. 103; кн. № 941, лл. 389—433 и др.

³³ Там же, кн. № 1292, л. 53 об.

³⁴ Там же, ст. № 355, л. 170. Монголы, жестати, еще недавно рыбы совершенно не ели.

³⁵ Там же, ст. № 12, л. 108.

«просо сеют братцкие люди на Ангаре»³⁶. Про самих эхиритов, живших на р. Анге, тоже сообщалось, что «хлеб у них родитца просо», — и это же самое отмечалось и по отношению к бурятам острова Ольхона³⁷. После известного бегства ангарских бурят в Монголию в 1658 г. русские видели на покинутых ими местах «арбы и решотки и сумишка оставливаны, и по Унге проса поселяны»³⁸.

У большинства бурят на первом месте по значению стояло скотоводство. Но оно заметно отличалось по типу от степного табунного скотоводства Монголии. Едва ли не преобладал по количеству у них рогатый скот. В одной жалобе верхоленских бурят мы находим сообщение, что у бурята Баджидая в результате отнятия у него угодий около 1690 г. погибло 60 коров, 40 лошадей и 50 овец³⁹. Около 1700 г. был составлен проект взимания ясака с верхоленских бурят не мехами, а скотом, и именно трехлетними и 6—7-летними быками; по мнению иркутских служилых людей, такой ясак был бы бурятам «не в тягость, потому что у них скота множество»⁴⁰. Как известно, у чисто кочевых степных народов рогатый скот обычно не занимает первого места.

Наряду с зимним выпасом скота, обычным для степных народов, буряты знали и заготовку корма на зиму. Уже в 1635 г. енисейские служилые люди, выбирая место для постройки острога при слиянии Ангры и Оки, «присмотрели ухожее место на усть Оки реки... близко брацких юрт и летних жировиц и сенных их покосов»⁴¹. В 1684 г. балаганский бурят жаловался на отнятие у него илимскими пашенными крестьянами «сенных покосов» по р. Уде⁴². В числе дошедших до нас 11 судебных дел бурят Верхоленского района за 1699 г. три дела так или иначе касаются покосов или кошенного сена⁴³. В чеборитной тех же верхоленских бурят 1701 г. мы находим жалобу на отнятие пашенными крестьянами 600 копен сена и отдельно еще 100 копен сена⁴⁴. Подобных указаний на сенокосное хозяйство бурят имеется немало.

Таким образом, и по хозяйственному укладу буряты, по крайней мере западные, уже в XVII в. существенно отличались от монголов, как особая этническая группа. Это лишний раз свидетельствует, что буряты — народ смешанного происхождения, а отнюдь не простое отзвествление монголов, как представляли себе дело бурятские буржуазно-националистические ученые, введшие по этому поводу как раз и искусственное обозначение «бурят-монголы», вместо самоназвания народа — «буряты»⁴⁵.

5

Когда же сложилась бурятская народность как таковая? Существовала ли она еще до прихода русских в Прибайкалье, т. е. в начале XVII в., или сформировалась лишь, когда буряты уже находились в составе Русского государства? Большинство исследователей держится первого взгляда. Мнение же об образовании бурятской народности только в эпоху после присоединения к России, высказывавшееся раньше лишь

³⁶ ДАИ (Дополнения к актам историческим), т. 2, стр. 251.

³⁷ Там же, стр. 247, 248.

³⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. № 589, л. 83.

³⁹ Там же, кн. № 1292, л. 54 об.

⁴⁰ Там же, лл. 59 об.—60.

⁴¹ Там же, ст. № 53, л. 19.

⁴² Там же, ст. № 913, л. 183.

⁴³ ЛОИИ (Ленинградское отделение Ин-та истории АН СССР), кор. 231, № 4, лл. 1, 16 и последний лист.

⁴⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. № 1292, лл. 53, 54.

⁴⁵ См. Б. Б. Барадин, Бурят-монголы, Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности, «Бурятиеведение», 1927, № 3—4.

всюльзь⁴⁶, изложено более обстоятельно в последней статье Б. О. Долгих. Нам представляется более правильным первый взгляд.

В самом деле. В пользу точки зрения о позднем образовании бурятской народности приводится лишь одно соображение,— его приводят как раз и Б. О. Долгих: это то, что до прихода русских у бурятских племен будто бы не было общего названия, а следовательно и не было общено-родного самосознания; что имя «бурят» как общее обозначение распространялось будто бы лишь в русскую эпоху. Это соображение явно не выдерживает критики.

Русские называли бурят в XVII в. «братами», «брацкими людьми». Откуда взялось это название? Уже давно установлено, что оно есть искажение имени «пырат», как называли бурят тюркоязычные народы Енисея. А «пырат» — это в свою очередь искажение самоназвания «бурят». Этноним «бурят» встречается в монгольских источниках еще в XIII в.: в «Сокровенном сказании», наиболее достоверном памятнике истории монгольских племен (1240), рассказывается о походе чингисова полководца Чжочи в «год зайца» (1207) против «лесных народов» и о покорении им «ойратов, бурятов, бархунов, урсотов, хабханасов, ханхасов и тубасов»⁴⁷. Очевидно, дело идет здесь о территории к западу от Байкала, ибо Чжочи, продолжая свой поход, покорил далее енисейских киргизов и некоторые народы Алтая⁴⁸.

Нельзя не учитывать и известного упоминания об «ойрат-бурятах» у ордосского историка Санан-Сэцэна. Относить это упоминание к 1189 г. (когда будто бы произошло подчинение «ойрат-бурят» Темучину)⁴⁹, как это иногда делали, конечно, нельзя. Его можно датировать только временем составления самого труда Санан-Сэцэна (1662) или незадолго перед тем. Но Санан-Сэцэн писал свою историю по монгольским преданиям и письменным источникам и, разумеется, совершенно не зависел от русских источников. Следовательно, термин «бурят» в монгольской среде в XVII в. существовал и не был перенят от русских.

Конечно, мы не можем утверждать, что в «Сокровенном сказании» имя «бурят» употреблено в значении целой народности. Оно вполне могло тогда относиться к отдельному племени, не выделявшемуся из ряда других племен. Но во времена Санан-Сэцэна термин «бурят» (хотя бы и в сочетании «ойрат-бурят») мог означать только целую народность: отдельного племени «бурят» в XVII в. не было, иначе мы знали бы о нем по русским источникам⁵⁰.

⁴⁶ См. Б. Б. Барадин, Указ. соч., стр. 46—47, 51; В. И. Сосновский, Указ. соч., стр. 1—2.

⁴⁷ С. А. Козин, Сокровенное сказание, Монгольская хроника 1240 года, т. I, М.—Л., 1941, стр. 174.

⁴⁸ Это бесспорное упоминание уже в XIII в. о бурятах до сих пор не привлекало к себе должного внимания исследователей, вероятно, потому, что до недавней полной публикации «Сокровенного сказания» С. А. Козиным памятник был известен только по неполному переводу его Палладием Кафаровым, а в этом переводе соответствующее место звучит так: «Когда Чжочи дошел до места Шихшит, то Оира, Тубасы, и все другие роды покорились ему» (Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 131); и только в примечании к этому месту переводчик привел разночтение: «Оира, Булия (Бурия), Бархунь, Урсы, Хаханасы, Канхасы и Туба (Тубасы)» (там же, стр. 234).

⁴⁹ I. J. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen... verf. von Ssanang-Ssetsen Chuntaidschi des Ordus, Aus. d. Mongol. übersetzt, 1829, стр. 75.

⁵⁰ Весьма странная формулировка по вопросу о формировании бурятской народности допущена в упоминавшейся не раз книге «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. Указывая правильно, что бурятские племена к приходу русских (нач. XVII в.) «не представляли единого политического целого, так как не создали собственной государственной организации», автор данной главы заключает: «Это была, следовательно, народность лишь в этнографическом, а не в политическом смысле этого слова, так как здесь отсутствовали единое общее управление и прочные политические связи» (стр. 84). Но всякая народность есть всегда народность «лишь в этнографическом смысле»: что имеет в виду автор, говоря о «народности в политическом смысле этого слова», понять довольно трудно.

В литературе не раз делались попытки этимологизировать этноним «бурят», по крайней мере связать его с другими известными этнонимами: с племенными называниями «булагат», «баргут»⁵¹. Название же «баргут» в свою очередь пытаются связывать с известными «байырку» орхонских надписей⁵². Дело лингвистов определить, в какой мере законны филологически эти сопоставления. Исторически нет ничего невероятного в том, что этноним «бурят» или его возможный прототип «байырку» принадлежал какому-то тюркоязычному племени или народу и лишь позже попал в семью монгольских этнических названий.

Совершенно произвольно и ничем не обосновано мнение (того же Барадина)⁵³, что первоначально, т. е. перед приходом русских, только одни булагаты (либо булагаты и эхириты) из всех бурятских племен считали себя бурятами и что лишь позже название это перешло и на другие бурятские племена. В несколько другой форме это мнение было повторено недавно Г. Н. Румянцевым, заявившим, что, например, хоринцы (как и табунуты) в то время «не считали себя бурятами и так себя не называли»⁵⁴. По отношению к табунутам такое мнение действительно верно, но табунуты — группа особого происхождения, и о ней речь будет ниже. Хоринцы же во всех документах XVII в. неизменно называются «брацкими людьми», и нет оснований сомневаться, что они считали себя бурятами.

Вопреки подобным взглядам, в момент прихода русских все буряты очень отчетливо сознавали себя людьми одной народности. В отписках служилых людей, о какой бы племенной группе бурят ни шла речь, все они именуются обычно «брацкими людьми», — видимо, русские служилые несколько не затруднялись отличать их от тунгусов, монголов и других народов. В своих довольно многочисленных членобитных буряты всегда, независимо от племени, рода, уезда, называли себя общим этническим именем (очевидно, «бурят»), которое в русских документах переводилось «брацкие люди», «брацкие мужики».

6

Составляя единую народность, буряты, однако, еще в XVII в. распадались на отдельные племена, совершенно независимые друг от друга и часто враждовавшие одно с другим. В литературе до недавнего времени держалось мнение, что этих племен было всего три: булагаты, эхириты и хоринцы; при этом первые два жили к западу от Байкала, а последнее — хоринцы — к востоку. Это мнение опиралось на бурятские этногенетические и генеалогические предания, записанные в конце XIX в. Оно, однако, далеко от истины. Автор настоящей статьи еще в 1939 г. пытался показать на основании документальных источников XVII в., что, во-первых, бурятских племен в то время было не три, а больше, быть может, до десяти; и что, во-вторых, все эти племена, включая хоринцев и родственных им батулинцев, жили до прихода русских к западу от Байкала; хоринцы и батулинцы лишь позже, к концу XVII в., после многолетних скитаний, поселились в Забайкалье. До появления русских в Забайкалье тоже жили буряты, смежно с монголами, но эти забайкальские буряты, подобно монголам, уже утратили к этому времени свои племенные деления⁵⁵. В своей последней статье Б. О. Долгих вносит целый ряд

⁵¹ Б. Б. Барадин, Указ. соч., стр. 45.

⁵² «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 80.

⁵³ Б. Б. Барадин, Указ. соч., стр. 45—46.

⁵⁴ Г. Н. Румянцев, Тезисы, стр. 27.

⁵⁵ С. А. Токарев, Расселение бурятских племен в XVII в., Записки Бурят-Монгольского гос. н.-иссл. ин-та языка, лит. и истории, вып. 1, 1939.

новых уточнений в картину группировки бурятских племен XVII в. и в более позднее время и сообщает о них много чрезвычайно ценных сведений, включая довольно убедительные статистические данные. Однако мне представляется, что нарисованная Б. О. Долгих картина нуждается в некоторых поправках.

Возражения вызывают взгляды Б. О. Долгих по трем частным вопросам бурятоведения (оставляя здесь в стороне более общий вопрос о времени образования бурятской народности, о чем речь была выше): по вопросу об икинатах, о хоринцах и о табунутах. Первый из этих вопросов не имеет существенного значения⁵⁶, но вопросы о хоринцах и о табунутах весьма важны потому, что от того или иного их понимания зависит разное освещение одного из основных вопросов в данной проблеме — о бурятском населении Забайкалья в XVII в. и о его происхождении.

Не соглашаясь со мной, Б. О. Долгих полагает, что хоринцы (видимо, вместе с батулинцами) жили еще до прихода русских не только на западной, верхоленской стороне Байкала и на о-ве Ольхоне, но и за Байкалом, на правом берегу Селенги, и что там находилась даже «большая часть территории хоринцев»⁵⁷. Какие же основания имеются для такого утверждения? Б. О. Долгих не оспаривает того факта, что о хоринцах за Байкалом не сообщает ни один источник вплоть до 1670-х годов (когда они действительно туда переселились). Но он полагает, что бурятами, живущими за Байкалом, «могли быть только хоринцы»⁵⁸. Это соображение, однако, совершенно неубедительно. Видимо, Б. О. Долгих, хотя и не разделяет, конечно, традиционной теории о «трипартиции» бурят (делении их всего на три племени), однако в данном случае невольно следует этой теории: раз было всего три племени бурят, и раз ни булагатов, ни эхиритов в Забайкалье до середины XVII в. не было⁵⁹, то значит, из бурят там некому было и жить, как только хоринцам!

В пользу взгляда Б. О. Долгих может быть приведено разве лишь одно соображение (оно приводилось Б. О. Долгих в ходе устного обсуждения проблемы): на верхоленской стороне Байкала и на о-ве Ольхоне было слишком мало места для такого крупного племени, как хоринцы (тем более, вместе с другим племенем, с батулинцами), и, следовательно, они должны были занимать более привольные места по восточную сторону Байкала, по Селенге. Но это соображение тоже нельзя признать убедительным. Остров Ольхон был в те годы густо населен. «А люди на том острову живут брацкие многие, и всякого скота много, а хлеб у них рождается просо», — говорится в «Росписании рек» 1640/41 г.⁶⁰ Если на Ольхоне были и пашни, и луга, и пастбища для скота и, сверх того, как известно, там издавна был развит рыбный промысел, то остров мог прокормить многолюдное население. Кстати, по переписи 1897 г. на о-ве Ольхоне числилось 834 человека⁶¹. Во всем же Кутульском инородческом

⁵⁶ Б. О. Долгих признает «убедительными» собранные мной материалы, доказывающие самостоятельное положение бурят-икинатаов низовьев р. Оки; но он отказывает видеть в них обособленное племя, считая их лишь родом («Советская этнография» 1953, № 1, стр. 44). Основания для такого взгляда он не приводит, если только не считать того, что в таблице «родов», плативших ясак в Балаганском остроге в 1689 г., он указывает и Икинатаский род (стр. 45). Но ведь известно, что в языке документов XVII в. очень многие самостоятельные племена называны «родами»; приписка же икинатаов в конце XVII в. к Балаганскому острогу, разумеется, никак не опровергает того факта, что икинатаы при появлении русских были совершенно самостоятельным племенем, не связанным ни с булагатами, ни с другими бурятскими племенами.

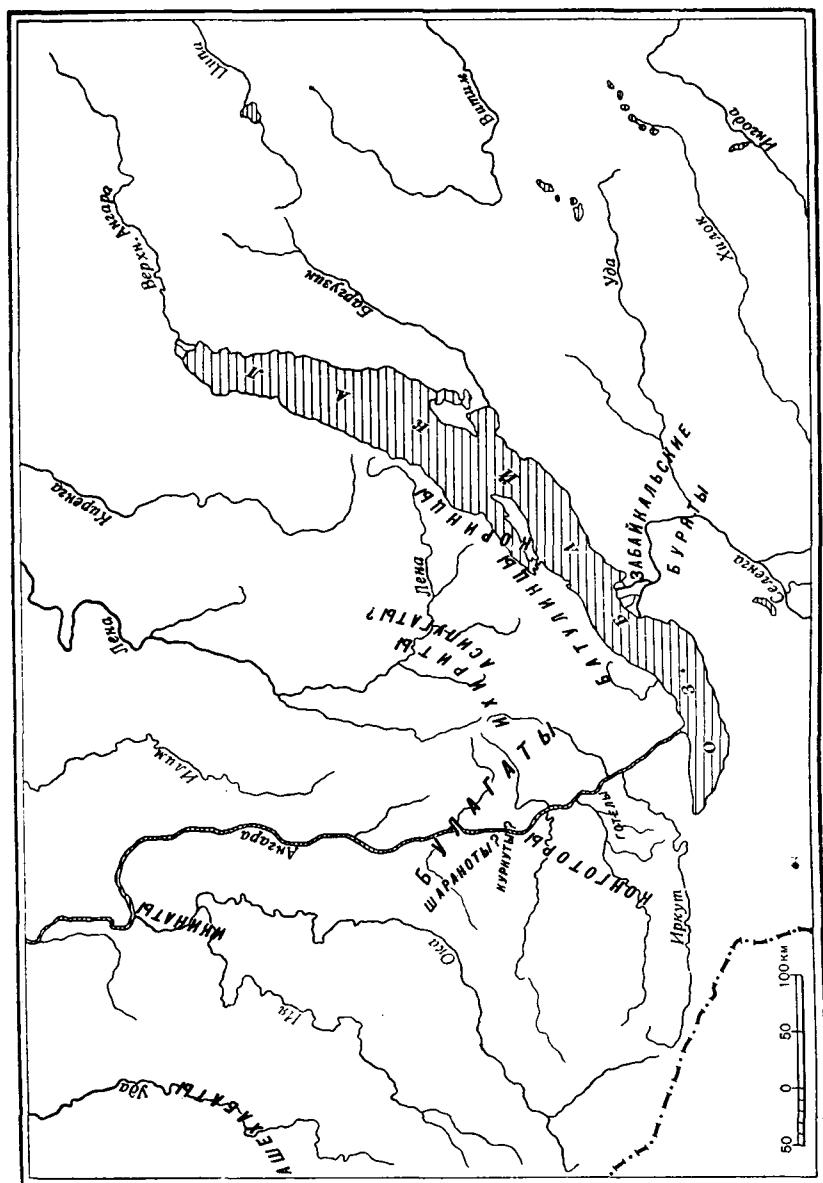
⁵⁷ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 47.

⁵⁸ Там же, стр. 47, 48.

⁵⁹ Там же, стр. 46.

⁶⁰ ДАИ, т. 2, стр. 248.

⁶¹ С. Патканов, Статистич. данные, показывающие племенной состав населения Сибири..., т. 3, СПб., 1912, стр. 512—513.

Расселение бурятских племен в XVII в.

ведомстве, куда входил о-в Ольхон и прилегающая полоса берега Байкала, насчитывалось 2644 человека. Но племенная территория хоринцев (и батулинцев) могла охватывать, по крайней мере частично, и земли позднейших Баяндаевского, Ользоновского и Хоготовского инородческих ведомств, а в этих трех ведомствах числилось в 1897 г. 7579 человек⁶². Таким образом, всего на той территории (на западной стороне Байкала и на Ольхоне), которая в первой половине XVII в. могла принадлежать, хотя бы и не целиком, хоринцам и батулинцам, жило в 1897 г. свыше 10 тысяч человек (почти исключительно буряты). Если в XVII в. на той же территории жило хотя бы даже в половину меньше людей, чем в конце XIX в., то и в этом случае она может почти удовлетворить статистическим расчетам Б. О. Долгих, допускающего для хоринцев середины XVII в. численность в 6—7 тысяч.

Кстати, большую часть той территории на верхоленской стороне Байкала, где, по нашим предположениям, могли жить хоринцы и батулинцы, Б. О. Долгих на своих картах отводит тунгусам-камчагирам⁶³. Основания для такого разграничения этнических территорий бурят и тунгусов неясны. В новейшее время (в конце XIX в.) тунгусов в пределах указанных четырех ведомств почти не было. В XVII в. тунгусы в районе Верхоленского острога действительно кочевали, но ни из чего не видно, чтобы Верхоленский острог был отделен от берега Байкала и, в частности, от хоринских улусов сплошной полосой тунгусских кочевий, как это выглядит на картах Б. О. Долгих.

7

Что касается табунутов, то происхождение этой своеобразной группы бурятского населения я пытался выяснить в названной выше статье 1939 г. Факты показывают, что табунуты вовсе не составляли исконной и обособленной племенной группы бурят; первоначально, т. с. с 1660-х годов, когда в документах впервые появляются упоминания о табунутах, они выступают не как этническая, а как чисто политическая общность, повидимому, как подданные князя Турукая Табуна. Последний был монголом, притом ближайшим родственником (зятем) Цээн-хана, одного из крупнейших феодалов Монголии. Масса его подданных состояла, вероятно, и из бурят и из монголов. В документах вплоть до 1690-х годов табунуты ни разу не названы бурятами, а по большей части причисляются к монголам. Только с последних годов XVII в., после ряда перипетий, этнический состав табунутов становится преобладающим бурятским: в 1698 г., например, подали челобитную «ясачные брацкие и табунуцкие люди Батур Окин зайсан и шуленги с улусными своими людьми»⁶⁴. Таким образом, нет никаких оснований рассматривать табунутов как самостоятельное бурятское племя и помещать их на карту, отводя им значительное место по Селенге и по Хилку, как это делает Б. О. Долгих. В своем же изложении вопроса об истории табунутов Б. О. Долгих проявляет непоследовательность: он признает, что эта группа получила свое название от Турукая Табуна⁶⁵, признает и то, что русские источники XVII в. не причисляют их к бурятам⁶⁶, и, однако, рассматривает их как особую и именно бурятскую племенную группу. По довольно шатким основаниям он высказывает предположение, что табунуты — это отколов-

⁶² С. Патканов, Указ. соч., стр. 502—503.

⁶³ См. карты в «Истории Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 80—81; «Краткие сообщения Института этнографии», VIII, 1949, стр. 36; XVII, 1952, стр. 38.

⁶⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. № 1397, л. 185; в Иркутском музее хранится такой же документ, в котором говорится еще яснее: «ясачные брацкие табунуцкие люди» (без союза «и»).

⁶⁵ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 52.

⁶⁶ «Краткие сообщения Института этнографии», XVII, стр. 37.

шаяся от хоринцев часть батулинцев⁶⁷. Но если даже и согласиться с последним предположением, то табунуты все равно не получают права на самостоятельное место на этнической карте Забайкалья, как она сложилась ко времени прихода русских: ведь, как мы уже знаем, батулинцы вместе с хоринцами жили тогда по западную сторону Байкала и только в 1640-х годах оттуда ушли.

Б. О. Долгих приводит еще несколько племенных названий монголоязычных групп, связанных с Забайкальем: это четыре рода — Атаганов, Сартолов, Хатагинов и Узонов, тяготевшие к Селенгинскому острогу. Но, по его же признанию, это собственно монгольские (т. е. не бурятские) роды, и на своих картах он им места не уделяет.

8

Итак, какие же остаются племена бурят, которые можно было бы связать с Забайкальем, как с исконной этнической территорией? Ни одного. Не подлежит сомнению, что буряты за Байкалом, в частности по Селенге, жили, притом в немалом числе. Уже в 1645 г. русский отряд под командой Вас. Колесникова, впервые перейдя за Байкал, попал «в брацкие урочища, в степь на Кутору, на усть реки Селенги, в большие брацкие люди... с ряд с мунгальскими людми»⁶⁸. Имеются и другие сообщения о забайкальских бурятах. Но нет ни одного племенного имени, которое можно было бы к ним приурочить. Как мне уже приходилось указывать⁶⁹, это обстоятельство нельзя считать случайным. Будучи издавна связанны с феодальной Монголией, забайкальские буряты, подобно самим монголам, вероятно, уже давно утратили родо-племенные деления. У них классовые, феодально-крепостнические отношения были развиты больше. Ведь и в более позднее время, в XVIII—XIX вв., многократно отмечалось наличие более резких классовых противоречий среди забайкальских бурята, чем среди предбайкальских. Недаром укрепился в Забайкалье ламаизм — отражение феодально-крепостнического строя, тогда как западные буряты сохраняли до недавнего времени архаические шаманские верования, тесно связанные с родо-племенными традициями. Родо-племенной уклад, уже изжитый в Забайкалье ко времени прихода русских, вновь появился там вместе с переселением из Западной Бурятии хоринцев, батулинцев и др.

9

Итак, ко времени прихода русских, в начале XVII в., буряты представляли собой уже сложившуюся народность. Они распадались географически на две части, неодинаковые по уровню развития. Забайкальские буряты, издавна связанные с соседней феодальной Монголией, утратили уже племенные деления и объединялись, вероятно, лишь в административно-политические, феодальные группировки. Предбайкальские буряты, составляя часть той же народности, сохраняли, однако, более архаическое деление на племена.

О происхождении отдельных бурятских племен и родов, вошедших в состав бурятской народности, писалось не раз, и мы не будем касаться здесь этого вопроса. Совершенно бесспорно, что многие из этих племенных и родовых групп имеют очень древнее происхождение — несравненно более древнее, чем сама бурятская народность. Исследователи неоднократно указывали на совпадения названий некоторых из бурятских племен и родов с названиями племен и народов, упоминаемыми у Рашидад-дина, в «Сокровенном сказании», даже в орхон-енисейских надписях. Нет ничего невероятного в том, что отдельные племенные названия ока-

⁶⁷ Там же, стр. 39.

⁶⁸ ДАИ, т. 3, стр. 109.

⁶⁹ С. А. Токарев, Указ. соч., стр. 129.

жутся еще намного более древними. Это только лишний раз подтвердило бы сталинское учение о глубокой древности современных языков, история которых связана с историей самих их носителей — племен и народностей.

* * *

Против защищаемой здесь мысли о том, что буряты уже в XVII в. представляли собой сложившуюся народность, иногда возражают, что народность — это форма этнической общности, складывающаяся лишь вместе с образованием классового общества; буряты же перед приходом русских еще не успели перейти от первобытно-общинного строя к классовому. Это возражение, однако, основано на абстрактно-схематическом понимании исторического и, в частности, этногенетического процесса. Факты говорят нам, что народности существовали и существуют и на стадии первобытно-общинного строя⁷⁰. Даже не выходя из пределов Сибири, можно напомнить о целом ряде фактов этого рода. В XVII в. первобытно-общинный строй еще господствовал у ительменов, коряков, чукчей, гиляков (нивхов), тунгусов (эвенков), кетов, не упомяная уже о других. Однако это были совершенно бесспорные народности (а не племена), каждая со своим языком, обособленной территорией, обычаями, культурой, хотя общего самоназвания у некоторых из них (чуки, коряки) и не обнаружено. По уровню общественного развития все эти народности стояли явным образом ниже бурят. За пределами Сибири можно указать немало таких же примеров: эскимосы, алеуты, тлинкиты, селиши, навахо, апачи и другие в Северной Америке; арауканы в Южной Америке; батаки, минангкабау, карены, шаны и ряд других в Юго-Восточной Азии. Все эти этнические группы нет никаких оснований не считать отдельными народами (народностями), хотя у них еще недавно господствовал в той или иной мере первобытно-общинный уклад.

* * *

Процесс формирования бурятской народности, конечно, далеко не был завершен в XVII в. Эта народность пополнялась и в конце XVII, и в XVIII, и даже в XIX в. за счет разных иноязычных элементов, пришлых из Монголии, тунгусских и иных, которые ассимилировались по языку и культуре с бурятами. Сами бурятские племенные группы постепенно сливались, сплачивались, перемешивались между собой. Б. О. Долгих вполне прав, считая, что в этом сплочении, консолидации бурятской народности крупную роль сыграло то, что она оказалась включенной в Русское государство, отделившись от монголоязычных групп за рубежом — в Монголии и Маньчжурии. Эти зарубежные монголоязычные группы остались до недавнего времени в состоянии фактической феодальной раздробленности, буряты же в России с ее более прогрессивным социально-экономическим строем и централизованным государственным устройством оказались в условиях, более благоприятствовавших этнической консолидации.

Однако до последнего времени существовала значительная обособленность между отдельными частями бурятского народа и в России. В частности, в значительной мере разобщены были друг от друга западные и восточные буряты: и географически, и экономически, и административно, и по языку, и по культуре. Окончательное сплочение бурятского народа — сплочение его в социалистическую нацию принес с собой только советский строй, принесла ленинско-сталинская национальная политика, создавшая Бурят-Монгольскую АССР и обеспечившая максимальные возможности для культурного развития народа.

⁷⁰ Редакция не разделяет точку зрения автора статьи о том, что «народности существовали и существуют и на стадии первобытно-общинного строя». — Ред.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Е. П. БУСЫГИН

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР

Русский народ, пришедший в своей основной массе на территорию Татарской АССР во второй половине XVI в., сыграл исключительную роль в истории формирования татарского народа и его культуры. Как указывал Ф. Энгельс, «господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹. Русские принесли с собой передовую по тому времени трехпольную систему земледелия, которая заменила существовавшую здесь переложную; в крае появились более совершенные сельскохозяйственные орудия, улучшенный бревенчатый сруб, русская хлебопекарная печь, отдельные элементы меблировки, одежды и пищи. Все это способствовало сближению татарского народа с русским, обогатило культуру татарского народа, обусловило быстрое развитие производительных сил в крае. Вместе с тем длительное сожительство с коренным населением края — татарами, наложило определенный отпечаток на культуру и быт русского населения этой территории, создало некоторое своеобразие в жилище, одежде, питании и других сторонах его материальной культуры. Определенное влияние на культуру русского населения оказал и тот факт, что русские люди пришли в край из различных областей нашей страны и принесли разнообразные, свойственные той или иной местности культуру и быт. В настоящей статье мы рассмотрим поселения и жилища русского населения Татарской республики, отразившие сложную историю формирования русского населения Среднего Поволжья.

Поселения

Все русские поселения края могут быть подразделены на следующие типы: 1) селения, расположенные по берегам крупных рек — Волги, Камы и Вятки; 2) притрактовые селения; 3) овражно-речной тип поселений; 4) водораздельный тип поселений.

Селения, расположенные по берегам крупных рек, являются наиболее древними в крае. Они возникали на начальных этапах колонизации, когда захватывались стратегические пути (высокие берега рек) и богатые земли на низменных берегах (луга).

Основная масса поселений первого типа ограничена крутыми правыми берегами Волги и Камы. Здесь поселения расположены как в широких разлогах, открывающихся к Волге, так и непосредственно по склону кру-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211

того берега или же на самой вершине его. В случае расположения селений по склону, улицы приволжских и прикамских деревень идут параллельно берегу и ступенями поднимаются от реки (В. Услон, Камское Устье, Свиногорье и др.; см. рис. 1).

На левом берегу Волги селения отодвинуты от реки на всю ширину поймы (3—5 км) и располагаются в большинстве своем на второй надпойменной террасе (Васильево, Займище, Тетеево и др.). Кроме того, имеется большое число поселений, расположенных непосредственно в пойме. Особенно много пойменных поселений в месте слияния Камы с Волгой, в Иксской пойме, на левом низменном берегу р. Вятки. Эти поселения расположены на возвышенных частях поймы, на ее гравах,

Рис. 1. Прибрежный тип поселений. Село Верхний Услон (фото В. А. Дуглав)

имеют обычно одну одностороннюю или двухстороннюю улицу и вытянуты сообразно направлению гравы (Дубовая грава, Шадрино, Юртово, Бессониха и др.).

Притрактовые селения также являются древними поселениями в крае, возникавшими по большим дорогам, а позднее по трактам. Территория республики издревле имела разветвленные пути, связывавшие ее с югом, юго-востоком, севером. Из Казани шли дороги в Москву, Оренбург (Чкалов), Астрахань, Сибирь, Симбирск (Ульяновск). Тракты, являвшиеся на большей части территории единственными возможными путями сообщения (особенно в период распутицы), имели огромное значение в жизни населения. Поэтому на всем протяжении тракта всегда вытянуто большое количество поселений. Обычно дома притрактовых селений расположены по обеим сторонам шоссе, окнами на улицу. Деревня растет вдоль линии шоссе; иногда возникают параллельные и перпендикулярные улицы. Одним из многих примеров может служить д. Рождествено Лайшевского района, вытянутая вдоль шоссе, идущего из Казани в Чкалов. Раньше здесь была только двухсторонка, идущая по тракту. По мере

увеличения населения, новые избы ставились перпендикулярно главной улице, появились боковые отвершки — «заглядки», вырастали новые параллельные улицы; увеличение деревни шло как в длину, так и в ширину. Деревни, находящиеся на стыке шоссейных дорог, располагаются радиально, имея центром точку пересечения всех дорог.

Особенно большое число русских деревень относится к овражно-речному типу поселений. «В Татарии почти исключительно развит долинный тип расселения»². Этот тип поселений появляется несколько позднее (не ранее XVIII в.), когда русские люди стали расселяться в глубь территории, вдали от больших рек и главных трактов. Большинство таких деревень приурочено к долинам мелких рек, древним балкам, где имеется неглубокое нахождение грунтовых вод. «В подавляющем же числе русские селения расположены при каком-нибудь урочище, обеспечивающем население водой»³.

Улицы не имеют здесь строгой вытянутости, как в притрактовых деревнях. Они изгибаются, приспосабливаясь к топографическим условиям местности. Дома расположены на первый взгляд хаотически, без определенной закономерности. Однако и здесь можно видеть характерную двухсторонку и различные боковые отвершки, возникшие в более позднее время. «Как бы ни был по внешнему виду запутан план селения, в основе его всегда лежит влияние одного или двух главных факторов расселения: водоема или путей сообщения»⁴.

Изменение в общем направлении деревень, как наблюдалось нами, никогда не делается по кривой линии (об этом свидетельствует и В. В. Егерев на основании планов деревень XVI—XVII в.). Если улица меняет свое направление, то всегда под каким-либо углом, в результате чего получается ломаная линия. В этом отношении планировка татарских поселений резко отлична. «Типичной для татарских поселков является большая запутанность плана, кривые улицы, проезды, тупики, усадьбы неправильной формы, а также кучное расположение усадеб как бы вокруг какого-то, ныне уже не существующего центра»⁵.

Водораздельный (или сыртовой) тип поселений имеет сравнительно небольшое распространение в крае. Это объясняется затруднительностью водоснабжения. К этому типу относится часть притрактовых поселений, а также поселки при станциях железных дорог, где железнодорожные линии пересекают водоразделы. Исторически водораздельный тип возник наиболее поздно в связи с уплотнением населения, когда потребовалось освоение водораздельных пространств, прежде покрытых лесом.

Расположение домов в русских деревнях в подавляющем большинстве двухстороннее, т. е. дома стоят по обе стороны улицы, окнами обращены друг к другу (рис. 2). Исключение составляет лишь часть приволжских и прикамских поселений, вытянутых вдоль берега реки. Здесь окна домов каждого параллельного порядка обращены непосредственно к реке. Односторонние улицы на всей остальной территории ТАССР встречаются лишь там, где топографические условия местности мешают возможновению другого порядка.

Анализируя обширный архивный материал, В. В. Егерев⁶ пришел к заключению, что первоначальным типом застройки русских деревень следует считать односторонку, вытянутую в одну линию, которая постепенно, по мере роста населения, превращается в двухсторонку. Таким обра-

² В. Н. Сементовский, В. В. Батыр, А. В. Ступин, Рельеф Татарии, Татгосиздат, 1951, стр. 115.

³ В. В. Егерев, Самобытное расселение народностей Казанского края, «Вестник Об-ва татароведения», 1928, № 8, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 64.

⁵ Н. И. Воробьев, Происхождение казанских татар по данным этнографии, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 76.

⁶ В. В. Егерев, Указ. работа.

зом, улица состоит из ряда домов, называемых порядком или рядом. Почти все дома порядка выходят фасадом на линию улицы, имея при этом перпендикулярное положение жилого помещения по отношению к улице. Дома, выступающие за черту порядка или ряда, встречаются

Рис. 2. Уличная планировка. Дер. Шушары Высокогорского района

крайне редко, в большинстве случаев лишь на краю деревни. По рассказам стариков, раньше категорически было запрещено строить дома, вы-

Рис. 3. «Гнездовое» расположение усадеб. Дер. Сосновка Высокогорского района

ступающие за черту ряда. На вопрос — почему? — обычно отвечали: «Нету порядку». Подобные факты отмечены Артамоновым⁷ в Калинин-

⁷ М. Артамонов, Постройки Краснохолмского района, Труды Верхневолжской этнографической экспедиции, Л., 1926, стр. 22

ской области. Дома, построенные несколько отступя от основной черты, встречаются значительно чаще. В этом случае перед домом разбито не сколько огородных грядок или даже посажены фруктовые или другие деревья. Порядок деревни состоит из парных усадеб, отделенных друг от друга свободным пространством, шириной 5—6 м. Этот участок занят либо приусадебным огородом с растущими на нем отдельными деревьями (рассаженными с противопожарной целью), либо, через определенное количество «гнезд», проулком, ведущим в поле, к реке или в параллельную улицу деревни. Усадьбы соприкасаются друг с другом амбарами, которые отделены лишь свободным проулочком шириной примерно в 1 м (рис. 3). Такое расположение усадеб сравнительно удобно в противопожарном отношении, а посему закреплено соответствующими постановлениями о планировке сельских населенных пунктов еще в конце прошлого века⁸.

Количество дворов в деревне различно в зависимости от типа поселения. Деревни, расположенные по берегам крупных рек, имеют наибольшее число дворов (Услон, Теньки, Красновидово, Камское Устье и др.), в среднем от 200 до 500. Деревни же, расположенные в глубинных частях республики, в большинстве своем небольшие, не превышающие 100 дворов. Исключение составляют лишь деревни, в которых издавна получило большое значение ремесло; деревни, стоящие недалеко от разработок каких-либо полезных ископаемых (например, карьеры для добычи камня); деревни, расположенные вблизи железнодорожных станций, шоссейных дорог, словом, там, где рост деревни был обусловлен какими-либо дополнительными факторами. Некоторое представление о величине русских населенных пунктов в Татарской республике дает следующая таблица⁹.

Менее 60 дворов	—43,5 %	от 250 „ до 300 дворов	— 4,4 %
от 60 до 100 дворов	—16,7	„ 300 „ 400 „	— 4,2
„ 100 „ 150 „	—13,9	„ 400 „ 600 „	— 2,7
„ 150 „ 200 „	— 8,7	„ 600 „ 800 „	— 0,8
„ 200 „ 250 „	— 4,8	свыше 800	— 0,3

За годы Советской власти количество населенных пунктов в республике увеличилось. Если принять общее количество населенных пунктов в 1926 г. за 100%, то в 1948 г. мы имеем увеличение на 24%¹⁰. Это объясняется выделением отдельных хозяйств из некоторых селений с конца 1920-х годов, когда эти хозяйства, объединившись в артели, начинали строить на новом месте новую жизнь. Вначале такие поселения назывались хуторами, выселками, слободками (эти названия кое-где сохранились и сейчас). Постепенно выделившиеся хутора разрастались и превращались в крупные колхозные поселки. Примером могут служить хутор Андреевка, ныне колхоз «Красноармеец», отделившийся в 1927 г. от деревни Лютово; деревня «Пашня», ныне колхоз «1 Мая» — выселки из Пестрецов; небольшой хутор, выделившийся из деревни Шушары Высокогорского района, ныне крупный колхоз им. Чернышевского. В 1929 г. на этом хуторе было всего два дома. Сейчас в колхозе 38 жилых домов, в том числе два шестиквартирных и один восьмиквартирный, много общественных построек, здание фермы под железной кры-

⁸ На основании постановлений 16 июня 1873 г., 1 февраля 1877 и 17 апреля 1875 гг.; см. «Изв. об-ва археол., истории и этногр. при Казанском ун-те», т. XI, вып. 4, 1893, стр. 385.

⁹ «Географический очерк Татарской АССР», Журн. «Труд и хозяйство», 1926, № 6—8, стр. 13. Абсолютные цифры переведены автором в проценты.

¹⁰ Подсчитано автором по материалам книги «Административное деление ТАССР» Казань, 1948.

шей, клуб, машинное отделение и т. д. Таких примеров в республике много.

В 1950 г. по решению партии и правительства произошло объединение мелких колхозов. Если до 1950 г. в республике насчитывалось 4256 колхозов¹¹, то в результате объединения эта цифра сократилась до 2568¹². Объединение прошло по линии ведения коллективного хозяйства, но, несомненно, это создает предпосылки для организации в будущем новых крупных благоустроенных населенных пунктов.

Ширина улиц колеблется в довольно больших пределах. В большинстве деревень она составляет 35—50 м. Но есть деревни, где ширина улиц вдвое превышает указанную величину. Наличие широких улиц население объясняет противопожарными мерами. Кроме того, ширина улиц в притрактовых деревнях объясняется необходимостью по возможности предохранить себя от пыли, возникающей на дороге. В силу этого дома отодвигают несколько дальше от дороги.

Озеленение деревень в целом незначительное. Исключение составляют лишь населенные пункты, расположенные по правому берегу Волги, где имеется большое количество фруктовых садов. В других деревнях лишь перед незначительным количеством домов растет береза, тополь или ива. Обычно древесные насаждения находятся на окраине деревни по течению реки, у источника, вокруг пруда. За последние годы озеленение деревень увеличилось в очень сильной степени.

Помимо выполнения государственного плана лесонасаждений на отведенных колхозу участках, многие колхозники сажают молодые деревья перед своими домами, на приусадебных участках.

Каждая улица в деревне обычно имеет свое название. Кроме современных названий улиц, сохранились еще старые названия, так или иначе связанные с историей данного села. Например, в д. Бишево Кайбицкого района одна из частей деревни называется «татарский конец», в д. Бехтеревка Бондюжского района часть села носит название «вотского конца», в д. Красновидово древнейшая часть села называется «старая слободка». Один из концов д. Кугална Буйнского района называется «чувашским», часть деревни Ивашевки носит название «бицево» (как свидетельствуют крестьяне, здесь некогда жили татары) и т. п. Некоторые новые порядки, возникшие в последнее время и еще не получившие официального названия, именуются «слободками», «концами» и т. д. Некоторые названия говорят о некогда произошедшем здесь каком-либо событии. Так, например, в д. Свиногорье одна часть деревни называется «обвальный конец» по причине произошедшего здесь лет 30 назад сильного оползня.

По рассказам стариков, раньше вся деревня и даже поля были окружены изгородью с целью предохранения посевов от скотины. В настоящее время в этом необходимость отпала, но все же кое-где можно встретить огороженные деревни, вход в которые осуществляется через специальные ворота (д. Андреевка, Красновидово и др.).

Наиболее древней изгородью является прясло, представляющее собой две пары связанных колец, соединенных несколькими параллельными жердями. Прясле, как отмечает Седашев¹³, является очень древней изгородью северной деревни и ведет свое начало со времен древней Руси. Наиболее типичной и широко распространенной изгородью местного края является плетень (рис. 4). Плетнем огорожены проулки, соединяющие улицы деревни, огороды, сады, укреплены овраги. Широкое распространение плетня в крае отмечают многие авторы прошлого века. Так,

¹¹ Газ. «Красная Татария», от 25.VI 1950 г.

¹² Газ. «Красная Татария» от 29.X 1950 г.

¹³ Седашев, Изгородь северной деревни, «Этнографическое обозрение», 1908, № 4, стр. 137.

Постников¹⁴ пишет, что «весь двор имеет четырехугольную форму и огорожен высоким плетнем»; и дальше: «усадьбы всегда огораживаются плетнем».

Рис. 4. Плетень

Третий тип изгороди у русского населения среднего Поволжья — тычинник, который изготавливается путем заплетения тонких ветвей тальника или орешника, длиной 1,2—1,5 м, за три параллельные жерди, укрепленные на двух кольях.

Усадьба

Усадьба разделяется на две части: собственно двор, застроенный теми или иными надворными постройками, и задняя часть усадьбы, где в настоящее время обычно располагается огород или сад, в котором иногда ставятся ульи. Раньше здесь, кроме огорода, располагались: гумно, молотильный сарай, овин, иногда амбары и бани.

Наиболее типичной формой двора русского населения края является П-образная застройка, или застройка «покоем» (рис. 5). Она характеризуется тем, что за домом следуют клеть и навес, далее поперек усадьбы расположены помещения для скота, соединенные навесом; по противоположной стороне усадьбы, от помещения для скота, идет снова навес, различные службы и амбар, выходящий на линию улицы.

Таким образом, двор имеет форму прямоугольника, обращенного узкой стороной к улице. Изба непосредственно объединяется одной крышей с надворными постройками. Подобная планировка двора имеет очень широкое распространение на всей территории Среднего Поволжья. С. П. Толстов отмечал: «Мы имеем стойку покоем во всем Поволжье, ниже Нижнего-Новгорода»¹⁵. Бытование П-образной стойки в Москов-

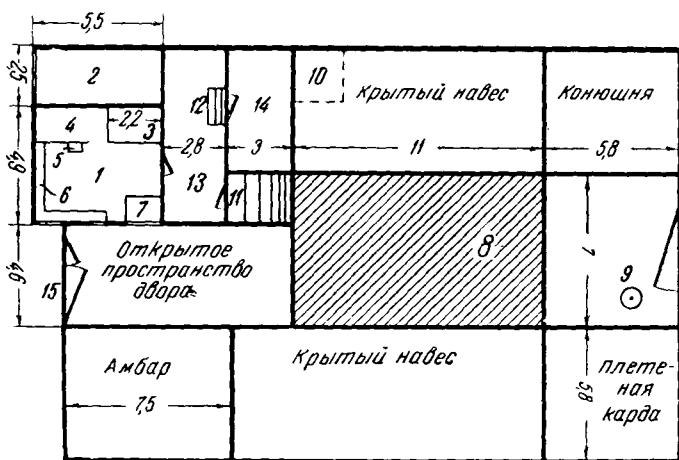
¹⁴ А. Постников, Жилище и различные постройки села Верхн. Талызина Курмышского уезда Симбирской губернии, «Изв. об-ва археол. истории и этногр., при Казанском ун-тех», т. XI, вып. 4, 1893.

¹⁵ С. П. Толстов, К этнографической систематике великорусской культуры жилища в средней России, Сб. «Культура и быт населения Центрально-промышленной области», М., 1929, стр. 79.

ской области отмечает Г. С. Маслова. Она пишет: «Покоеобразная застройка встречается, начиная от самой Москвы и даже в Ухтомском,

A

Б

Рис. 5. Дом колхозника И. С. Морозова, постройки 1948 г. Дер. Сосновка Высокогорского района: А — внешний вид; Б — план: 1 — изба; 2 — комната; 3 — печь; 4 — перегородка; 5 — шкаф; 6 — скамейка; 7 — кровать; 8 — плоская крыша; 9 — колодец; 10 — место для дров; 11 — крыльце; 12 — лестница из сеней в клеть; 13 — сени; 14 — клеть; 15 — ворота одностворчатые

Бронницком, Раменском и других районах...»¹⁶. В Волоколамском районе П-образные постройки отмечены Н. Н. Чебоксаровым¹⁷, в Дмитровском районе (север Московской области) — К. А. Соловьевым¹⁸, в Молотовской и Кировской областях — В. Н. Белицер.

¹⁶ Г. С. Маслова, Селения и постройки колхозов Московской области, «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 58.

¹⁷ Н. Н. Чебоксаров, Постройки Волоколамского уезда, «Московский краевед», вып. 3 (11), 1929, стр. 33—70.

¹⁸ К. А. Соловьев, Жилище крестьян Дмитровского края, стр. 111.

С. П. Толстов рассматривает П-образную стройку, как результат взаимодействия северных и южных форм, вызванный интенсивными этническими смешениями эпохи возникновения Московского государства. Дальнейшее же распространение смешанных форм, как считает С. П. Толстов, привело к появлению их на обширной территории и в особенности в Поволжье, где создался своеобразный поволжский комплекс культуры жилища¹⁹. В настоящее время некоторые исследователи на основании новейшего этнографического материала указывают на большое своеобразие культуры средних (центральных) великоруссов — потомков восточных кривичей. Н. Н. Чебоксаров считает, что «многие особенности материальной культуры, которые рассматривались до недавнего времени как результат взаимодействия северного и южновеликорусских элементов, должны, повидимому, считаться специфическими именно для средних великоруссов. В высшей степени вероятно, что это относится и к двурядной или покоеобразной застройке...»²⁰.

У русского населения края открытая часть двора иногда закрывается особой крышей. Для ее устройства по внутреннему краю надворных построек друг против друга вбиваются столбы, на них кладут «переклады», или «переводы» из толстых бревен, на переводы кладут слеги (вдоль двора) — более тонкие жерди и, наконец, орешник или солому. Такая крыша носит название «прямушка», «плоскун» или просто «плоская крыша». В некоторых домах у ворот оставляется небольшое пространство непокрытого двора — для света. Отдельные же дворы покрыты до самых ворот. На лето часть плоской крыши убирается, во дворе делается светлее. Однако нам приходилось наблюдать дворы, наглоухо закрытые даже летом (д. Верхн. Ия, Рождествено, Кадыли и др.). Подобная крыша бытует в крае давно. Так, Сенгилевский²¹ отмечает: «Вокруг двора по внутренней черте делаются стропильные навесы, утвержденные на дубовых соехах и крытые соломой для защиты скота и хозяйственных принадлежностей от зимних непогод». О закрытом дворе говорят Андреев²² и другие авторы.

Таким образом, в наиболее типичной планировке русского двора — П-образной стройке изба непосредственно соединяется с надворными постройками. Как известно, преобладающая планировка татарского двора иная. Здесь надворные постройки не объединяются под одной крышей и почти никогда не соединяются с домом²³. Но здесь, на территории Татарии, мы встречаемся с фактами сплошной застройки у татар и, наоборот, с фактами обособленного положения жилого помещения у русских.

Отличие русской усадьбы от татарской проявляется и в количестве построек на дворе. У русского крестьянина выражено стремление к сплошной застройке, к объединению всех служб под одной крышей. В татарской усадьбе, наоборот, мы видим довольно ярко выраженную разбросанность построек. «Все постройки группируются в несколько групп, а амбары всегда стоят отдельно», — отмечает Н. И. Воробьев²⁴. Это положение наглядно иллюстрируется данными санитарного обследования ТАССР²⁵: все постройки стоят под одной крышей: у русских — 72,2%, у татар — 36,9%; под двумя крышами: у русских — 22,9%, у татар — 46%; под тремя крышами: у русских — 4,6%, у татар — 14%; под

¹⁹ С. П. Толстов, Указ. работа, стр. 85.

²⁰ Н. Н. Чебоксаров, Рецензия на диссертацию автора, 5.IV 1952 г.

²¹ Н. Сенгилевский, Краткий очерк Закамского края Казанской губернии (рукопись), 1850.

²² Андреев, О вечерках г. Свияжска (рукопись), 1853.

²³ Н. И. Воробьев, Материальная культура казанских татар, Казань, 1930, стр. 186.

²⁴ Там же, стр. 189.

²⁵ «Планировка и застройка селений», М., 1930, стр. 42.

четырьмя крышами: у русских — 0,3%, у татар — 2,6%; под пятью крышами: у русских — 0,0%, у татар — 0,3%.

Выделяя по наиболее характерным признакам дворы русского и татарского типов, получаем, что живут во дворах русского типа: русских — 44,9%, татар — 11,3%; во дворах татарского типа: русских — 12,9%, татар — 49,7%²⁶. Остальная часть населения живет во дворах со смешанным типом застройки, причем во дворах с промежуточными группировками живет русских 25,8%, татар — 24,8%.

Подобная картина на территории Татарской АССР объясняется тесным соприкосновением обеих национальностей в процессе их совместной жизни и труда. Русские и татары в течение трех с лишним столетий живут чересполосно, продают и покупают друг у друга дома, продолжают жить в них без существенных переделок, обмениваются различными культурными достижениями.

В настоящее время в крае наблюдается появление большого числа обособленных построек. Это закономерное явление. При колхозном строев отдельные службы бывшего единоличного крестьянин становятся не нужными. На месте прежней конюшни или сараев для хранения телег и саней разбивается небольшой огород, ставятся несколько ульев, сажаются фруктовые деревья или же за счет освобожденной территории происходит увеличение площади жилого помещения.

Хозяйственные постройки

О расположении вспомогательных служб в пределах усадьбы мы упоминали. Остановимся на их назначении. За жилым помещением вглубь двора следуют сени и клеть. К клети непосредственно примыкает крытый навес, который используется обыкновенно для хранения дров; здесь же часто устанавливается небольшой верстак для производства несложных столярных работ, необходимых в хозяйстве. К сараю примыкает карда — открытое помещение для содержания овец, в самом углу двора находится теплее помещение для скота. Это небольшой сруб, сложенный из тонких бревен «на мху», с плоской крышей, деревянным полом и небольшими волоковыми окнами. В противоположном (дальнем) углу двора находится подобное же помещение — «конюшня»; часть его предназначается для коровы, другая для овец. Обе эти части перекрываются одной крышей, являющейся частью общей крыши, которой покрыты все надворные постройки. От дальней «конюшни», параллельно дому, идет снова крытый навес — сарай, предназначенный для хранения различного сельскохозяйственного инвентаря, и, наконец, последняя служба — это амбар, выходящий на линию улицы, замыкающий собой П-образнуюстройку. Амбар представляет собой либо деревянный сруб без окон и потолка, либо сложен из камня или кирпича с одним небольшим окном, выходящим на улицу, и с массивной железной или деревянной дверью, выходящей на двор. Амбар служит для хранения запасов, различного домашнего имущества, иногда здесь устраивается погреб, а летом часто спят молодые члены семьи.

Все надворные постройки преимущественно покрыты соломой и обнесены плетневым забором. Из плетня, как уже указывалось, делается и часть надворных построек, которые для прочности обмазываются глиной. Обычно из плетня делают двойную стенку и промежуток засыпают землей с сухими листьями. Как отмечают многие авторы (об этом свидетельствуют и личные наблюдения), плетень для легких перегородок не употребляется в северных областях Советского Союза. Он имеет широкое распространение у южных великороссов. Б. А. Куфтин отмечает, что

²⁶ «Планировка и застройка селений», стр. 45.

отсутствие плетневых построек на севере не может объясняться отсутствием тальника, ибо тальник есть, а плетня не делают или не умеют делать²⁷.

Двор имеет два выхода: один — на огород в глубине двора, в пространстве между «конюшнями», и другой — на улицу, через ворота, стоящие на линии улицы между домом и амбаром. Ворота обыкновенно одностворчатые, даже тогда, когда они по внешнему оформлению кажутся двухстворчатыми. Последние встречаются крайне редко. Ворота часто украшаются несложной геометрической резьбой в виде кружков с радиально расходящимися лучами. Реже наблюдается на воротах рельефная резьба, которая встречена преимущественно в приволжских деревнях (Буртасы, Красновидово и др., рис. 6).

Рис. 6. Ворота усадьбы колхозника Филиппова.
Дер. Буртасы Теньковского района

Через ворота, расположенные в глубине двора, мы попадаем на огород, в дальнем углу которого раньше устраивали молотильный сарай и приспособления для сушки хлеба; впрочем, последние часто выносили за пределы деревни. Раньше для сушки хлеба ставили овины, риги и шиши. Сейчас примитивные способы сушки хлеба уходят из быта. Им на смену идут новые, современные зерносушилки, обладающие большой мощностью, а вместе с тем и большей безопасностью в пожарном отношении. Так, большой популярностью пользуются сейчас зерносушилка, изготовленная по системе инженера Гоголева, а также другие типовые зерносушилки. Однако еще совсем недавно овины, риги и шиши широко использовались. Овины были исключительно ямными. В них загружалось до 400 спонов. Перед овином устраивалось крытое гумно.

Шиши устраивались следующим образом: в яме глубиной до 2,5 м и площадью 3 × 3 м, стены которой так же, как и у овина, выкладывали камнем, устанавливали печь «каменку», примыкавшую к трем стенкам ямы. По ее углам вбивали четыре небольших бревна, так, чтобы они выступали над поверхностью на 20—30 см. На них клади доски, закрывающие яму. Над ямой сооружали шиш — наклонно стоящие жерди — шишовины, сходящиеся кверху конусом. На шишовины для удержания спонов горизонтально укрепляли кругляши до самого верха, на расстоянии один от другого примерно на 70 см. Спонами укладывали всю по-

²⁷ Б. А. Куфтин, Типы и элементы жилища, М., 1929, стр. 14.

верхность конуса. Случайно упавшие со споров зерна попадали на доски, закрывавшие яму. Топили печи в шишиах соломой. На рассматриваемой территории с начала ХХ в. русское население для сушки хлеба употребляло, главным образом, шиши, овины же почти исчезли²⁸. Однако устроенную подобным образом сушилку сами крестьяне продолжали называть овинами. И сейчас, когда спрашиваешь крестьян, где сушили раньше хлеб, они отвечают: «в овинах», а когда просишь описать его устройство, они описывают шиши. Если мы обратимся к XIX в., то увидим, что тогда повсеместно русское население сушило хлеб в овинах. Евлентьев²⁹ пишет: «Сушат хлеб большою частью в овинах или ригах, построенных над просторными ямами. У инородцев сушка хлеба производится на загонах, в так называемых шишиах». Другой автор середины прошлого века, Линдегрен³⁰ отмечает: «До шишей охотники татары и чуваши».

Таким образом, старые авторы совершенно определенно разграничивали сушку хлеба в овинах и шишиах. Первую они считали характерной для русского населения, вторую — для других национальностей, главным образом, для татар и чувашей. Замена овинов шишиами объясняется маломощностью старого единоличного крестьянина. Вместо сгоревшего овина русские крестьяне обычно сооружали более дешевый шиш, образец которого они видели у своих соседей татар, чувашей. «В настоящее время устраивают больше шиши, потому что устройство их сопряжено с меньшими расходами, чем устройство овинов»³¹. Сушка хлеба «по белому» в ригах была очень мало распространена, хотя преимущество этого способа по сравнению с сушкой хлеба в овинах было отмечено еще двести лет назад³². Бедность и нищета старой деревни не давали возможности крестьянам вводить какие-либо улучшения в свое хозяйство. Наборот, процесс шел по линии замены овинов шишиами. Поэтому, если раньше и встречались риги, то они принадлежали исключительно помещикам. Примером могут служить две риги в д. Арышхазда Пестречинского района, построенные помещиком в середине прошлого века. Остов сложен из красного кирпича. Печь находится внизу, жар из печи идет по трубам в ригу. В сушильном помещении труба делает несколько петель, огибая со всех сторон колосники с расположенными на них спорами. К риге непосредственно примыкает молотильный сарай. В настоящее время рига используется колхозом лишь в исключительно влажную погоду, когда установленная зерносушилка системы Гоголева не успевает сузить зерно.

За годы Советской власти в колхозной деревне появилось большое количество общественных зданий — правление колхоза, сельсовет, клуб, больница, детские ясли, библиотека и др. В каждом колхозе создана хозяйственная усадьба. Возникли сельскохозяйственные фермы, мастерские, электростанции.

Общественные постройки хозяйственного назначения обычно располагаются на окраине села. Они представляют собой длинные одноэтажные помещения, крытые двухскатной крышей (рис. 7 и 8). Строятся они из самого разнообразного материала: из бревен, саманного кирпича, плетня, камня, красного кирпича. Крыша обычно соломенная, тесовая, черепичная. За последние годы появилось много крыши, крытых железом. На территории хозяйственной усадьбы колхоза стоит обычно

²⁸ См. А. Постников, Указ. раб.

²⁹ К. Евлентьев, Краткое описание Тетюшского уезда в сельскохозяйственном отношении (рукопись), 1859.

³⁰ Линдегрен, Занятия жителей Чистопольского уезда (рукопись), 1856 г.

³¹ А. Постников, Указ. работа, стр. 388.

³² См. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1758.

водонапорная башня, снабжающая водой сельскохозяйственные фермы; часто здесь же расположены электростанция, различные мастерские, зерносушилки, гараж, складские помещения. Многие колхозы республики электрифицированы. Электрический свет появился в домах колхоз-

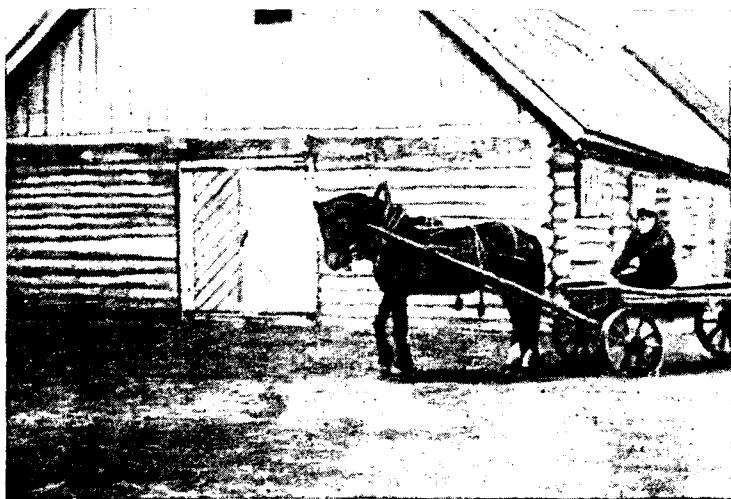

Рис. 7. Конный двор колхоза «Победитель» Буйинского района

ников и на фермах. Улицы колхозных сел ночью освещены. Все колхозы связаны телефоном с районным центром, а в некоторых колхозах телефон установлен во всех общественных зданиях и производственных объектах (колхоз им. Ворошилова В. Услонского района и др.). Очень многие колхозные села уже полностью радиофицированы³³.

Рис. 8. Амбары колхоза им. Буденного Высокогорского района

Жилой дом

Жилой дом представляет собой 4-х или 5-стенный сруб, сложенный преимущественно из сосновых или еловых бревен (у многих домов ниж-

³³ Газ. «Красная Татария» от 26.VII 1949 г.

ний венец делается дубовым). По данным санитарного обследования Татарской АССР, в 1927 г. деревянные избы составляли 96,8% всех построек республики. За последнее время произошло значительное увеличение числа каменных жилых помещений за счет строительства их преимущественно в районных центрах республики.

Способов рубки сруба существует несколько, но самой распространенной в крае является рубка в «угол», реже в «крюк» и в «лапу». Если раньше рубка сруба в «крюк» была доступна лишь зажиточной верхушке деревни из-за своей дороговизны, то сейчас этот способ получает широкое распространение у рядовых колхозников. Иногда встречается рубка в «лапу», но обычно этим способом рубятся лишь легкие хозяйствственные постройки.

Дома, рубленные в «лапу», принадлежащие отдельным колхозникам, встречаются редко. Так, в деревне Свиногорье Мамадышского района такой дом был единственным. Мелкие же хозяйствственные постройки, как-то «конюшни» (помещения для зимнего содержания овец, коровы), рубленные в «лапу», встречаются весьма часто, главным образом там, где хозяин владеет плотничим ремеслом.

За последнее время появляются отдельные колхозные постройки (клубы школы, правления колхозов и др. помещения), рубленные «в лапу». Это дает возможность экономить материал (лес), идущий на постройку дома, и облегчает проведение обшивки сруба, что практикуется довольно часто при возросшем материальном благосостоянии колхозной деревни.

При окончательной сборке сруба, пазы его прокладываются мхом — «мокришником», растущим в изобилии на болотах. Перед употреблением его предварительно высушивают и, смешав с паклей (из льна и конопли), применяют для прокладки сруба.

При постройке дома сплошного фундамента зачастую не ставят, а подводят под четыре угла деревянные стойки — «стулья», либо под углы подкладывают глыбы известняка, делая для них небольшие углубления в земле. Деревянные стойки врываются «под лицо» с поверхностью, что создает впечатление постановки сруба непосредственно на земле. За последнее время многие дома стали ставить на кирпичном фундаменте, устраивая его по всем правилам строительной техники. После того как поставлен фундамент, происходит кладка сруба. В первых трех-четырех венцах (между какими-либо из них) пропиливают небольшие окошечки, размером 30×15 см. В 4—5 венце, а иногда и на высоте 2—2,5 м от уровня земли в стены врубаются переводы для пола. Высокое положение пола над землей образует «подъизбье», представляющее собой нижний этаж жилой постройки (рис. 9). Особенно большое число домов с подъизбьем встречено в правобережных районах и приволжских селах. Подъизбье не отапливалось и служило раньше для содержания мелкого скота и птицы. Наличие подъизбья, как известно, очень характерно для северных районов нашей страны. Бытование подъизбья в Ярославской области отмечается Е. Э. Бломквистом³⁴. Наличие подъизбья отмечают М. Артамонов³⁵ и другие авторы. В тех домах, где пол невысоко поднят над землей, сооружается подполье глубиной 1—1,5 м. Вход в подполье устраивается из избы, через творило, вделанное в пол избы перед печкой. Подполье служит преимущественно для хранения овощей.

Жилой дом, как правило, обращен узкой стороной к улице. На улицу выходят три окна, а вход устраивается сбоку. Расположение жилого дома

³⁴ Е. Э. Бломквист, Постройки Мологского уезда, Труды Верхне-Волжской этнографической экспедиции, Л., 1926, стр. 78.

³⁵ М. Артамонов, Указ. работа.

вдоль улицы встречается, как исключение. Двухэтажные индивидуальные дома здесь не характерны. Раньше они встречались лишь у сельской буржуазии, кулаков. Сейчас двухэтажные здания — это преимущественно общественные постройки — правление колхоза, клуб, библиотека, магазин и др.

Покрытие домов большей частью двухскатное, так называемое «коньковое». Четырехскатное — «шатровое» покрытие встречается в большом количестве лишь в восточном Заволжье (в Мортовском, Елабужском, Бондюжском районах). Шатровые или «круглые» крыши появились лишь в последнее время. Материалом для покрытия служат солома, тес и железо. До конца прошлого столетия покрытие крыши было исключительно соломенное. «Строения в селе и службы большую частью крыты соломой и тесно построены»³⁶. «Впечатление, производимое видом русской деревни,— писал Н. Зобов,— вообще не веселое, какое-то серое. Это ряд маленьких, темных бревенчатых изб, наклонившихся то вбок, то в сторону, грязные соломенные кровли, крошечные волоковые окна, отсутствие зелени»³⁷. Тесовые и крытые железом крыши стали появляться лишь с конца прошлого столетия, причем только у зажиточной части деревни. В данное время основным материалом покрытия служит тес, но наряду с этим имеются также крыши, крытые железом и соломой, причем с ростом общего благосостояния колхозной деревни с каждым годом увеличивается число крыш, крытых железом.

Техника покрытия исключительно стропильная, самцовое покрытие на жилых постройках не встречается, хотя раньше оно было господствующим. Обычно крышу кроют так: в «тепловые бревна» (последний венец сруба, поверх матицы) врезают стропила под углом 30—40°. На стропила кладут слеги — обрешетку и покрывают тесом или железом. Стропила врезаются, как правило, не в самые концы «тепловых бревен», а отступая от конца сантиметров на 60—70. Слеги же доходят до самого сруба, вследствие чего после обшивки треугольного пространства, образованного крайними стропилами, и устройства «сливной крыши» получается «фронтон» — углубленная часть фасада. Фронтон обшивается досками, чаще всего в «елочку», иногда параллельно венцам сруба, иногда вертикально, и в верхней части его устраивается слуховое окно. Бесстропильное покрытие — «костром» нами не встречено.

Большинство русских изб имеет завалинку — небольшую приступку с внешней стороны дома, назначение которой сохранить тепло в жилом помещении. Завалинка бывает с трех сторон дома, но чаще только с одной — передней. Иногда завалинки сооружаются только на зиму. Ма-

Рис. 9. Дом с подъездом. Дер. Сюкеево Камскоустинского района

³⁶ «Памятная книжка Вятской губернии 1873 г.», стр. 136.

³⁷ Н. Зобов, Опыт этнографического описания Свияжского уезда (рукопись), 1855, стр. 22.

териал и техника изготовления их разнообразны. Там, где поблизости имеется известняк, низ дома обкладывают камнями; в других случаях заплетают вдоль стены невысокий плетень и пространство между плетнем и стеной заполняют землей. Заборик делается из досок или жердей, в зависимости от наличия того или иного материала. Для право-бережных районов завалинки менее характерны. Здесь часто около дома стоит специально устроенная скамеечка, где крестьяне отдыхают в свободное время.

Наружная отделка дома

Большинство изб русского населения имеет различные украшения, которые можно подразделить на две группы: 1) украшения домов резьбой и 2) украшения домов раскраской. В свою очередь украшения

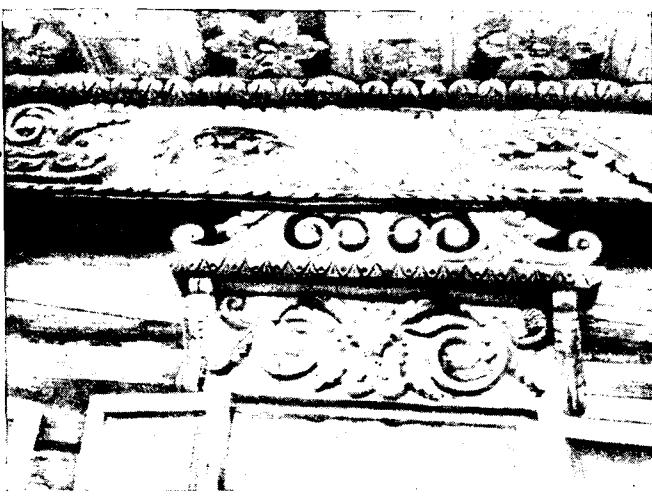

Рис. 10. Резьба, выполненная резчиком Таловым. Дер. Красновидово Теньковского района

резьбой могут быть разбиты на две группы: а) резные украшения (барельефная или выпуклая резьба) и б) выпиленные украшения.

Резные украшения обычно располагаются под фронтоном в виде резной доски, обрамляющей три передние части дома (иногда только одну переднюю). Эта разукрашенная резьбой доска носит название: «полотенце», «платок», «красная доска», «карниз». Если дом обшият тесом, то резьбой покрывают и доски, которыми обшивают выступающие углы сруба. Дома, украшенные выпуклой резьбой, являются наиболее старыми. Постройка их относится к 70—80 гг. прошлого века (в некоторых случаях к началу XX в.). Основным районом распространения выпуклой резьбы является предволожье (преимущественно при-волжские села — Красновидово, Шеланга, Буртасы и др.) и заказанский район (деревни, расположенные вокруг Казани,— Кадышево, Бимери, Самосырово и др.; рис. 10).

Основным мотивом резных украшений является растительный орнамент, но кроме этого имеют распространение мотивы зооморфного характера и различные геометрические узоры. На концах досок вырезаны различные фигуры: львы, человеческие руки, женщины с рыбьим туловищем, которых крестьяне в д. Красновидово зовут фараонками³⁸. Ино-

³⁸ Н. Ф. Калинин, О русском крестьянском зодчестве, стр. 101.

гда вместо резных фигур по краям доски вырезаны дата постройки дома или инициалы самого мастера. Рельефная резьба появилась в крае сравнительно недавно, не раньше 70-х годов прошлого столетия, и является следствием переноса волжской судовой рези на украшение домов³⁹. Этим и объясняется распространение данного типа резьбы преимущественно в приволжских деревнях. «Резьба, подчиняясь вкусам и стремлениям поволжских жителей, во множестве связанных с судоходством, переходит на избы»⁴⁰.

Начиная с 90-х гг. прошлого столетия, в крае появляются выпиленные украшения. Сквозная резьба, как наиболее дешевая, требующая значительно меньше времени на свое выполнение, быстро распространяется, вытесняя постепенно выпуклую резьбу. Узоры выпиленных украшений все более и более усложняются и превращаются, наконец, в деревянные «кружева», которые как бы опутывают весь дом (рис. 11, 12). Как рельефная резьба, так и пропильная создавались местными народными мастерами «умельцами», как их называл народ, ими же придумывались и разнообразные орнаментальные мотивы. Широкой известностью в своем районе пользовались резчики Талов, Григорьев, Сидоров и др. К сожалению, сейчас специалистов по изготовлению резных украшений очень мало, а потребность в украшении домов большая. Многие колхозники, строя новые дома, высказывают сожаление о том, что хоть и есть средства украсить дом, да некому — нет мастеров. Жизнь с каждым годом становится лучше, краше, богаче. Появляется законное желание у колхозников сделать свой дом красивым не только внутри, но и снаружи. Архитектурные организации в этом отношении должны оказать существенную помощь нашей колхозной деревне.

Большое значение в украшении наружной части дома имеет раскраска. Часто краской покрываются все резные украшения, наличники окон, ставни, фронтон, а иногда и целиком весь фасад дома. Раскрашенные дома встречаются в Заказанье (Кадышево, Самосырово), в поволжских деревнях. Здесь некоторые дома буквально поражают богатым применением раскраски и разнообразным употреблением при этом цветов. В различных селениях употребляются красные, синие, желтые, зеленые и фиолетовые цвета. Часто карниз красят в один цвет, оформление слухового окна — в другой, обшивку фронтонов — в третий. В несколько различных цветов красят наличники окон, на ставнях нередко рисуют узоры растительного орнамента и различные фигуры птиц и зверей. Изба в целом оставляет впечатление яркости, цветистости.

Применение такой пышной раскраски в значительной степени объясняется близостью города, ибо наличие красок и сравнительная легкость их доставки способствовали распространению раскрашенных

Рис. 11. Выпиленные украшения на доме колхозника И. Климова. Дер. Ст. Тура Высокогорского района

³⁹ Там же, стр. 102.

⁴⁰ В. Воронов, Народная резьба, 1925, стр. 28.

домов. Однако многие деревни центральной и северной полосы, лежащие близ городов, не имеют ни такого количества раскрашенных домов, ни того разнообразия и яркости красок, которые при этом употребляются⁴¹. Хотя Г. С. Маслова указывает на наличие раскрашенных домов в Подмосковье, но при этом она отмечает, что полихромная раскраска встречается лишь для наличников, светелки и других частей дома⁴².

Пожалуй, причину полихромной раскраски русских домов в Татарской АССР следует искать в определенном влиянии татарского населения.

Рис. 12. Обшивка дома в «елочку». Дер. Кадышево Юдинского района

Полихромная раскраска татарских домов очень характерна. Именно она, как отмечает Н. И. Воробьев, создает своеобразный, так называемый «татарский вкус»⁴³. При этом она имеет очень древнее происхождение. Имеется ряд определенных данных, что в г. Булгар и Казани (до присоединения ее к русскому государству) были здания, облицованные разноцветными изразцами восточного происхождения. Повидимому, как считает Н. И. Воробьев, от этих зданий идет современная полихромная раскраска татарских домов. В свете этих данных понятно, что русское население края, получив возможность покупать сравнительно недорогие краски и имея перед глазами уже установившийся стиль раскраски домов, до некоторой степени восприняло его.

В прошлом количество украшений на доме стояло в прямой зависимости от зажиточности крестьянина. Наиболее пышно, порою до бесвкусицы разукрашенные дома наблюдались у зажиточной верхушки деревни. Середняцкая часть в украшении домов проявляла определенную умеренность, вкладывая в это дело много изобретательности, художественного мастерства. Дома бедняков либо совершенно не украшались, либо имели очень несложные узоры в виде кругов с радиально расходящимися лучами. Эти украшения обычно располагались на наличниках окон или же обрамляли «слуховое» окно фронтона.

⁴¹ Об этом свидетельствуют личные наблюдения автора в очень многих деревнях центральной и северной части Советского Союза (от Москвы до Пскова); это подтверждается и другими авторами.

⁴² Г. С. Маслова, Селения и постройки колхозов Московской области, «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 54.

⁴³ Н. И. Воробьев, Материальная культура казанских татар, стр. 217.

Некоторые дома обшиваются тесом. Обшивка бывает «прямая» и в «елочку». «Прямой» называется обшивка, при которой доски накладываются параллельно венцам сруба; обшивку в «елочку» иллюстрирует прилагаемая фотография (рис. 12). В некоторых деревнях встречаются дома, побеленные известью. Для этого сруб обмазывают глиной и покрывают слоем известия. Очень много побеленных домов в д. Чубарово Высокогорского района. Побелка домов является в известной степени нововведением в крае. До революции побелки домов не производилось. Вероятно, часть мужского населения, побывавшая в период первой мировой войны в южных районах страны, принесла с собой этот способ наружной отделки дома.

Фронтон, как правило, обшивается досками, прибиваемыми к стропилам под прямым углом, так что перпендикуляр, опущенный от «конька» крыши, делит фронтон на два равносторонних треугольника. Встречается, правда, значительно реже, обшивка фронтона досками, прибиваемыми к стропилам параллельно венцам сруба и вертикально им. В верхней части фронтона делается «слуховое» окно без стекол. Наиболее распространенной формой «слухового» окна является отверстие в виде полумесяца, обрамленное радиально расходящимися лучами. Другой вид «слухового» окна — обыкновенное прямоугольное окно небольшого размера с наличниками иного фасона и раскраски, нежели у окон избы.

Внутреннее устройство жилища

Своим внутренним устройством русская изба ТАССР напоминает избу северного и центрального великоросса. Само название жилого помещения — «изба», полати, массивные лавки, положение печи и некоторые другие элементы быта (как исчезнувшие, так и существующие сейчас) имеют полную аналогию с таковыми же элементами быта и названиями их у северных и центральных великороссов. Жилое помещение разделяется перегородкой на две части: собственно изба — пространство, занимающее значительную часть дома от входа и до передней стены, и чулан — отгороженный от «избы» перегородкой по линии печи. Чулан вместе с печью занимает примерно $\frac{1}{3}$ жилого помещения. При входе в избу с правой или левой стороны расположена печь, обращенная устьем к окнам. Печь является одной из главных составных частей избы, так как она, кроме своих основных функций — отопления дома и варки пищи, выполняет в крестьянском быту еще и целый ряд других, а именно: она служит местом для сушки дров (раньше на ней сушили семена, одежду); она является местом зимнего пребывания детей, местом спанья больных, старииков. Печь по существу служит единственным источником отопления избы. Лишь за последнее время стали устраиваться различные подтопки, позволяющие зимой поддерживать нормальную температуру в жилом помещении. Следует отметить, что русская хлебопекарная печь с некоторыми изменениями получила широкое распространение среди татар, чувашей, марийцев и других народов Среднего Поволжья.

Печь кладется на деревянный опечек, утвержденный в свою очередь на переводах пола. Опекек имеет высоту 65—70 см и делается из тесаких или распиленных пополам нетолстых бревен, поперечные концы которых иногда выступают за угол и служат для устройства скамейки, идущей вдоль печи. Обычно печь ставится вплотную к задней и к боковой стенам избы или к какой-либо одной из них. Но в правобережных районах республики печь очень часто стоит, отступая от всех стен избы, образуя между стенами и печью проходы, называемые «запечье» или «заход», по которым можно попасть в чулан. «Запечье» используется также для хранения различных домашних вещей. В зимнее время здесь

обычно находится рукомойник, который подвешивается к потолку. Свободное положение печи мы склонны рассматривать как результат влияния окружающего татарского населения. Известно, что «печь в татарском доме, как правило, никогда не ставится в угол, а всегда удаляется от стены так, что за ней остается еще проход в меньшую половину избы»⁴⁴. Считать, что в нашем крае свободное положение печи обусловлено только «...городским влиянием, стремлением разделить жилую площадь на большее количество комнат, выделить кухню»⁴⁵, нет оснований. Во-первых, подобная картина наблюдается лишь в правобережных районах, где особенно много русско-татарских деревень, где русские и татары живут чересполосно, вперемежку друг с другом, в то время как в районах с преимущественно русским населением такое положение встречается чрезвычайно редко. Во-вторых, о свободном положении печи нет никаких упоминаний у авторов неизданных рукописей середины прошлого века; этот факт, несомненно, был бы ими отражен.

В целом ряде деревень предволжья имеет место следующая особенность: рядом с чулом печи, на месте таганка или подтопка, вмазывается чугун или котел. Это также является характерной особенностью печи татарского типа, где «хлебопекарная печь комбинируется с очагом в виде пристройки сбоку, куда вмазывается котел»⁴⁶. В некоторых деревнях предволжья,— Бежбатман, Федоровское, Бишево, Ябалаково и др.— вмазанный котел почти повсеместное явление. «Котел у нас вмазан у каждого,— говорят крестьяне,— удобнее. Начали это делать лет 60 тому назад, у татар научились»⁴⁷. В этом нет ничего удивительного, ибо котел, являющийся удобным приспособлением для быстрого приготовления горячей пищи, требующий для этого сравнительно небольшого количества дров, получил в этих деревнях широкое распространение. Поэтому понятно замечание П. Механошина⁴⁸, который говорит, что «по печи нельзя судить, кто живет в доме — русский или татарин». Здесь Механошин, очевидно, имеет в виду правобережные районы республики, ибо в русских деревнях других районов вмазанных котлов нами не встречено.

Как уже отмечалось, собственно изба отгорожена от чулана перегородкой, идущей вдоль печи. Перегородка делается из тонких досок; в ней для сообщения первой половины избы с чуланом проделана дверь, закрывающаяся занавеской. В районах предволжья эта перегородка часто делается глухой, так что в чулан можно попасть только через проходы за печкой. Глухая перегородка отмечается у татар, где ее устройство раньше вызывалось необходимостью полной изоляции женщины, согласно религиозным обычаям⁴⁹. У русского населения глухая перегородка явилась следствием свободного положения печи, ибо при наличии входа в чулан за печкой вход через перегородку стал не нужен; вместе с тем его отсутствие позволило полнее осуществить желаемое разделение избы на две половины: «кухонную» и «чистую».

Во многих домах сохраняются полати, занимающие всю заднюю часть избы, между боковой стеной и печью, на расстоянии примерно 50—60 см от потолка. Пространство между потолком и полатями закрывается раздвижной занавеской, укрепленной на проволоке. Занавеска является сравнительно нововведением и свидетельствует о стремлении

⁴⁴ Н. И. Воробьев, Происхождение казанских татар по данным этнографии, стр. 77.

⁴⁵ К. Соловьев, Указ. работа, стр. 113.

⁴⁶ Н. И. Воробьев, Происхождение казанских татар по данным этнографии, стр. 78.

⁴⁷ Записано от колхозницы А. Борисовой, 85 лет, д. Чирки-Бибкеево.

⁴⁸ См. «Сборник здравоохранения», 1928, № 1, стр. 75.

⁴⁹ Н. И. Воробьев, Материальная культура казанских татар, стр. 220.

крестьян сделать свое жилище более культурным, чистым, опрятным. Место на полатях используется преимущественно для спанья детей и стариков. Кроме того, туда кладут разнообразный домашний скарб.

Место под полатями у задней стены дома обыкновенно занято кроватью, убранству которой уделяют много внимания. Часто весь этот угол закрывается занавеской. Здесь спят хозяин и хозяйка дома. Раньше в этом месте стоял «коник» или «кутник» — ящикообразное сооружение, служившее местом для спанья и хранения различных домашних вещей.

В переднем углу или в простенке между окнами стоит стол, обыкновенно покрытый белой скатертью (раньше стол стоял исключительно в одном из передних углов избы, по диагонали от печи, называемом «красным»). У бокового простенка также стоит небольшой столик, над которым висит зеркало. У перегородки, ближе к передней стене, стоит шкаф со стеклянным верхом. Здесь хранится стеклянная и фарфоровая посуда. Иногда вместо приставного шкафа устраивается шкафчик, вделанный непосредственно в перегородку, причем со стороны избы он застекляется подлицо, а своим углублением вдается в чулан. Шкафчик имеет стеклянную дверку, иногда же просто завешивается раздвижной занавеской. В чулане к глухой стене приделан посудник, где хранятся блюда, ложки и иной кухонный и обеденный инвентарь повседневного обихода. Посуда на полки посудника ставится ребром, а чтобы не упала, между полочками прибиваются тонкие деревянные рейки.

Дети грудного возраста спят обыкновенно в зыбках, которые около кровати подвешиваются к потолку. За последнее время зыбки вытесняются специальными детскими кроватками. Стены избы в большинстве случаев оклеены обоями, плакатами или какой-либо бумагой. Часто встречаются избы, стены которых оштукатурены и даже покрыты масляными красками. На стенах обыкновенно висят фотографии членов семьи и родственников, объединенные в одной рамке, портреты, картины, плакаты сельскохозяйственного содержания.

Полы в большинстве некрашеные; их тщательно моют каждую субботу и застилают дорожками. Однако за последнее время появляется много крашеных полов, особенно в тех случаях, если дом состоит из двух половин — передней и задней.

Меблировка колхозной избы также коренным образом изменилась. «Коник» давно заменен кроватью, в большинстве случаев никелированной, лавки — стульями, коптящий ночник — электричеством. В колхозных избах появились книжные шкафы, диваны, письменные столы. Нет необходимости приводить конкретные примеры, таких домов много и с каждым годом становится все больше и больше.

Во многих русских избах имеется большое количество цветов. Цветы стоят на подоконниках или же на специально для этого устроенных столиках. За цветами колхозники тщательно ухаживают.

За последние годы наблюдается сильная тенденция разделить крестьянское жилище на ряд комнат, выделить отдельно кухню, спальню, «переднюю». В некоторых домах выделяется даже комната для занятий. Особенно это наблюдается в пятистенных домах, где возможностей для этого больше. Но и в домах старой постройки стремление к многокомнатности выражено довольно отчетливо. Так, дом колхозницы Борисовой (постройки 1870 г.) из дер. Чирки-Бибкеево разделен на две комнаты и отдельно выделена кухня. Комнаты разделены легкими перегородками. Нужно отметить, что если еще недавно деление жилого помещения на ряд комнат было характерно лишь для некоторой части руководителей колхоза, сельской интеллигенции, то сейчас это широко практикуется рядовыми колхозниками.

Из избы дверь ведет в сени, которые иногда являются продолжением боковых стен дома, но чаще для сеней приделывают легкий сруб из более тонких бревен. Ширина сеней бывает такой же, как и ширина

дома, или несколько уже. В этом случае с одной стороны дома образуется от крыши навес, в силу чего необходимость в устройстве дополнительной крыши над крыльцом отпадает. Сени не имеют потолка, и по лестнице, стоящей в углу, можно попасть на «подволоку», или «подловку» (чердак), где обычно хранятся веники, заготовленные на зиму. Веники развешиваются рядами на жерди, которые, в свою очередь, подвешиваются к крыше. К сеням, вглубь двора, пристраивается «клеть» — летнее помещение без печи, с небольшими волоковыми окнами. Клеть разделяется на два этажа: собственно клеть (верхний этаж) и «подклеть» (нижний этаж). Дверь в клеть идет из сеней, причем уровень пола клети делается несколько выше уровня пола сеней примерно на 60—70 см. В силу этого из сеней в клеть ведет небольшая лесенка. Это обстоятельство обуславливается необходимостью увеличения высоты «подклети», где складывался разнообразный сельскохозяйственный инвентарь, сбруя, а иногда здесь и сейчас держат домашнюю птицу. Клеть служит главным образом местом летнего отдыха членов семьи, особенно когда в избе, из-за жарко натопленной печи, спать почти невозможно. Кроме того, в клети держат различные домашние вещи и некоторые продукты питания.

К сеням по ту или иную сторону пристраивается крыльцо (часто крыльцо бывает по обе стороны дома). Крыльцо представляет собой площадку с перилами, стоящую на невысоких столбах, соединенную с землей лестницей, идущей вдоль стены дома.

Таким образом, лестница, ведущая на крыльцо, почти никогда не приходится прямо против двери, а всегда сбоку от нее. В этом отношении устройство русского крыльца отлично от татарского, так как у татар, по свидетельству Н. И. Воробьева, «крылец с ходом сбоку, как у русских, никогда не бывает». Над крыльцами обыкновенно сооружается крыша в виде навеса, которая покоятся либо на кронштейнах, либо на столбах.

* * *

Изложенный выше материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Поселения и жилища русского (сельского) населения Татарской АССР имеют много характерных черт, сближающих их с поселениями и жилищами русского населения северных и центральных областей нашей страны (перпендикулярное положение жилого помещения по отношению к улице, наличие подъездов, конструкция кровли, северновеликорусский план избы и др.). Все это свидетельствует о том, что основной поток русского населения шел из северных областей нашей страны, с верхней Волги. Однако двор поволжского великоросса, по своему морфологическому облику напоминающий двор южного великоросса, и широкое применение плетня, несомненно, указывают на определенное влияние из южновеликорусских областей.

2. Длительное сожительство русского народа с коренным населением края — татарами — не прошло бесследно для обоих народов. Исключительно велико влияние культуры великого русского народа на культуру казанских татар. Повсеместное распространение получили русская хлебобакарная печь, некоторые сельскохозяйственные орудия и части сбруи, которые сохранили даже русские названия; предметы меблировки и утвари (стулья, фарфоровая и фаянсовая посуда), части одежды, некоторые кушанья (лироги, творог) и многое другое прочно вошло в быт татарского народа. Вместе с тем наличие в некоторых деревнях обособленных построек, свободного положения печи, вмазанного котла, глухих перегородок, значительного числа ярко окрашенных домов свидетельствует и о некотором обратном влиянии, являющемся следствием долгого совместного проживания русских и татар.

3. Рассмотренный материал наглядно показывает глубочайшие изменения, произошедшие в колхозной деревне за годы Советской власти, в корне изменившие ее облик. «Ещё больше изменился облик деревни,— писал товарищ И. В. Сталин.— Старая деревня с её церковью на самом видном месте, с её лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с её полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает исчезать. На её место выступает новая деревня с её общественно-хозяйственными постройками, с её клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с её тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями»⁵⁰. Мы видим, что в каждом колхозе построены и строятся крупные сельскохозяйственные фермы, мастерские и другие вспомогательные службы. Это оказывает влияние на планировку крестьянской усадьбы, меняет вид всей деревни в целом. Многие хозяйствственные помещения, ранее необходимые в единоличном хозяйстве, становятся теперь ненужными. Их место используется для других целей, в частности, для расширения жилого помещения. Еще большие изменения произошли во внутреннем устройстве крестьянского жилища. Отмеченные нами письменные столы, стулья, этажерки с политической, сельскохозяйственной и художественной литературой, электричество, радио и другие элементы быта, делают жилище колхозника похожим на городскую квартиру, свидетельствуют о возросших культурных потребностях колхозного крестьянства, говорят о том, что «советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому ещё не знала история человечества»⁵¹.

---

⁵⁰ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 494.

⁵¹ Там же, стр. 550.

Л. П. ПОТАПОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО КУЛЬТУРЫ И БЫТА ТУВИНЦЕВ

Небольшая, но древняя народность Центральной Азии — тувинцы на протяжении двух тысячелетий подвергалась жестокому гнету со стороны различных азиатских ханов-поработителей. Древние предки тувинцев были втянуты в бурный исторический процесс, протекавший в восточной части Центральной Азии с периода возникновения гуннского военно-административного объединения (первые века до н. э.) и до образования союза орд и племен монголов под главенством Чингис-хана. Сущность этого процесса заключалась в разложении родового строя у азиатских кочевников, в превращении его из организации племен для свободного регулирования своих дел в варварскую организацию для грабежа и угнетения соседей, в организацию, при которой грабительские набеги становятся, по выражению Энгельса, «нормальными функциями народной жизни»¹.

Разложение родового строя характеризовалось ростом классовых отношений, формированием кочевой аристократии, которая составляла ядро временных военно-административных объединений кочевников, организуемых для грабительских войн и набегов. Подобные временные объединения отличались крайней непрочностью, они быстро возникали и разрушались. Их политическое господство быстро распространялось на огромные территории и вскоре полностью прекращалось, чтобы уступить место новому объединению, возглавленному другой аристократической верхушкой, также не имеющему собственной экономической базы и представляющему новый конгломерат племен и народностей, живущих собственной экономической жизнью и говорящих на своих языках и диалектах. Частая смена подобных кочевых аристократических династий хотя и не нарушала структуры основных экономических элементов общества кочевников-скотоводов, но тяжело отражалась на благосостоянии рядового кочевнического населения и сильно тормозила рост производительных сил и развитие культуры. Более поздние предки тувинцев, со времени образования державы Чингис-хана до включения их в состав Русского государства в начале нынешнего столетия, находились либо под тяжким гнетом различных монгольских феодальных княжеств и государств, либо под игом маньчжурской династии Китая и также жили в обстановке почти непрекращающихся войн и набегов. Результатом тяжелого исторического прошлого явились глубокая, граничащая с первобытностью, экономическая, политическая и культурная отсталость трудящихся тувинцев-скотоводов.

Исторические условия жизни тувинцев коренным образом изменились благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, освободительное значение которой определило дальнейшую судьбу тувинской народности. Благодаря Великой Октябрьской социалистической револю-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 139—140.

ции тувинцы впервые в истории получили возможность самостоятельного национального развития. При помощи и покровительстве Советского Союза была образована Тувинская Народная Республика, просуществовавшая 23 года. Однако темпы развития экономической, политической и культурной жизни тувинского народа в условиях Народной Республики, вследствие тяжелого исторического прошлого, изолированного и отдаленного географического положения, небольшой численности и слабости материальных средств были явно недостаточны. Подлинный расцвет тувинской культуры начался только в условиях советского государственного строя, когда тувинский народ вступил в дружескую семью советских народов, представляющую могучую державу, стоящую во главе прогресса современного человечества. С этого момента, на основе советского государственного строя, являющегося могучим источником развития национальной культуры, перед тувинским народом открылись неограниченные возможности для развития и процветания, которые благотворно оказались на всем облике жизни тувинцев уже в первые годы их существования в качестве полноправного советского народа.

I

Тувинцы — тюркоязычная народность, составляющая большинство населения Тувинской автономной области, входящей в РСФСР. Область образована в 1944 г. в результате принятия Тувинской Народной Республики, по просьбе трудящихся тувинцев, в состав СССР.

Этнический состав тувинцев довольно сложный и подробному исследованию, судя по имеющейся литературе, не подвергался. Тувинцы образовались из различных тюркоязычных, монголоязычных, частично самодийязычных и кетоязычных (северо-восточные тувинцы) этнических элементов. В их состав вошли родоплеменные тюркоязычные группы, известные по китайским летописным известиям первых веков н. э. и памятникам енисейско-орхонских надписей VII—VIII вв., например, теленгит, кыргыз, уйгар. В языке современных тувинцев хорошо прослеживаются связи с языками, на которых составлены енисейско-орхонские надписи. В современной топонимике тувинцев сохранились некоторые географические названия, фигурирующие в енисейско-орхонских каменописных памятниках, например, Утутен (наименование хребта в Тоджинском районе).

Прослеживаются у современных тувинцев некоторые этнические элементы, известные для Саяно-Алтайского нагорья по русским историческим документам XVII в. К ним относятся родоплеменные группы енисейских кыргызов (сарыг, кыргыз), оказавшиеся в Туве в результате насилийственной политики монгольских феодалов, переселявших енисейских кыргызов то в Монголию, то в Джунгарию. Часть потомков енисейских кыргызов обитающих в Терехольском районе Тувы, оказалась настолько омонголенной, что стала говорить по-монгольски, утратив свой язык, относящийся к тюркской группе. Только теперь эти потомки снова стали говорить на более родном для них тувинском языке.

К такого рода племенам относятся и так называемые маады, живущие в бассейне Бий-хема и в других районах Тувы. Послы Русского государства к Алтын-хану (В. Тюменец и И. Петров) побывали у них в 1616 г. и оставили описания жизни и некоторых обычаяев этого тувинского племени. Они же рассказали и о племени саянов-оленеводов, которые кочевали в XVII в. вместе с точами (тоджинцы) по склонам Саянских гор и появлялись даже на Алтае. В настоящее время среди их потомков (также занимающихся оленеводством), вошедших в состав тувинцев, некоторые еще помнят свою былую родоплеменную принадлежность (Ак-саян и Кара-саян).

Часть тувинцев составляют потомки населения, относившегося

в прошлом к самоедоязычным родам Модор и Койбал, к кетоязычному роду Коль, монголоязычным Тумат, Мунгат и т. д. Среди тувинцев встречаются родоплеменные элементы, родственные алтайцам и хакасам.

Основная масса тувинцев расселена на территории Тувы. Часть тувинцев выселилась на Алтай, где по переписи 1897 г. их числилось свыше 700 человек. Небольшая группа северо-восточных тувинцев-тоджинцев, в несколько сотен человек, обитает в настоящее время в Иркутской области, в таежной зоне (Тофаларский район), где они известны под названием тофалары (самоназвание — туба, мн. ч. тубалары).

II

Древнейшие периоды истории Тувы не изучены, так как еще не выявлены и не изучены ее археологические памятники. Из предварительных обследований известно, что по внешнему виду археологические памятники Тувы весьма сходны с алтайскими.

В период тюркского каганата (VI—VIII вв.) на территории Тувы обитало тюркоязычное население, родственное по языку енисейским кыргызам и алтайским тюркам. Это, несомненно, можно утверждать в отношении господствовавшей там тюркоязычной знати, запечатлевшей свой язык в каменописных памятниках. Однако нельзя с такой же уверенностью говорить, что на территории Тувы и Минусинской котловины жило в то время этнически однородное население, которое принято называть енисейскими кыргызами (хагасы китайских летописей). Этому противоречит резкое внешнее различие соответствующих по времени погребальных памятников и каменных изваяний Тувы и Хакасии.

В 630 г. в связи с разгромом восточного тюркского каганата Китаем население Тувы, вместе с енисейскими кыргызами и алтайскими племенами, подпало на 50 лет под власть китайского императора. В 682 г. образовался второй тюркский каганат, власть которого была свергнута в результате победы уйголов в 745 г.

Население Тувы находилось в подчинении Уйгурского ханства до 840 г., когда уйгуры были побеждены енисейскими кыргызами; политическая гегемония последних длилась до начала X в. Памятниками уйгурского времени в Туве, видимо, нужно считать развалины крепости на острове Тери-нор. Более важным свидетельством этого является сохранение у современных тувинцев наименования уйгур для группы населения, жившей компактно еще в конце XIX в. по р. Кемчик. По преданию, эти уйгуры (ондар уйгур) — остаток обитавших по рекам Улу-хему и Кемчику древних уйголов, большая часть которых ушла на юг в страну Тыбат (Тибет).

В дальнейшей истории Тувы наибольшее значение имело монгольское господство. Отряды Чжоочи (Джучи, старшего сына Чингис-хана) появились в Туве в 1207 г. на р. Шихшите (приток Кая-хема), куда их привел покорившийся монголам ойратский князь Кудука-беки. Тувинцы сделались данниками Чингис-хана. Монгольские завоеватели установили жестокий грабительский режим, что вызывало частые восстания среди тувинцев. С установлением в Китае монгольской (Юаньской) династии (1260—1368 гг.) в Туве, как и в Хакасии, были размещены монгольские военные отряды, содержание которых возлагалось на трудящихся тувинцев. Монголы создавали военно-пахотные поселения для снабжения продовольствием этих отрядов. В них жили также хакасы, тувинцы и частично «южане», т. е. китайцы. По указанию монгольских императоров Китая, их снабжали китайскими земледельческими орудиями, в частности, плугами с литыми чугунными лемехами и отвалами. На отвалах таких плугов, найденных в 1949 г., стоят клейма китайских династий, они датированы 1286 г. (23-й год правления Хубилай-хана)². В XV в., с па-

² Отвалы переданы в Тувинский краеведческий музей в г. Кызыле.

дением монгольской династии в Китае и разделением монголов на восточных и западных, Тува оказалась в зависимости от западных монголов или ойратов, расцвет могущества которых приходится на середину XV в.

С конца XVI в., почти на протяжении столетия, Тува входила в состав небольшого государства, основателем которого был монгольский полководец Шолой Убashi, носивший титул хан-тайши. Енисейские кыргызы, ойраты и русские исторические документы именуют его Алтын-ханом. В его владения входил весь район озера Улса и р. Тес. Северной границей были Саяны, через которые его отряды проходили за сбором дани с енисейских кыргызов. На востоке границей его кочевий было озеро Сангин-Далаи и р. Дэлгэр Мурэн: на западе — Алтай. Сын и наследник первого Алтын-хана — Омбо Эрдени в первой половине XVIII в. добровольно перешел со всем своим народом, в том числе и с тувинцами, под покровительство России, в чем принес соответствующую присягу.

Государство Алтын-хана пало в результате междуусобной борьбы между западными монголами (ойратами) и Дзасакту-хановским аймаком Монголии. Вследствие этого тувинцы, как и алтайцы, оказались под игом ойратских ханов, которые во второй половине XVII в. образовали Джунгарское государство.

Господство джунгарских (т. е. западномонгольских) ханов вплоть до 1755 г. распространялось на все Саяно-Алтайское нагорье. В этот период, характеризовавшийся феодальными распрями и войнами, тюркоязычные племена и роды Саяно-Алтайского нагорья дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Например, часть тувинцев, саянцев и мингатов, кочевавших в верховьях Енисея и по р. Кемчику, оказалась в середине XVII в. (1651) на Алтае, на р. Катуни; вместе с телесами названные группы входили в ведомство монгольского князя Матур-Таиши. Алтайские телентиты селились в Туве по Кемчику и Барлыку и в районе Бай-тайги, что хорошо знают по преданиям современные тувинцы.

Часть енисейских кыргызов и других ближайших исторических предков современных хакасов из Минусинской котловины попала в Туву в 1703 г., застряв там на пути в Семиречье, куда шло насильственное переселение их джунгарскими зысанами. Некоторые группы тувинцев, перевалив Саянский хребет с юга на север, оказались в верховьях Абакана, где стали известны (по крайней мере в XVIII в.) под названием «бельтир». Память о кровном родстве этой группы тувинцев с хакасами жива у тех и других до настоящего времени. В языке современных тувинцев и бельтиров сохранились такие общие слова, каких нет ни у качинцев, ни у сагайцев, составляющих большинство хакасов.

С падением Джунгарии в середине XVIII в. Тува была покорена маньчжурской (Дайцинской) династией Китая, а племена Алтая в этот момент добровольно перешли под протекторат России. Родственная и длительная культурно-историческая связь западных тувинцев, хакасов и южных алтайцев оказалась почти на два столетия разорванной. Были разъединены и северо-восточные тувинцы — тоджинцы. Значительная часть их осталась на территории Русского государства, на своих кочевьях в Восточных Саянах, где они до Великой Октябрьской социалистической революции были известны под названием карагасов, а после революции — тофаларов. Бельтиры оказались отрезанными от родственных им групп, оставшихся в Туве.

Тувинцы были оставлены кочевать по обе стороны хребта Танну Ола, от Алтая до верховьев Енисея на востоке. Они были раздроблены на ряд хошунов, которые образовала правящая династия Китая путем переформирования бывших княжеских уделов Монголии и Тузы в военно-административные единицы. Отдельные части Тузы были отданы некоторым монгольским князьям за помощь, которую получала от них Дайцинская династия в борьбе против Джунгарии. Тува превратилась

в отдаленную и малоизвестную провинцию Китая с феодальным устройством.

Основой экономики тувинцев было отсталое кочевое скотоводство, с низкой продуктивностью разводимых видов скота. Феодалы в лице нойонов, зайсанов, духовенства сосредотачивали в своих руках не только лучшие пастбища, но и 40% всего скота. Земледелие носило подсобный характер и отличалось первобытной техникой и низкой производительностью.

Среди феодалов был небольшой процент грамотных, пользовавшихся монгольской и тибетской письменностью. Они одевались в китайские дорогие ткани, носили одежду монголо-китайского покроя, жили в хорошо утепленных и богато убранных войлочных юртах, пользовались покупной посудой и утварью, приобретенными от китайских торговцев, проводили время в развлечениях и безделье. Светские и духовные феодалы жили за счет труда и поборов с трудящимися тувинцев. Феодалам не нужно было систематически следовать зимой и летом за стадом — это делали за них крепостные и зависимые пастухи. Они меняли свою резиденцию обычно не более двух раз в год (зимнюю и летнюю).

Трудящиеся тувинцы выращивали скот и хлеб, добывали ценного зверя, изготавливали молочные продукты, делали кошмы, седла, сбрую и т. д. Большую часть продуктов своего труда они принуждены были отдавать феодалам, а сами влачили жалкое существование и подвергались различным мучительствам, на изобретение которых феодалы были большие мастера. Среди трудящихся тувинцев не было грамотных, они жили кочевым домашним бытом, примитивным и убогим, в холодном дымном жилище, пользовались самодельной утварью из дерева и кожи, носили либо самодельную (из шкур) одежду, по покрою сходную с одеждой хакасов, либо одевались в русские ткани, как наиболее доступные по цене. Ф. Кон, исследовавший быт тувинцев в конце 1890-х годов, писал: «В то время как Россия одевает бедноту, Китай доставляет материал для одежды богачей»³.

Рядовые тувинцы-араты ориентировались на культурно-экономические связи с русским народом, смешивались с ним путем взаимных браков и т. д. Русское население начало проникать и частично селиться в Туве, особенно по долине р. Уса, еще в первой половине XIX в. Известный русский ученый (хакас по происхождению) Н. Ф. Катанов, посетивший Туву в 1898 г., писал: «Тувинский народ делится на две партии, враждебные друг другу: бедные, благодаря своим интересам чувствуют влечение к русским, а знатные и ламы ... опираются на китайских и монгольских чиновников страны»⁴. Английский путешественник и разведчик Каррuterс, побывавший у тувинцев в 1910 г., отметил: «Богатый угнетает здесь бедняка и сильный обижает слабого, а это приводит в конце концов к тому, что в стране у населения постепенно усиливается стремление обращать свои взоры все чаще и чаще на Россию». Каррuterс решительно утверждает, что «к русскому покровительству туземцы относятся здесь весьма доброжелательно»⁵.

Из-за невыносимых условий жизни значительные группы тувинцев перебегали в Россию и селились в Горном Алтае или Хакасии среди соплеменников, родственная связь с которыми сохранилась в памяти ряда поколений. При статистическом обследовании Горного Алтая в 1897 г. было зарегистрировано 742 тувинца, выселившихся из Тувы.

³ Ф. Я. Кон, Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. «Известия Восточно-сибирского отдела Русского географического общества», 1903, № 1, т. XXXIV.

⁴ Н. Ф. Катанов, Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903. Библиографический указатель, стр. 389 со ссылкой на Э. Реклю и др.

⁵ Д. Каррuterс, Неведомая Монголия, т. I, Урянхайский край, Птг, 1914, стр. 176 и др.

В 1911 г. в результате китайской революции Монголия провозгласила свою независимость. Китайские события оказали большое влияние на политическую жизнь Тувы. Среди тувинцев-аратов в конце 1911 г. возникло национально-освободительное движение, направленное прежде всего против маньчжуро-китайских угнетателей. Несмотря на стихийность движения, восставшие араты в течение нескольких дней освободили почти всю Туву и таким путем избавились от изнурительных налогов и повинностей, а также бесчисленных долгов колонизаторам. Восставшие разгромили фактории китайских торговцев, отобрали у них товары и возвратили свой скот, угнанный угнетателями за так называемые «долги». Но при этом тувинские араты не трогали фактории русских торговцев, так как рассчитывали в своих освободительных стремлениях на поддержку русского народа. Одновременно трудящиеся араты почти перестали признавать и своих правителей, ставленников китайских колонизаторов.

Пробудившаяся политическая активность аратов напугала феодальный класс тувинцев. Нойоны и бай не надеялись справиться собственными силами с революционными действиями аратов. Создавалась сложная, полная противоречий обстановка, в которой сталкивались интересы различных классов. Слабая в экономическом и политическом отношении, культурно отсталая Тува, с малочисленным населением, находившаяся между капиталистической Россией и феодальной Монголией, не могла рассчитывать на независимость и политическую самостоятельность.

Большинство нойонов — главных представителей феодально-байского эксплуататорского класса тувинцев — ориентировалось тогда на присоединение к феодальной Монголии, так как почти половина этих нойонов была монгольскими князьями, проживавшими в Монголии, а остальные были связаны с монгольскими князьями давними тесными связями, общностью эксплуататорских интересов, общностью культуры, быта и религии. Нойны, их ставленники и агенты, особенно ламы, вели активную пропаганду среди аратов за переход в отложившуюся от Китая Монголию. Трудящаяся масса аратов-тувинцев (скотоводов и охотников), напротив, стремилась войти в состав Русского государства и воссоединиться с родственными им по происхождению, языку, культуре и быту группами хакасов и алтайцев, с которыми они были разъединены в результате захватнической политики маньчжурской династии. Трудящиеся тувинцы стремились также к сближению с русским народом. Культурно-экономические связи с русским трудовым крестьянством, которые уже сложились у них к этому времени, оказывали положительное влияние на развитие их хозяйства, культуры и быта, и потому араты были заинтересованы в дальнейшем развитии этих связей.

Сложность политической обстановки усугублялась еще тем, что внутри нойонской верхушки феодально-байского класса не было единства в оценке создавшегося положения, между ними разгорелась борьба за власть и упрочение влияния. Кроме того, высшая светская и духовная власть Монголии, а также царское правительство России не оставались равнодушными к сложившейся ситуации в Туве и вмешивались доступными им средствами в происходившие события, пытаясь направить их в своих интересах. В этих условиях наиболее слабая и малочисленная часть нойонской верхушки во главе с Амбань-нойоном, не рассчитывая на собственные силы и успех в борьбе с более сильной коалицией нойонов, связанной с монгольскими феодалами, взяла ориентацию на царское правительство России. Амбань-нойон обратился с просьбой о принятии Тувы под покровительство России и даже просил ввести в Туву войска, якобы опасаясь расправы со стороны правящей династии Китая.

В отличие от трудового аратства, коренным образом заинтересованного во включении его в состав Русского государства, нойоны хотели

использовать переход под покровительство России только в своих узких корыстных интересах, как временное средство в политической игре. Эти нойны и их ближайшее окружение надеялись захватить власть в Туве с помощью царского правительства и путем сговора с ним обеспечить себе возможность монопольной эксплуатации тувинских аратов. Они только повторили неоднократные подобные попытки, предпринимавшиеся также в личных целях их историческими предшественниками — алтынханами в XVII в.

В течение 1912—1913 гг. царское правительство получило ряд обращений от Амбань-нойона, главного ламы и правителей Бэйсе, а также двух кемчикских хошунов с настойчивой просьбой о принятии Тувы под протекторат России. Это вполне отвечало интересам царского правительства, рассчитывавшего превратить Туву в свою колонию. Соблюдая известную осторожность, оно назначило в 1914 г. в Туву своего «комиссара по делам Урянхайского края». Последний начал интенсивно разрабатывать и осуществлять планы превращения Тувы в царскую колонию. Этот процесс был прерван февральской революцией 1917 г.

Несмотря на замыслы царских колонизаторов, принятие Тувы под покровительство России имело большое положительное значение для тувинского народа. Трудящиеся тувинцы получили возможность не только возобновить свои связи с родственными им группами хакасов и алтайцев, но и, самое главное, войти в тесное общение с русским народом, что открывало перспективу экономического и культурного развития тувинцев даже в условиях царизма.

Великая Октябрьская социалистическая революция избавила трудящихся тувинцев от многовековой зависимости от монгольских и своих собственных светских и духовных феодалов. Великое освободительное значение Октябрьской революции для истории тувинцев невозможно переоценить. Только Октябрьская революция создала условия для успешного национально-освободительного движения тувинского народа. Советское правительство с первых же месяцев своего существования стало оказывать помощь тувинским трудящимся в их борьбе с врагами. После победы Октябрьской революции в России в Туве началась борьба за создание Советской власти. Однако, в связи с захватом власти в Сибири белогвардейцами и установлением кровавого режима Колчака, в Туве почти четыре года продолжалась ожесточенная гражданская война, закончившаяся благодаря помощи русского народа и его Красной Армии к середине 1921 г. полным разгромом белобандитов и интервентов. В 1921 г. была провозглашена Тувинская Народная Республика. В ее Конституции было указано, что в международных отношениях Тувинская Народная Республика выступает под покровительством Советской России.

За 23 года существования Тувинской Народной Республики было принято пять конституций, выражавших не только завоевания национально-освободительной революции, но иногда содержащих и программу развития Тувы, а также отражавших быстрый рост и политическую активность тувинского аратства, развивавшегося под руководством тувинской народно-революционной партии. После нападения гитлеровских захватчиков на СССР Тувинская Народная Республика немедленно заявила о своем решении участвовать в войне против фашистской Германии.

В 1944 г. по воле тувинских народных масс Тува вошла в состав СССР. Это определило возможность неограниченного дальнейшего экономического и культурного развития тувинцев. Несомненные успехи, которые были достигнуты с помощью СССР Тувинской Народной Республикой, были все же недостаточны для того, чтобы стать надежной базой для подлинного расцвета экономики и культуры тувинцев, который возможен только в условиях социализма.

Не ставя задачи осветить жизнь тувинцев в период Народной республики, переходим к общему очерку культуры и быта тувинцев в условиях советской автономной области⁶.

III

Главной отраслью народного хозяйства тувинцев является сельское хозяйство, преобладающее значение в котором принадлежит животноводству. Тувинцы разводят овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей, яков и в небольшом количестве верблюдов, северных оленей, свиней. Ведущую роль играет овцеводство. В настоящее время усиленно развивается земледелие, роль его в экономике области быстро возрастает, оно становится важнейшей отраслью народного хозяйства и базой для развивающегося животноводства.

Сельское хозяйство Тувы за восемь лет существования советской власти преобразилось коренным образом. Вскоре после установления советского строя трудящиеся массы крестьянства приступили к организации колхозов, и в настоящее время уже свыше 90% аратских хозяйств объединились в сельскохозяйственные артели. Это была подлинная революция в жизни тувинского крестьянства. Возьмем для примера несколько колхозов⁷.

Колхоз «Чадура» (Улуг-Кемский район) организовался в 1947 г. В 1948 г. в нем объединилось 37 хозяйств еще отсталых кочевников-скотоводов, а в 1949 г.— уже 81 хозяйство. В 1949 г. колхоз посеял свыше 300 га зерновых и получил урожай пшеницы 19 ц/га. Кроме того, он посадил картофель, овощи — капусту, огурцы, морковь. Обобществив при организации колхоза 230 голов скота, колхозники в 1949 г. увеличили общественное стадо до 1220 голов и создали животноводческую ферму. За тот же короткий срок колхоз приобрел грузовую автомашину, 8 конных плугов, 7 сенокосилок, 2 жатки-самосброски, триер, 5 зерносортировок, 3 больших сепаратора, маслобойки, много телег, саней и т. д. Колхоз построил 2 конюшни, 3 коровника, кошару на 300 овец, телятник, птичник, зернохранилище, зерносушилку. 35 семей колхозников перешли в новые деревянные, благоустроенные дома. Выстроена большая школа и двухэтажный дом для учителей.

В этом быстром росте экономики и технической базы хозяйства колхоза значительную роль сыграла государственная ссуда, как безвозвратная, так и долгосрочная, в общей сумме свыше 150 тыс. рублей. Колхозники уже в первый год работы колхоза получили на трудодень по 2 руб. 20 коп. деньгами и зерном — по 2,5 кг. В настоящее время этот колхоз укрупнился за счет слияния с соседним колхозом им. Кирова, от которого получил новое наименование. Благодаря укрупнению производственная мощность колхоза резко возросла.

Колхоз «Чыраа-бажы» Дзун-Хемчикского района, организовавшийся в 1948 г., объединил 63 хозяйства. Колхозу было отведено в вечное пользование свыше 15 000 га земли, в том числе 550 га пахотной. В 1949 г. посев зерновых занимал 300 га. Обобществленное стадо насчитывало 1000 голов. Для покоса использовалось свыше 500 га. Колхоз сразу же построил школу, прекрасное здание для правления и клуба, 5 конюшен, 1 коровник (на 78 голов), 4 овчарни (на 800 голов), 4 зернохранилища, телятник и др. В колхозе было организовано массовое строительство жилых домов для колхозников. Собственный инвентарь колхоза вначале состоял из грузовой автомашины, 15 конных плугов, 7 сенокосилок, 2 жа-

⁶ Данные об экономике и культуре тувинцев в период Народной республики опубликованы в журнале «Под знаменем Ленина — Сталина», издававшемся на русском языке в г. Кызыле, и в сб. «25 лет Тувинской национально-освободительной революции», г. Кызыл, 1946.

⁷ Здесь упоминаются колхозы, посещенные по маршруту экспедиции Института этнографии АН СССР летом 1949 г.

ток-самосбросок, 2 молотилок, 1 веялки, конного привода, 2 зерносортировок. Этот колхоз, как и все остальные тувинские колхозы, большинство трудоемких земледельческих работ проводит силами МТС. В 1948 г. на трудодень было выдано деньгами 2 руб. 70 коп., зерна — 2,8 кг, сена — 100 кг, соломы — 2 кг. После укрупнения этот колхоз получил наименование «Путь коммунизма».

Колхоз им. 30 лет ВЛКСМ Барун-Хемчикского района организовался в 1948 г. из 69 хозяйств. При организации он получил от государства безвозвратную ссуду в размере 90 тыс. руб. для строительства жилых домов колхозников. В 1949 г. было построено 24 жилых дома, большое здание школы, склад, хлебопекарня, баня, кузница, конюшня, телятник, овчарня, зерносушилка. Урожай колхоз убирает при помощи комбайна.

В колхозе «Чагатай» Тандинского района, получившего 110 тыс. руб. безвозвратной ссуды, в первый же год перехода тувинцев на оседлость (1949), в новых, хорошо благоустроенных домах поселилось 20 семей колхозников. Уже в 1948 г. некоторые колхозники получили на трудодни до 1,5 т зерна.

Укрупнение тувинских колхозов создало условия для более быстрого и мощного развития их экономики. Типичным примером этого может служить колхоз «Искра» Дзун-Хемчикского района, который в 1950 г. объединился с колхозом «Арыг-бажы» и тождемом⁸ «Чадан». В результате укрупнения посевы зерновых в колхозе с 300 га возросли до 958 га в 1952 г., урожай пшеницы составил в среднем 14 ц/га, причем на нескольких сотнях гектаров урожай получен по 21 и по 25 ц/га. Стадо увеличилось более чем на 2 тысячи голов. В 1952 г. колхозники получили на трудодень только хлебом 4 кг, не считая других видов продуктов, а деньгами по 2 руб. Чабаны этого колхоза получают по трудодням на руки свыше 2 т зерна. Такого количества хлеба они раньше не только не видели, но даже не могли себе представить. В этом колхозе успешно идет строительство жилых домов. Уже намечено строительство мельницы, электростанции, общественной бани, детских ясель.

Тувинская интеллигенция помогает развивать и укреплять тувинскую советскую государственность, обеспечивая работу советского, партийного, общественного аппарата на тувинском языке, помогая своему народу развивать на родном языке национальную прессу, школу, театр, работу культурно-просветительных учреждений.

Развитие социалистического хозяйства сопровождается возникновением и развитием национальных экономических и культурных центров (города Кызыл, Туран, Чадан, Шагонар, Кызыл-Мажалык), связывающих постепенно всю область в единое экономическое целое. Областной административный, экономический и культурный центр — Кызыл связан с другими экономическими центрами Советского Союза.

Для развития экономических и культурных связей между различными районами Тувы и ее областным центром г. Кызылом, большое значение имеет применение современных средств сообщения и связи. Изолированная в географическом отношении от других районов страны Восточными и Западными Саянами, не имеющая железнодорожной дороги, Тува широко развивает автомобильное сообщение, которым связано большинство ее районов. Автобусное сообщение и регулярные рейсы легковых машин такси организованы в Кызыле и между рядом районов области. Автобусы и такси регулярно курсируют также между Кызылом и Абаканом (центр Хакасской автономной области, ближайший от Тувы железнодорожный центр). В Кызыле имеется железнодорожная станция на линии Красноярск — Ачинск.

⁸ Тождемы — простейшие производственные объединения аратов-тувинцев, характерные для раннего периода развития сельского хозяйства Тувинской народной республики. Они были преобразованы из товариществ по совместной обработке земли и товариществ по улучшению животноводства.

нодорожный пункт). Автомобильный транспорт в Туве в течение ряда ближайших лет получит еще большее развитие. Однако имеются еще отдельные районы (Тоджинский и другие), куда можно проникнуть только воздушным и верховым транспортом. Наличие таких изолированных районов тормозит не только развитие экономических связей внутри Тувы, но и темпы развития социалистического строительства в этих районах.

Наряду с автомобильным и воздушным транспортом у тувинцев-колхозников широко вошли в быт упряжка лошади в телегу и сани по русскому образцу. Эти виды транспорта вытесняют выночный способ перевоза груза. По рекам и озерам сообщаются на лодках и моторных катерах. Из новых средств передвижения индивидуального пользования получили распространение велосипед и мотоцикл. Легковой автомобиль в недалеком будущем станет обычной машиной для колхозного гаража.

С установлением в Туве советского государственного строя открылись новые и безграничные перспективы развития сельского хозяйства тувинских араторов. Появилась возможность планирования народного хозяйства, исходя из основного закона социализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»⁹.

В области животноводства были разработаны меры развития племенного высокопродуктивного скота, определено как общее направление, так и развитие отдельных пород, на основе учения передовой мичуринской науки. Эти меры, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о трехлетнем плане развития общественного животноводства, предусматривают дальнейшее развитие животноводства тувинцев на основе широкого использования естественных пастбищ как летних, так и зимних, которыми так богата Тува. Пастбищное содержание скота у тувинцев основано на плановой и наиболее целесообразной смене пастбищ в течение круглого года с учетом высотного расположения горных пастбищ. Тувинские колхозы направляют свое внимание на выбор пород разводимого скота и закрепление его продуктивных качеств.

В настоящее время социалистическое животноводство полностью преобладает над мелким единоличным хозяйством, и ведущая роль его в экономической жизни тувинцев-араторов вполне определилась. Тувинцы-колхозники вполне осознали реальное преимущество общественного животноводства перед мелким единоличным и охотно трудаются для его развития и укрепления. Обобществленный скот они распределяют по фермам (молочно-товарной, овцеводческой, коневодческой), организуют специальные бригады для ухода за ним, обеспечивают дойных коров и молодняк на зиму стойловым содержанием и различными видами кормов, а остальной — подкормкой. На отгонных дальних зимних пастбищах колхозы создают страховые запасы корма. В различных местах строят надежные и прочные укрытия для скота в непогоду.

Бригадная организация труда, прикрепление колхозников для обслуживания скота по отдельным видам позволяют рациональнее использовать летние и зимние пастбища. Последние разбивают на определенные участки (дальние, ближние, горно-степные, долинные, по качеству корма и т. д.) и стравливают наиболее рационально для определенных видов и возрастных групп скота. Лучшие и ближние от зимних стоянок скота пастбища оставляют на наиболее холодные и тяжелые месяцы, их используют в период массового расплода. Наличие рабочей силы и другие материальные возможности колхоза обеспечивают выпас скота на

⁹ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 40.

дальних пастбищах, освоение новых пастбищных территорий, т. е. расширение естественной кормовой базы.

Улучшенное содержание тувинского скота в условиях колективного хозяйства резко повысило его продуктивность. При объединении в колхозы ежедневная пастьба скота, которая ранее была основным занятием каждого тувинца, стала производиться определенными бригадами. Благодаря этому тувинцы получили возможность заниматься и другими видами труда. Освободившиеся от пастьбы скота колхозники организованы в полеводческие, строительные, сенокосные и другие производственные бригады.

Благодаря государственным ссудам и льготным условиям кредита колхозники-тувинцы уже с первых шагов организации колхозов получили возможность приступить к строительству благоустроенных коровников, телятников, конюшен, овчарен и других помещений для скота. Впервые араты стали заготовлять сотни тысяч центнеров сена в течение года и закладывать тысячи тонн силоса. Местами они снимают с лугов по два укоса в лето. Лишь в отдельных местах, главным образом в единоличных хозяйствах, еще прибегают к старинному виду заготовки веточного корма для подкормки скота на зимних пастбищах в самые тяжелые месяцы, до появления свежей травы.

Большое значение для тувинского животноводства приобрело полеводство. Кроме соломы и мякины от собранного урожая, животноводство начинает получать урожай трав. Травосеяние в будущем станет важнейшим кормовым резервом для скота. Благодаря развитию земледелия на основе современных достижений передовой сельскохозяйственной науки, а также более рациональному использованию летних и зимних пастбищ Тувы, во много раз увеличится кормовая база для животноводства.

Тувинцы-колхозники совместно со специалистами обсуждают и устанавливают направление животноводства в своем колхозе, породы разводимого скота и т. д. Соединение богатого народного опыта тувинцев в скотоводстве и превосходного знания местных природных условий с передовой научной теорией дает большой и быстрый эффект в развитии социалистического животноводства. Рост продуктивности животноводства в тувинских колхозах, несмотря на то, что они существуют всего несколько лет, типичен для колхозного животноводства. По данным 1949 г. продуктивность коровы местной породы составляла у колхозников 1000—1300 л в год, а у единоличников — 400—500 л. У колхозников настриг шерсти с каждой овцы простой породы составлял 2—2,5 кг, а у единоличников 0,5—0,65 кг. Тувинцы-колхозники неуклонно добиваются дальнейшего увеличения продуктивности местных пород скота, преимущественно за счет улучшения условий его содержания.

Ранее в Туве не было ни одного ветеринарного работника. Заболевший скот пытались «лечить» первобытными, магическими способами, которые лишь способствовали распространению заразных болезней. Ветеринарная помощь у тувинцев была организована в 1928 г., а с 1938 г. появились национальные ветеринарные кадры (в 1943 г. было уже 5 ветврачей и 50 ветфельдшеров тувинцев). В настоящее время повсюду работают как стационарные ветеринарные участки и пункты, так и передвижные, обслуживающие летние пастбища. Ветеринарным надзором и профилактикой охвачен теперь весь скот тувинцев.

Земледелие уже за первые пять лет пребывания Тувы в составе СССР успело приобрести крупнейшее значение в ее народном хозяйстве. Тува перестала ввозить хлеб. Успехи тувинцев в этом отношении особенно поразительны потому, что в дореволюционной Туве земледелия почти не было, а развитие его за время существования Народной республики было далеко не достаточным.

Быстрое развитие земледелия стало возможно благодаря колханизации. Большое значение имела также организация в области совхозов.

Выполняя постановление Февральского пленума ЦК ВКП(б) 1947 г. «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период», Тувинская область уже за первое пятилетие своего существования увеличила посевную площадь зерновых культур по сравнению с 1944 г. в три раза. По социалистическому сектору посевная площадь зерновых выросла за это пятилетие в четыре раза, а по картофелю — в пять раз. Изменилось соотношение посевов зерновых, первое место стало принадлежать пшенице.

Общественная собственность и коллективный труд, при плановом хозяйстве и исключительно большой практической помощи государства, в кратчайший срок преобразили тувинское земледелие. Тракторы и комбайны в настоящее время являются основным видом сельскохозяйственных машин в Туве, за исключением тех немногих мест, где эти машины трудно применить по условиям рельефа. В Туве организовано более 10 машинно-тракторных станций, создан мощный тракторный и комбайновый парк. С 1950 г. из агротехники тувинских колхозов полностью устранен ручной сев. Механизация главнейших видов земледельческого труда в колхозах позволила поднять агротехнику тувинского земледелия на современный уровень. Центром механизации являются машинно-тракторные станции, которые полностью проводят такие важнейшие работы, как подъем паров и зяби; в ближайшие годы и уборка урожая будет целиком производиться МТС.

Современная агротехника стала применяться у тувинцев только в советский период. До этого времени тувинцы не имели и понятия, например, об обработке паров и зяби, о сортовых семенах и обработке их перед посевом, об удобрениях, о севооборотах и т. д. Переходу на современную агротехнику способствовала большая организационная и разъяснительная работа, которая проводилась под руководством областной партийной организации, а также распространение опыта русских колхозов в области. С осени 1949 г. тувинские колхозы приступили, в соответствии с учением акад. Вильямса, к обработке черных паров. Основным видом обработки почвы в тувинском земледелии становится зяблевая вспашка с применением предпłużника и с предварительным лущением поля лущильниками и дисковыми тракторами.

При подготовке семян к посеву в тувинских колхозах, кроме очистки и протравливания, применяются яровизация и прогревание семян яровых. С 1947 г. колхозы ввели перекрестный сев. Начинают применять и удобрения, чему также показывают пример русские колхозники.

Таким образом, агротехника тувинского земледелия стоит теперь на высоком уровне, развитие ее идет в соответствии с принципами передовой науки, что сказывается на повышении урожайности. Еще в 1945 г. урожайность зерновых в Туве составляла в среднем около 6 ц/га, а в 1948 г. она повысилась до 15,5 ц/га. Передовые русские колхозники стали получать урожай от 22 до 33 ц/га. К сожалению, такие урожаи были получены на небольших участках, так как была распространена звеневая организация труда, которая вела к дроблению поля на мелкие участки и весьма тормозила применение передовой техники и коллективного труда, а также распыляла силы и средства колхозов. Укрупнение колхозов и переход на бригадную организацию труда устранили этот тормоз. Урожай в 20—30 ц/га получают многие колхозы Тувы и на больших площадях. Опыт передовых русских колхозников вполне усваивают и тувинцы-колхозники. Наиболее ярким примером может служить работа Мады Парыма, звеневого колхоза им. Кочетова, получившего на своем участке урожай яровой пшеницы в 30 ц/га и заслужившего высокое звание Героя Социалистического Труда.

Передовая агротехника оказалась вполне доступной колхозникам, несмотря на глубокую культурную отсталость тувинцев в прошлом. Современные колхозники-тувинцы прекрасно овладевают сложной и мощ-

ной техникой крупного механизированного земледелия. Многие тувинцы, всего несколько лет назад впервые увидевшие трактор и комбайн, в настоящее время, работая трактористами и комбайнерами, настолько овладели ими, что намного перевыполняют установленные нормы выработки. При ведущей пока роли русских трактористов и комбайнеров растут квалифицированные технические кадры в механизированном земледелии и из среды тувинцев. Некоторые из них благодаря стахановской работе стали известны всей области. Среди них Монгуш Корбу, Очур-оол из Чаданской МТС, Данзы из Кызыл-Мажалыка и др.

Особенно заметно растет производительность труда тувинцев, работающих машинистами на жатках; они скашивают в день от 5 до 7 га при норме в 3,5 га. Трудящиеся араты, закрепляя и развивая успехи социалистического земледелия, приступили к решению такой важной задачи, как переход к новой системе орошения и осушения болот. Это открывает новые перспективы для дальнейшего развития земледелия в социалистической Туве.

В процессе овладения техникой современного социалистического земледелия и животноводства резко повысились общий культурный уровень и техническая грамотность тувинцев. Многие тувинцы-колхозники отрываются на некоторое время от сельскохозяйственных работ для повышения грамотности и получения квалификации. Некоторые из них учатся в двухгодичной школе по подготовке колхозных руководящих кадров, другие занимаются на многочисленных курсах и в семинарах как в г. Кызыле, так и в районах. Многие колхозники повышают уровень своих знаний без отрыва от обычной колхозной работы, путем чтения, посещения лекций и специальных занятий, организуемых в колхозах районными и областными учреждениями. Готовят кадры и Тувинский сельскохозяйственный техникум.

Большую помощь в развитии сельского хозяйства оказывает Тувинская сельскохозяйственная опытная станция, организованная в 1934 г. близ районного центра г. Чадана (Дзун-Хемчикский район). Станция изучает породы и продуктивность местного тувинского скота, разрабатывает приемы агротехники применительно к условиям Тувы, ведет успешную работу по сортоиспытанию полевых культур, выясняет возможность внедрения плодоводства и т. п. Перешедшие к оседлости тувинцы впервые стали заниматься и огородничеством, выращивают картофель, капусту, морковь, помидоры и др.

Наряду с развитием сельского хозяйства в некоторых районах Тувы продолжают сохранять большое значение охота и рыболовство. Эти отрасли труда играют существенную роль в хозяйстве северо-восточных районов Тувы, особенно Тоджинского. Охота на пушного зверя имеет товарное значение для народного хозяйства всей области, а рыболовство и заготовка дикорастущих носят местный потребительский характер. Основным орудием охотниччьего промысла стало современное ружье центрального боя, но местами сохраняется еще и шомпольное, даже тяжелая кремневка, из которой стреляют с особой деревянной подставки «сосошек». Основной объект пушного промысла — белка, хотя добывают и других зверьков (соболь, горностай, выдра, лисица, рысь). Пушнину охотники продают государственным заготовительным организациям. Охота на крупного рогатого зверя, за исключением изюбря и марала, производится ради мяса и шкуры. На изюбря и марала охотятся для добычи ценных рогов (панты).

Советское правительство помогает тувинцам развивать высокодоходный промысел пушного зверя. Государственные заготовительные организации заключают с тувинскими колхозами договоры, они завозят большое количество промышленных товаров, продовольствия и выдают эти товары охотникам авансом на основе заключенных договоров.

При выполнении договора колхоз получает, кроме оплаты за добытую

пушнину, значительные суммы на возмещение расходов, связанных с организацией промысла. За перевыполнение договора заготовительная организация платит колхозу дополнительно 5% стоимости пушкины, сданной первым сортом. Колхозы заключают также договоры содействия. По условиям такого договора колхоз выделяет охотников для промысла, освобождая их на охотничий сезон от всех других видов работы. За такое содействие развитию пушного промысла государство платит колхозу дополнительно 4% стоимости сданной пушкины.

Колхозы выделяют охотникам лошадей, организуют в тайге прием пушкины, хорошо снабжают охотников продуктами питания, заботятся даже о том, чтобы у промышляющих в тайге были свежие газеты.

Развитие промышленности в Туве началось по существу после присоединения ее к Советскому Союзу. Некоторые отрасли тувинской промышленности имеют всесоюзное значение, и руководство ими перешло в соответствующие министерства СССР. Такие отрасли, как деревообделочная, лесопильная, производство строительных материалов (кирпич и т. д.), пищевая, швейная, переработка шерсти и кожи, вошли в состав местной промышленности.

Развивается строительство местных гидроэлектростанций. Электрическая энергия идет на производственные и бытовые нужды. Станции строят или отдельные крупные колхозы (например, колхоз имени Сталина Дзун-Хемчикского района), или несколько колхозов совместно (колхозы имени Сталина и «Победа» Тандинского района). В последнем случае строительством руководит межколхозный совет, избираемый строителями. Очаги промышленности созданы уже в большинстве районов Тувы, они оказывают большое положительное влияние на социалистическое переустройство быта тувинцев. Перспективы развития промышленности в Туве велики. Особенно это относится к металлодобывающей и металлообрабатывающей отраслям.

В связи с развитием промышленности у тувинцев впервые в истории этого народа возник рабочий класс и создалась техническая интеллигенция. Среди тувинцев-рабочих появились знатные стахановцы, например, Ондол-серэ — депутат Верховного Совета СССР, Сарма, Калзан, Хурек-пен и другие.

Тувинцы-рабочие живут в благоустроенных квартирах, меблированных на городской лад, носят платье городского покроя, как повседневное, так и праздничное, широко пользуются общественным питанием. Многие из них ведут небольшое домашнее хозяйство (держат корову, имеют огород). Тувинцы-рабочие все грамотные. Они не замыкаются в круг только производственных забот и домашних интересов, а ведут общественную работу и непрерывно повышают свой культурный уровень (посещают лекции, слушают радио, читают газеты, журналы, книги, ходят в театр, кино, на концерты, учатся на курсах). Тувинцы-рабочие, численность которых ежегодно возрастает, представляют собой наиболее передовую общественную группу тувинцев. Вместе с тувинской интеллигенцией они играют ведущую роль в переустройстве всей народной жизни на социалистических началах.

По всей области широко развернулось жилищное строительство, связанное с переходом на оседлость. Только в 1949 г. тувинцы-колхозникиозвели свыше тысячи домов, десятки школ и сотни других различных хозяйственных и культурно-бытовых построек. Все это было сделано местными силами, руками колхозников. У тувинцев появились собственные кадры плотников, столяров, кровельщиков, мастеров по изготавлению кирпича.

Жилищное строительство имеет огромное значение, так как создает материальную основу для перехода к оседлости, являющейся необходимым условием дальнейшего развития хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни тувинцев.

Советское правительство оказывает большую помощь этому делу. Только на строительство жилых домов колхозников отпущено свыше 10 млн. руб. безвозвратных и долгосрочных ссуд, сотни тысяч кубометров леса, много автомашин и различных строительных материалов.

В строительстве жилых домов и хозяйственных построек принимают участие и женщины. Энтузиазмом строительства новых, социалистических форм жизни охвачено не только взрослое население тувинцев, но и школьники, участие которых в летнее время в производственных работах высоко ценится колхозниками. Они составляют большинство в транспортных бригадах, занятых на вывозке леса к месту строительства колхозных зданий, помогают в уборке сена и хлебов.

Творческий энтузиазм трудящихся тувинцев возглавляют коммунисты и комсомольцы. Являясь застрельщиками в повышении производительности труда и улучшении качества работы, они перевыполняют нормы на хлебоуборочных и сенокосных машинах, на копнении сена и хлеба, на сортировке и погрузке зерна, на перевозке хлеба. В колхозах хорошо поставлена политическая, агитационная, воспитательная работа. Коммунисты и комсомольцы во время летних и осенних работ ежедневно проводят читку газет или беседы во время обеденного перерыва в бригадах. Они организуют систематический выпуск стенной газеты и ежедневный выпуск агитационного листка. Заботятся они и об отдыхе колхозников. У полевого стана нередко можно увидеть волейбольную площадку. Перед ужином молодежь может отдохнуть за любимой и широко распространившейся у тувинцев игрой. Комсомольцы организуют коллективы самодеятельности, которые выступают на полевом стане с концертами, пользующимися успехом у колхозников. Вся эта большая и повседневная воспитательная и культурно-просветительная работа партийной и комсомольской организаций в Туве направлена на развитие производственной и общественной активности колхозников, улучшение результатов колхозного труда.

Этим же целям служат в колхозах и доски почета, показателей производительности труда. Показатели труда каждого колхозника становятся известными всему колхозу, что дает возможность быстро распространять и пропагандировать опыт лучших, помогать и улучшать работу отстающих.

В большинстве тувинских колхозов коммунисты возглавляют строительные бригады, от работы которых зависят сроки перехода араторов на оседлость. Бригады основывают и строят целые селения, так изменяющие ландшафт Тувы. Выбор места для колхозных селений и их хозяйственных центров тщательно обсуждают на собраниях колхозников — первых жителей будущих селений. Строительство их ведется по архитектурным планам, разработанным специалистами. Проекты этих планов, наряду с соответствующими государственными организациями, утверждают и колхозы. При планировании новых тувинских колхозных селений предусматривается наиболее целесообразный порядок расположения производственных, общественных, жилых построек. Хозяйственные постройки располагают ближе к полям и выгонам, чтобы было удобнее подвозить урожай в склады, корм скоту, вывозить семена, удобрения и т. д. Примером может служить план строительства колхоза Бай-Булун Кызыльского района, при устье р. Элегест.

Селение расположено по обоим берегам р. Элегест при впадении его в Енисей и по левому берегу Енисея. Посередине селения по мосту через р. Элегест проходит автомобильная дорога, ведущая из областного центра г. Кызыла в западные районы Тувы. В селении строят три комплекса: 1) хозяйственный, 2) жилищный, 3) культурно-бытовой. Хозяйственный комплекс состоит из зернохранилища, подъезд к которому выходит на тракт, дома правления колхоза, конных дворов, склада для грубых кормов, склада сельскохозяйственного инвентаря, сарая транс-

портных средств, домика сторожа, зерносушилки, склада удобрений, материального склада. Все эти помещения расположены в виде вытянутого прямоугольника с просторной площадью посередине. Жилые дома колхозников расположены на левой стороне р. Элегест, на берегу Енисея в виде улицы с двусторонней застройкой, вытянутой параллельно тракту и течению Енисея. Дома колхозников выходят на улицу, а придусадебный участок с огородами по одной стороне улицы — на берег Енисея, а по другой — на тракт. На территории этой части жилого комплекса находятся дом для приезжих, столовая (расположенные у тракта), школа и общественная баня. Вторая часть жилого комплекса расположена по обоим берегам Элегеста, выше моста, в виде двух набережных улиц с односторонней застройкой. Дома обеих улиц выходят на набережную. Культурно-бытовой комплекс состоит из парка, по бокам которого расположены площадка для игр и детский сад. Парк разбит на стрелке, образованной течением Енисея и впадающего в него Элегеста.

Жилые дома колхозников деревянные, обычно с двухскатной, иногда с четырехскатной крышей, с русской печью и плитой. Они состоят из трех комнат с пятью широкими окнами, веранды, кладовой. Во многих тувинских колхозах налажено производство простейших видов деревянной мебели (различных столов, стульев, скамеек, шкафчиков, кроватей и т. п.), так как в юртах кочевников почти не было мебели, пригодной для обстановки дома. В каждом колхозе в новые дома перешла на жительство уже значительная часть колхозников. Всего в благоустроенные дома переселилось свыше 5 тыс. колхозников. Дома заселяют по решению общего собрания колхозников, в первую очередь их предоставляют лучшим производственникам и общественникам колхоза. Советские и партийные работники областного и партийного центра устраивали специальные собрания колхозников в каждом колхозе по поводу вселения в первый отделанный дом того или иного колхозника. Новоселов инструктировали, как расставить мебель, топить печь, готовить в ней, мыть полы, соблюдать чистоту в комнатах и т. д.

Многие колхозники, а также единоличники вынуждены жить пока еще в старом жилище, созданном в условиях кочевого образа жизни, весьма неудобном и очень холодном в течение большей части года. Однако оно уже не является типичным для Тувы. В настоящее время наиболее характерен срубный деревянный дом, с внутренней обстановкой оседлого быта, хотя элементы старого быта еще сохраняются в некоторой утвари, употреблении войлока, расположении меблировки и т. п. Даже в Тоджинском районе срубный дом вытесняет архаическую юрту. Шалаш сохраняется только в качестве летнего жилья или хозяйственного помещения. Полное исчезновение шалаша — алачека со всей его архаической обстановкой дело недалекого будущего.

Пища тувинцев сохраняет ряд национальных особенностей, сложившихся большей частью до революции. Это относится прежде всего к молочным продуктам. Тувинцы и теперь предпочитают коровье молоко, особенно в летнее время, в кислом виде. Летом самым распространенным молочным продуктом является «кайтпак» — напиток, употребляемый как в чистом виде, так и с поджаренным просом, вареным картофелем или хлебом. Он весьма напоминает алтайский «чегень» или хакасский «айран». Способ приготовления его довольно своеобразный. Его заквашивают весной. Для приготовления закваски в небольшой сосуд с кипяченым молоком закладывают свежую кору тальника. Эту закваску затем выливают в большую деревянную кадку, куда ежедневно сливают молоко суточного удоя. Предварительно это молоко кипятят, остужают и снимают с него сливки («ёроме»). Из «кайтпака» приготовляют твердый кислый сыр («курут»). Для этого его отвораживают, творожистую массу откладывают в мешочек и кладут под пресс. Спресованный творог режут

на куски и помещают над костром (на деревянной решетке). Иногда творожистую массу не прессуют, а высушивают на солнце. Сушеный творог «арчы» также запасают впрок. Его употребляют, добавляя в чай, или перемешивают со сливками, или заправляют им похлебку. Из квашеного молока приготовляют еще мягкий, сладковатый на вкус творог «эджегей». Из сливок (брёёме) вытапливают масло в большом котле. Масло сливают в сушеную брюшину (или желудок) овцы. Получаемый при этом густой отход от него, называемый «чокпок», едят с молотой черемухой, с сладковатым сыром (быштак), с сахаром, с хлебом.

В настоящее время в пище колхозников все большее значение приобретает хлеб, благодаря устройству колхозных пекарен и переходу части колхозников в благоустроенные дома с русской печью; хлеб покупают и единоличники при поездках в районные центры, где он продается как в столовых, так и в магазинах. Распространенным продуктом питания у тувинцев-аратов является также просо, особенно зимой. Просо в необрушенном виде варят, а затем небольшими порциями поджаривают в накаленном котле. При поджаривании лопается и отлетает шелуха с зерен, которую удаляют затем отсеиванием. Поджаренное зерно едят с чаем, молоком, с брёёме, либо варят из него кашу (на воде и молоке).

Видное место в пищевом балансе тувинцев-единоличников занимает ячмень. Зерна ячменя сначала толкуют в большой деревянной ступе деревянным пестом и, отделив от него оболочку, поджаривают в котле. Затем еще раз толкуют, провеивают и мелют на ручных каменных жерновах, получая «талкан», который едят, засыпая в чай. Тувинцы пьют чай три-четыре раза в день. Предпочитают кирпичный или зеленый плиточный, который варят с молоком и солью. Зимой ежедневно варят похлебку из ячменных зерен («Кёже») с мясом или суп из проса («пуда»). Часто варят суп с лапшой или одну только лапшу («күскен талган»), которую замешивают из пшеничной муки. Из муки жарят, варят в масле («поорсак») или пекут пресные лепешки. Оленеводы мясо варят с сушеным сараной. Из клубней сараны и каньдаха приготовляют похлебку на молоке. Свежую сарану пекут в золе очага.

Оленье молоко пьют в свежем виде, добавляют в чай. Его заготавливают также впрок, сливая в кожаные мешки и подвешивая в юрте. Молоко сначала скисает, а затем высыхает. Сухое молоко разводят чаем (в отдельной маленькой посуде) и добавляют его в кипящий чай. В небольшом количестве из оленевого молока делают сыр («быштак»). Кислое молоко наливают в мешок из белой хлопчатобумажной материи, опущенный в кипящую воду; свернувшееся и сварившееся молоко прессуют и получают сыр. В данном случае на оленье молоко перенесен широко распространенный у тюркских кочевников способ использования коровьего молока для получения сладковатого сыра, который носит такое же название.

Видное место в пище тувинцев занимает мясо. Его едят большей частью в вареном виде. Наиболее почетными частями баранины, при угощении гостей, считаются задняя часть с курдюком («уджа»), грудная кость («тёш»), ребра и лопатка («чаар»). Кровь животного собирают, наливают в вымытые кишечки и варят кровяную колбасу.

Рыбу жарят на вертеле (мелкую) или варят (крупную).

В настоящее время колхозники, как и жители городов, многие продукты (различные крупы, макароны, печенье, конфеты, сахар, колбасы) приобретают в сельских и районных магазинах. Тувинцы, живущие в районных центрах и городах, особенно рабочие и служащие, питаются преимущественно в общественных столовых. Общественные столовые и чайные быстро распространяются и в колхозах в связи с переходом тувинцев на оседлость и возникновением у них постоянных поселков.

Характерно отметить, что хлеб становится основой питания в тувинских колхозах.

Одежда современных тувинцев также отражает коренное переустройство их домашнего быта, начавшееся еще в период народной революции. Большинство аратов носит национальный костюм монгольского образца, каким он сложился за последние полтора — два столетия, когда тувинцы находились под властью маньчжурской династии. Летний мужской костюм арата собственного шитья состоит из короткой рубахи и штанов из бязи или далембы. Рубаха (мужская и женская) — с прямым разрезом и стоячим воротником, который отгибают наподобие отложного и застегивают на одну пуговку. Иногда рубаху шьют распашной. Женскую рубаху шьют с короткими рукавами. Штаны носят на узком пояске, который пропущен через петельки штанов, или на вздержке. Женщины носят теперь короткую юбку. Верхней одеждой служит легкий халат из синей или черной материи, особенно при выходе из дома. Халат этот длиннополый, одинаковый у мужчин и женщин, запахивается левой полой наверх и застегивается на пуговицы на плече и подмышкой. Покрой халата типичный монгольский, со ступенчатым вырезом на верхней поле и высоким стоячим воротником, который носят отогнутым, как отложной. Халат носят с опояской, сделанной из куска ткани.

Зимой мужчины и женщины носят овчинную шубу такого же покроя, как халат, но с низким стоячим воротником. У женщин шуба отделана ценным мехом, нашивкой цветной материи вдоль полы и ее выступа на груди.

Головным убором у мужчин летом служит покупная фетровая шляпа, кепка или фуражка военного образца. Женщины и девушки носят платок, берет, а в домашней обстановке ходят с непокрытой головой, связывая волосы сзади в пучок, не заплетая их в косы. Мужчины либо коротко стригут волосы, либо носят обычную мужскую прическу городского типа. Старухи и старики стригут волосы коротко. Зимой мужчины носят теплые, иногда меховые шапки, чаще покупные, а женщины еще и теплые платки.

Кое-где еще носят старинную шапку с наушниками, напоминающую по виду чепец. Старинные женские головные уборы («баштанга» — замужней женщины, «тумалай» — фата невесты) исчезли из быта еще за период Народной республики.

Еще сохраняется в быту национальная кожаная обувь на толстой многослойной подошве, с войлочной прокладкой внутри, с загнутым острым носком, а также из шкуры, снятой с ног козули, олена, сохатого шерстью наружу.

Такую обувь носят и мужчины и женщины.

В большей степени сохранился старый национальный костюм у колхозников-тувинцев Тоджинского района, где мужская и женская верхняя одежда отличается только по головному убору и украшениям. Летняя одежда, кроме рубахи и штанов, состоит из халата, описанного выше покроя, но иногда сшитого не из материи, а из весенних шкур олена, на которых остается только подшерсток. Халат носят с опояской. Штаны летние также шьют из выделанной шкуры олена или козули. Летнюю обувь шьют как из покупной кожи, так и из лап (с весенней шерстью) олена, сохатого, марала. Мужчины носят круглую шапку из мелкошерстной мерлушки, но чаще покупные головные уборы. Женщины покрывают голову платком, завязывая концы его на затылке, или носят покупной берет. Зимние шубы такого же покроя, как халат, шьют из оленьих шкур, шерстью внутрь и покрывают их сверху синей, черной и даже красной (женские) материи. Стоячий воротник делают из овчины. Рукава халата суживаются книзу и заканчиваются полукруглым овчным отворотом. Края пол и подола обшивают полоской из материи.

Женская шуба отличается большим количеством аппликаций из цветной ткани, которые нашивают от левого плеча по коленчатому вырезу до правой подмышки.

Охотники носят доху «чага» из шкуры козули, шерстью наружу, с разрезом в подоле, длиной до колен. Полы не запахиваются, а сходятся краями и завязываются ремешками, воротник также завязывается спереди. Местами сохранилась старинная куртка («хурме») из шкурок (шерстью наружу), снятых с головы козуль, без воротника, но с круглым вырезом; полы ее одинаковой ширины, соприкасаются краями и завязываются ремешками. Ее носят поверх шубы. Штаны зимние часто шьют из летней шкуры (с подшерстком) оленя или козули, шерстью внутрь. Обувь шьют из зимних лап оленя, сохатого или козули. Охотники носят еще наколенники из мягкой, гладкой оленевой шкуры, иногда шкуры козули, реже лошади, шерстью наружу. Наколенники пристегиваются к поясу при помощи ременных петелек.

Такая одежда тувинцев-колхозников в настоящее время сочетается с одеждой городского покрова, продаваемой в сельских и городских магазинах. Тувинцы постепенно переходят к новому типу одежды. Старые длиннополые халаты и шубы, приспособленные к кочевому образу жизни, к верховой езде, весьма неудобны при ходьбе пешком, при выполнении многих новых видов сельскохозяйственных работ. Вполне понятно отсюда желание тувинцев обзавестись при первой возможности одеждой городского покрова. Особенно стремится к этому молодежь обоего пола, которая не желает носить неуклюжую громоздкую обувь и стесняющие движения длиннополый халат или шубу. К этому нужно добавить влияние тувинцев — жителей городов и районных центров (рабочих, служащих и учащихся), которые носят костюмы городского покрова. Покрой старого тувинского костюма, несмотря на его распространенность, обречен на исчезновение вследствие его явного несоответствия новым формам домашнего и производственного быта. Только материал одежды (овчины, оленьи шкуры, кожи и т. д.) сохранит свое значение для некоторых видов одежды, особенно для районов с суровыми климатическими условиями.

Домашняя жизнь современных тувинцев характеризуется не только резким изменением материального быта, но и ломкой старых семейных отношений, хранивших в себе феодально-родовые пережитки. Ярче всего это проявляется в положении рядовой тувинской женщины, замкнутой в прошлом в узких рамках тяжелого домашнего быта. Тувинская женщина получила равноправие во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественной жизни еще по Конституции Тувинской Народной республики. Ей были предоставлены не только формальные права равенства с мужчинами, но и обеспечены условия для их реализации: одинаковая с мужчинами оплата труда, предоставление трудового отпуска и отпуска по беременности (с оплатой содержания), социальное страхование и т. д. Запрещалось и каралось по закону всякое нарушение равноправия женщины во всех областях хозяйственной, политической и культурной жизни. Не разрешалась насилиственная выдача замуж, наказывалось вступление в брак с несовершеннолетней.

Осуществление прав тувинки, закрепленных Конституцией Народной республики, потребовало упорной борьбы с многими старыми обычаями, существовавшими веками. К ним относятся калым и распоряжение женщины, как купленной собственностью, ряд запретов для женщины в отношении старшей родни мужа и его родителей (этую категорию родственников женщины не должны называть по имени, не должны находиться при них с непокрытой головой или без обуви и т. д.), случаи много женства, левирата, просватывание малолетних или даже ожидаемых

детей. Пережитки их в области семейно-брачных отношений частично сохраняются у аратов-единоличников еще и теперь.

Быстрее всего было достигнуто вовлечение женщины в сферу производственной жизни тувинцев, чему препятствовали раньше рамки домашнего хозяйства и семейные обычаи. Затем были достигнуты успехи в привлечении женщины к общественной, государственной жизни, к образованию. Это привело к тому, что в период Великой Отечественной войны женщина у тувинцев сделалась решающей силой в области сельскохозяйственного труда и местной промышленности. Тувинки-единоличницы, не говоря уже о состоявших в тождемах, сеяли хлеб сверх плана в фонд победы, выращивали и сохраняли скот. Перед вступлением Тузы в состав СССР около тысячи женщин работало в партийных и государственных организациях в городах, поселках, хощунах и сумонах.

С установлением советской власти практическая реализация равноправия тувинки, обеспеченного Сталинской Конституцией, пошла исключительно быстро, и в настоящее время большинство женщин у тувинцев грамотно. Женщина заняла подобающее ей место в создании социалистической культуры, в построении социализма у тувинцев. Тувинские партийные организации проводят большую работу по повышению активности женщин в политической и производственной жизни Тузы, в результате чего в колхозах, на предприятиях и в учреждениях роль женского труда весьма усилилась. Среди женщин ведется массовая политico-просветительная работа, устраиваются собрания и беседы, на которых разъясняются задачи и значение быстрейшего завершения социалистических преобразований в экономике и культуре Тузы. Для женщин специально устраивают лекции, читку газет. В результате такой работы многие женщины тувинки быстро политически растут и развиваются, становятся передовыми работниками в производстве.

Крупнейшим показателем уровня современной культуры тувинцев является состояние их народного образования. До революции грамотность среди тувинцев была не выше 1,5% и то за счет лам, чиновников и феодальной верхушки, знавших монгольскую грамоту. Вхождение Тузы в СССР и установление в ней советской власти коренным образом изменили условия для развития народного образования и роста образованности тувинцев. Советское правительство, партия и лично И. В. Сталин уделили этому вопросу исключительное внимание. Ряд постановлений Советов Министров РСФСР и СССР отразили эту заботу в конкретных практических формах.

Дети трудящихся тувинцев, обучающиеся в школах, были приняты на полное государственное обеспечение, до питания и обмундирования включительно. Это открыло дорогу к образованию массам тувинских детей. В настоящее время учатся и содержатся за счет государства свыше 10 тысяч детей тувинцев. Для учителей Тувинской области были введены повышенные ставки, в г. Кызыле предпринято строительство зданий средней школы, педучилища, дворца пионеров. Уже за первое пятилетие ее существования в Тувинской автономной области бюджет народного образования вырос по сравнению с 1944 г. в семь раз и составил около 50 млн. рублей. Тувинская школа стала строить свою работу на подлинно научной основе. Число школ по сравнению с 1943/44 учебным годом, когда Тува была еще Народной республикой, выросло почти в два с половиной раза (с 86 до 193), а число учащихся тувинцев — в три с половиной раза. Грамотность населения возросла до 95%.

Уже через пять лет после того как Тува вошла в состав Советского Союза было выпущено около 3 тыс. учащихся тувинцев из четырех классов, 400 человек из седьмых и 45 тувинцев получили аттестат зрелости. Сын простого арата Чичак-оол окончил среднюю школу в г. Кызыле.

зыле с золотой медалью. Часть выпускников поступила в различные высшие учебные заведения нашей страны, другие остались работать в области на различных участках социалистического строительства.

Объединение тувинцев в колхозы и переход к оседлости создали благоприятные условия для развития школьного дела и для перехода к всеобщему начальному обучению. В настоящее время проводится в жизнь закон об обязательном всеобщем семилетнем образовании. Тувинцы-колхозники хорошо осознали необходимость этого важнейшего государственного мероприятия и стремятся всеми силами облегчить условия его проведения. Учитывая, что серьезной причиной, принуждающей тысячи тувинских детей оставаться вне школы, является недостаток школьных помещений, колхозники колхоза «Победа» (Кызыльский район) и «Чараа-бажы» (Дзун-Хемчикский район) выступили в 1949 г. инициаторами строительства школьных зданий методом народной стройки. Их призыв был подхвачен другими колхозами. В том же году в Туве широко развернулось строительство 40 просторных благоустроенных школ (по типовому проекту), 6 интернатов, 20 домов учителей. Ценная народная инициатива была поддержана областными партийными и советскими организациями. Этот год войдет в историю культуры современных тувинцев как крупная веха в развитии советской школы.

В школьном строительстве выдвинулся ряд энтузиастов рядовых тувинцев — 60-летний Шайгар-оюк из Тес-Хемского района, коммунист Хургел-оол из Самалгатая, Бакун из колхоза им. 30 лет ВЛКСМ Дзун-Хемчикского района. Их имена стали известны по всей Туве. С развитием и укреплением оседлости отпадает необходимость в школьных интернатах, которые в настоящее время играют решающую роль в развитии школьного дела. Специфика обучения тувинских детей в школах-интернатах продолжает состоять в том, что в них, кроме преподавания обычных школьных дисциплин и воспитания в учащихся социалистического мировоззрения, преподаются еще навыки оседлого быта, правилаличной гигиены и т. д. При возвращении на каникулы школьники несут приобретенные знания и навыки в свои семьи и служат проводниками новой социалистической культуры и нового быта. Тувинская школа играет большую роль в воспитании у тувинцев советского патриотизма.

Важной проблемой, которую приходится решать современным тувинцам в области народного просвещения, является подготовка национальных учительских кадров. За годы советской власти в г. Кызыле созданы Институт по усовершенствованию учителей, Педагогическое училище. По указанию И. В. Сталина были организованы 6-месячные курсы для подготовки учителей. В Абаканском учительском институте образовано отделение тувинского языка и литературы, готовящее преподавателей для тувинских школ. В настоящее время в г. Кызыле создан Учительский институт — первое высшее учебное заведение. Сотни человек проходят заочно курс Иркутского и Красноярского педагогических институтов, Московских курсов иностранных языков, Абаканского учительского института и других. Указанные меры содействуют росту национальных учительских кадров. Сотни тувинских учителей уже ведут преподавание в школах.

Основное внимание тувинской школы направлено на качество обучения тувинских детей, на уровень преподавания, на повседневное идеино-политическое воспитание учащихся, особенно в интернатах. Усиление метода наглядности преподавания, широкое использование краеведческого материала, организация и развитие опытной работы на пришкольных участках, тесная связь школы с местными колхозами, совхозами, как путем непосредственного участия школьников в процессе сельскохозяйственного производства, так и через устройство экскурсий, организацию

кружков натуралистов, создание школьных кабинетов, уголков живой природы и т. д.— являются теми путями, которыми идет современная тувинская национальная школа.

Специальное внимание тувинская школа уделяет постановке преподавания таких ведущих предметов, как история, литература, биология, русский язык, оказывающих решающее влияние на формирование мировоззрения будущих строителей коммунизма. Большое практическое значение придается преподаванию русского языка. Через русский язык тувинцы полнее приобщаются к сокровищнице знаний передовой социалистической культуры и науки и прежде всего к трудам классиков марксизма-ленинизма. Недостаточный уровень развития современного тувинского литературного языка и письменности, недостаток кадров переводчиков и т. п. еще затрудняют широким массам тувинцев повышение образования на тувинском языке. Рабочие, колхозники, учащиеся, городская и сельская интеллигенция стремятся параллельно родному овладеть русским языком, становятся двуязычными. Большую помочь в этой острой потребности тувинцев начинает оказывать местная школа. С 1946/47 учебного года во всех тувинских школах введено преподавание русского языка. С 1949/50 учебного года при всех тувинских школах созданы для детей семилетнего возраста подготовительные классы, в которых со второго полугодия введено преподавание русского языка.

Овладение русским языком откроет тувинцам еще более широкий простор для получения среднего и высшего образования, позволит им овладеть богатством великой русской культуры, получившей исключительный расцвет в эпоху социализма. Некоторые тувинцы, в том числе и выпускники тувинской средней школы, уже успешно учатся на разных курсах Восточного и Филологического факультетов в Ленинградском университете. Есть среди них окончившие Государственный университет и Военно-медицинскую академию в Ленинграде, Московский ветеринарный институт, Омский сельскохозяйственный институт и т. д.

Тувинская национальная школа занимается по учебникам на родном языке. Тувинская интеллигенция ведет большую работу по переводу и созданию учебной литературы. Национальная школа в Туве играет важнейшую роль в развитии тувинской социалистической культуры и оказывает решающее влияние на быстрый рост грамотности и образованности среди тувинцев. Кроме общеобразовательной школы, у тувинцев появился ряд специальных средних учебных заведений: сельскохозяйственный техникум, торгово-кооперативная школа, музыкальная школа и другие.

Большое значение имеет также массовое развитие работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности (ликбез) густой сетью покрывают всю Туву. В них взрослые тувинцы обучаются по специально составленным учебным программам. Преподавателями этих кружков (как их называют «культармейцами») работают представители самых различных слоев населения: учителя, учащиеся старших классов школы, приезжающие на каникулы, рабочие, служащие, грамотные передовые колхозники и т. д. Огромная роль в этом принадлежит сельским комсомольским организациям. Такая работа ведется и работниками красных юрт-передвижек, библиотек и т. д. Районные исполнительные комитеты Советов депутатов трудающихся и их отделы народного образования, районные комитеты партии и комсомола руководят и следят за развитием этой исключительно важной работы во всех районах Тувы. Большой размах приобрела эта работа и в наиболее отсталом в культурном отношении Тоджинском районе.

В повышении культурного уровня тувинцев большая роль принадлежит системе политico-просветительных учреждений. Массовые и

разнообразные формы, социалистическое содержание работы этих учреждений, ведущейся на тувинском языке, являются серьезными факторами не только расширения умственного кругозора, но и формирования социалистического мировоззрения тувинцев. Около семидесяти стационарных и передвижных кино, свыше двухсот библиотек, в том числе одна областная и шестнадцать районных, шестнадцать районных домов культуры, несколько десятков изб-читален, десятки сельских клубов, красные юрты-передвижки, десятки радиоузлов и т. п. систематически и ежедневно несут в массы современных тувинцев-колхозников и единоличников, рабочих и служащих самые разнообразные конкретные знания по различным отраслям науки, искусства, культуры, политики и т. д. Все это способствует самообразованию, помогает тувинцам быстрее развивать социалистическую национальную культуру.

Специфической, хотя уже отживающей формой в системе тувинских политico-просветительных учреждений является красная юрта-передвижка, а иногда просто красная палатка (Тоджинский район), которая, передвигаясь из колхоза в колхоз, из одного стойбища скотоводов-единоличников в другое, несет тувинцам разнообразный комплекс теоретических и практических знаний и культурных развлечений. Красная юрта-передвижка имеет свежие газеты, библиотеку, плакаты, радиоприемник, музыкальные инструменты. Работники ее помогают тувинцам ликвидировать неграмотность, читают лекции и доклады на важнейшие темы международной и внутренней политики, по вопросам сельского хозяйства, ведут пропаганду естественно-научных знаний и новой, социалистической культуры. Они дают практические советы по вопросам организации оседлого быта, по юридическим вопросам, устраивают слушание радиопередач, организуют художественную самодеятельность. Работа их широка, многообразна и полезна. Красные юрты являются организаторами общественного сознания; они помогают наладить выпуск стенгазеты в колхозе или сумонном (сельском) совете, в которой отражают хозяйственную и общественную жизнь, организуют социалистическое соревнование.

По приезде в колхоз красной юрты при ней создается совет из 5—6 наиболее активных колхозников, которые помогают организовать культурно-просветительную работу. Красная юрта Кызыльского района, например, организовала 4 кружка (литературный, хоровой и др.), в которых занимаются около 100 человек. За 1951 г. в ней было прочтено 17 лекций, продемонстрировано 20 кинофильмов, дано 6 концертов. С переходом тувинцев к оседлости красные юрты реорганизуются в сельские клубы. В 1952 г. в Туве работало только 8 красных юрт-передвижек, которые летом обслуживали культурно-просветительной работой главным образом полевые станы. Но обычно полевые станы в Туве обслуживают агиткультбригады, работающие при некоторых культурно-просветительных учреждениях в течение круглого года.

Большую лекционную работу ведет Тувинское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, насчитывающее в составе своих членов несколько сот тувинцев. Ежегодно по линии этого общества читается свыше тысячи лекций, на которых присутствует около 100 тысяч слушателей.

С переходом тувинцев в СССР выросли издательские возможности. Область стала издавать 11 газет, из которых 10 печатаются на тувинском языке. Тувинское национальное издательство выпустило в свет свыше 500 названий различных книг на русском и тувинском языках общим тиражом свыше 2 млн. экземпляров. Тувинцы при всех трудностях и недостатках перевода впервые получили возможность читать на родном языке произведения Ленина и Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)», некоторые произведения классической русской, советской и мировой литературы, а также произведения тувинских национальных

писателей и поэтов. В большом количестве издается учебная и популярная, политическая, сельскохозяйственная литература.

У тувинцев развивается национальная художественная литература. Союз советских писателей оказывает большую помощь молодой национальной литературе тувинцев. В 1945 г. в Туве организовано Тувинское отделение Союза советских писателей, объединяющее 9 членов и кандидатов Союза. Тувинское отделение регулярно издает свой альманах «Улуг-хем» с 1946 г. До этого альманахи издавались под разными названиями: «Заря революции», «Боевой клич», «За родину». Тувинская проза зародилась в Советской Туве. Первым значительным произведением ее была автобиографическая повесть С. Тока «Слово арата». Эта повесть переведена на русский язык и удостоена Сталинской премии. Она широко известна советским читателям и является вкладом тувинской национальной литературы в братскую литературу народов СССР. Впервые в истории тувинцев появилась и драматургия. Еще в период Народной республики были написаны и поставлены в национальном театре первые пьесы тувинских писателей (С. Тока, А. Тэмир). В настоящее время драматургии уделяет много внимания писатель О. Саган-оол. В пьесе «Чуткуль» (Стремление) он показывает колхозное движение в Туве, пьеса «Осуществленная мечта» посвящена великому событию в истории тувинцев — воссоединению с народами СССР.

Одной из ведущих тем тувинской поэзии является образ великих звезд трудящегося человечества — В. И. Ленина и И. В. Сталина. Ленин сравнивается в стихах тувинских поэтов с неугасимым светлым юнцем. Образ И. В. Сталина сливается с темой Родины, с дружбой народов, со всем лучшим, что дорого и близко каждому советскому человеку. Образ любимого вождя олицетворяет лучшие мечты и идеалы свободных и счастливых людей, впервые познавших радость жизни под тучами Сталинской Конституции.

Большой и важной темой, разрабатываемой тувинской национальной литературой, является тема дружбы советских народов. Она нашла удачное отражение в повести С. Тока «Слово арата», в поэме «Саны-Чогэ» С. Сарыг-оола, в рассказе «Дружба» О. Саган-оола и в ряде стихов тувинских поэтов.

Тувинская национальная литература является одним из важнейших и ярких показателей роста социалистической национальной культуры тувинцев в братской, заботливой семье советских народов. Тувинская советская литература помогает делу завершения социалистических преобразований в Туве и строительству коммунизма во всей нашей стране.

Уровень социалистической культуры тувинцев характеризуется также наличием у них научных учреждений. В настоящее время в Туве имеется Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в г. Кызыле, который ведет исследовательскую работу по этим дисциплинам по материалам Тувы, участвует в создании учебников для национальных школ. Тувинская опытная сельскохозяйственная станция ведет важную исследовательскую работу по выведению высокопродуктивных сортов пшеницы, ячменя, проса, испытывает в условиях Тувы наиболее известные и рекомендуемые советской наукой сорта этих культур. Одновременно станция ведет научную работу в области животноводства, а также садового плодоводства (она заложила плодоягодный питомник). Научную работу ведет и Государственный краеведческий музей. Во всех научных учреждениях Тувы уже имеются кадры национальных работников.

Характерным показателем роста культуры современных тувинцев является широкое распространение медицинских учреждений. Бесплатная медицинская помощь уже вошла в повседневный быт тувинцев как боржан, так колхозников и аратов-единоличников. В Туве теперь нет

ни одного сельсовета или колхозов без медицинского пункта. Медицинские учреждения тувинцев работают на основе достижений советской медицины и отличаются благоустроенностю. Центральная больница в г. Кызыле обладает прекрасным современным оборудованием. То же следует сказать о поликлинике с ее физиолечебницей, различными специальными кабинетами и лабораториями.

Научная медицина, доступная народу благодаря бесплатному лечению, разветвленной сети медицинских учреждений и наличию специального санитарного транспорта (автомобильного и воздушного), завоевала широкое признание и доверие тувинцев. Медицинское дело в Туве быстро развивается. Уже за первое пятилетие советской власти в Туве число врачей и среднего медицинского персонала возросло по сравнению с 1944 г. в четыре раза. В связи с развитием оседлости в колхозах появились новые медицинские пункты, амбулатории, больницы. Созданы женские и детские консультации, ясли, местные курорты и санатории, эпидемиологические станции. Исчезли из быта приемы «лечения», которые применяли ламы и шаманы.

Медицинские учреждения, особенно в районах, начинают обслуживаться национальными кадрами, что еще более облегчает внедрение в быт тувинцев медицинской помощи. Развивается профилактическая работа. Резко увеличилась рождаемость и снизилась смертность.

Вопросы медицины и профилактики здоровья широко освещаются у тувинцев через радио, национальную прессу, путем издания популярной литературы, листовок, плакатов, а также через лекции, доклады, беседы.

На базе общего политического, хозяйственного и культурного подъема развивается искусство тувинцев. Тувинский театр состоит из двух трупп: национальной, тувинской, занятой главным образом широким развитием и распространением концертной деятельности, как наиболее доступной в настоящих условиях, и русской труппы, преимущественно драматической.

Национальную труппу возглавляет композитор М. Мунзук. В эту труппу входят певцы, в том числе и солисты (мужчины и женщины), музыканты — исполнители различных произведений на национальных инструментах. Характерным и специфическим для тувинцев является так называемое двухголосое сольное или «горловое» пение, весьма распространенное в тувинской народной среде и почти нигде более не наблюдающееся. Певец поет двумя голосами. Низким голосом он ведет мелодию и сопровождает ее, как бы аккомпанируя, удивительно чистым и нежным звуком, похожим на звук флейты. Национальная труппа пользуется большой популярностью. Тувинские артисты исполняют наиболее известные и распространенные советские песни, как хоровые, так и сольные, танцы народов СССР. Они знакомят тувинский народ с искусством всего советского народа, с русской классикой, с творчеством выдающихся советских композиторов и композиторов стран народной демократии.

Тувинская труппа много внимания уделяет гастрольным поездкам по области, где выступает в колхозных селениях и на полевых станах. Всегда таких поездок исполняются концертные программы и одноактные пьесы на тувинском и русском языках. Особенной популярностью пользуются тувинские и русские народные песни в хоровом и сольном исполнении артистов этой труппы.

Тувинцы очень музыкальный народ. Из их среды уже вышли советские композиторы, дирижеры, режиссеры. Композитор и режиссер театра М. Мунзук написал песню «Спасибо Сталину», композитор А. Чиргайсул — «Песню о мире». Эти песни пользуются большой популярностью. Ведется сбор и музыкальная обработка тувинских народных песен для печати. Растут и крепнут таланты тувинцев-артистов. Некоторые из

них уже широко известны всей советской стране, например талантливый артист и руководитель тувинской труппы циркового искусства Оскал-оол. С искусством Оскал-оола и его труппы познакомились москвичи, ленинградцы. С большим успехом эта труппа выступала также в Риге, на Украине, в Сибири.

Создание комплексного сценического искусства у тувинцев является большим достижением их развивающейся социалистической национальной культуры. Зарождается также искусство живописи. Художник С. Ланзы не только театральный живописец, он пробует свои силы в станковой живописи.

Наряду с этим продолжает бытовать и прекрасное народное изобразительное искусство тувинцев, образцы которого имеются во всех крупных этнографических музеях Советского Союза. Оно представлено резьбой по камню (агалматолиту) и дереву, художественным литьем из меди и бронзы, живописной росписью на деревянных предметах быта (шкафчики, кровати, ящики). Особенно высокими художественными достоинствами отличаются вырезанные из камня или отлитые из металла своеобразные фигурки тувинских шахмат, различные детские игрушки или статуэтки из камня и дерева, изображающие преимущественно зверей и домашних животных, представленных иногда в сложных борющихся позах. Резьба по камню сосредоточена в Бай-Тайгинском районе, где камнерезы расширяют ассортимент и тематику своих изделий. Выделяются художественностью исполнения скульптурные изображения В. И. Ленина.

Кроме шахмат и статуэток, тувинцы-камнерезы изготавливают красивые чернильные приборы. Литье металла распространено в Монгун-Тайгинском районе, среди изделий выделяются художественные украшения для седел и сбруи из бронзовых и серебряных пластинок, гравированных тонким орнаментом. Особенно хороши изготавливаемые тувинцами костяные полированные пуговицы, украшенные тонким узором.

Помимо шахмат, у тувинцев бытуют другие интересные игры, кратко описанные в этнографической литературе. Такова игра «талы», напоминающая домино, а также своеобразные игры на расчерченных досках — буга-шатра, черги-шатра, тугул-шатра и другие, совершенно отличные от шахмат или шашек.

Изложенное показывает, что со времени перехода в состав СССР у тувинцев начался бурный рост национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Процесс завершения социалистических преобразований в Туве идет одновременно с процессом национальной консолидации тувинцев. Исчезает характерная для прошлого территориальная, экономическая, языковая и культурная изолированность отдельных районов Тувы. Создается и развивается единый национальный язык тувинцев, закрепленный в национальной литературе. Возникают и налаживаются экономические связи между различными частями Тувы на основе нового разделения труда, экономической специализации районов. Становится постепенно единой культура тувинцев как по форме, так и по содержанию. Идет процесс формирования таких общностей, совокупность которых приводит к образованию нации. У тувинцев формируются признаки социалистической нации, возникающей на основе социалистических порядков под эгидой советской власти. Наметились и характерные черты социально-политического облика будущей тувинской нации. Появляется тувинский рабочий класс, ведущая роль которого в деле социалистического переустройства жизни тувинцев растет с каждым днем. Под руководством рабочего класса Советского Союза и его Коммунистической партии укрепляется союз этого нарождающегося рабочего класса с трудовым колхозным крестьянством во имя победоносного завершения социалистического строительства, которое обеспечит возможность постепенного перехода тувинцев к коммунизму. Борьба за

полное уничтожение остатков национализма и участие тувинцев вместе со всеми народами СССР в борьбе против современного империализма, возглавляемого американскими поджигателями войны, характеризует достаточно ясно духовный и социально-политический облик современного тувинского народа. Вполне понятно отсюда, с каким творческим воодушевлением и энтузиазмом встретили трудящиеся тувинцы весть о XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Эта весть исколыхнула всю Туву и вызвала новую волну трудового подъема по завершению социалистических преобразований. Решения этого исторического съезда обеспечивают дальнейший неограниченный рост экономики и культуры Тувы, прекрасное и светлое будущее ее народа.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

КИТАЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАКАТ

Одной из наиболее доходчивых, наиболее ярких, близких трудающимся массам Китая форм изобразительного искусства является политический плакат¹. В искусствоведческой литературе возникновение его принято датировать концом XIX в. и увязывать рождение этой формы искусства с борьбой китайского народа против японской агрессии 1894—1895 гг. и последующего времени. В эти годы подъема национально-освободительного движения, расширения борьбы за национальную независимость использование плаката, как средства политической агитации, приобрело значительный размах. Фактически плакат в Китае возник значительно ранее XIX в. Настенное объявление с текстом и рисунком — простейший вид рекламного плаката — получил развитие в Китае (особенно в Центральном и Юго-Восточном, приморском), повидимому, одновременно с формированием городов. Описания городов, данные путешественниками, побывавшими в Китае, по крайней мере в XIII в., содержат указания на наличие в торгово-ремесленных кварталах² рекламных плакатов.

К этому типу плаката в Китае примыкает правительственные настенное объявление. В большинстве случаев такое объявление (указ или местное административное распоряжение) представляло собой настенную иероглифическую запись его текста (прописную или накладную) без рисунка. В немногих случаях текст пояснялся схематическим рисунком. К числу таких плакатных объявлений относятся запретные распоряжения цинской администрации в городах, посещавшихся «немирными» (т. е. продолжавшими борьбу против национального и классового угнетения) национальными меньшинствами: мяо, и (прежде именовались лоло), яо (часто именовались прежде мань) и другими. Соответствуя тексту, провозглашавшему национальную дискриминацию, рисунок выполнялся в гротескном, карикатурном духе (как, впрочем, и все иллюстрации официальных изданий, касающихся не китайских малых народов страны). В Китайской Народной Республике, где расовая и национальная дискриминация преследуется законом, эти настенные объявления по соответствующему декрету уничтожены.

¹ По-китайски «сюаньчуань хуа», т. е. пропагандирующий рисунок.

² В китайских городах торгово-ремесленные кварталы были обособлены от дворово-крепостной, а также собственно жилой части города.

Плоскость стен отдельных зданий в жилой³ и административной частях города, оград усадеб, а иногда и городских стен в годы народных движений уже с первых веков нашей эры (с Ханьского времени) нередко использовалась для антиправительственной политической карикатуры. Рисунок выполнялся углем или врезом по сырцовому кирпичу. Снабженный иероглифической надписью-призывом, он приобретал форму политического плаката. Такие настенные рисунки получили распространение и в других странах, по культуре близких к Китаю (во Вьетнаме, Корее). Традиционные навыки настенного политического плаката и карикатуры широко использовались в Китае в период первой гражданской революционной войны 1924—1927 гг. Героический вьетнамский народ использует настенную политическую карикатуру и политический плакат как острое оружие политической агитации и пропаганды и в наше время.

Настенный сатирический рисунок — это основной, но не единственный исток современного китайского политического плаката. Близкими и предшествующими ему формами изобразительного искусства являются: политическая карикатура-листовка, народный исторический и патриотический лубок (особенно лубок-иллюстрация к произведениям исторического фольклора и литературы), цикл иллюстраций на одном листе (или книжка-картинка).

Особое место в феодальном Китае занимала картина-свиток (близкая по структуре к плакату), выполнявшаяся криптографически⁴.

Воспроизведенные оттиском с деревянного клише политические карикатуры-листовки (так сказать, плакат малого формата) использовались для политической агитации в период тайпинского восстания 1850—1865 гг.

Патриотический лубок, также ксилографический, получил широкое распространение в середине XIX в. Построенный в значительной мере на политической карикатуре, он отражал нарастание борьбы китайского народа против иноземных захватчиков, настойчиво проникавших в страну со временем опиумных войн (1839—1860 гг.). Художники — исполнители политического плаката того времени, также построенного на сатирическом рисунке, живо откликались на политические события, глубоко волновавшие все слои китайского общества. Лубочные картины, рассчитанные главным образом на широчайшие круги многомиллионного китайского крестьянства, выпускались в сотнях тысяч экземпляров.

В отличие от них, политический плакат второй половины XIX в. (да и первой четверти XX в.) был ориентирован на городское население, а в ряде случаев на отдельные слои его: интеллигенцию, гарнизон, расквартированный в данном квартале города, ремесленников, торговцев. Тираж плаката редко превышал десяток экземпляров. Точнее сказать, весь «тираж» состоял из одного экземпляра. По существу экспонировался главным образом плакат-подлинник, выполненный на плотной бумаге, на ткани или на плоскости стены. Но и в тех случаях, когда с плаката-подлинника изготавливали копии, распространение их ограничивалось данным районом, а срок использования едва ли превышал две недели. Выполнение копий не требовало точности ни в рисунке, ни в цветовом оформлении. Даже в передаче лозунга, при обязательном сохранении текста, допускалось его различное графическое исполнение. В силу этих

³ Жилой дом в Северном Китае обычно строился внутри усадьбы и был обращен передним фасадом на юг; задний фасад, не имевший оконных и дверных проемов, мог выходить на боковую улицу. В центральном и южном Китае на улицу нередко выходил и главный фасад здания.

⁴ Криптограмма (буквально тайнопись) — текст лозунга, призыва или тайной, понятной только посвященным, формулы, выполненной в виде рисунка (сюжетного или геометрического) так, что иероглифы текста, графически несколько измененные, составляют контуры изображений.

особенностей плакат был безымянным (как, впрочем, и преобладающая масса произведений изобразительного искусства, особенно его народных форм).

Из-за отсутствия собраний и публикаций ранних плакатов Китая трудно говорить о центрах его производства, школах художников-плакатистов, стиле их графики. После изобретения литографии, получившей в Китае развитие в начале XX в. (особенно в Шанхае), плакат мог выходить большими тиражами. Однако в силу ряда причин и главным образом цензурных запретов политический плакат получил распространение лишь в середине 1920-х годов.

Первый толчок к широкому использованию политического плаката был дан в 1919 г. движением «4 Мая» (по-китайски «У-сы»)⁵. Борьба прогрессивной интеллигенции за демократизацию литературы, искусства, системы образования (деятельное участие в этой борьбе принимали великий китайский писатель Лу Синь, один из основателей коммунистической партии Китая профессор Ли Да-чжао и др.) велась и до 1919 г. События «4 Мая», вылившиеся в мощное антиимпериалистическое (в первую очередь антияпонское) движение, показали, что на арену политической борьбы выступила новая организованная политическая сила — пролетариат, которому принадлежала роль гегемона в грядущих революционных боях.

1921 г. ознаменовался рождением Коммунистической партии Китая, одним из создателей которой был вождь китайского народа Мао Цзэ-дун.

Особенностью движения «4 Мая», отличающей его от революционных выступлений трудящихся масс страны в предыдущие годы, было наличие у северных границ Китая революционной России. Движение китайского народа сливалось с борьбой народов России и пролетариата Европы против мирового империализма. «Движение 4—5 мая», — как указывает Мао Цзэ-дун, — родилось в ответ на призыв мировой революции, призыв русской революции, призыв Ленина⁶. Совершенно естественно, что в последующие годы революционно настроенные прогрессивные деятели искусства и литературы Китая, а в том числе и художники-плакатисты, присматривались к творчеству революционных деятелей искусства Советской России, учитывали их опыт, учились у них. В 1920-х годах большой популярностью в Китае пользовались работы советского плакатиста Д. С. Моора. Широко известны такие его работы как: «Ты записался добровольцем?» (плакат 1920 г.), «Русский народ дорогих лекарств не употребляет» (сатирический рисунок 1921 г.) и др. В последующие годы в Китае получило известность творчество Б. Ефимова, Ю. Ганфа, Кукрыниксов и других советских мастеров плаката.

Начало планомерного использования плаката как средства наглядной агитации было положено в Китае в период первой гражданской революционной войны. Плакаты этого периода сыграли огромную роль в доведении до трудового крестьянства аграрной политики Коммунистической партии, в разъяснении трудовым массам города сущности капиталистической эксплуатации, в разоблачении планов колониального грабежа и раздела Китая, вынашиваемых империалистами и частично осуществляемых ими через их пособников — больших и малых милитаристов вроде Чжан Цзо-лина, У Пей-фу и других. Революционные плакаты в период

⁵ 4 мая 1919 г. в Пекине состоялась 15-тысячная демонстрация против решений Парижской мирной конференции о передаче Японии германских арендных территорий в Китае. Начавшееся с выступлений студенчества движение было поддержано рабочим классом и частично крестьянством. Оно распространилось по крупнейшим промышленным центрам (особенно в Шанхае) и носило ярко выраженную антиимпериалистическую окраску.

⁶ Мао Цзэ-дун, О новой демократии, Избр. соч., т. II, Пекин, 1952, стр. 671 (на кит. яз.).

арьергардных боев революционной войны 1924—1927 гг. сыграли значительную роль и в деле создания и пополнения народной армии, укрепления ее дисциплины.

О действенности агитации через плакаты, воспитательном значении плаката для широких масс трудового китайского крестьянства Мао-Цзэдун писал в 1927 г.: «Широко распространенные и доходчивые простые плакаты, рисунки, а также устные выступления оказывают на крестьян такое воспитательное воздействие, словно те обучаются в политической школе»⁷.

В эти и последующие годы плакаты издаются Политическим управлением Народной армии, крестьянскими союзами различных провинций (особенно провинций Хунань, Цзянси и Гуандун), рабочими профсоюзными организациями крупных городов приморской полосы Китая, местными организациями Коммунистической партии. Художники-плакатисты широко откликаются на события дня. Широта и сложность поставленных перед ними самой жизнью тем, а частично и слабость полиграфических возможностей обусловили распространение в конце 1920-х — начале 1930-х годов плаката, распадающегося на ряд (4, 8, 16) последовательных сюжетных рисунков. Каждый отдельный кадр снабжен особым текстом-подписью. Вся серия объединена (помимо размещения на одном листе) единой стержневой линией повествования и общей шапкой заголовка-лозунга (рис. 1). Прием разбивки темы на серию кадров, широко распространенный в китайском народном изобразительном искусстве (в плакате, в лубочных картинах, в росписи керамики и т. д.), в известной степени связан со старой китайской перспективой, которая основана на принципе построения композиции уступами, рисунка-лестницы, воспринимаемого не в горизонтальном ракурсе, а в вертикальном, при рассматривании его сверху вниз. Современное изобразительное искусство Китая отходит от этой условной перспективы, но прием кадрирования темы продолжает сохраняться.

Основная тема политического плаката 1930-х годов — уже с конца 1931 г. — борьба с японской агрессией. Планомерный захват территории Китая был начат Японией при попустительстве со стороны Англии, США и других империалистических держав событиями 18 сентября 1931 г. в Дунбэе (Маньчжурия). 1 марта 1932 г. Япония провозгласила «независимость» своей новой колонии Манчжоу-Го. Провокационная пассивность нанкинского правительства вызвала бурю негодования в стране. Вопреки приказам нанкинского правительства воинские части генерала Ма Цзяншаня и партизанские отряды, созданные населением, продолжали борьбу против японских оккупантов в Дунбэе. Волонтерские отряды и 19-я армия сорвали попытку японского империализма захватить коротким ударом Шанхай в январе-феврале 1932 г. По всей стране (особенно в приморской промышленно развитой полосе) прокатилась волна забастовок рабочих на японских предприятиях. В демонстрациях протеста, бойкоте японских товаров и других формах антияпонской борьбы активно участвовала интеллигенция. В декабре 1931 г. 60 тысяч студентов двинулись в Нанкин с требованием активизации правительственный войск и сопротивления агрессору.

В плакатах этого времени японский империализм изображается хищным зверем, вгрызающимся в живое тело Китая, вампиром, сосущим кровь и соки из захваченных областей северо-востока страны, или карликом с гигантскими руками, пытающимся захватить огромную по сравнению с Японией китайскую территорию.

На плакате неизвестного художника, выпущенном в 1932 г. в г. Усун (провинция Цзянси), Япония изображена в виде ископаемого гигантского ящера, отгрызающего от Китая «Дун сань шэн» (три восточные

⁷ Мао Цзэ-дун, Избр. соч., т. I, М., 1952, стр. 75.

木蘭從軍

Рис. 1. Кадрированный плакат «Му Лань уходит в армию» на исторический сюжет о девушке-героине, ушедшей в армию вместо престарелого отца и стяжавшей славу подвигами в борьбе против врагов Родины (Х в. н. э.)

Худ. Ван Шу-Хуэй

провинции)⁸. Китайский народ, изображенный в виде худощавой, но мускулистой фигуры в одних трусах, занес над головой хищника тяжелую каменную секиру на коротком древке и готовится нанести смертельный удар (рис. 2). Плакат монохромный (в синих тонах различной плотности).

Тема единения народа для борьбы с японским агрессором приобрела особое значение в период Великого похода (1934—1935 гг.), когда центр революционного района переместился из провинции Цзянси в область стыка трех провинций — Ганьсу, Шэньси и Нинся. Героическая револю-

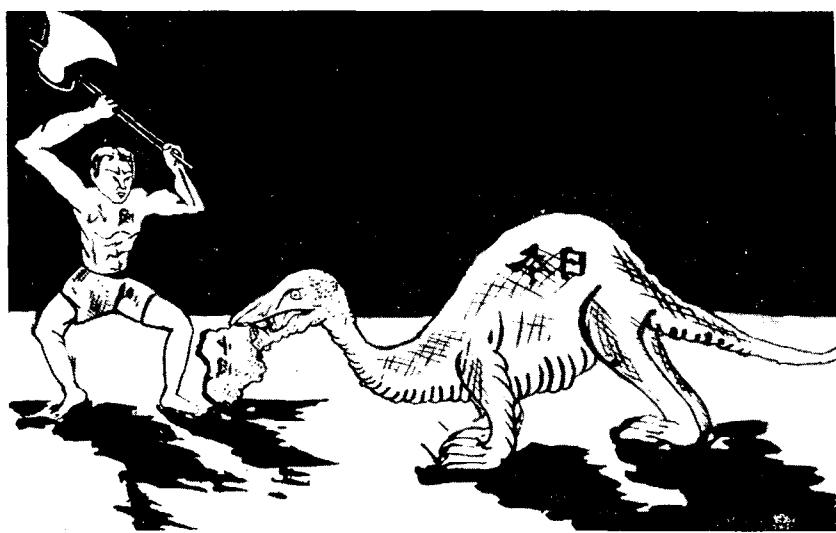

Рис. 2. Плакат неизвестного художника, отображающий японскую интервенцию в Северо-восточный Китай в 1931 г.

ционная армия несла в народ лозунг объединения всех сил для отпора врагу. Этот лозунг прозвучал вновь и с особой силой после провокации под Лугоуцяо в 1937 г., когда японские империалисты развязали «большую войну» в Китае.

В этот тяжелый для Китая период, когда треть территории страны была формально оккупирована врагом, боевой революционный плакат и сатирический рисунок-листовка рассказывали о поражении японцев под Тайэрчжуанем, показывали, что захватчики держатся фактически только вдоль линии трактов, призывали к созданию партизанских баз. В плакатах и сатирических рисунках того времени примечателен показ быстрого изматывания врага при правильном взаимодействии регулярной армии и партизанских отрядов. Ряд плакатов был посвящен триединой тактике борьбы с врагом, так сформулированной Мао Цзэ-дуном: враг наступает — мы отступаем; враг останавливается — мы не даем ему покоя; враг измотан и отступает — мы бьем. Лозунги, выдвигаемые Коммунистической партией, вооружали народ сильнейшим оружием — уверенностью в победе.

Политический плакат второй половины 1930-х и начала 1940-х годов тематически приближается к современному. В Пограничном⁹ и в освобожденных районах темами плаката становятся бдительность и борьба с тайной агентурой врага, борьба за развитие промышленности,

⁸ Распространенное в начале XX в. китайское название Маньчжурии.

⁹ Так назывался упомянутый выше район на стыке провинций Шэньси, Ганьсу, Нинся.

движение за повышение производительности местной промышленности и сельского хозяйства.

Подъем продуктивности сельского хозяйства района был жизненно необходим в связи с его блокадой, которую пыталась осуществить чанкайшистская банда в целях удушения голодом населения района, прекращения притока сырья для его промышленности, а главное — в расчете на конфликт между «обреченным на голод» населением и «вынужденной жить за его счет» народно-освободительной армией. Эти расчеты чанкайшистского правительства не оправдались. Народная армия не только не грабила население (как это делала армия гоминдановская), она сумела полностью обеспечить себя продовольствием, и даже шерсть для изготовления обмундирования шла от овец, выращенных подразделениями армии. Хозяйственная самодеятельность армии еще более укрепляла ее дружбу с народом.

Тема хозяйственной самодеятельности армии, специфичная для борющегося Китая, не потеряла своей актуальности в наши дни. Крупный китайский художник Гу Юань, широко известный советскому зрителю по его великолепным цветным гравюрам («Живой мост» и др.), выпустил в 1950 г. плакат с надписью «Я герой войны, я же и герой труда». Плакат выполнен в двух планах. На переднем плане изображен молодой воин Народно-освободительной армии в защитной форме. Грудь его украшена тремя боевыми наградами и пунцовыми пионом с ленточкой — знаком отличия Героя Труда, на который он с гордостью указывает левой рукой. В правой его руке мотыга — одно из наиболее распространенных в Китае до самого последнего времени сельскохозяйственных орудий. Позади в коричневом тушевом размытии изображен тот же боец с винтовкой в руках. Справа от него в такой же коричневой дымке дана картина боя; слева — трудовой момент — проведение воинским подразделением ирригационного канала.

Опыт плакатистов Пограничного района и их плакаты постепенно распространялись во всех освобожденных районах, особенно в Дунбэе. Героем, положительным персонажем плаката все в большей степени становился рабочий, как представитель передового класса, уверенно осуществляющего свою роль руководящей силы в борьбе с империалистами и их пособниками внутри страны.

Победы Советской Армии, разгром фашистской Германии и империалистической Японии принесли миру мир. В северо-восточной части Китая, контролируемой органами народной власти, началось восстановление разрушенных войной промышленности и транспорта, развернувшись борьба с бескультурьем и антисанитарией. Все эти мероприятия находили отражение в плакате того периода. На центральном и ряде местных совещаний в начале 1946 г. рабочие, крестьяне, бойцы Народно-освободительной армии активно участвовали в обсуждении доходчивости, актуальности, четкости зрительного восприятия подготовляемых к выпуску плакатов, лубочных картин и т. п.

Мирное строительство северо-востока Китая было сорвано преступной чанкайшистской бандой, которая при активной поддержке американского империализма развязала братоубийственную гражданскую войну. Вновь военная тематика стала основной струей в сюжете плаката. Лозунг «все для победы над антинародной кликой американского наймита Чан Кай-ши» надолго определяет характер политического плаката народного Китая.

Великая победа китайского народа, руководимого Коммунистической партией и ее испытанным вождем Мао Цзэ-дуном, положила начало новой эре в развитии Китая. С провозглашением 1 октября 1949 г. Народной Республики в Китае открылись широчайшие возможности для развития и совершенствования искусства и в том числе мастерства плаката.

Современный политический плакат перестал быть безымянным. Китайский народ знает и высоко ценит художников-плакатистов. В создании плакатов участвуют как известные мастера кисти, так и молодые художники, талант которых раскрылся в процессе их участия в фабричных цеховых стенгазетах или молниях, боевых листках подразделений Народно-освободительной армии, в работе по оформлению красных уголков и клубов и т. д. В качестве плакатистов с успехом выступают художники, имя которых широко известно по их работам в области гравюры на дереве и линолеуме (Гу Юань) в лубочной картине (Чжан Дин) и т. д. Подпись художника повышает ответственность его перед новым, весьма благодарным потребителем, но и строгим критиком — китайским народом.

Участие в создании плакатов художников различного профиля объясняет в известной мере разнообразие приемов в решении сходных тем. Отвлекаясь от смешанных по стилю вариантов, можно по характеру исполнения наметить три типа современного политического плаката: плакат-лубок, плакат-картина и собственно плакат.

Плакат-лубок (иногда просто лубочная картина, изданная литографски в сильно увеличенных размерах) сохраняет традиционные черты так называемой новогодней лубочной картины: подразделение композиции на три-четыре составные части (центральный рисунок, вспомогательный рисунок, иероглифическая формула и, не всегда присущее, общее орнаментальное обрамление), некоторую гротескность и наивность образов, массовость, значительную загрузку плоскости рисунка, тщательную прорисовку множества деталей. Сохранена в большинстве случаев и присущая лубочной картине цветовая гамма (различная в различных центрах производства лубка).

Плакат-картина по задачам и композиции подобен плакату-лубку, но отличается реалистичностью изображения, близостью к литографской репродукции с картины.

Собственно плакат отличается от двух предыдущих типов своей лаконичностью. Основная часть плаката — текст лозунга (либо вписанный в рисунок, либо расположенный лентой над или под рисунком). Рисунок — иллюстрация к тексту, рассчитан на зрительное закрепление лозунга. Цветовой эффект (мягкость тонов расцветки фона, контрастность цвета основного рисунка и т. д.) исходит из задачи концентрации внимания на лозунге и основном рисунке.

Богат и разнообразен сюжет современного политического плаката. Художники-плакатисты отражают огромные изменения, которые происходят в Китайской Народной Республике, ее достижения. Таковы, например, сельскохозяйственные производственные плакаты. Земельной реформой (по закону 1950 г.) была предусмотрена передача крестьянам не только земли, но и орудий труда и тяглового скота, а в скотоводческих районах наделение скотоводов мясо-молочным и шерстеносным скотом. Иллюстрацией к этому служит плакат-лубок «Земельная реформа дала крестьянам и землю и скот» (художник Ли Кэ-жань).

«Урожай становится год от году выше» — под такой шапкой-лозунгом вышел плакат художника Элценту в автономной области Внутренней Монголии в 1950 г. На центральном рисунке этого плаката-лубка изображен ток. Группа крестьян с радостными лицами ссыпает зерно в мешки, но гора отборного зерна не уменьшается. На заднем плане еще ведется обмолот при помощи катка и провеивание совком.

Свободный труд крестьян на освобожденной земле особенно продуктивен и радостен потому, что он стал коллективным. Еще в Пограничном и освобожденных районах крестьяне начали обобществлять свой труд, создавая бригады взаимопомощи. К середине 1952 г. в Китае насчитывалось 6 млн. бригад взаимопомощи, 20% из них были с постоянным составом.

На базе укрупненных бригад китайские крестьяне с начала 1951 г. создают колхозы по образцу колхозов СССР.

Огромное значение в деле общего подъема сельского хозяйства и в расширении процесса коллективизации крестьянства Китая имеют государственные хозяйства, вооруженные передовой сельскохозяйственной техникой Советского Союза.

Посещению крестьянами полей государственных хозяйств посвящены работы ряда художников — мастеров лубочных картин и плакатистов. Таков плакат-лубок «За механизацию сельского хозяйства» (художник Су Хуэй). На рисунке изображены бескрайние поля Лутайского госхоз-

Рис. 3. Плакат-лубок «Овладевайте сельскохозяйственной техникой»

Художник Чжан Хуай-син

за. Уборка пшеницы ведется при помощи советского комбайна «Сталинец-6». Как выразителен контраст: дедовский прямоугольный серп в руке одного из крестьян — на фоне великолепной, мощной машины. Госхозы и правительственные земельные органы оказывают крестьянам содействие в овладении новой сельскохозяйственной техникой. Момент обучения обращению с плугом, дисковой бороной, конной сеялкой и другими орудиями передан в плакате-лубке художника Чжан Хуай-сина «Овладевайте сельскохозяйственной техникой!» (рис. 3).

Коллективный труд, направленный на расширение оросительной сети, вовлекает крестьян в работы, выходящие за рамки одной бригады, одной деревни, а иногда и целой провинции. Таковы работы по обузданию рек Хуанхэ, Хуайхэ и других, по созданию искусственных водохранилищ (на р. Янцзы и др.), которые ведутся методом народной стройки. За высокие показатели в этой работе многие из крестьян получили правительственные награды, удостоены звания Героя Труда. Торжественному моменту возвращения из Пекина крестьянина — Героя Труда посвящен плакат-лубок «Строитель дамбы вернулся с наградой» (художник Чжэн Хао-цзы).

В период господства гоминдановского режима Китай импортировал рис. Сейчас Китай не только обеспечивает растущие внутренние по-

требности, но может уже экспортировать рис. Плакат художника Чан Синь-хуа, выпущенный в 1951 г. в Южном Китае, посвящен борьбе за урожай риса. Выполненный в манере собственно плаката, рисунок композиционно прост: крупным планом даны поясные фигуры юноши в соломенной шляпе и девушки с прямоугольным серпом. Фоном служит каскад снопов риса, налитых полновесным зерном. Под рисунком призыв: «Разовьем производство; соберем большой урожай!».

Рис. 4. Плакат-картина «Славная дочь Коммунистической партии Китая Чжао Гуй-лань на приеме Мао Цзэ-дуном Героев Труда»

Худ. Линь Ган

В новом Китае, где женщины равноправны, где права их ограждены и охраняются законом, женщина-труженица, женщина-мать, женщина — свободный строитель нового общества — стала частым героем произведений литературы и изобразительного искусства. Художники-плакатисты с любовью популяризируют освоение женщинами новых профессий, их производственные достижения, их трудовые подвиги. Таковы, например, плакат-лубок «Первая бригада женщин-трактористок» (художник Дин Юй), плакат-лубок «Привет первым в Новом Китае женщинам-машинистам» (художник Ван Де-вей).

Таков и плакат-картина художника Линь Гана «Славная дочь Коммунистической партии Китая Чжао Гуй-лань на приеме Мао Цзэ-дуном Героев Труда» (рис. 4). Подвиг Чжао Гуй-лань, спасшей от взрыва химический завод и потерявшей при этом руку, широко известен в Китае и за его пределами. Композиция плаката-картины двухплановая. На переднем плане в центре вождь китайского народа Мао Цзэ-дун беседует с Чжао Гуй-лань. Рядом с ними стоит Чжоу Энь-лай. К разговору прислушиваются сидящие на втором плане за столом Чжу Де, Лю Шао-ци, Жэнь Би-ши, гости — Герои Труда. Лица всех собравшихся освещены улыбкой. Задушевность встречи подчеркивают теплые полутона

фона. Поразительно богатство переходов красно-коричневых оттенков. С большой точностью выполнены детали архитектуры зала, передана фарфоровая ваза — цветочный горшок с листьями аспидистры¹⁰, фактура ее зорительно ощутима.

В промышленном производственном плакате большое место занимает тема восстановления и развития железных дорог и других средств связи. Насколько важны именно в Китае средства связи, говорит такой факт: в период Великого похода из Жуйцзина в Яньцзянь (1934—1935 гг.) революционная армия проходила такие горные селения в провинции Сычуань, где еще не знали о революции 1911—1912 гг., не знали, что свергнута цинская династия и т. д. Разобщенность отдельных провинций тормозила укрепление всекитайского рынка, облегчала сохранение феодальных пережитков и бесконтрольный грабеж трудящихся масс местными милитаристами.

Всего три года прошло с тех пор, как трудовой народ, руководимый Коммунистической партией, сбросил со своей шеи ярмо угнетения. Страна сеть железных дорог, в значительной части разрушенная в период двух войн, полностью восстановлена. В строй вступила железнодорожная линия Чэнду — Чунцин (длиной в 505 км), открывшая природным ресурсам провинции Сычуань выход к Янцзы. В день третьей годовщины провозглашения Республики началась эксплуатация ветки Тяньшуй — Ланьчжоу (360 км), связавшей экономический центр Северо-Западного Китая через Лунхайскую железную дорогу с приморскими районами и северо-востоком страны. Интересно вспомнить, что Лунхайскую линию (протяжением в 1282 км) до Тяньшую строили 31 год. Вступивший в строй 1.Х.1952 г. ее участок строился в 16 раз быстрее и был закончен на 10 месяцев раньше правительственного срока. В июле 1952 г. железнодорожная мастерская Сыфан в г. Циндао выпустила на линию первый построенный в Китае паровоз.

Патриотическое соревнование китайских железнодорожников развернулось под лозунгами: «За 500-километровые суточные пробеги паровозов», «За тяжеловесные составы», «За полное использование грузоподъемности вагонов». Эти лозунги железнодорожников стали темой ряда плакатов.

Во всех подразделах промышленного производственного плаката ярко отражена тема производственного патриотического соревнования. Борьба за быстрейшее восстановление и строительство промышленных предприятий посвящен выпущенный в 1950 г. в провинции Шэньси плакат «За рост промышленного строительства, за индустриализацию новой Шэньси». На переднем плане изображена бригада каменщиков, занятая укладкой стены скоростным методом.

В наращивании темпов огромную роль играет использование опыта рабочего класса Советского Союза.

Творчески усваивая опыт советских строителей, бригада знатного строителя Су Чан-ю предложила метод, в 6 раз увеличивающий скорость кладки кирпича. К осени 1952 г. этот метод был уже широко распространен в провинции Шаньдун. Это позволяет в несколько раз сократить срок строительства промышленных объектов. Китайские строители знают, что от темпов их работы в значительной мере зависит успех наступления на фронте промышленности, развернувшегося в Китайской Народной Республике с весны 1953 г.

Плакат о шэньсийских строителях освещает попутно и еще одну очень важную сторону деятельности Центрального народного правительства Китайской Народной Республики — развитие промышленности вблизи источников сырья. В старом Китае промышленность развивалась

¹⁰ *Aspidistra elatior*; в русском комнатном растениеводстве именуется «дружной семейкой».

главным образом в местах, удобных для вывоза производимой продукции из страны. При этом китайская, компрадорская по характеру, крупная буржуазия и ее хозяева — иностранные империалисты — абсолютно не считались с интересами самого Китая. Центральное правительство Китайской Народной Республики, исходя из интересов народа, при размещении промышленности учитывает не только облегчение производственного процесса, но и культурно-политическое воздействие очагов промышленности на население. В районах, заселенных национальными меньшинствами, благодаря этому создаются национальные кадры рабочего класса. Под влиянием коллектива кадровых рабочих выковывается новое отношение к труду и общественной собственности. Через сеть Домов культуры, радиофикацию и кинофикацию поселков и т. п. проводится воспитание крестьян в духе пролетарского интернационализма.

Новое отношение к труду отражено в различных формах. Плакат-лубок «Равняйтесь по Героям Труда» (художник Ма Чжао-жэнь) посвящен чествованию лучшего производственника. Действие происходит, видимо, в зале фабричного клуба. Члены президиума собрания и большая группа рабочих двинулись навстречу смущенно и радостно улыбающемуся Герою Труда. Позади него над группой рабочих возвышается горка с ассортиментом электрооборудования, выпускавшегося фабрикой. Рисунок выполнен в характерных для северокитайского лубка сочных и резко контрастирующих тонах. Контуры резко очерчены.

Плакат «Повысим производительность труда — умножим силы Родины!» (художник Чжан Фань-фу) выполнен в ином стиле. Центральный рисунок композиции — фигура рабочего, склонившегося к токарному станку. Художник удачно выразил уверенную настороженность его лица, четкость движений и мощь рабочих рук. Мягкость красок фигуры рабочего и станка подчеркивает яркость белого листа с изображением графика выполнения годового плана, на котором красная стрелка наглядно показывает неуклонный рост производительности труда. Несколько неудачно размещение лозунга. Он разбит на две ленты текста (над и под рисунком) и недостаточно выделен.

Своеобразен шанхайский плакат, еще шире выражавший ту же мысль. На фоне красновато-коричневых силуэтов городских зданий дана поясная фигура рабочего в белой блузке и коричневом комбинезоне у токарного станка. Правая рука его лежит на рукояти суппорта. Левая рука широким жестом отведена назад и указывает на дополнительный рисунок, поясняющий лозунг: «Развернем патриотическое производственное соревнование в защиту Родины, в помощь Корее против американской агрессии!». На рисунке изображены (в традиции политической карикатуры) долговязый американец, падающий под двойным ударом штыка корейского солдата и молота китайского рабочего. Лозунг вписан в плоскость рисунка и органически связан с ним.

Плакат «Наше счастье прочно» (художник Чэн Син-хуа) передает уверенность китайского народа в настоящем и в будущем. На рисунке изображена крупная фигура шахтера с мощным буром на плече. Настоящее в его мозолистых руках, в созидающем труде на благо народа. Символом будущего является мальчуган с книжками под мышкой. Залог его светлого будущего — красный галстук. Рисунок выполнен в мягких коричневых, голубых и розовых тонах. Иероглифический текст голубой вертикальной строкой вписан в рисунок.

В любом из подразделов производственного плаката в той или иной связи находит отражение братская помощь новому Китаю со стороны Советского Союза. И. В. Сталин так определил ее характер: «...ни одна капиталистическая страна не могла бы оказать такой действительной и технически квалифицированной помощи народно-демократическим странам, какую оказывает им Советский Союз. Дело не только в том, что

помощь эта является максимально дешёвой и технически первоклассной. Дело прежде всего в том, что в основе этого сотрудничества лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться общего экономического подъёма»¹¹.

Иллюстрацией к этому положению И. В. Сталина служит плакат-лубок художника Сунь Цин-линя «Советские друзья помогают нам овладеть новой техникой» (рис. 5). На рисунке изображена группа китайских юношей и девушек. В центре около трактора «ЧТЗ НАТИ» стоит советский инженер-механик. Перед ним на лугу разостланы синь-

Рис. 5. Плакат-лубок «Советские друзья помогают нам овладевать новой техникой»

Худ. Сун Цин-линь

ки — чертежи устройства трактора. Левая щёка капота трактора отнята для наглядного изучения его устройства. Трое слушателей читают чертеж. Советский специалист показывает им детали, изображенные на чертеже, объясняет их взаимосвязь в машине. Часть слушателей тщательно записывает сообщаемые сведения. Оживленные лица слушателей и преподавателя говорят о дружеском контакте их, о взаимной заинтересованности в подъёме экономики Китая.

Любовно передавая открытое, полное симпатии к жадным до наук слушателям лицо советского человека, художник подчеркнул его отличие от представителей капиталистических фирм — «специалистов» которые сквердно утаивали от китайского народа «секреты» продаваемых Китаю машин (кстати сказать, как правило, устаревших), смотрели на народы Азии, как на «богом уготованный» объект колониальной эксплуатации.

Многие плакаты посвящены народной армии. Художники-плакатисты показывают дружескую связь, единство армии — детища народа с трудовыми массами страны. Таков, например, плакат-лубок «Народная армия — друг народа» (художник Го Цзюн-цин), изображающий радостную встречу бойцов с крестьянской семьёй. Плакат «Защитим наш

¹¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 31.

поля и заводы» (художник Во Чжа) композиционно прост. На переднем плане дана фигура бойца народной армии, стоящего на страже безопасности простирающихся за ним полей, желтеющих наливным зерном, и дымящих заводских корпусов. Настороженность его позы несколько дисгармонирует со спокойным, чуть тронутым улыбкой лицом.

Плакат-лубок «Клянемся зорко охранять рубежи нашей Родины» отражает растущую мощь китайского военно-морского флота и усиление его значения в деле обороны страны. Сцена изображает принятие присяги на борту крупного военного корабля. Совместно с моряками

Рис. 6. Плакат-картина «Привет китайским народным добровольцам»
Худ. А Ло

клятву произносят бойцы отряда морской пехоты и авиации. Поодаль видны другие боевые корабли. В небе проносятся самолеты. Китайский флот готов биться за полное освобождение китайской территории, готов дать отпор любому врагу, который посмеет посягнуть на священные рубежи Республики.

Эта готовность в несколько иной форме выражена в плакате Гу Юаня «Я боец мира и я не позволю империалистам снова попирать нашу землю». Плакат двухплановый, выполненный как бы фотомонтажем. Яркокрасный по белому полю плаката лозунг под крупной поясной фигурой молодого бойца с полуавтоматом в руках раскрывает тему. Непосредственно за фигурой размещена темнозеленая лента рулона с подписями мира, заставкой к которым служит изображение белого тюлья. На втором плане в бледноголубых тонах даны сияющие лица школьников, крестьян (получивших землю и скот и собравших богатый урожай), группы рабочих, идущих после рабочего дня учиться (позади них корпуса завода). Вспомогательный рисунок подкрепляет основную мысль. Бойцу народной армии Китая есть чем защищать, есть что защищать. Он ясно представляет себе врагов. Он готов выполнить свой долг перед родиной.

Многочисленны и чрезвычайно выразительны плакаты, разоблачающие звериное лицо американского империализма, призывающие к стойкой борьбе с ним, говорящие о поддержке героического корейского народа китайскими добровольцами. В плакате «Борясь против американских интервентов, помогая Корее, защищаете свой дом, охраняете оте-

чество» (художник Чжао Юй), относящемся к зиме 1950 г., американский империализм изображен в виде ядовитой змеи с головой Макартура, которую вилами пригвоздил к земле почти у Ялуцзяна китайский крестьянин.

Плакат художника А Лao с большой внутренней теплотой передает встречу китайских добровольцев корейским населением (рис. 6). По стилю он близок к плакату-лубку. Краски его сочны и ярки, ярки национальные костюмы корейцев, красные пятна флагов, но контуры

全力建立抗美援朝原貢部隊

Рис. 7. Плакат «Всеми силами поддержим народных добровольцев, помогающих Корее в борьбе против американских захватчиков»

Худ. Вань Чжун-синь

менее контрастны. Образы реалистичны. Плакат относится к октябрю 1951 г. Прибывших встречают цветами, полными корзинами фруктов (в орнаменте это символ удачи в делах). Вьются знамена Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики. Бойцы героической Корейской армии встречают китайских друзей лозунгом — здравицей в честь вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна. Передние ряды добровольцев несут портреты Мао Цзэ-дуна и Ким Ир Сена. Ввысь уходит стайка белых голубей, выпущенных корейскими ребятами.

Плакат художника Вэнь Чжун-сия «Всеми силами поддержим народных добровольцев, идущих на помощь Корее против американских захватчиков» (рис. 7), передает напряженность борьбы с интервентами. По выжженной земле к двум крупным фигурам воинов — китайского добровольца и корейского гвардейца — ползут американские вояки. Враги изрядно потрепаны. У одного из них выпал из рук окровавленный нож. У многих забинтованы лица. Один из них, сдаваясь, тянет кверху окровавленные руки. Падает подбитый американский бомбардировщик. Суровы лица воинов, ведущих справедливую войну. Опираясь на забинтованную левую руку, корейский боец изготовился бросить ручную гранату. Позиции китайского добровольца и корейского воина неприступны. Они полны решимости победить. Они сильны всенарод-

ной поддержкой. Позади двух центральных фигур изображены груды писем, посылок, подарков, присылаемых бойцам передовой линии борьбы против американских агрессоров.

Художник чрезвычайно удачно использовал традиционный в китайском искусстве фон золотистого сияния (обычно присущий картинам, выполняемым акварелью и гуашью по золотисто-розовому шелку) для передачи зари, встающей над Азией.

Лаконичен и очень выразителен плакат художника Фан Лина «Их ждет справедливая кара» (рис. 8). Под лозунгом (белый текст по

Рис. 8. Плакат «Их ждет справедливая кара», отображающий злодеяния американских захватчиков в Корее
Худ. Фан Лин

красному полю) на светлой плоскости свисает рельефно вырисованная петля. Внутри петли творят свои злодеяния американской бандит. Крупная фигура с лицом Трумэна, с хищным оскалом рта и краинными глазами, в окровавленной одежде стоит над трупами стариков, детей, женщин. Тощие руки и хилая грудь бандита увешаны награбленными ценностями. В правой руке он держит чадящий факел, в левой — окровавленный топор, воткнутый в спину женщины. Тот же отвратительный облик повторен еще четырежды: один вешает юношу корейца, другой тащит тюк награбленного добра, третий волочит сопротивляющуюся женщину, четвертый убивает ягненка. На дальнем плане — горящий город, разрушенные школы, больница, домики мирных жителей. Вьются над городом американские стервятники. Петля — убедительное напоминание о грядущей расплате.

Художник ярко выразил этим уверенность китайского народа в победе.

Народы Китая готовы в случае необходимости стеной встать на

защиту родины. Сила нового Китая основана на единении народов страны, сплочении их вокруг Коммунистической партии, вокруг вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна. Выпущенный в автономной области Внутренней Монголии плакат художника У Эня «Все народы Китая объединяются вокруг Мао Цзэ-дуна» рисует демонстрацию по случаю годовщины провозглашения республики¹². Вольный ветер колышет бесконечные ряды алых пятизвездных стягов. Вождь китайского народа, глава правительства Мао Цзэ-дун приветствует демонстрантов. Все устремляются к нему: рабочий китаец, пастух тибетец, хлопкороб уйгур и другие. Ярки национальные костюмы, радостны лица; живы и динамичны фигуры. Пионеры — мальчик и девочка — стремятся подойти поближе к любимому вождю. Текст выполнен китайскими иероглифами и монгольской вертикальной вязью.

Тема единения народов Китая под знаменем Мао Цзэ-дуна очень красочно, но более статично решена в плакате «Да здравствует единство народов Китая!» (художники Ван Цзэ и Су Цзян). Плакат передает торжественность момента. По передаче национальных костюмов народов Китая он этнографичен. В этом плакате, как и во многих других, дородность фигур символизирует экономическое благосостояние народных масс в новом Китае.

Изображая равноправие народов Китая, подъем их культурно-политической и экономической активности, художники-плакатисты часто проводят сравнение со старым бытом. Таков, например, плакат «Преобразилась жизнь народов Внутренней Монголии», выпущенный в этой автономной области. На центральном рисунке братски обнявшиеся фигуры монгола и китайца даны на фоне алых пятизвездных знамен. Левой рукой монгол указывает на текст лозунга, под которым расположен дополнительный рисунок с изображением дружной уборки богатого урожая и многочисленных стад овец и крупного рогатого скота. По низу плаката идет широкая черная полоса, на которой в исторической последовательности показана судьба трудящихся монголов с начала XX в. Здесь ростовщик, подвешивающий должника в шейных колодках на столбе, купец, отбирающий скот и зерно, маньчжурский чиновник, отбирающий землю, гоминдановские «вербовщики» в армию, японские вояки, посягавшие на собственность и жизнь трудового населения. Все эти рисунки выполнены в стиле политической карикатуры — контурной прорисовкой желтым по черному полю. Такое сочетание цветов, контрастируя с красно-желто-голубой гаммой основного поля плаката, усиливает впечатление безотрадности недавнего прошлого монгольского населения окраин Китая, его беспросветности, глубокой нужды.

Одно из самых почетных мест в тематике плаката, как выше уже отмечалось, занимает тема: Китай — Советский Союз, во всем ее многообразии.

Китайский народ понимает и глубоко чувствует всемирно-историческое значение достижений Советского Союза. Вечная дружба и могучий союз китайского и советского народов персонифицированы в китайском плакате как встреча гениального кормчего Советского Союза И. В. Сталина и его ученика, вождя Коммунистической партии и всего китайского народа Мао Цзэ-дуна. Таков плакат-картина «Великая встреча» (художники Фын Чжэнь и Ли Ци). На плакате изображена одна из зал Кремля. Тепло, дружески разговаривая, идут (навстречу зрителю) И. В. Сталин и Мао Цзэ-дун. Несколько поодаль следуют В. М. Молотов, Чжоу Энь-лай, А. Я. Вышинский и другие. Передавая дорогие и близкие китайскому народу образы государственных деятелей Советского Союза, художники, сохранив портретное сходство, невольно придали лицам несколько китайский облик.

¹² Плакат опубликован в журн. «Советская этнография». 1952, № 1, вклейка к стр. 199.

Таков и плакат-лубок «Дружба СССР и Китая — залог нашего счастья» (художник Го Цзюнь). На рисунке изображен крестьянский двор. Обстановка обыденная: видна вальковая крупорушка, лежит каток для обмолота; клюют зерна петух и курица (символ семейного счастья); под навесом стоит тучный скот (символ благополучия). Фоном служит кирпичная кладка стены жилого дома. В центре композиции двое крестьян развернули лубочную картину, посвященную признанию Китайской Народной Республики Советским Союзом: на фоне географической карты СССР и Китая И. В. Сталин, улыбаясь, крепко жмет руку Мао Цзэ-дуна. Около лубка собралась группа крестьян: двое мужчин, женщина с малышом на руках, дети. Все с любовью и благодарностью смотрят на дорогих вождей, принесших им счастливую жизнь.

Ряд плакатов посвящен борьбе китайского народа за мир против поджигателей войны, за единство и упрочение связей лагеря мира и демократии. Плакаты-лубки «Крепите дело мира!» (художник Сунь Цзянь-гуан) и «Зашитим мир!» (художник Дэн Шу) посвящены подписанию Стокгольмского воззвания и Воззвания о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Плакат-лубок «Зашитим мир во всем мире!» посвящен второму Всемирному Конгрессу сторонников мира. На рисунке изображена уходящая вдаль демонстрация китайских сторонников мира. На левом фланге дан отряд китайской молодежи (юношей в синих костюмах кадровых работников, девушек в ярких полуспортивных костюмах). Над демонстрантами реют алые пятизвездные знамена, а также знамена Монголии, Кореи и других стран народной демократии. Ввысь взвиваются стаи белых голубей. Вместе с демонстрантами радостно рукоплещут зрители: школьники, пожилая женщина с малышом на руках и другие¹³.

Китайский политический плакат получил заслуженное признание и известность и за пределами страны: в СССР, в странах народной демократии, в «восточных районах»¹⁴ городов капиталистических стран. Ярость и сочность красок, национально-китайская специфика стиля, а главное четко передаваемое политически заостренное содержание снискали ему любовь трудящихся масс.

В самом Китае плакат распространен особенно широко в городах и промышленных районах (в сельских районах шире распространена лубочная картина). Тиражи плакатов достигают значительной (а для старого Китая совершенно невообразимой) величины — 10, 15, 25 тысяч экземпляров. Китайские художники-плакатисты, освобождаясь от пережитков мелкобуржуазного миросозерцания, борясь с буржуазным эстетством, стремятся все свои силы отдать народу.

Однинадцать лет назад в своей исторической речи на совещании деятелей культурного фронта в г. Яньянь Мао Цзэ-дун, разбирая вопрос о доступности литературы и необходимости постепенного совершенствования искусства, а вместе с ним и художественного вкуса трудящихся масс, указывал: «Наше требование — единство политики и искусства, формы и содержания, революционно-политического содержания и самой высокой художественной формы. Не обладающие достаточными художественными достоинствами произведения, сколь бы они ни были прогрессивны политически, не имеют силы»¹⁵. Эти указания вождя китайского народа для художников-плакатистов являются неизменным руководством к действию. Качественный рост, постепенное совершенствование художественного образа китайского плаката несомненны.

¹³ Упоминаемые нами плакаты, не публикуемые в настоящей статье, экспонированы в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

¹⁴ Во многих крупных городах США и других капиталистических странах существуют «восточные» или «китайские» кварталы, где сосредоточено китайское, филиппинское, корейское население.

¹⁵ Мао Цзэ-дун, Лунь вэньи вэньти, Шанхай, 1949, стр. 23—24.

И. А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ

НАЦИОНАЛЬНОЕ УГНЕТЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ В США. НАВАХИ

Американские миллиардеры, подчинив себе государственный аппарат США, пытаются осуществить свои бредовые планы «руководства» всем миром, т. е. господства над всеми народами мира, безраздельной эксплуатации этих народов. «Эта линия на завоевание мирового господства, на подчинение себе всех других стран является основным мотивом всей политики американской империалистической верхушки»¹. Американские миллиардеры призывают все другие народы отказаться от своего национального суверенитета, от своей национальной культуры, от своего образа жизни и воспринять «американский образ жизни». Многочисленные отряды продавшихся воротилам Уолл-Стрита ученых — историков, этнографов, социологов и прочих — пытаются всеми мерами доказать народам мира преимущества «американского образа жизни», представить Соединенные Штаты земным раем, где царят классовый мир и содружество народов, которым «посчастливилось» жить в США — этой стране «самых богатых возможностей». Реальная американская действительность является ярчайшим опровержением мифа об американском рае, о содружестве населяющих США народов. Известно, что миллионы негров, мексиканцев, китайцев и в первую очередь коренное население Америки — индейцы страдают под невыносимым двойным гнетом расовой дискриминации и классового угнетения.

Настоящая статья посвящена самой многочисленной из индейских народностей США — навахам. Навахов насчитывается около 70 тысяч², что составляет коло 1/6 всего индейского населения США. Они живут в штатах Аризона, Новая Мексика и Юта, населяя специально отведенную для них территорию — индейскую резервацию, большое своеобразное гетто.

Навахи говорят на одном из языков атапасской языковой семьи³.

Как и все атапаски, навахи называют себя «дene», т. е. «люди». «Навахами» (что означает «возделанные поля») их, как полагают американские лингвисты, назвали индейцы тева (группа пуэбло)⁴. Навахами они называют себя только при общении с американцами, ибо этот этноним еще со временем испанской колонизации является их официальным названием.

Американские расисты в целях оправдания истребления индейцев и жестокого порабощения оставшихся в живых исписали не мало бумаги чтобы доказать, что к началу колонизации Соединенными Штатами за-

¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 19—20.

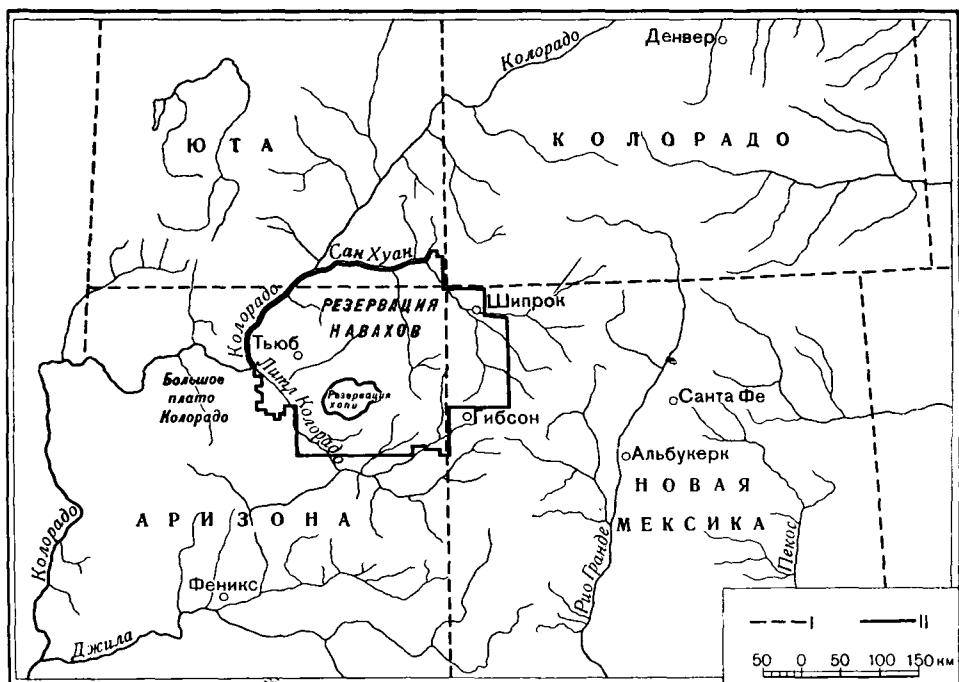
² E. Ferguson, New Mexico, New York, 1951, стр. 83.

³ More, The unity of speech among the northern and southern Dene, «American Anthropologist», т. 9, No. 4, 1907; Fr. Boas, Handbook of American Indian languages, т. I; E. Sapir, Internal linguistics evidence of the northern origin of the Navaho, «American Anthropologist», т. 38, No. 2, 1936; H. Hoijer, The southern athapaskan languages, «American Anthropologist», т. 40, No. 1, 1938.

⁴ E. Ferguson, Указ. соч., стр. 88.

падных областей Северной Америки индейцы были дикарями, с которыми иначе и нельзя было обращаться, и что только господство европейцев вывело их на путь прогресса. На самом деле со временем захвата этих территорий и порабощения навахов это был сильный народ, достигший значительного развития своей экономики и культуры, привыкший к свободе и независимости.

Переселившиеся из областей северо-запада Америки примерно в XIII—XIV вв., кочевые охотники навахи встретились на своей новой родине с высокоразвитыми племенами индейцев пуэбло.

Резервация навахов

Условные обозначения: I — границы штатов; II — границы резерваций

Тесное общение с этими земледельческими племенами не могло не отразиться благоприятно на культуре навахов. Связи с индейцами пуэбло обогатили культуру навахов, помогли им быстрее перейти к оседлости и освоить земледелие. Археологические находки на месте давних поселений навахов в Новой Мексике, датируемые XIV—XV вв., свидетельствуют о том, что уже в то время навахи перешли к оседлому образу жизни, связанному с земледелием. Основным сельскохозяйственным орудием у них, как и у индейцев пуэбло, была заостренная палка, но навахи не применяли искусственного орошения, известного у индейцев пуэбло издавна. Навахи возделывали те же культуры, что и их соседи: кукурузу, тыквы, фасоль, подсолнух, а в XVII в. научились от испанцев выращивать пшеницу и фруктовые деревья, главным образом персиковые.

Навахи вместе с тем продолжали занятие охотой, доставлявшей им мясную пищу. Охотились они при помощи лука и стрел. В отличие от соседних индейских племен, пользовавшихся простым луком, навахи употребляли более сложный тип лука, известный в этнографии под названием усиленного.

Появление скота, завезенного на юго-запад испанскими колонистами, произвело большие изменения в жизни навахов. Земледелие отошло на второй план. Скотоводство, расцвет которого относится к XVIII в., дало навахам более регулярный источник мясной пищи, шерсть для тканья, шкуры, обеспечило излишком продуктов для обмена. Навахи стали разводить овец, коз, крупный рогатый скот и лошадей. На высокогорные пастбища легом уходила только часть населения, не занятые уходом за скотом индейцы оставались в селении для присмотра за посевами.

Рис. 1. Хоган — жилище навахов

Поселения навахов, в течение шести веков почти не изменившие своего характера, отличались большим своеобразием. В них могло быть от 3 до 10 жилых построек, отстоящих друг от друга на расстоянии в несколько десятков метров. Поселение имело свою пахотную землю, выгон для скота и закрепленный традицией участок, куда скот стгоняли на лето.

Жилище навахов (местное название «хоган») сохранило черты северного происхождения. Хоган — полуземлянка с характерным для северного жилища входным коридором. В таком хогане помещалась семья в 5—10 человек. Обычно площадь хогана не превышала 20 м², и вся жизнь семьи из-за тесноты в хогане протекала в основном на воздухе.

Навахи издавна славятся своими ремеслами. Так, им давно было известно искусство плетения; особо следует отметить круглые корзины, стены которых просматривались и не пропускали воду (гончарство у навахов большого развития не получило). Расцвет ремесел, как и всей культуры навахов, приходится на XVIII в. Удивительна быстрота, с которой этот народ воспринимал новые культурные достижения, придавая им в то же время своеобразные черты своей национальной культуры. Это прежде всего относится к ткачеству. С развитием овцеводства навахи освоили ткачество, специализируясь главным образом на тканье орнаментированных одеял. Считается, что они научились ткачеству от индей-

цев пузэбло. У последних ткачеством занимались мужчины, у навахов — женщины. Очень скоро они далеко превзошли в этом искусстве своих учителей, хотя работали на таком же примитивном ткацком стане (вертикальном). Для окраски шерсти и украшения одеял навахи применяли не только растительные краски, известные им издавна, но покупали у мексиканцев индиго, красную материю, полоски которой вплетали вместе с шерстяными нитями для украшения одеяла. В XVIII—XIX вв. навахские одеяла были в каждой испанской и мексиканской семье. В войнах с навахами и индейцы и испанцы стремились захватить в рабство навахских женщин — искусных ткачих, труд которых приносил хо-

Рис. 2. Навахская женщина за тканием одеяла

зяевам большие доходы. Навахи успешно развили и другое ремесло, также заимствованное, на этот раз от испанцев, — чеканку серебра. Это было целиком делом мужчин. Для работы навахи употребляли мексиканские и американские монеты, выковывая из них прекрасные украшения — подвески, пояса, украшения для сбруи и т. д.

Расцвет культуры бывших бродячих охотников навахов, принявших на юго-западе оседлый образ жизни, сказался и в их одежде. До XVIII в. одежда навахов отличалась примитивностью: мужчины носили сплетенную из травы набедренную повязку, женщины — такую же юбку. В холодную погоду покрывали тело шкурами или плетеными одеялами; носили гамаши и мокасины. В XIX в. мужчина навах носил кожаные короткие брюки, рубашку из прямого куска бязи или одеяла, неревязанную кожаным поясом, узким сзади и широким спереди, с большой серебряной пряжкой. Женская одежда изготавлялась из двух кусков домотканной материи, сшитой на плечах и по бокам так, что оставлялись отверстия для головы и рук. Красный шерстяной пояс, зачастую украшенный серебряными бляшками, на фоне полосатой материи платья (красные, черные и голубые полосы) еще более увеличивал пестроту женской одежды. И мужчины и женщины носили многочисленные украшения — серебряные своего производства, а также из красивых ракушек, которые выменивали у индейцев юта.

У нас нет никаких прямых свидетельств о существовании у навахов племен. Однако следы родовой организации сохранились. У навахов не отмечено тотемных названий родов, характерных, например, для ироке-

зов или индейцев прерий. Американские этнографы сообщают только географические наименования. Однако в XIX в. (время, к которому относятся наши сведения по общественной организации навахов) расселение родов не соответствовало этим названиям, так как в каждом поселке обычно жили люди разных родов.

Материнско-родовая организация, очевидно, с конца XVII в., с развитием скотоводства и ростом обмена, подверглась разложению. Выделившиеся из рода семьи еще сохранили черты, характерные для парной семьи эпохи матриархата (наличие раздельной собственности у мужа и жены, матрилокальное поселение, наследование по материнской линии и т. д.), однако с накоплением богатств появляется стремление к передаче имущества от отца к сыну, а с развитием скотоводства в зажиточных скотоводческих семьях отмечается полигамия.

Разложение материнского рода сопровождалось вытеснением родовых отношений территориальными. Как уже говорилось, в поселении жили люди разных родов, которые тяготели в экономическом и социальном отношениях к своему селению. Жители селения имели общий выгон; пахотная земля при селении распределялась между семьями. Обычай соседской взаимопомощи был тесно связан с земледельческими работами: во время больших хозяйственных работ объединялись семьи, не обязательно принадлежащие к одному и тому же роду. Селение избирало вождя, в обязанность которого входило наблюдать за порядком в хозяйственных работах, разрешать споры и т. д. Развитие скотоводства и земледелия, рост внутреннего и межплеменного обмена способствовали классовому расслоению в общине. Родовая верхушка превращалась в класс эксплуататоров. Появились богатые и бедные среди рядовых общинников. Более быстро расслоение проходило в скотоводческих районах, где широко развились производство изделий ткацкого ремесла. Ремесло стало отделяться от земледелия. Появились рабство, которое носило патриархальный характер. Рабов выменивали или захватывали во время частых стычек с соседними индейцами, испанцами, позднее — мексиканцами. Рабов часто принимали в семью, и дети от браков рабов со свободными были свободными, равноправными членами общины, но именно рабов приносили в жертву при совершении некоторых религиозных обрядов. Рабы выполняли различные домашние работы и главным образом работу на поле⁵. Применение рабского труда особенно распространялось в XVIII в., когда окрепшие и разбогатевшие навахи вели оживленную торговлю с индейцами и испанцами и совершали постоянные нападения на испанские селения и деревни индейцев. Рабство не стало основным типом производственных отношений у навахов, но оно должно было подтолкнуть начавшееся у них разложение первобытно-общинных отношений.

Индейцы юго-запада Северной Америки находились между собой в постоянных отношениях обмена. Отдельные племена часто были поставщиками какого-нибудь определенного продукта. Так, индейцы зуны поставляли соль, тано — бирюзу, индейцы селения Сан Фелипе — минеральную краску для тончарных изделий, жители селения Акома — хлопчатобумажные домотканные плащи, юта — плетеные изделия и шкуры, навахи — одеяла и олени шкуры и т. д. С XVII в. индейцы вовлекаются в торговлю с испанскими колонистами, селения которых в общем сосредотачивались по побережьям реки Рио Гранде, а затем с мексиканцами. Навахи, несмотря на постоянные стычки с теми и другими, весьма успешно торговали. Испанский автор XVIII в., цитируемый Луомала, отмечал, что они при этом объяснялись на испанском языке, который усваивали с чрезвычайной легкостью⁶.

⁵ K. Luomala, Navaho life of yesterday and to-day, Berkeley, 1938, стр. 24.

⁶ Там же.

Такой в общих чертах рисуется культура навахов до порабощения их американцами.

Испанским колонистам не удалось покорить навахов, которые не допускали к себе ни миссионеров, ни солдат. Попытка подчинить навахов путем назначения вождями своих ставленников также не имела успеха. Такими же были отношения с мексиканцами. Навахи фактически оставались совершенно самостоятельными.

С захватом юго-запада Северной Америки Соединенными Штатами (1848 г.) для навахов, как и для всех индейцев этой области, началась полоса беспримерных страданий. Правительство США начало свои отношения с навахами с открытого разбоя, посыпая против мирных индейских селений отряды солдат, которые вытаптывали поля индейцев и убивали их скот. Американские чиновники заключали мощеннические договоры с отдельными подкупленными вождями и на основании такого рода «договоров» требовали от навахов подчинения. Но навахи не признавали эти договоры, оказывали американским солдатам стойкое сопротивление и держали в страхе пограничные американские города. Тогда правительство предприняло постройку фортов на территории индейцев. В 1859 г. против навахов был двинут полк волонтеров полковника Карсона, куда были набраны всякого рода авантюристы, наводнившие дальний запад в годы «золотой лихорадки». Карсон получил инструкцию убивать всех мужчин, способных носить оружие, а женщин и детей уводить в специально отведенную для навахов резервацию на р. Пекос близ форта Самнер, уничтожать посевы и скот индейцев. Навахи под натиском превосходящих сил ушли в каньон де Челли, где были подвергнуты долгой осаде. В конце концов умирающим от голода осажденным, среди которых было много женщин и детей, пришлось сдаться на милость победителей. 8 тыс. навахов по этапу отправили в форт Самнер, где они бедствовали с 1863 по 1868 г. Еще сейчас пребывание в форте Самнер вспоминается навахами как самое мрачное время в их истории⁷. По договору 1868 г. навахам отвели резервацию к северу от той области, где они жили раньше,— на территории двух штатов — Новая Мексика и Аризона. Навахи получили 1 200 тыс. га совершенно непригодной земли — пески и скалы — и были обречены на вымирание. Время от времени под напором прогрессивной общественности правительство США нарезало навахам небольшие участки. Но как только индейцам попадала хорошая земля, она сейчас же тем или иным способом у них отбиралась. Так, в 1908 г. навахам удалось добиться прирезки 1 400 тыс. га земли, а в 1911 г. столько же гектаров лучшей земли было отрезано от навахской резервации и продано скотоводам американцам⁸. В настоящее время навахская резервация занимает территорию в 25 тыс. км², которая расположена в самых пустынных областях трех штатов — Юта, Новая Мексика и Аризона. «Страна навахов является частью провинции плато Колорадо — области складчатых и сбросовых гор, пересеченных бесчисленными каньонами. Область настолько рассечена переплетающимися ущельями, что плато представляет собой нагромождение разбросанных в диком хаосе столовых гор, изолированных хребтов и башнеподобных остроконечных вершин, среди которых прокладывают свой извилистый путь истощенные потоки», — характеризовал這樣ую природу территории навахов геолог Грегори⁹.

Скудные осадки, постоянные засухи, перемежающиеся короткими и бурными ливнями, губящими посевы и смывающими плодородный слой

⁷ С. Kluckhohn and D. Leighton, *The Navaho*, Cambridge, 1948, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 11.

⁹ H. Gregorу, *Geology of the Navajo country*, U. S. Geological Survey, Professional Paper, 93, стр. 11.

почвы, делают область, где живут навахи, еще более неприятной. Земли навахов гибнут от эрозии. Для США эрозия — национальное бедствие, с которым капитализм не в состоянии бороться. В результате капиталистического хищничества 70% всей возделанной земли в Соединенных Штатах подвержено эрозии. В годы президентства Рузвельта был, правда, разработан проект оздоровления почв, но его постигла та же участь, что постигает в буржуазном обществе многие благие начинания.

В соответствии с этим проектом работы по оздоровлению почв должны были проводиться и в навахской резервации. Для навахов это начинание оказалось бедствием не меньшим, чем эрозия. Их заставили продавать свой скот, «обременяющий» пастбища, сократить посевную площадь, что привело к разорению мелких собственников, а орошенная земля попала в руки богатых скотоводов американцев.

«План Индейского бюро, выработанный совместно с Администрацией регулирования сельского хозяйства (Agricultural Adjustment Administration), не был вполне успешным и в своем проведении и по результатам, отчего пострадали мелкие собственники», — осторожно констатировала комиссия, изучавшая положение навахов в 1930-х годах¹⁰.

Вместо того чтобы протестовать против наглого ограбления индейцев, администраторы из Управления по делам индейцев, а вместе с ними и буржуазные этнографы вроде Клюкхона разлагольствуют о причинах эрозии, которые, между прочим, ищут в самих индейцах — в высокой рождаемости у навахов¹¹. Эта причина выдвигается неомальтизианцами везде, где трудающиеся капиталистических стран и население колоний ограблены своими или колониальными хищниками. Индейские резервации в США мало чем отличаются от концентрационных лагерей. Правда, из этих лагерей можно уйти, но расовая дискриминация, незнание английского языка крепче всякой колючей проволоки стерегут заключенных в резервации индейцев. Загнанные в пески и горы навахи находятся в безвыходном похожении.

Американский этнограф Эрна Фергюссон пишет о положении навахов, что ...«эти граждане США живут в самых плохих условиях, какие только есть на земле»¹².

Основа хозяйства навахов — скотоводство. Почти половину общего годового дохода навахи получают от продажи шерсти, молодняка, мяса. В 1940 г. в навахской резервации было около 400 тыс. овец, 70 тыс. коз, 16 тыс. коров и около 40 тыс. лошадей. Распределение скота крайне неравномерно: очень небольшая часть навахов, менее 1% всех семей, владеет стадами в 500 и более голов, в то же время около 1/3 всех семей вообще не имеет скота. Таким образом, львиная доля доходов попадает в руки ничтожного меньшинства племени. Это — вожди селений, торговцы или просто зажиточные общинники. Они держат в руках всю общину, так как оросительные каналы, лучшие пастбища и лучшая пахотная земля принадлежат им. Частная собственность на пахотную землю и пастбища получает все большее распространение. Зажиточные скотоводы и фермеры эксплуатируют своих одноплеменников точно так же, как капиталистические фермеры-американцы. Всего 1% навахских семей имел в 1940-х годах годовой доход более 2 тыс. долларов¹³. Средний же годовой доход навахов в то же время едва достигал 400 долларов¹⁴. По самым преуменьшенным данным комитета

¹⁰ U. S. Congress. 71. Hearings before U. S. Senate. Report in survey of Conditions of the Indians of the United States. Washington, 1932, стр. 17538.

¹¹ C. Kluckhohn and D. Leighton, Указ. соч., стр. 17.

¹² E. Fergusson, Указ. соч., стр. 93.

¹³ C. Kluckhohn and D. Leighton, Указ. соч., стр. 26.

¹⁴ E. Fergusson, Указ. соч., стр. 96.

Геллера при Калифорнийском университете, семье из четырех человек для обеспечения самого скромного существования требовалось в 1946 г. около 4 тысяч долларов¹⁵.

Скупка всей производимой навахами продукции идет исключительно через лавочников, главным образом американцев, имеющих специальное разрешение на торговлю с индейцами. Лавочники являются полновластными хозяевами над жизнью и смертью десятков тысяч навахов.

Лавочники, скупщики, всякого рода посредники особенно наживаются за счет навахских ремесленников. Навахи и сейчас славятся своим мастерством в тканье одеял. Но сами они, однако, не пользуются изделиями своего ремесла, которые для них слишком дороги, а покупают дешевые фабричные одеяла. Употребляют их как накидки, полог в хогане и др. Одеяла, вытканные навахскими мастерами, идут на продажу, большая часть доходов от которой попадает в руки лавочников-скупщиков. В 1940 г. было зарегистрировано 600 навахов, занимающихся производством серебряных украшений, из них 84 человека — профессиональные ремесленники. И они, как и навахские ткачи, всецело зависят от лавочников. Эти лавочники снабжают мастеров серебром, инструментами, продуктами и прочим и держат ремесленников в неоплатном долгу. За каторжный труд в полутемном хогане квалифицированный ремесленник получает в год не более 100—150 долларов, да и эти деньги обычно уходят на покрытие долгов. Лавочники, как пиявки, присосались к резервации навахов и выжимают из индейцев последние соки. Без них навахи не могут сделать ни шага.

«Для большинства денег (т. е. навахов.— И. З.) торговый пост остается почти единственным местом соприкосновения с внешним миром», — пишет Эрна Фергюссон¹⁶. По произвольно назначаемым ценам лавочник обменивает на предметы первой необходимости изделия навахского ремесла — ковры, одеяла, серебряные украшения, скупает у навахов шерсть, скот, зерно. Навахи почти не получают денег на руки, так как все торговые сделки совершаются путем обмена. У лавочника всегда в распоряжении дешевая рабочая сила — должники, которые отрабатывают долги, работая грузчиками, проводниками, батраками.

Бедственное положение навахов ни для кого в Америке не секрет. Поэтому под давлением общественного мнения конгресс США ежегодно отпускает некоторую сумму на пособия нуждающимся. Эта филантропия, рассчитанная главным образом на успокоение общественного мнения, не приносит навахам никакого облегчения. Большая часть ассигнованных денег оседает в Вашингтоне, а то, что доходит до резервации, попадает зажиточным индейцам, чиновникам индейской службы — кому угодно, только не действительно нуждающимся.

Навахи, составляющие $\frac{1}{6}$ индейского населения США, получали в 1948 г. всего $\frac{1}{12}$ ежегодных ассигнований конгресса на нужды индейцев, что, по заявлению председателя отдела благосостояния индейцев при национальной федерации женских клубов госпожи Д. Керк, объясняется давлением членов конгресса от штатов Аризона и Новая Мексика на Управление по делам индейцев. Власти этих штатов вообще отказываются выделить из фондов, предназначенных на пособия, средства для оказания помощи индейцам. Не трудно понять, какими мотивами руководствуются конгрессмены от штатов Новая Мексика и Аризона, отказывая индейцам даже в нищенском пособии. В резервации навахов имеются месторождения газа, шахта и несколько мельниц, на которые навахи привлекаются в качестве чернорабочих. Предприниматели не обеспечивают жильем семьи рабочих, и в печати сообщалось, что навахов трудно удержать на работе при таких условиях. Ясно, что, лишая

¹⁵ Факты о положении трудящихся в США, Л.-М., 1949, стр. 60.

¹⁶ E. Fergusson, Указ. соч., стр. 93.

индейцев пособий, власти штатов помогают предпринимателям удерживать дешевую рабочую силу. «Наблюдается страшная тенденция организованного политического нажима или угроза нажима со стороны белых, живущих по соседству, которые хотят получить землю индейцев или удержать индейцев на низком жизненном уровне, чтобы располагать дешевой рабочей силой или получать большие прибыли от торговли с навахами»¹⁷ — признается Клюкхон.

Резервация навахов богата лесом и полезными ископаемыми, разработка которых развила бы экономику навахов. Однако правительство США не только не помогает индейцам развивать промышленность на основе местных ресурсов, но отбирает у них все, что имеет хоть какую-нибудь ценность. В 1930-х годах было проведено законодательным путем запрещение отбирать у навахов землю. Но не далее как в 1947 г. был подписан закон, передающий государству права на имеющиеся в резервации месторождения гелия.

Навахи лишены самых минимальных культурных условий. Медицинское обслуживание в резервации фактически отсутствует. Свиредствуют туберкулез, дифтерия, желудочные заболевания. 45% всех случаев смерти среди навахов падает на смерть от туберкулеза! Из каждого 10 младенцев 2—3 умирают, не прожив одного года. Детская смертность от дифтерии и желудочных заболеваний у навахов в 20 раз больше, чем по всей стране¹⁸. Навахи страдают от трахомы, желудочных болезней, вызываемых недоеданием, плохой пищей, антисанитарными условиями жизни. Дети, посещающие школу, получают кое-какие навыки личной гигиены, но после школы они возвращаются в темные, тесные хоганы, полные голодных ртов. В результате тяжелых условий жизни навахи очень рано умирают. Мужчины чаще всего умирают в возрасте 19—24 или 30—38 лет, женщины — 13—18, 29—44 лет¹⁹, т. е. в годы наиболее интенсивной жизни.

Что касается народного образования, то, несмотря на наличие некоторого числа школ в резервации, для подавляющего большинства навахов оно недоступно. Ни одна из книг, посвященных навахам, не упоминает о навахах, которые получили бы высшее образование. Если такие и есть, то они представляют редкое исключение. Большинство навахов (71%) не знает английского языка, и только 10% всего населения владеют английским языком «сносно», как выражается этнограф Клюкхон.

Навахский язык с недавних пор стал письменным, но число навахов, умеющих читать и писать на родном языке, невелико — всего 500 человек²⁰. В 1940-х годах издавалась ежемесячная газета на английском и навахском языках, но просуществовала недолго из-за отсутствия подписчиков.

Самая постановка школьного дела оставляет за дверьми школы большую часть индейских детей. До 1933 г. детей навахов забирали в школы-интернаты Калифорнии, Пенсильвании и других, по преимуществу отдаленных областей. В интернатах налагался запрет на все, что имело отношение к прежней жизни детей. Они забывали свой язык, их приучали смотреть свысока на своих «нецивилизованных» сородичей. После этого 95% интернатских детей возвращались в резервации, где жизнь для них представлялась невыносимой, и применить свои знания они не могли. С 1933 г. школы-интернаты уступают место школам ежедневного посещения. Если образование в интернатах было излишне отвлеченным от повседневной жизни индейцев, то в новых школах навахи получают начальное образование с узкотехническими знаниями, кото-

¹⁷ С. Kluckhohn and D. Leighton, Указ. соч., стр. 107—108.

¹⁸ E. Fergusson, Указ. соч., стр. 93.

¹⁹ С. Kluckhohn and D. Leighton, Указ. соч., стр. 98.

²⁰ Там же, стр. 92.

рые им пригодятся только в резервации. Сами навахи протестуют против такого ограничения в учебной программе. Делегат навахов заявил в комиссии Сената по расследованию претензий индейцев (1937—1940 гг.), что детям навахов нужно такое же образование, как и детям белых людей²¹. После второй мировой войны навахи посыпали своих делегатов в Вашингтон, на этот раз с требованием увеличить сеть школ в резервациях. В 1946 г. лишь $\frac{1}{4}$ всех детей школьного возраста могла посещать школу, остальные не ходили в нее не только из-за недостатка в одежде, необходимости работать, но и из-за неудовлетворительного состояния самих школ. Расположение и число школ не рассчитаны на разбросанные по большим пространствам селения. Дети из отдаленных навахских селений не имеют возможности попасть в школу, так как им не предоставляется транспорт. Школы в полуразрушенном состоянии. Чаще всего это жалкие лачуги на одну-две комнаты. Жалованье учителям крайне низкое, и учительский персонал в основном набран из случайных людей, чаще всего не знающих навахского языка. Полуголодным, полураздетым ребятишкам издевательски преподносят в учебниках картины, изображающие разодетых в бальнеальные платья дам у туалетных столов, кокетливые коттеджи с лужайками для игры в крокет и т. д. Подавляющее большинство навахов неграмотно. Управляющий делами индейцев Брофи сообщал в 1946 г., что только 12% призывающихся в армию навахов были грамотны. Но даже в таком жалком состоянии образование для индейцев вызывает злобные нападки наживающихся за счет навахов лавочников и предпринимателей. Оскорбительные отзывы об индейцах, учившихся в школе, свидетельствуют о том, что для американской буржуазии удобно и необходимо держать индейцев в невежестве.

Зато религиозное воспитание всячески поощряется. В резервации навахов действует 11 церквей разных толков, вплоть до мормонов. Известно, что в США широко практикуется разобщение населения по разным религиозным толкам. В индейских резервациях, где население не очень многочисленно, это разобщение еще более велико.

Обслуживающий состав миссий на $\frac{1}{5}$ состоит из навахов. Это почти единственный вид «интеллектуальной» деятельности, доступной индейцам. Школы при миссиях внушают индейцам ужас. Миссионеры нещадно эксплуатируют детей, бьют и сажают в карцер за малейшую пропинность. Чтобы заставить навахов отдать детей в школы при миссиях, миссионеры подкармливают обращенных в христианство, отказывая в помощи «язычникам», как бы они ни бедствовали. Добровольно принимают крещение карьеристы, богачи, стремящиеся к политическому влиянию. За последние годы среди навахов получил распространение культ пейотизма. Приверженцы этого культа на больших сборищах жуют скатанную в пилюли мякоть кактуса (reuyotl — на языке нахуатль), действующую как наркотик. Основа учения пейотизма — возврат к старине, уход от настоящего. Американские власти и миссионеры смотрят сквозь пальцы на распространение пейотизма, увидев в этом удобное средство для отвлечения индейцев от действительности, от борьбы за свою независимость.

Все индейцы США с 1924 г. юридически являются гражданами США и, следовательно, наделены избирательным правом. Однако для подавляющего большинства индейцев это право не более как фикция. В первую очередь это относится к навахам. Вплоть до 1948 г. власти штатов Новая Мексика и Аризона лишили права голоса 70-тысячный народ на том основании, что навахи находятся «под опекой» правительства США. Не говоря уж о сомнительных преимуществах этой «опеки»,

²¹ U. S. Congress, 76. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Indian Affairs. Survey of Conditions of the Indians of the United States, Washington, 1940, стр. 21094.

приведшей к страшной нищете талантливый трудолюбивый народ, действия властей Аризоны и Новой Мексики оставались безнаказанными целых 24 года после выхода в свет закона о наделении всех индейцев США гражданскими правами.

Фактически лишенные прав гражданства, навахи не имеют и права на местное самоуправление, находясь под назойливым контролем чиновников Управления по делам индейцев.

С поселением навахов в резервацию американские власти долго экспериментировали над организацией управления. Так, в 1925 г. вся территория навахов была разбита искусственно на несколько округов. Каждый округ избирал «президента», «вице-президента» и «секретаря», а также «депутатов» в парламент. Туда попали главным образом представители немногочисленной навахской интеллигенции, народ не избрал ни состоятельных скотоводов, ни шаманов. «Парламент» сосредоточил в себе наиболее передовых людей, которые осмеливались выражать недовольство национальной политикой правительства США. За «строптивость» парламент был лишен финансовой поддержки, округа расформированы. Созданный затем совет племени состоял из так называемых «йесменов» (от английского слова «yes» — да; «теп» — люди), подголосков агентов Управления по делам индейцев, но народ их не признавал своими представителями.

В 1934 г. в соответствии с законом Рузвельта 60 тысяч навахов, квалифицированные как «племя», получили «самоуправление». Общеплеменной совет возглавляется председателем, вице-председателем и состоит из 44 делегатов от районов, вернее местных общин. Каждая из них имеет свой совет. Полномочия совета племени чрезвычайно ограничены, и вся работа его протекает под неусыпным надзором администрации Управления по делам индейцев. В совет избираются только мужчины. Так же мало самостоятелен племенной суд, из компетенции которого изъяты наиболее важные дела.

Несмотря на то, что правительство США при помощи бюрократического аппарата Управления по делам индейцев и армии миссионеров пытается изолировать индейцев, навахи и тысячи других индейцев живо откликнулись на события второй мировой войны. Как и негры США, индейцы шли добровольно на фронт, чтобы бороться с фашизмом в надежде на перемены и в своей стране. 3600 навахов служили в армии. Взвод морской пехоты, сформированный из навахов, покрыл себя славой в боях. «Война окружила ореолом индейцев из племени навахов, — писал Оливер ла Фарж. — Но вот война закончилась, и индейцы вернулись на родину, окрыленные большими надеждами. Однако они столкнулись лицом к лицу со всей реальностью своего безнадежного и отчаянного положения»²². Для ветеранов войны в навахской резервации нет ни работы, ни земли, ни скота, не получить им работу и вне резервации, — в США, и кроме индейцев, достаточно безработных.

Таковы методы национальной политики США, направленной на ограбление малых народов, разрушение их национальной культуры и удушение всякого стремления к свободе.

²² O. La Farge, «Harpers», Nov. 1947.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. К. СОКОЛОВА

ВЗГЛЯДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА

I

В начале XIX в. выразителями наиболее прогрессивных взглядов в области этнографии были декабристы, «лучшие люди из дворян»¹, по характеристике В. И. Ленина, представители передовой общественной мысли своего времени. Правда, работ, которые можно назвать собственными этнографическими, у декабристов сравнительно немного, причем в большинстве это очерки и заметки, написанные уже в ссылке. Однако высказывания о характере, нравах, обычаях и искусстве народа, имеющиеся в статьях, заметках, дневниках, письмах, а также использование народной поэзии в художественных произведениях декабристов свидетельствуют, что эти вопросы постоянно привлекали их внимание и что по этим вопросам у них имелась определенная концепция. Эти взгляды являются дальнейшим развитием передовой русской общественной мысли XVIII в.

Определяя место и значение декабристов в истории русского революционного движения, В. И. Ленин, наряду с признанием их больших заслуг, отметил и их классовую ограниченность. «Страшно далеки они от народа», — писал он в статье «Памяти Герцена»². Замечательная и исчерпывающая характеристика, данная В. И. Лениным декабристам как дворянским революционерам, дает возможность понять и сущность их высказываний по вопросам этнографии и фольклора, уяснить сильные и слабые стороны их взглядов.

Отношение к народному быту и народной поэзии для декабристов никогда не было отвлеченной проблемой «чистой» науки. Оно теснейшим образом связывалось с теми политическими и культурными задачами, которые они пытались разрешить. Эта связь с революционной практикой определила наиболее сильные, прогрессивные стороны их взглядов, тогда как отдаленность от народа, непоследовательность и колебания, присущие им как революционерам-дворянам, объясняют обобщенность и в ряде случаев противоречивость их суждений о народе.

Высказывания по вопросам этнографии и фольклора и отдельные этнографические наблюдения содержатся, как уже отмечалось, в самых разнообразных материалах декабристов: в политических, исторических

¹ В. И. Ленин, Роль сословий и классов в освободительном движении, Соч., т. 19, стр. 295.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

и литературоведческих статьях и заметках, в очерках и художественных произведениях, дневниках и письмах. Декабристы-моряки, участвовавшие в дальних плаваниях, вели различные научные наблюдения, в том числе и этнографические. Так, К. П. Торсон был участником экспедиции Беллингсгаузена и Лазарева, Д. И. Завалишин интересовался народами Сибири и Северной Америки, а будучи назначен начальником Морского музея, по его собственным словам, «положил основание устройству этнографического музея»³. Н. А. Бестужев опубликовал содержательный очерк⁴ о быте различных слоев современного ему голландского общества, в котором описал народные обычаи и празднества, костюм, жилище, пищу. Некоторый этнографический материал содержится в путевых записках и дневниках (например, в «Европейских письмах» В. К. Кюхельбекера⁵, в «Загородной поездке» и «Путевых заметках» А. С. Грибоедова⁶ и др.).

Интересные зарисовки быта русских и галицийских крестьян находятся в «Записках русского офицера» Ф. Н. Глинки — одном из наиболее замечательных произведений декабристской литературы, показывающем патриотизм, мужество и талантливость простых русских людей. Значительным явлением в русской этнографии и фольклористике были перевод Н. И. Гnedичем книги К. Фориэля «Песни современных греков»⁷ и большоё исследование В. Д. Сухорукова «Общежитие донских казаков в XVII—XVIII столетиях», опубликованное А. О. Корниловичем в «Русской старине»⁸. Сам А. О. Корнилович систематически печатал в различных периодических изданиях свои исследования о русской истории XVI—XVII вв., в которых большое внимание уделял старому русскому быту и обычаям. Значительное внимание проблемам этнографии и народной поэзии уделялось в «Соревнователе просвещения и благотворения» — журнале, издававшемся Вольным обществом любителей российской словесности, в котором руководящая роль принадлежала декабристам. При создании Общества декабристы мечтали развернуть и историко-этнографическую работу⁹. Председатель общества Ф. Н. Глинка говорил о необходимости создания силами отечественных писателей, «любителей отечественной славы» книги наподобие «Путешествия Анахарсиса по Греции». «Тогда увидим мы, — писал он, — в сей любопытной книге, как в очарованном зеркале, гражданские законы, воинское искусство, нравы, обычаи, одежду людей и слог — одежду мыслей их: все в совершенном приличии месту, случаю и времени»¹⁰. В программе журнала имелись разделы: «Описание земель и народов», «Ученые путешествия», и, по мере возможности эти разделы заполнялись. Конечно, не все статьи, печатавшиеся в этом журнале, могут быть безоговорочно привлечены для характеристики взглядов декабристов. Так, самые крупные статьи по русским обрядам и народной поэзии принадлежат Н. А. Цертелеву¹¹, который по своим политическим убеждениям был далек от декабристов и взгляды

³ Д. И. Завалишин, Записки декабриста, СПб., 1906, стр. 226.

⁴ Н. А. Бестужев, Записки о Голландии 1815 года, «Соревнователь просвещения и благотворения», № XV, № VII, VIII и IX, 1821.

⁵ Печатались в «Невском зритеle» за 1820 г. (февраль и апрель) и «Соревнователе просвещения и благотворения», ч. IX и XI, 1820.

⁶ А. С. Грибоедов, Полное собрание сочинений под ред. Н. К. Пиксанова, т. III, Акад. наук, Птгр., 1917.

⁷ «Простонародные песни нынешних греков с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими», Пер. Н. И. Гnedич, СПб., 1825.

⁸ Русская старина, Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 г., изданная А. Корниловичем, СПб., 1824.

⁹ См. об этом в работе В. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности», Петрозаводск, 1949, стр. 143.

¹⁰ Цит. по книге «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза...» Сост. Вл. Орлов. Гихл. М.—Л., 1951, стр. 327.

¹¹ См. его статьи: «О свадебном русском обряде», ч. XIX, 1820, и «О народной поэзии», ч. XXII, 1823.

которого на народную поэзию, вероятно, не во всем разделялись декабристами¹². Некоторые статьи и заметки, содержащие этнографический материал,— переводные¹³. Но в целом «Соревнователь» свидетельствует о большом интересе декабристов к этнографии и фольклору и является одним из основных источников, характеризующих их взгляды по этим вопросам. Интересные высказывания о народной поэзии содержатся в литературных обозрениях А. А. Бестужева, печатавшихся в «Полярной Звезде», и в статье В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», помещенной в альманахе «Мнемозина», и др.

Просмотр имеющихся материалов показывает, что декабристы до восстания почти не выступали как непосредственные наблюдатели и собиратели-этнографы. Их занимали преимущественно принципиальные вопросы о характере, значении и возможном использовании этнографических материалов, а также проблемы национального характера и национальной культуры. Наибольшее число статей и высказываний, и при том самых значительных, касается народной поэзии. Затрагиваются и другие области духовной культуры народа и меньше всего внимания уделяется материальной культуре, причем сведения о материальной культуре чаще относятся не к русскому народу. Почти нет у декабристов этнографических описаний современного русского крестьянства, зато значительное место занимают материалы, характеризующие быт, нравы и обычай русских в прошлом. Такой подбор материалов и тематика исследований не являются, конечно, случайными.

Интерес декабристов к отдельным вопросам этнографии и народной поэзии вытекал из их понимания существа русской народности, русской истории и национальной культуры. Это понимание вырабатывалось в борьбе с реакционными и консервативными историческими и литературоведческими концепциями начала XIX в.: В истории это была концепция Н. М. Карамзина, утверждавшего, будто неограниченная монархия является единственной соответствующей духу русского народа формой правления, и объявившего почитание бога и царя, смижение и покорность «исконными добродетелями» русского народа. Такое понимание основ русской народности разделяли и реакционные писатели, прежде всего писатели, объединившиеся вокруг «Беседы любителей русского слова», возглавленной адмиралом А. С. Шишковым. А. С. Шишков и его единомышленники боролись против распространения прогрессивных идей, мечтали о реставрации «древних русских нравов» (т. е. богопочтания, покорности господствующим классам и т. п.) и призывали писателей усвоить идеи священного писания, учиться языку у древних церковных писателей.

Декабристы противопоставили реакционным концепциям «народности» свои взгляды. Резко критиковали они направленность «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, утверждавшего в посвящении государю, что «История народа принадлежит царю», и доказывавшего «необходимость самовластья и прелести кнута». «История народа

¹² Декабристы особенно ценили народную поэзию за патриотизм и видели в ней выражение лучших черт героического русского характера. Цертелев же, говоря о русских былинах, почти не касается их идеиного содержания, а рассматривает их как древние песни, искаженные до неузнаваемости последующими переделками. «Странная смесь выражений поэтических и благородных с прозаическими и низкими, доказывает, как я заметил, что они перепорчены северными рапсодами и что существовали некогда лучшие и старинные стихотворения, писанные, может быть, истинными Боянами» («Соревнователь», ч. XXII, 1823, стр. 12). Таким образом, взгляды Н. А. Цертелева во многом совпадают с реакционной концепцией А. Шишкова (см. его «Разговоры о словесности»), предвосхитившей в основном концепцию «исторической школы» В. Ф. Миллера.

¹³ В «Соревнователе», например, была опубликована переведенная О. Сомовым статья абб. Фортиса «О нравах и обычаях моряков или славян далматских» (ч. IV, 1818), печатались переводы статей А. Гумбольдта и др.

принадлежит народу», — заявляли декабристы¹⁴. Обосновывая свои политические требования, они в ряде случаев ссылались на народные представления и обычай. Так, они говорили о чуждости самодержавия и крепостного права героическому и вольнолюбивому характеру русского народа и его обычаям и при этом ссылались на существовавшее якобы в древней Руси подлинное народоправие — вече, как на исконную русскую форму государственного управления. Будущее государственное устройство и основные законы декабристы, как и А. Н. Радищев, считали необходимым сообразовывать с народными представлениями. Поэтому они и придавали такое значение изучению нравов, обычаям и преданий народа. Об этом в той или иной связи говорили многие декабристы. «Всего, как мне кажется, важнее узнавать и описывать нравы своего народа. Путешествие есть единственное к тому средство»¹⁵ — писал Ф. Н. Глинка в «Записках русского офицера». А. С. Грибоедов составляет «Desiderata» — перечень интересующих его и требующих изучения или выяснения вопросов, в число которых помещает: «наречия русского языка и крестьянская одежда где и как переменяются»¹⁶.

Но декабристы, говорившие постоянно о необходимости знания народа, были, в силу своей классовой ограниченности, далеки от трудающихся. В сущности они более или менее знали только часть русского народа — солдат, среди которых и вели пропаганду. Хуже знали они крепостное крестьянство и совершенно никакого представления не имели да и не могли иметь, о нарождающемся русском рабочем классе. «В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» сословия не могло быть и речи»¹⁷ — писал В. И. Ленин о первом, дворянском этапе революционного движения в России. Да и сам термин «народ» у декабристов неопределен в классовом отношении. В понятие народ они включали все классы общества и мечтали о гармоническом слиянии их интересов. Характерно, что из народа они иногда выделяли простонародье революционного выступления которого они боялись, так как считали его еще неподготовленным к восприятию гражданских идей.

Высказывания декабристов о современном русском крестьянстве и картинки русской деревни, встречающиеся в их художественных произведениях, в подавляющем большинстве фиксируют внимание только на

¹⁴ «Никита Муравьев... написал мнение, ходившее по рукам и начинавшееся словами: «история принадлежит народам», в противоположность заключению Карамзина в посвящительном письме: «История народа принадлежит царю» (М. П. Погодин: Карамзин и его время, т. II, М., 1866, стр. 198). Н. И. Тургенев записал 21 февраля 1818 г. в своем дневнике: «История народа принадлежит народу и никому более Смешно дарить ею царей». То же утверждали и другие декабристы. «До сих пор история писала только о царях и героях», — говорил Н. А. Бестужев. — О народе и его нуждах, его счастье или бедствия мы ничего не ведали. Нынешний только век понял что сила государства составляется из народа». Сообщая Д. П. Бутурлину свои критические замечания на его книгу «Военная история походов россиян в XVIII столетии», М. Ф. Орлов возражал против описания только русских побед и указывал на необходимость показа в истории жизни народа: «Войди в хижину бедного россиянина, источенного от рабства и несчастья, и извлеки оттуда, если можешь, предзвездиение нашего будущего величия» (Письмо от 2 ноября 1819 г., «Декабристы и их время», т. I, 1926, стр. 201—202).

¹⁵ Цит. по об. «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика», Составил Вл. Орлов, ГИХЛ, М.-Л., 1951, стр. 292.

¹⁶ А. С. Грибоедов, Полное собрание сочинений, т. III, изд. Акад. наук, Петгр 1917, стр. 99. В этих же заметках Грибоедов отмечает и более частные этнографические вопросы, интересующие его. Так, он хочет выяснить, сохранилось ли за северной частью Рязанской губернии название «мешерская сторона» и «сохранились ли следы народа, который некогда в том крае был известен под именем мешеры?» (там же стр. 93); или: «Много ли мордовцев в Рязанской и Тамбовской губерниях? Какие деревни и волости? Смешаны ли они где-нибудь с русскими? Развиваются ли они также в сих губерниях в двух народах мокшанцев и эрзанцев?» (стр. 94 и др.).

¹⁷ В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 223.

одной, правда, самой важной особенности социальных отношений того времени — крепостном праве. Они рассматривают крепостное право как основное зло русской жизни и стараются доказать его антинародный характер. «Крепостное право у нас обозначалось на каждом шагу отвратительными своими последствиями. Беспрестанно доходили до меня слухи о нёистовых поступках помещиков, моих соседей»¹⁸, — писал И. Д. Якушкин, рассказывая о формировании своих взглядов. Декабристы обобщали эти факты и использовали их для борьбы с крепостничеством.

Наиболее яркий и характерный образец декабристских описаний русской деревни — «Деревня» А. С. Пушкина¹⁹. Другие описания, уступая, как правило, пушкинскому в силе и остроте, рисуют в основном такую же типическую картину: произвол помещиков-крепостников, «барство дикое, без чувства, без закона», присвоившее себе «насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца», и «рабство тощее» — нищее, бесправное и невежественное крестьянство, влакашее «тягостный ярем до гроба». Ф. Н. Глинка в главе «Сетования поселянки», по содержанию и манере изложения напоминающей «Путешествие» А. Н. Радищева, приводит простой бесхитростный рассказ крестьянки, от которого «у слушавших ее со вниманием, волосы становились дыбом и сердце несколько раз обливалось кровью»²⁰. Рассказчица поведала остановившимся у нее офицерам горькую правду о крестьянской жизни, о невыносимо тяжелой работе на барщине, о том, как «барин с места на место переносит целые деревни, людей как скот перегоняет, а все для того, чтобы на селидбенных местах и на старых крестьянских огородах засевать свою пшеницу»²¹, как он, угрожая «плетьми, розгами и всем, чем буйное самовластие грозит уничтоженному рабству», заставляет крестьян продавать последний скот, чтобы заплатить дополнительный оброк, необходимый ему для поездки в Москву.

Художественные произведения и политические высказывания, конечно, нельзя рассматривать как этнографические работы, но они помогают уяснить основные принципы, с которыми декабристы подходили к изучению быта и культуры народа. Они стремились раскрыть прежде всего характер современных социальных отношений и показать, как существующий порядок отражается на всех сторонах народной жизни и народном характере. Отрицательные явления в жизни народа, нищету, невежество и грубость нравов они объясняли бесправным положением народа, гнетом со стороны государства и помещиков-крепостников. Факты произвола и насилия они рассматривали не как частные случаи,

¹⁸ И. Д. Якушкин, Записки, изд. 3-е, СПб., 1905, стр. 37. Такой же характер имеют и высказывания других декабристов. Так, Н. И. Тургенев, раздумывая под Новый 1820 год о судьбах России, записал в своем дневнике: «Явные систематические преступления, самые ненавистные злоупотребления тяготят все пространство России. Стон народа раздается от Петербурга до Камчатки, но он теряется в неизмеримом пространстве» (цит. по сб. «Декабристы», стр. 461). А. А. Бестужев в «Записке», поданной во время следствия над декабристами Николаю I, так характеризовал жизнь русских крестьян: «Негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян. Продавать в розницу семьи, похитить невинность, развратить жен крестьянских считается ни во что и делается явно. Не говорю уже о барщине и оброках, но есть изверги, которые раздают борзых щенков для выкорьмления грудью крестьянок»

¹⁹ Говоря о произведениях А. С. Пушкина как наиболее ярком воплощении в художественной литературе взглядов декабристов, мы имеем в виду лишь ранние его произведения, созданные в годы близости с декабристами и использовавшиеся декабристами для революционной агитации. В дальнейшем Пушкин более глубоко, чем декабристы, понимает русский народный быт и идейный смысл народной поэзии (об этом см. нашу статью «Пушкин и народное творчество», «Советская этнография», 1949, № 3).

²⁰ Ф. Н. Глинка, Письма русского офицера (цит. по сб. «Декабристы», стр. 295).

²¹ Там же, стр. 296.

проявления злой воли отдельных помещиков, а как общее типическое явление, неизбежное при существующем порядке, и использовали эти факты для борьбы против крепостного права. Все это дает основание рассматривать декабристов как представителей передовой русской общественной науки, в том числе и этнографии, которую всегда отличало правдивое изображение народной жизни, стремление понять нужды и социальные идеалы народа и облегчить его положение.

Такой же характер имеют и описания нерусских народов России, встречающиеся иногда в «Соревнователе просвещения и благотворения». Эти описания случайны и написаны не декабристами, а писателями, входившими в «Вольное общество». Они не имеют той острой политической направленности, которая присуща работам активных деятелей тайных обществ, но отличаются просветительским характером и отсутствием идей расового и национального превосходства. Из фактов, характеризующих экономическую и культурную отсталость описываемых народов, не делается выводов о неспособности их к развитию, а, напротив, всегда говорится о необходимости поднятия их благосостояния и просвещения. Так описание «киргизов» (казахов) в статье А. Боровкова «Поезда на Илецкую Защиту» (описание в целом слабое) заканчивается следующими характерными словами: «Не знаю, какое-то предчувствие уверяло меня, что настанет время, когда сии дикие уединенные места будут населены по-европейски, что на обширных степях киргиз-кайсаков возвысятся города великолепные и народы сих получат не только образование, но и просвещение»²².

Описывая зарубежные народы, декабристы основное внимание также уделяли социальным отношениям и положению трудящихся слоев населения. Ф. Н. Глинка, говоря в своих «Письмах» о Галиции, останавливается прежде всего на положении украинских крестьян, попавших под гнет польских помещиков. Яркими красками описывает он их ужасающую бедность, налоговый гнет и произвол властей. «Жители там столь бедны,— говорит он об одной выгоревшей деревне около Львова,— что дневное их пропитание состоит единственно из того, что могут выпросить у проезжающих», и описывает затем толпы полунагих ребятишек и дряхлых больных стариков, с воплями и отчаянием выпрашивающих подаяние. Не лучше и в других деревнях. О страшной бедности крестьян говорят их убогая, топящаяся по-черному хата, в которой помещаются вместе с людьми коровы, и жалкие лохмотья, в которые одета вся семья. Иронически говорит Ф. Н. Глинка о «праве», оставленном крестьянам: «крестьянин может судиться с господином, если будет им обижен»,— на практике крестьянин, вздумавший воспользоваться этим «правом», всегда оказывается виноватым, так как «поляки посредством червонцев умеют всегда ослеплять златолюбивых присяжных — слагать вину на крестьян»²³.

Для уяснения подхода декабристов к описанию этнографических явлений интересны «Записки о Голландии 1815 года» Н. А. Бестужева. В них содержится немало ценных сведений о жилище, одежде, пище и семейном быте различных слоев голландского общества, о народных обычаях и празднествах. Особенное же внимание Н. А. Бестужев уделяет нациальному характеру голландцев. Он прослеживает, как исторически складывался этот характер, как закалялся он в борьбе с морской стихией и с завоевателями. «Беспрестанные сражения с неприятелями и бурной стихией, которую им преодолеть надлежало, приучили их к внимательности, беспрерывной деятельности и терпению... Общее несча-

²² А. Боровков, Поездка на Илецкую Защиту, «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. V, 1819, стр. 37.

²³ Ф. Н. Глинка, Письма русского офицера (цит. по сб. «Декабристы», стр. 291).

стие научило единодушию, неимоверные труды для создания себе отечества любви к оному»²⁴.

Особенно благодетельное влияние на характер и материальное благосостояние голландцев, по мнению Н. А. Бестужева, имела республиканская форма правления (особенно вначале). После изгнания из Голландии завоевателей «Республика воздвигалась — и сперва богатством общих сил, после богатством народным, дала урок величия первейшим державам в Европе. — Вот почему у сего народа исключительно наш Петр захотел учиться быть великим»²⁵.

Так этнографические и исторические материалы подчиняются у декабристов их политическим целям. Они должны были служить подтверждением основной идеи — губительности деспотизма и рабства и благодетельности свободы и просвещения. Декабристы поставили очень важные вопросы: о значении этнографических материалов, об изменяемости народного быта и характера в соответствии с изменением конкретной исторической обстановки, об обусловленности их обстоятельствами жизни народа, в том числе и формой политического правления. Надо отметить, что декабристов интересовали также вопросы происхождения и родства народов (см. например, главы о словаках и цыганах в «Письмах» Ф. Н. Глинки, заметки в «Путевых записках» А. С. Грибоедова и др.) и некоторые другие проблемы. Постановка всех этих вопросов является их большой заслугой.

Но работы декабристов имели очень крупный недостаток — теоретические рассуждения в них слабо, а иногда и совсем не подкреплялись фактическим материалом. Этот недостаток особенно резко сказывается в рассуждениях о современном русском крестьянстве, о котором декабристы больше всего говорили и которое они, казалось бы, должны были лучше всего знать. Декабристы не показали быта и культуры русского крестьянства во всем их многообразии и своеобразии, не раскрыли его духовного богатства. Их описания русской деревни отличаются схематизмом и порой слишком мрачным характером, — особенно подчеркиваются забитость, невежество, грубость крестьянства. Отчасти это объясняется сознательным выдвижением темных сторон с целью наиболее яркого и убедительного показа губительности крепостного права. Но декабристы не могли всесторонне показать русское крестьянство потому, что они не знали его достаточно хорошо и, что особенно важно, даже не пытались узнать, так как не верили, что бесправный и доведенный до крайней нищеты крестьянин может создавать материальные и духовные ценности, и не видели в крестьянстве силы, могущей противостоять самодержавию и крепостничеству (в этом их существенное отличие от А. Н. Радищева, верившего в народ и призывающего его к революционному восстанию).

Из сказанного не следует делать заключения, будто декабристы отрицали высокие моральные качества и одаренность русского народа, что они, подобно реакционерам, считали народ неспособным к развитию. Понимание декабристами русского народного характера хорошо иллюстрируют «Письма» Ф. Н. Глинки. Глинка показал русский народ во всем его величии в грозные дни Отечественной войны 1812 г. и подчеркнул, что простой русский человек от природы богато одарен и способен не только на воинские подвиги. «Русские могут выучиться всему», — утверждает он и в доказательство своих слов рассказывает о талантливых самоучках-изобретателях, художниках, ученых, вышедших из среды простого народа. «Я описал здесь, по сведениям, из вернейших источников, мною почерпнутых, и никому доселе неизвестным, жизнь Волоцкова, Свешникова, Демьянова, изобретение Маслова

²⁴ Н. А. Бестужев, Записки о Голландии 1815 года, «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. XV, 1821, стр. 190—191.

²⁵ Там же, стр. 275.

и проч., и проч. Все сии описания, послужа лучшим опровержением на клеветы иноземцев, убежат их, что у нас были, есть и будут *самородные дарования*, и что русские точно ко всему способны»²⁶.

Приведенные примеры, служа неопровергимым доказательством признания разносторонней одаренности народа, не меняют, однако, общего фона нарисованной декабристами картины. При существующем порядке только одиночки могут проявить свои дарования, да и они часто гибнут в нищете, не получив признания и поддержки. Основная же масса народа коснеет в невежестве и только с отменой крепостного права и развитием просвещения сможет приобщиться к общественной и культурной деятельности. И декабристы в поисках основных начал русской народности обращаются в прошлое, в Киевскую и особенно в Новгородскую Русь, которую они идеализировали в соответствии со своими политическими идеалами. Именно там, в условиях свободы (как рисовали себе этот период русской истории декабристы) мог раскрыться во всей полноте героический характер русского народа и закладывались основы его национальной культуры. Отсюда повышенный интерес к изучению древнерусского быта и обычаяев и историческая тематика, занимающая такое большое место в художественном творчестве декабристов. На разработку этой тематики они усиленно наталкивали А. С. Пушкина, ожидая от него поэмы о псковской и новгородской вольности, задущенной самодержавием²⁷. Воссоздавая героические образы древней Руси, декабристы хотели воспитать в современниках любовь к родине и свободе, побудить их к борьбе против деспотизма.

Идеализация декабристами старины, противопоставление ее в ряде случаев современности внешне как будто сходны с рассуждениями реакционеров, кричавших о порче нравов и призывающих к возрождению древних добродетелей. По существу же их точки зрения диаметрально противоположны. Реакционеры, ратуя за сохранение стаинных устоев, понимали под этим прежде всего сохранение существующего строя и крепостного права. Они считали, что нравы испортились потому, что в русском обществе распространились занесенные с запада зловредные идеи (т. е. идеи Французской революции). Декабристы со всей страстью обличали подобных «идеологов русской самобытности» как заклятых крепостников, врагов прогресса, гасителей просвещения²⁸. И если они говорили об искашении лучших черт русской народности, то они винили в этом не современное просвещение, а именно недостаток просвещения, деспотизм и рабство. Идеализируя древнюю Русь, декабристы никогда не призывали, подобно консерваторам, к ее реставрации, отлично понимая безрассудность такого требования. Они говорили лишь о необходимости развития лучших национальных начал. «Сохрани бог, чтобы я хотел прославить стаинные русские нравы, которые больше не соглашаются ни с цивилизацией, ни с духом нашего века, ни даже с человеческим достоинством; но то, что в нравах есть оскорбительного, происходит от варварства, от невежества и деспотизма, а не от самого характера русских»²⁹, — писал А. Д. Улыбышев.

²⁶ Ф. Н. Глинка, Письма (цит. по сб. «Декабристы», стр. 293).

²⁷ См. письмо К. Ф. Рылеева от 5—7 января 1825 г. (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, изд. Акад. наук СССР, М.-Л., 1937, стр. 133) и письмо С. Г. Волконского от 18 октября 1924 г. (там же, стр. 112).

²⁸ Так, А. Д. Улыбышев в «письме к другу в Германию о петербургском обществе» называет их «погасильцами» и характеризует их как сторонников «древних обычаяев, деспотического правления и фанатизма» («Декабристы и их время», т. I, М., 1926, стр. 47—48). М. Ф. Орлов в речи, произнесенной в Киеве в Библейском обществе, очень резко говорил о «политических староверах» как противниках просвещения и защитниках невежества, преследующих всех благомыслящих людей. Это «любители не древности, не старины, не добродетелей, но только обычаяев отцов наших, хулигаты всех новых изобретений, враги света и стражи тьмы, они суть настоящие отрасли варварства средних веков» (цит. по сб. «Декабристы», стр. 462).

²⁹ «Декабристы и их время», М., 1926, стр. 52.

Такой же смысл, как идеализация древнего Новгорода, имела у декабристов и идеализация русского и украинского казачества. Они считали, что именно у казачества сохранились еще (или во всяком случае сохранились до XVIII в.) остатки древней вольности, что у них было действительное народоправие. Не замечая (или не желая замечать) классовое расслоение казачества, они говорили о сохранившейся у казаков простоте нравов и быта, о равенстве всех казаков «от гетмана до простого казака» (Н. И. Гнедич). В плане такой идеализации и написано большое исследование В. Д. Сухорукова о донских казаках.

Соответственно своей исторической концепции декабристы оценивали и народную поэзию. Они считали, что выражает дух и характер русского народа только героическая поэзия древней Руси. А. Ф. Рихтер в статье «О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков» говорит о времени Владимира как самой блистательной эпохе расцвета поэзии на Руси. «Цветущей эпохой поэзии и рыцарства можно полагать век Владимира Великого, когда Россия, преследуя и поражая повсюду своих неприятелей, распространяла свои пределы и внушала себе уважение самой Греции. Казалось, что все приготовляло ее к будущему величию; и уже просвещение начало распространять благотворительное свое действие»³⁰. Следовательно, наиболее благоприятными условиями для развития искусства являются патриотический подъем, гражданская свобода и просвещение. Поэзия и просвещение, начавшие в Киевской Руси столь блистательно свое развитие, заглохли затем в века порабощения. «Возвышенные песнопения старины исчезли как звук разбитой лиры», — писал А. А. Бестужев. Представления о них дают отдельные сохранившиеся в народе произведения (былины и исторические предания), предания, занесенные в летопись, и особенно величайший памятник древней русской литературы «Слово о полку Игореве». Именно эти произведения раскрывают во всей полноте героический и вольнолюбивый характер русского народа. «Безымянный певец «Слова» вдохнул русскую боевую душу в язык юный... Непреклонный, славолюбивый дух народа дышит в каждой строке». Современные же народные песни не дают правильного представления о русском народе. Они «изменены преданием и едва ли древнее трехсот лет. Русский поет за трудом и на досуге, в печали и в радости, и многие песни его отличаются свежестью чувств, сердечною теплотою, нежностью оборотов; но беды отечества и туманное его небо проливают на них какое-то уныние, и вообще в них редко встречаются пылкие страсти и обилие мыслей»³¹.

Эти рассуждения А. А. Бестужева о русской песне на первый взгляд совпадают со взглядами, распространявшимися в то же время теоретиками народной поэзии из консервативного лагеря — А. С. Шишковым и другими, которые также противопоставляли древнюю народную поэзию современной и говорили о последней как об искаженном поколениями неграмотных простолюдинов поэтическом наследии древних баянов. Так, А. С. Шишков писал в «Разговорах о словесности»: «Изустные предания подвержены переменам, забвению. Перешед столько веков, они должны были предстать перед нами совсем не те, каковы пошли сначала. По нынешнему их образу надлежит думать, что их слагали весьма простые, не искусные в словесности люди; но сие-то самое и подтверждает, что некоторые выражения, мысли, обороты, подобия, остались у сих людей чрез предания в памяти от тех сочинений, которые писаны были настоящими *Боянами*, то есть великими древними стихотворцами»³². Но внешне сближаясь в этом вопросе, как и в некоторых других

³⁰ А. Ф. Рихтер, О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков, «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. XVI, № XI, 1821, стр. 168—169.

³¹ А. Бестужев, Взгляд на старую и новую словесность в России, «Полярная звезда» на 1823 г.

³² А. Шишков, Собрание сочинений к переводам, ч. III, СПб., 1824, стр. 92.

(как уже отмечалось выше) с консерваторами, декабристы по существу расходились с ними и давали свое решение тех же вопросов с прогрессивных позиций. Для А. С. Шишкова и его единомышленников древняя поэзия была поэзией господствующих классов; неграмотное грубое простонародье исказило ее, потому что не могло понять ее высокого содержания и поэтических красот. Для А. А. Бестужева героическая поэзия древней Руси была действительно народной. И изменялся ее характер не потому, что из высших классов она перешла к простому народу, а потому, что в ней отразилась тяжелая жизнь крестьян в условиях крепостного рабства. «Беды отечества», т. е. крепостное право (указание «едва ли древнее трехсот лет» ясно намекает на то, чего нельзя было сказать по цензурным условиям), внесли в народные песни ноты уныния, тоски и покорности, не свойственные вообще русскому народу. Здесь мы опять встречаемся с пониманием того, что народный характер и идеиное содержание народной поэзии определялись конкретной исторической действительностью. О грустном характере русских народных песен до декабристов говорил А. Н. Радищев, вслед за декабристами это особенно подчеркивали А. С. Пушкин и В. Г. Белинский. Для них грустный характер наших песен являлся свидетельством не бессилия и покорности народа, а результатом невыносимо тяжелых условий его жизни при крепостном праве.

Народной поэзии декабристы, как уже отмечалось, уделяли особенное внимание³³. Они считали, что народная поэзия раскрывает характер и взгляды народа, является важным историческим источником и должна послужить одним из основных источников национальной литературы. Так, А. Гевлич видит в народных песнях «отпечаток народного характера». Они дают также «отображение политических переворотов в стране, объясняя то влияние, какое имели они на изменение нравов и характера народа»³⁴. По мнению В. Д. Сухорукова, народная песня является зеркалом, в котором отражаются все стихии народного духа, вся внутренняя жизнь. Рассматривая так народные песни, декабристы развивали мысли, высказанные А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Очень важно отметить, что народную поэзию декабристы ограничивали от обрядов и религиозных представлений народов (для представителей реакционной науки отожествление народной поэзии и обрядов обычно). В народных песнях они видели прежде всего отражение социально-политических взглядов, истории и быта народа. О народной поэзии как историческом источнике очень часто говорилось на страницах «Соревнователя просвещения и благотворения». Широко использованы донские песни в работе В. Д. Сухорукова «Общежитие донских казаков», который считал, что «многое объясниться может из старинных песен, в коих обыкновенно описываются военные подвиги казаков и самые происшествия даются почти верно, ибо они всегда сочинялись самыми теми людьми, кои в них участвовали, и простым языком предков наших»³⁵.

Песни могут помочь и в выяснении сложных вопросов происхождения народов. Ф. Н. Глинка, говоря о загадочности происхождения цыган, считает, что разъяснить эту загадку помогут их язык и песни. «Какая же причина расточения сего народа по лицу земли? Может быть в их наречии, а особенно в песнях и молитвах, нашлись бы выражения, открывающие их прошедшие бедствия. Я говорю — бедствия, ибо ничто,

³³ Разбору взглядов декабристов на народную поэзию и их трудам в этой области посвящено специальное исследование М. К. Азадовского «Декабристская фольклористика», «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 1.

³⁴ «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. IV, 1818.

³⁵ В. Д. Сухоруков, Общежитие донских казаков, «Донские губ. ведомости», 1903, № 63.

кроме мора, потопа или меча завоевателей, не может разлучить народ с отечеством.— Молитвы, особенно песни народные могут почтеться словесными летописями; они бывают отголоском древних событий»³⁶.

Народная поэзия, по мнению декабристов, должна стать важнейшим источником русской национальной литературы. Искренние патриоты, считавшие, что «из всех гражданских зол — всего опасней, злей для духа нации есть чуждым подражанье» (В. Ф. Раевский), декабристы со всей страстью боролись против космополитизма знати, против «пустого, рабского, слепого подражанья» иностранцам. «Космополитизм убивает всякое благородное чувство отечественности, народности»³⁷, писал А. А. Бестужев Полевому. В сочинениях декабристов часто развивается мысль о том, что русский народ, показавший в 1812 г. всему миру свою беспредельную любовь к отечеству и свою военную мощь, должен и в культурном отношении стать наравне с другими нуждами, превзойти их. А для этого необходимо отказаться от рабского копирования иноземных образцов и обратиться к своим национальным источникам.

Декабристы первые заговорили о народности как обязательном признаком всякого истинного произведения искусства и поставили перед собой задачу создания высокоидейной самобытной национальной литературы. Они указали и источники, на основе которых такая литература может быть создана. В. К. Кюхельбекер в издававшемся им совместно с В. Ф. Одоевским альманахе «Мнемозина» говорил о необходимости иметь свою народную поэзию. Свою статью «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», он заканчивал пламенным призывом: «Да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности»³⁸. А. А. Бестужев в каждой книжке, издававшейся им с К. Ф. Рылеевым «Полярной Звезды», помещал литературные обзоры, в которых резко критиковал писателей, подражавших иностранным образцам, и требовал оригинальных, художественных произведений, верно изображающих русскую действительность, быт и нравы русских людей. Высоким образцом национальной поэзии было для А. А. Бестужева «Слово о полку Игореве», а также народные песни.

Подробно вопрос о национальной русской литературе и ее источниках разработан О. Ф. Сомовым в статье «О романтической поэзии». Автор со всей решительностью возражает тем, кто уверяет, будто в России не может быть народной поэзии. «Докажите мне, что русские не одарены живым пламенным воображением, уверьте меня, что в нравах наших нет никакой отмены от других народов, ...что язык русской весь вылит из формы чужеземной,— и тогда я соглашусь, что у нас нет и не будет своей народной поэзии»³⁹. О. Сомов доказывает, что у нас имеются все возможности для того, чтобы «иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых»⁴⁰. Содержанием такой поэзии могут и должны послужить прежде всего нравы, обычаи, поверья и предания различных народов России, затем события русской истории и русские былины (изустные предания о богатырях, сохранив-

³⁶ Ф. Н. Глинка, Письма русского офицера (цит. по сб. «Декабристы», стр. 289).

³⁷ «Русский вестник», т. 32, 1861, стр. 296.

³⁸ В. К. Кюхельбекер, О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие, Альманах «Мнемозина», ч. II, 1824.

³⁹ О. Ф. Сомов, О романтической поэзии, «Соревнователь просвещения и благотворения», т. XXIII, 1823, стр. 150.

⁴⁰ Там же, т. XXIV, стр. 147.

шиеся в сказках). Очень показательно, что, указывая источники будущей народной поэзии, О. Сомов не ограничивает их только русским материалом, а считает необходимым изучать и воспроизводить в художественных произведениях быт, нравы и предания всех народов, живущих в России. Богатство и разнообразие этого материала открывают неисчерпаемые возможности для писателя, пожелавшего им воспользоваться. «Сколько разных обликов, нравов и обычаяев представляются испытывающему взору в одном объеме России совокупной! Не говоря уже о собственно Русских, здесь являются Малороссияне, со сладостными их песнями и славными воспоминаниями; там воинственные сыны тихого Дона и отважные переселенцы Сечи Запорожской; все они, соединяясь верою и пламенною любовью к Отчизне,— носят черты отличия в нравах и наружности. Что же, если мы окинем взором края России, обитаемые пылкими Поляками и Литовцами, народами финского и скандинавского происхождения, обитателями древней Колхиды, потомками переселенцев, видевших изгнание Овидия, остатками некогда грозных России Татар, многоразличными племенами Сибири и островов, кочующими поколениями монгольцев, буйными жителями Кавказа, северными Лапонцами и Самоедами?... Ни одна страна на свете не была столь богата разнообразными поверьями, преданиями и мифологиями, как Россия. Поэт может в ней с роскошью выбирать то, что ему нравится, и отметить, что не нравится»⁴¹.

Создание национальной литературы, творчески развивающей лучшие традиции народной поэзии, декабристы считали основной задачей, стоящей перед передовыми русскими писателями. По мере возможности они старались выполнить эту задачу. Полностью же выполнил ее А. С. Пушкин, глубоко изучивший язык и поэтическое творчество русского народа.

Декабристы говорили о возможности и даже необходимости использования в национальной культуре, которую создаст освобожденный народ, не только народной поэзии, но и других элементов народной культуры, в том числе и материальной. Так, например, они указывали на желательность использования лучших традиций народной одежды. В утопии «Сон», принадлежащей, как предполагают, А. Д. Ульяшеву, рисуется будущий, изменившийся до неузнаваемости Петербург: «общественные школы, академии, библиотеки всех видов занимали место бесчисленных казарм, которыми был переполнен город», и т. п. Изменилась и одежда горожан. Пораженный их необычными, богатыми, изящными и удобными костюмами, автор при внимательном рассмотрении «узнал русский кафтан с некоторыми изменениями». «Мне кажется,— сказал я своему спутнику,— что Петр Великий велел высшему классу Русского общества носить немецкое платье,— с каких пор Вы его сняли?»⁴² Ответ знаменателен: «С тех пор, как мы стали нацией,— ответил он,— с тех пор, как, перестав быть рабами, мы более не носим ливреи господина». Таким образом, декабристы считали, что нацией русские станут только тогда, когда станут свободными, и что только в действительно свободном государстве может развиваться национальная культура, основанная на глубоком уважении к народной традиции и использующая ее лучшие элементы.

Ставя проблему использования писателями народной поэзии, декабристы имели в виду не формальные ее особенности, а прежде всего идейное содержание. Они подчеркивали огромное воспитательное и агитационное значение народных песен, особенно героических. По их мнению, истинная народная поэзия всегда ставила своей основной задачей

⁴¹ О. Ф. Сомов, Указ. раб., стр. 131—132.

⁴² «Декабристы и их времена», т. I, Л., 1926, стр. 55. Ср. также монолог Чацкого.

воспитание патриотизма и гражданской доблести⁴³. Она призывала к подвигам во имя родины, к борьбе с угнетателями. Поэтому-то завоеватели и деспоты всегда пытались искоренить ее и преследовали народных певцов. А. Ф. Рихтер в статье «О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков» указывал, что «знаменитейшие барды своими песнями одушевляли мужество воинов». Поэтому барды пользовались большим уважением. Но «в Галлии орден сей скоро прекратился, не оставив по себе никаких следов. Жестокий Эдуард, покорив сию страну, велел в 1284 году предать смерти всех Бардов из опасения, чтобы они не воспламенили духа народа к мужеству, к прежней независимости и не внушили ему ненависти к деспотизму»⁴⁴.

Лучшие современные народные песни выполняют ту же задачу, вдохновляя народ на борьбу с угнетателями. Таковы, например, песни современных греков, борющихся за национальную независимость. Эти песни, собранные К. Фориэлем, были почти тотчас же после выхода во Франции переведены Н. И. Гнедичем на русский язык, что свидетельствует о большом значении, придававшемся им декабристскими кругами. Фориэль подчеркивал высокий дух и героизм современных греков и со всей резкостью обрушивался на тех, кому пыль старинных городов и храмов дороже современной жизни и борьбы. Современные греки, по мнению Фориэля, сохранили все лучшие черты древних греков и заслуживают не меньшего внимания и уважения. Если бы изучили их и познакомились с их песнями, то «уверились бы, что Греки нынешние, даже под гнетом Турок, более несчастные, чем обиженные, никогда совершенно не теряли ни своих преимуществ душевных, ни чувства независимости; что они умели удержать народность свою, отличную от их победителей». Преимущественным вниманием собирателя и переводчика пользуются песни клефтов, о которых турки и реакционные исследователи говорили как о диких разбойниках и в которых К. Фориэль и Н. И. Гнедич видят борцов против турецких угнетателей, за независимость греческого народа, мстителей за поруганное национальное достоинство.

Н. И. Гнедич снабдил книгу своим предисловием и комментариями, раскрывающими побуждения, ради которых было предпринято издание. Он подчеркивает сходство греческой народной поэзии с народными песнями русских и украинцев. Дух греческой поэзии — «родной для славянина», утверждает Н. И. Гнедич, желая сказать этим, что и русский народ под гнетом самодержавия сохранил свой вольнолюбивый характер и что он столь же героически и самоотверженно будет бороться за свою свободу, как борются за нее сейчас греки. О сходстве новогреческих песен с русскими и украинскими историческими песнями говорил и А. А. Бестужев в отзыве на книгу Н. И. Гнедича.

Очень важным для раскрытия идеологии декабристов является их внимание к так называемым «разбойничьим» песням, т. е. песням о

⁴³ Нельзя не отметить принципиального расхождения декабристов с реакционными писателями, также говорившими о необходимости использования народной поэзии. Так, А. С. Шишков в «Разговорах о словесности между лицами Аз и Буки» (Собр. соч. и перев., ч. III) говорит об обязательном для молодых писателей знании народной поэзии. Однако основным источником, из которого писатели должны черпать высокие мысли и учиться высокому слогу, должно быть, по его мнению, священное писание. У народной же поэзии писатель должен учиться простоте языка и поэтической форме. О поэтике народной песни Шишков высказывает ряд интересных наблюдений. Но он считает, что в народной поэзии имеют ценность лишь отдельные детали, сохранившиеся от старых боянин, в целом же она искажена безграмотными передатчиками. Там же, где Шишков говорит о характере народных воззрений, он делает это весьма тенденциозно. Так, нарочитым подбором пословиц он старается доказать, что важнейшей добродетелью русских является богопочтание и «терпение во всяком состоянии» (стр. 151). Особенно удачным кажется ему сравнение царского гласа с золотой трубой, которое рядом с обращением к царю — «батюшко православный царь» — показывает любовь народа к царю и т. п.

⁴⁴ А. Ф. Рихтер, О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков, стр. 158.

борьбе крестьян со своими угнетателями, особенно к песням о Степане Разине. Этот интерес отличает А. С. Грибоедова⁴⁵ и А. С. Пушкина, стоявших к народу ближе, нежели основная масса декабристов. Все это является несомненным достижением декабристской фольклористики.

Хорошо понимая ту важную роль, какую народная поэзия может играть в борьбе народа за свое освобождение, декабристы впервые в России стали использовать ее в целях политической агитации, справедливо полагая, что такая агитация будет солдатам особенно близка и понятна, а следовательно, и наиболее действенна. Соответственно подобранные народные тексты использовались декабристами в ланкастерских школах. В. Ф. Раевский через руководимую им в Кишиневе школу распространял среди солдат народные песни о тяжелой доле и сочиненные в их стиле песни о солдатской жизни. Цензурный комитет уничтожил изданные в Москве для школ взаимного обучения «Таблицы букв, складов, отдельных слов и чтения», так как обнаружил, что они «содержат в себе пословицы и изречения безнравственные и подающие повод к соблазну»⁴⁶. Среди отмеченных Цензурным комитетом «безнравственных» пословиц имеются такие: «хоть хлеба крома, да воля своя», «горесть молчать не любит», «воды и царь не уймет», «хоть биту быть, а за реку плыть», «с кого судья взял, тот и прав стал» и т. п. В стиле и на мотивы популярных русских песен К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев создали ряд агитационных сатирических песен, обличавших царя и правящие круги и призывающих поднять нож на «злодеев вельмож», «на князьков поляков», «на судей на плутов» и на самого царя («Царь наш немец русский», «Ах, где те острова», «Ах, и тошно мне на родной стороне», подблюдные песни, «Подгуляла я» и др.). Эти песни распространялись в армии и флоте. О значении их хорошо говорит в «Воспоминании о Рылееве» Н. А. Бестужев. «Сколь ни бездельны кажутся в литературном отношении с первого взгляда» эти песни, «но намерение, с которым писаны и влияние, ими произведенное в короткое время, слишком значительны. Хотя правительство всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем... Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображались в них простыми словами, но верными красками»⁴⁷. И дальше Н. Бестужев вспоминает, что, когда их, как морских офицеров, везли для совершения над ними гражданской казни в Кронштадт, «бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева»⁴⁸.

II

Новую страницу в истории русской этнографии открывают статьи, очерки и заметки декабристов, написанные в сибирской ссылке. Жизнь на каторге и поселении заставила их вплотную столкнуться с местным населением русским и другими народностями Сибири, ближе узнать их нужды и запросы.

⁴⁵ См. А. С. Грибоедов, Загородная прогулка (Полное собрание сочинений, т. III, изд. Акад. наук, Петр., 1917, стр. 116—117), в которой дан восторженный отзыв песне «Вниз по матушке по Волге», связываемой А. С. Грибоедовым с движением Разина.

⁴⁶ Цит. по кн. В. Базанова, «Вольное общество любителей российской словесности», Петрозаводск, 1949, стр. 73.

⁴⁷ «Воспоминания Бестужевых», Ред., статья и комментарии М. К. Азадовского, Акад. наук СССР, М.-Л., 1951, стр. 27.

⁴⁸ Там же.

Общеизвестна большая и разносторонняя культурная работа, которую они вели в Сибири, в ужасающих условиях царской каторги и ссылки. Еще во время пребывания на каторжных работах на Петровском заводе декабристы сумели организовать школу, оказывали окружающему населению медицинскую помощь, вели возможное в тех условиях изучение края. Водворенные на поселение декабристы продолжают эту деятельность в более широких масштабах. Они организуют школы, пытаются улучшить сельское хозяйство, вводя некоторые, дотоле неизвестные в Сибири сельскохозяйственные, особенно огородные, культуры и орудия, изучают географические условия и природные богатства края и т. п. Вместе с этим шло изучение населения Сибири. Благодаря заботливому отношению, посильной помощи и стремлению всячески поднять его благосостояние и культурный уровень, декабристы снискали доверие и уважение местного населения. К ним шли со всеми нуждами, ничего не скрывали от них. Это дало им возможность изучить такие стороны быта и социальных отношений, какие приезжим этнографам подметить не всегда удавалось.

Конечно, далеко не все сосланные в Сибирь декабристы глубоко вникали в быт и культуру и особенно в сущность социальных отношений народов, среди которых им пришлось жить. Отношение к народу, смысл высказываний по вопросам, имеющим отношение к этнографии, определялись политическими убеждениями их авторов. Если наиболее вдумчивые и стойкие в своих убеждениях декабристы извлекли урок из восстания 14 декабря, то значительная часть их отошла от прежних революционных убеждений и перешла постепенно на либеральные позиции. Это сказалось и на описаниях народа, особенно русских сибиряков, о чем говорится дальше.

Этнографические материалы декабристов содержатся в различных источниках. Здесь и специальные научные статьи, и очерки, и художественные произведения, и отдельные замечания в письмах и дневниках. В. И. Штенгель составил «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии»⁴⁹, включившее и этнографические материалы, записывал пословицы. К. П. Торсону принадлежит «Сельскохозяйственное и географическое описание местности крепости Акши на берегу реки Окона», под руководством М. А. Муравьева-Аpostола было составлено историко-статистическое описание Ялуторовского округа. Быт, хозяйство, социальные отношения и культура селенгинских бурят описаны Н. А. Бестужевым в статьях «Гусиное озеро» и «Бурятское хозяйство». Он же составил грамматику бурятского языка, а М. А. Бестужев — «Буддийскую космогонию». О бурятах же говорит В. К. Кюхельбекер в своих дневниках и в письмах к А. С. Пушкину. В письмах к родным и «Рассказах о Сибири» А. А. Бестужева (Марлинского) содержится ряд сведений о якутах, а якутский праздник Исыах описан им в специальном очерке. Обычаи и предания якутов использованы в поэмах Н. А. Чижова «Нучая» и «Воздушная дева» и А. А. Бестужева-Марлинского «Саатырь», причем эти поэмы снабжены примечаниями этнографического характера. А. А. Бестужев же говорит в «Рассказах о Сибири» о тунгусах, ламутах и чукчах, а позднее на Кавказе описал мусульманский праздник «Шах Гуссейн» и широко использовал этнографический материал в своих повестях (например, «Амалат-Бек» и др.). Ф. Н. Глинка, сосланный в Петрозаводск, первый перевел на русский язык несколько рун «Калевалы»⁵⁰ и использовал местные предания в поэме «Карелия». Эти

⁴⁹ Опубликовано в «Журнале Министерства Внутренних дел», 1843, ч. 2 стр. 3—43 и 200—255 за подписью «Сообщено Н. Черняковским, Ишимским купцом». В статье имеются и такие разделы, как «Семейные обычаи и нравы», «Суеверие» и др.

⁵⁰ О переводах Ф. Н. Глинки см. в кн. В. Базанова «Карельские поэмы Федора Глинки», Петрозаводск, 1945.

разнообразные произведения (их список можно умножить) объединяет гуманное отношение к местному населению, стремление понять особенности его быта и культуры и помочь ему поднять культурный уровень.

Когда декабристы ближе узнали народы Сибири, они были поражены их высокой одаренностью и высокими моральными качествами. Они отмечали, что русское население Сибири несравненно зажиточнее крепостных крестьян европейской части Сибири, отличается смыщенностью, наблюдательностью, предприимчивостью, трудолюбием и более высокой культурой. Е. А. Оболенский писал, что сопровождавшие их казаки «удивили нас и разнородными познаниями, и развитием умственным, которое трудно было ожидать в таком дальнем краю, о коем весьма редко носились слухи, и то, как о месте диком, где и люди и природа находились в первоначальной своей грубости. Здесь мы увидели совершенно противное»⁵¹. С этим согласны и другие декабристы. «Чем дальше мы подвигались в Сибири,— писал Н. В. Басаргин,— тем более она выигрывала в моих глазах. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смыщеннее, даже и образованнее наших русских крестьян, в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими»⁵². Декабристы говорили о смыщенности и трудолюбии сибиряков, об их умении приспособиться к местным условиям. Так, А. Е. Розен говорит о приспособленном к местной почве плуге, встреченном им в Курганском и других округах Западной Сибири, об усовершенствовании молотьбы — молотят зимой на специально устроенном ледяном токе, в некоторых местах вместо цепов применяют изобретенный здесь же специальный каток из лиственницы с зубцами, при молотьбе гороха привязывают небольшие цепы к спицам телеги, которую катают взад и вперед⁵³, и т. п. Среди русских Сибири декабристы выделяли «семейских» (сосланных в XVIII в. старообрядцев), описывали их богатство, трудолюбие, крепкий семейный уклад. Так описывает, например, А. Е. Розен деревню Тарбагатай (описание это использовано, местами почти дословно, Н. А. Некрасовым в поэме «Дедушка»): «Дома в несколько горниц, с большими окнами, крыши тесовые, крыльца крытые; в одной половине дома обширная изба для рабочих с русской печкой для стряпанья и печенья; в другой половине от трех до пяти чистых горниц с голландскими печками; полы все покрыты коврами собственного изделия, столы и стулья крашеные, зеркала с ирбитской ярмарки. Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами: хозяйка наша Пестимья Петровна угостила нас на славу щами, ветчиною, осетриною, пирожками и кашицами из всех возможных круп от гречневой до манной и рисовой. Во дворе под навесом стояли кованые телеги, сбруя была сыромятная, кони дюжие и сътые, а люди, люди! Ну право все молодцы к молодцу... День был воскресный, мужчины расхаживали в суконных синих кафтанах, женщины — в душегрейках шелковых с собольими воротниками, а кокошники — один лучше и богаче другого. Одним словом, все у них соответствовало одно другому: от дома до плуга, от шапки до сапога, от коня до овцы,— все показывало довольство, порядок, трудолюбие»⁵⁴.

Описывая столь восторженно богатство сибиряков, декабристы не замечали классового расслоения крестьянства (они нигде не говорят о классах, а только о сословиях). Они идеализировали кулачество, утверждая, что все это достигнуто личным трудом. Иногда, правда, они вынуждены были отметить эксплуатацию бедняков и беглых; так,

⁵¹ «Общественное движение в России в первую половину XIX в.» т. I, СПб., 1905, стр. 278—279.

⁵² Н. В. Басаргин, Записки. Ред. и вступ. статья П. Е. Щеголева, «Огни», Пттр., 1917, стр. 94.

⁵³ См. А. Е. Розен, Записки декабриста, СПб., 1907, стр. 187.

⁵⁴ Там же, стр. 168.

А. Е. Розен, описывая Тарбагатай, замечает, что «это волшебство вызвано трудолюбием, но так же и деньгами и беглыми». Но такие замечания делались мимоходом, и когда рядом с крестьянами-богачами декабристы встречали бедноту, то нередко обвиняли ее в нерадивости, лени и пьянстве. В этом сказалась идеяная ограниченность многих декабристов. Мимо их внимания прошло и ужасающее положение крепостных сибирских горнорабочих.

Нужно отметить, однако, что описанием богатства и культуры сибиряков декабристы преследовали те же цели, что и описанием крепостного крестьянства,— показать необходимость освобождения крестьян. На отсутствие в Сибири крепостного права и дворян, как на главную причину благополучия сибиряков, указывают в воспоминаниях и записках многие декабристы: «Отсутствие крепостного состояния благодетельно действует на быт низшего класса, т. е. крестьян»,— писал Н. В. Басаргин.— «Нельзя также не признать, что полезно для края и то, что в нем нет дворянства или, лучше сказать, помещиков»⁵⁵. А. Е. Розен считал, что «залогом хорошей будущности Сибири служат уже три обстоятельства: она не имеет сословий привилегированных, нет в ней дворян-владельцев, нет крепостных, чиновников в ней немногого»⁵⁶. А. П. Беляев, сравнивая зажиточных сибиряков с нищими помещичьими крестьянами, отмечал, что «свобода сибиряков, никогда не знавших крепостного права, свободный труд более всего способствовал их процветанию»⁵⁷. Об этом же писали Д. И. Завалишин и другие.

Прогрессивный характер взглядов декабристов по вопросам этнографии особенно наглядно выявляется в отношении к нерусским народностям Сибири — бурятам, якутам и другим, среди которых им пришлось жить. Декабристы не скрывали примитивности, «дикости» образа жизни, представлений и обычаев ряда сибирских народов, но они рассматривали это как результат неблагоприятно сложившейся исторической обстановки и притеснений со стороны как русских начальников, так и своих богатых сородичей. Но и в тяжелых жизненных условиях эти народности сохранили прекрасные свойства своего характера, они разносторонне одарены, способны воспринять все хорошее и могут быстро догнать европейские народы. «Они крайне правдивы и честны, лукавства в них нет и воровства они не знают»⁵⁸,— писал М. И. Муравьев-Аpostол о якутах. Это подтверждает и А. А. Бестужев, отмечавший, что «якуты весьма понятны в рукоделиях и не лишены способностей умственных»⁵⁹. Так же отзыается он о тунгусах: «тунгус беден, но честен и гостеприимен. Живучи день до вечера одною ловлею, он нередко постится дни по три, ничего не убив, но готов разделить последний кусок с путником»⁶⁰. Высоко оценивали декабристы (Н. А. и М. А. Бестужевы, В. К. Кюхельбекер, А. Е. Розен и др.) разностороннюю одаренность, честность и трудолюбие бурят. «Несмотря на все стесняющие обстоятельства, бурят сметлив и на все способен, потому что наблюдательность развита в нем в высшей степени,— заключал Н. А. Бестужев описание бурят в очерке «Гусиное озеро»... — Что же касается до умственных способностей бурят, то, по моему мнению, они идут наравне со всеми лучшими племенами человеческого рода»⁶¹.

⁵⁵ Н. В. Басаргин, Записки, стр. 189—190.

⁵⁶ А. Е. Розен, Записки декабриста, стр. 213.

⁵⁷ А. П. Беляев, Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882, стр. 265.

⁵⁸ М. И. Муравьев-Апостол, Воспоминания и письма. Пред. и прим. С. Я. Штрайха, Птгр., 1922. стр. 62.

⁵⁹ А. А. Бестужев, Письмо к матери и сестрам от 10 апреля 1828, «Памяти декабристов», Л., 1926, I, стр. 196.

⁶⁰ А. А. Марлинский, Собрание сочинений, Птгр., 1914. стр. 83.

⁶¹ Н. А. Бестужев, Гусиное озеро, «Вестник естественных наук», 1854, № 30, стр. 478.

Декабристы правдиво описывали народ таким, каким он был, со всеми положительными и отрицательными сторонами его жизни. Они видели, что быт сибирских народов под влиянием сближения с русскими быстро меняется, и считали недопустимым характеризовать их на основе уже устаревших в ряде случаев источников. Интересны замечания на статью «Энциклопедического лексикона» В. И. Штейнгеля, посланные им под псевдонимом Вл. Обвинский в редакцию «Северной Пчелы». В. И. Штейнгель отмечает неточности и ошибки в ряде статей о природе и народах Сибири в первых томах «Энциклопедического лексикона» и протестует против архаизации быта народов, приписывания им таких обычаем и представлений, которые у них уже исчезли. К статье «Баеч» он делает замечание: «Вообще мы такой веры, что грешно теперь сообщать сведения о Камчатке из Крашенинникова; кроме неизменной природы там все переменилось, и всякое подобное известие о камчадалах, написанное в «настоящем времени» будет сущю клеветою на этот добрый, простодушный народ»⁶².

Наиболее прогрессивным характером отличаются статьи Н. А. Бестужева о селенгинских бурятах «Гусиное озеро» и «Бурятское хозяйство». Эти статьи были опубликованы впервые анонимно; введенные в научный оборот М. К. Азадовским, они пользуются заслуженным вниманием. Ценность их не исчерпывается богатым фактическим материалом. Они имеют и большое принципиальное значение, давая возможность раскрыть принципы и приемы описания этнографических явлений, отличающие русскую прогрессивную науку. Н. А. Бестужева интересуют не древности, не пышные буддийские храмы, привлекавшие путешественников, а повседневная жизнь простых бурят. Он дает перечень бурятских родов, расположенных поблизости Гусиного озера, описывает их антропологический тип, убранство юрты, подчеркивая при этом различие между юртами зажиточного и бедного бурята, домашнюю обстановку, утварь, хозяйство, ремесла, семейные отношения, свадебный обряд и другие. Ему же принадлежат и первые записи бурятского фольклора.

Описывая материальную культуру, Н. А. Бестужев особенно подробно останавливается на тех предметах домашнего быта и орудиях производства, которые отличаются каким-либо своеобразием и типичны для бурят, так как, по его мнению, и «мелочи» важны для характеристики народа. «Извините за подробности,— замечает он, описав бурятский топор, не похожий на русский, но сходный, по его мнению, с топорами западноевропейскими,— но я думаю, что иногда эти мелочи обрисовывают дух народа». Иногда Н. А. Бестужев делает сопоставления с другими народами. Так, приемы у бурят кажутся ему сходными с киргизскими, описанными Небольсиным, и поэтому он отмечает только то, что присуще лишь бурятам.

Особенно же важно отметить, что Бестужев не просто фиксирует наблюдаемые явления или предметы, а дает им оценку, указывает, насколько целесообразны они или вредны. Он пользуется всяким случаем, чтобы показать способность и сообразительность бурят, их положительный опыт. Так, с интересом наблюдает он за работой старого слесаря-бурята, который припаивал отвалившееся дно медного котла неизвестным русским способом, причем результат получился несравненно лучшим, чем при обычном способе починки. Как ценный хозяйственный опыт бурят он отмечает их умение использовать каждую речку и ручеек для орошения. Переняв от русских культуру земледелия, они и здесь стали применять орошение. «Земледелие быстро распространилось между бурятам,— пишет он в статье «Бурятское хозяйство»,— они первые начали поливать свои пашни отведенными горными речками. Они вы-

⁶² М. К. Азадовский, Страницы краеведческой деятельности декабристов в Сибири, Сб. «Сибирь и декабристы», Иркутск, 1925, стр. 115.

учились у русских пахать землю, за то, в свою очередь, русские теперь переняли у них искусство орошения»⁶³. В той же статье он указывает, что присылаемые из Европейской России косы слишком слабы для здешних трав, и описывает (с приложением рисунка) способ присадки кос бурятами. Отмечая все положительное, что есть у бурят, Бестужев не скрывает и отрицательных явлений. Он отмечает неопрятность бурят, их невежество, указывает вредность многих социальных институтов и религиозных обрядов. Убедительно доказывает он, например, вред калыма, разоряющего бедных бурят, заставляющего их входить в долги и тем самым попадать в кабальную зависимость от богачей. Особенное внимание уделяет Н. А. Бестужев, как и другие декабристы, социальным отношениям бурят. Своим правдивым описанием он разбивает ложные представления о патриархальных отношениях внутри рода, об отсутствии у бурят социального расслоения и эксплуатации. «Наибольшие притеснения причиняют ему [буряту.— В. С.] его родовиchi: как Бурятские начальники, избранные однажды, остаются в должности на всю жизнь, то бедные Буряты, которые жалуются на злоупотребления, плачутся за это дорого. Выговор тайше, оштрафование зайсана не лишает его места — и тот, кто был причиной выговора или оштрафования, все же остается под начальством тех же лиц. Судите же сами, какова его судьба после жалобы»⁶⁴.

Притеснения, произвол со стороны власти имущих доводят народы Сибири до нищеты и способствуют распространению между ними таких пороков, которые ранее среди них не наблюдались. А. А. Бестужев (Марлинский) в «Отрывках из рассказов о Сибири» описывает, как русские купцы и скупщики спаивают чукчей и за стакан водки («хотя промен ее строго воспрещен — но украдкой чего не делается») получают чернобурую лисицу, как неутомимо идут они по следам тунгусов и ламутов, этих «мирных звероловцев Восточной Сибири», и обманывают их, пользуясь их наивностью и доверчивостью.

«В прежние годы воровство между бурятами было неизвестно,— писал Н. А. Бестужев.— Ныне зачастую пропажа скота, баранов обличает крайность, до которой доведены они бедностью»⁶⁵. Притеснения сделали бурят скрытными, уклончивыми, вынуждают их на хитрость. Так темные стороны жизни народа и их характера непосредственно связывались с условиями их жизни и объяснялись социальными причинами. Они не являются чем-то врожденным, а возникают исторически, и исчезнут, когда будут уничтожены породившие их причины.

Приводя такие примеры, декабристы не делали на основе их вывода об отрицательном влиянии на народы Сибири русских вообще. Они не отожествляли представителей царской администрации и буржуазии с русским народом и неизменно подчеркивали необходимость и благотворность сближения с русскими, несущими передовую культуру. Они полагали, что просвещение поможет народам России избавиться от вредных обычаяев и суеверий, поднимет их экономическое благосостояние путем введения усовершенствований в хозяйстве и развития новых сельскохозяйственных культур и ремесл, а также поможет бороться против беззаконий и плутней, которыми их стараются опутать.

Наиболее вдумчивые и прогрессивные по убеждениям декабристы отлично видели, что в изоляции от русских, сохранении невежества и вредных навыков заинтересованы как начальство и русские промышленники, так и местные богатеи и особенно служители религиозных культов

⁶³ Н. А. Бестужев, Бурятское хозяйство. Труды Вольного Экономического общества, СПб., т. I, № 2, смесь, 1853 стр. 100.

⁶⁴ «Вестник естественных наук», 1854, № 30, стр. 477 (перепечатано в «Рассказах и повестях старого моряка», М., 1860).

⁶⁵ Там же, стр. 427.

(ламы, шаманы), боящиеся потерять свое влияние и доходы. Поэтому Н. А. Бестужев с такой страстью ополчается в своем очерке против многочисленных среди бурят лам, которых он изображает как злейших врагов бурятского народа. «Вообще ламское сословие есть язва бурятского племени»⁶⁶, — заключает он и подтверждает это примерами. Он рассказывает, как один бурят, прозванный за богатство Марко-богатый, заболев, призвал лам и в результате их лечения «Марко богатый стал Марко нищий». Тогда ламы оставили его на произвол природы, которая не преминула в свою очередь без всякой платы поставить его на юги, а те отправились искать новых жертв». Если ламы могли столь беззастенчиво разорить богача, то неизмеримо больше вреда они причиняют бедным бурятам. Боясь лишиться своего влияния и доходов, ламы всячески препятствуют сближению бурят с русскими и способствуют сохранению их вредных привычек. Так, увидев, что нечистоплотность бурят отталкивает от них русских, ламы «из неопрятности сделали даже религиозную обязанность, говоря, что умываться, а пуще того ходить в баню, держать посуду в опрятности, — смертельный грех. Они очень хорошо понимают, что приближение к русским лишает их того влияния, которое имеют они на бурят»⁶⁷.

Борьба с суевериями и предрассудками путем распространения просвещения считалась декабристами важнейшей задачей, поэтому они и уделяют такое большое место описанию и обличению их. В очерке «Шах Гуссейн» А. А. Бестужев (Марлинский) описывает праздник мусульман-шиитов в Дербенте, досадуя «на изуверство — непримиримого вечного врага всего доброго и полезного», и надеется, что распространение просвещения уничтожит нелепые и изуверские обычаи, кончающиеся калечением людей. «Счастливы мы, что племя, от имени коего трепетала Европа и предки наши ползали в прахе, — внушиает теперь только забавные мысли; но еще будем счастливее, когда победим их предрассудки, и найдем в них братий по просвещению»⁶⁸. Прогрессивное влияние передовой русской культуры декабристы и видели прежде всего в распространении просвещения. По мере возможности они сами действовали в этом направлении, обучая местное население грамоте и прививая ему культурные навыки, стараясь, насколько возможно оградить его от произвола. Образ русского, друга якутов и врага шаманов и суеверий, создал Н. А. Чижов в поэме «Нуч», написанной в форме рассказа старого якута:

Нуч был не таков.
Презирал он духов.
Он бесстрашно бродил
Вокруг шаманских могил...

* * *

Рассмотренные статьи и высказывания дают основание говорить о декабристах, как о представителях передовой научной мысли, в частности этнографической.

Декабристы впервые поставили ряд важных теоретических проблем, имеющих большое значение и для этнографии. Они заговорили о значении и возможном использовании этнографических и фольклорных материалов и об обязательности критического отбора их. Большую ценность имеют высказывания декабристов о национальной культуре, ее источниках и возможности ее развития. К описанию и объяснению отдельных

⁶⁶ Н. А. Бестужев, Гусиное озеро, стр. 427.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ А. А. Марлинский, Собрание сочинений, Птгр., 1914, стр. 94.

сторон быта и культуры народа они подходили исторически и в некоторых очерках (особенно в очерках Н. А. Бестужева) убедительно показали историческую изменяемость народного характера в соответствии с изменением экономических и политических условий жизни народа. Поэтому основное внимание в своих статьях и заметках они уделяли общественному быту и социальным отношениям, видя в них ключ к пониманию всех сторон народной жизни.

Декабристам чужды были идеи национальной или расовой исключительности. Характеризуя народы Сибири, они отмечали накопленный ими положительный опыт и показали, чего могут эти народы достичнуть, если им будут созданы благоприятные условия. Экономическая и культурная отсталость этих народностей, отрицательные стороны их жизни, приводившиеся реакционными писателями в доказательство их расовой неполнопочленности, для декабристов были временным, преходящим явлением, вызванным неблагоприятно сложившейся исторической обстановкой и угнетенным положением этих народностей. Отсюда делался вывод о необходимости изменения существующего порядка, облегчения положения народа. Свою задачу, задачу русских людей они видели в том, чтобы по мере возможности поднимать материальный и культурный уровень всех народов России, содействовать их освобождению от угнетения и произвола. Наблюдаемые факты описывались декабристами не объективистски, а подвергались оценке и использовались в практической деятельности.

Говоря о значении идей декабристов для этнографии и фольклористики, нельзя замалчивать и их слабых сторон, обусловленных классовым характером их идеологии, а также и состоянием гуманитарных наук в ту эпоху. Как и все историки до Маркса, они оставались идеалистами в области объяснения общественных явлений, хотя наиболее вдумчивые из них и понимали важность учета экономики. Декабристы не понимали значения классов и классовой борьбы. Они говорили не о классах, а о сословиях, и считали возможным установление социальной гармонии при сохранении экономического неравенства. Они переоценивали значение просвещения, полагая, что распространение просвещения искоренит зло без изменения основ существующего общественного строя. Но в начале XIX в. декабристы представляли наиболее прогрессивное направление в общественной науке. Они сумели в ряде вопросов стать выше не только современной им русской, но и западноевропейской научной мысли. В области этнографии и фольклористики они наметили те пути, по которым пошла прогрессивная русская этнография, всегда отличавшаяся подлинным гуманизмом, уважением к быту и культуре всех народов, правдивым описанием их и активным, действенным отношением к описываемым фактам и явлениям.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. С. БАХТИН

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

(В связи с теоретическими положениями книги
«Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи»)*

За последние полтора десятилетия наука о народном поэтическом творчестве ушла далеко вперед. Партийная критика последователей буржуазно-либеральных школ в литературоведении, постановления ЦК ВКП(б) 1946—1948 гг. по идеологическим вопросам, гениальные труды И. В. Сталина по языкоznанию и по экономическим проблемам социализма в СССР дали прочную теоретическую основу для дальнейшего развития фольклористики. Собран также огромный фактический материал, позволяющий с большей уверенностью судить о процессах, которые до Великой Отечественной войны только еще намечались. Давно следовало бы подытожить и обобщить успехи отдельных исследователей, отмежеваться от многих порочных и устаревших взглядов и подвергнуть рассмотрению основные проблемы фольклористики. Все это объясняет тот интерес, с которым встречен коллективный труд «Русское народное поэтическое творчество (Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи)»¹, созданный группой специалистов Института русской литературы АН СССР.

Тема «Очерков» — народное творчество советской эпохи — важная, очень ответственная и, без сомнения, трудная тема. Многое здесь еще не ясно. До сих пор не дано даже общепризнанного научного определения самого понятия «народное творчество советской эпохи», что, естественно, ведет к спорам о материале, подлежащем исследованию. Скажем сразу: книга не решает проблем, над которыми бьются все фольклористы. Авторы (а трое из них и редакторы) не пронизали статьи единой концепцией, отсюда нечеткость и противоречивость всей работы. Разумеется, уже сам материал представляет значительную ценность. Так, заслуживают особенного внимания разделы, посвященные колхозной и рабочей самодеятельности (написаны В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой); большое научное и публицистическое значение имеют

* От редакции. Автор настоящей статьи В. С. Бахтин, давая серьезную критику сборника «Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи», выдвигает ряд положений, требующих специального обсуждения. Таковы положения о соотношении литературы и народного творчества, о природе и специфике народного творчества, о понятии коллективности народного искусства, о профессиональном и непрофессиональном искусстве. Публикуя статью В. С. Бахтина, редакция журнала приглашает исследователей народного творчества принять участие в обсуждении и разработке указанных вопросов.

¹ Русское народное поэтическое творчество («Очерки русского народного поэтического творчества советской эпохи»). Редакторы А. М. Астахова, И. П. Дмитраков, А. Н. Лозанова. Изд. АН СССР, М.-Л., 1952.

многие части четвертой главы, в том числе, например, тексты, в которых показано отношение народа к англо-американской политике срыва второго фронта в годы Отечественной войны (глава написана А. Л. Дымшицем); привлекает своей обстоятельностью и обилием фактов глава третья (написана А. М. Астаховой и С. И. Минц). Есть в книге меткие наблюдения, верные положения, но все это теряется в массе теоретически неосмысленного материала. Многие же выводы авторов глубоко ошибочны.

Оставив в стороне недочеты, имеющие непринципиальный характер, посмотрим, как решены в книге имеющие принципиальное значение вопросы о советском эпосе, о творчестве известных всей стране сказителей, о массовой поэзии трудящихся, о самодеятельном и профессиональном искусстве и т. д. и т. п. С рассмотрения вопроса о том, какие же художественные произведения, созданные после Великой Октябрьской социалистической революции, являются произведениями народного творчества советской эпохи, мы и начнем.

Во введении, где изложены исходные позиции книги, А. М. Астахова и И. П. Дмитраков справедливо утверждают, что процесс творческой шлифовки есть «определяющая черта народного творчества»². Но дальше авторы отходят от данного определения, неправомерно подменяют его другим. Например, освещая проблему так называемого сказительского творчества, А. М. Астахова и И. П. Дмитраков пишут, что для этого вида народной поэзии признак коллективной шлифовки вовсе не обязателен. Отрицая литературный характер работы сказителей, авторы говорят об общности идейных устремлений, об идейно близких образах, как о специфике народного творчества. Но эти черты, да и самая коллективная разработка тем, сюжетов, мотивов, образов, порожденных одной и той же исторической действительностью, в той же мере свойственны и писателям; советская литература, как и фольклор, свидетельствует об общности идейных устремлений народа, народна по самому своему существу. Действительное отличие советской литературы от советского фольклора состоит не в содержании и даже не в способе создания художественного произведения, а лишь в форме последующего бытования этого произведения. Одно дело — жизнь фольклорного произведения в народе, который, по определению товарища Сталина, «шилифует» его «в продолжение столетий и доводит до высшей ступени искусства»³, и совсем другое — жизнь раз созданного и закрепленного в той или иной форме текста. Последний могут печатать, передавать по радио, сколько угодно исполнять со сцены — от этого он не станет ни хуже, ни лучше. Единичный, вполне законченный творческий акт никак не может быть приравнен к бесконечно множественному творческому процессу, который только и способен довести произведение «до высшей ступени искусства». Вспомним также, что произведения фольклора, как бы давно они ни были созданы, всегда ощущаются современными, поскольку они действительно непрерывно изменяются, обновляются и в содержании, и в художественной форме, и в языке. Сочинения же отдельных сказителей, будучи однажды созданными, застывают в первоначальном виде и, подобно творению рядового писателя, с годами становятся достоянием истории науки, что уже и случилось со многими новинами.

Так, доказав сначала, что совершенствование произведения в живом бытования есть основной признак, специфика фольклора, авторы книги затем отбросили этот признак, заменив его понятием «коллективного художественного мышления», иначе «общностью идейных устремлений». В результате фольклор, как особое общественное явление, потерял свои отличительные признаки, а литература, которой также свойственны

² «Очерки», стр. 38.

³ «Советская музыка», 1939, № 5, стр. 21; цит. по «Очеркам», стр. 38.

«общность идеиных устремлений» и «коллективная разработка тем», может быть причислена к фольклору.

Разумеется, вопрос о творчестве сказителей сложен, и последних не всегда и не во всем можно приравнять к другим поэтам — выходцам из народа. Тем не менее, творчество это с полным основанием по всем своим особенностям должно быть отнесено к литературному творчеству.

Во всех статьях и исследованиях, посвященных народному творчеству, много говорится о новой жизни, способствующей развитию народных талантов; говорится об изменении сознания советских людей, о росте их культуры. Но эти мысли зачастую даны в отрыве от самого исследования. То же получилось и в «Очерках». Правильно отмечая факты, авторы не сделали из них верных обобщений. *Расцвет личности* в условиях социалистического общества, т. е. в условиях систематического повышения материального и культурного уровня жизни, в условиях всеобщей грамотности, привел к невиданному росту творческих сил народа, но проявляются эти силы не только в привычных традиционных формах, а и в новой форме⁴. Новое творчество народа, несмотря на отражение в нем мыслей и чувств коллектива, — по преимуществу творчество индивидуальное (не «народное творчество»!). Могучие, но безымянные силы, которые до революции в силу множества преград не имели возможности проявить себя в свободном личном творчестве, получили эту возможность.

Молодежь приходит в литературу «обычным» порядком — через газету, ликбюджок, школу и вуз. А поколение старых мастеров фольклора прямо пришло в литературу — со своими художественными традициями, старыми навыками, но и с новым опытом, с новым отношением к жизни и к своему творчеству. Этот выход к литературе, к новой форме творчества целой массы одаренных художников слова — небывалое, единственное в истории явление. Принижать его, по-старинке оставляя, хотя бы и со многими оговорками, в рамках отдельной народной литературы, — значит смотреть назад, а не вперед.

Есть и еще одно серьезное возражение против позиции «Очерков». Сталинское определение подчеркивает высшую степень совершенства произведений народного творчества и объясняет, что оно создается лишь в результате длительной шлифовки их народом. Отнесение индивидуальных произведений в разряд фольклора дает оправдание для зачисления в народное творчество любого антихудожественного произведения, поскольку факт признания его народом (творческая передача его с неизбежной при этом шлифовкой) становится необязательным. Ошибочным представлением о народном творчестве и объясняется появление в ряде статей, сборников и в самих «Очерках» слабых, беспомощных во всех отношениях текстов. Зачастую приводится даже имя создателя текста, но почти никогда не говорится о широте и формах распространения этих произведений (см., например, текст «песни» К. Быковой).

Под народным творчеством, фольклором мы привыкли понимать общенациональное, т. е. ставшее достоянием всего народа, искусство. Но очень небольшое число текстов, исследуемых в «Очерках», может быть отнесено к такому искусству. Большинство же произведений, даже бесспорно фольклорных, явно не «выросло» еще из узко местной традиции. В связи с этим встает сложный вопрос об отборе народом лучших текстов, вопрос о принципах и путях формирования современного

⁴ Вопрос о новом качестве тоже не всегда понимается правильно. Так, в «Очерках» повторено распространенное заблуждение, что произведения сказителей, вообще индивидуальное творчество трудящихся, есть фольклор нового качества. Однако названные группы произведений — продукт литературного по своему типу творчества. Новые песни, частушки, пословицы, шлифуемые коллективом, в которых отразилась советская действительность, передовое мировоззрение народа, создаваемые в новой художественной форме — вот что, на наш взгляд, является фольклором нового качества, но фольклором, а не чем-то иным.

общенационального репертуара. Последний ведь не составляется из арифметической суммы местных репертуаров. К сожалению, книга не касается этой проблемы.

Посмотрим, какие же тексты привлекают внимание исследователей народного творчества. Для этого приведем лишь одно из рассуждений В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой о песне: «В новую песню нередко входят образы природы и пейзаж как действенный фактор, что усиливает эмоциональность произведения. Такова, например, картина жатвы в песне работницы К. Быковой «Алая заря облила ржаное поле»: «Скоро выйдет солнце жаркое, сгонит капельки росы». Но раньше солнца выходит на поле жница «золотисто-загорелая и румяна, как заря»⁵.— Вот и все, что сказано авторами. Но ознакомимся с полным текстом, который, кстати, озаглавлен иначе: «Ржаная полоса».

1

Словно девушка кудрявая,
Разметалась полоса,
Облила зарею алою
Золотые волосы.

3

Скоро выйдет солнце жаркое,
Сгонит капельки росы,
Что-то маленькое, яркое
Заблестит у полосы.

2

Над межой повисли локоны
Беспорядочной волной,
Сбились хвойными волокнами,
Окропленные росой.

4

Это — сильная и смелая
И румяна, как заря,
Золотисто-загорелая
Выйдет юная жнея.

5.

И в руке ее мозолистой
Серп горбатый заблестит,
Острый, жадный и напористый
Полосою побежит⁶.

Не имеет значения, работник ли автор приведенных строк или нет. Важно, что это произведение неопытного поэта ничего общего не имеет ни с народной традицией, ни вообще с народной поэзией. Утверждения же о действенности образов природы и т. п. в данном контексте поистине удивительны.

Удивляет и то, что здесь, как и в очень многих других местах книги, авторы ссылаются на печатную публикацию текста. Но мало ли какие творения псевдокрестьянских и псевдорабочих поэтов издавались «Кузинцей», рапповцами и прочими вульгаризаторскими литературными группами и группками? Нельзя вообще считать научным доказательством народности того или иного произведения ссылку на публикацию, к тому же часто единичную и непроверенную.

В «Очерках» значительное внимание уделено вопросам профессиональности и непрофессиональности искусства. С ними собственно связывается понятие фольклорности произведений. К народному творчеству, по концепции «Очерков», относится все непрофессиональное искусство, а кое-что и из искусства профессионального⁷. В связи с этим вновь приходится напомнить о решающем значении творческой шлифовки произведений искусства народом. Отношение к непрофессиональному искусству в целом, как к фольклору, неправомочно, так как противоречит понятию коллективности творчества. Нет никакого основания утверждать, что вся поистине бесконечно разнообразная и по форме, и по

⁵ «Очерки», стр. 158.

⁶ «Красные зори», Сб. песен, изд. 3-е, М.-Л., 1929.

⁷ Теоретические рассуждения по этому поводу см. в «Очерках» на стр. 37.

содержанию, и по уровню мастерства литературная продукция рабочих, колхозников, интеллигентов, в подавляющем большинстве случаев созданная на бумаге, а не устно,— что все эти произведения воспринимаются массой, совершаются ею. Такие случаи, а они, безусловно, бывают, вполне равнозначны случаям усвоения народом «профессиональных» произведений. С положениями о профессиональном и непрофессиональном искусстве связаны обращения авторов «Очерков» к литературной самодеятельности. Она действительно заслуживает пристального внимания и изучения. Многие тысячи хоров, кружков, коллективов, все многочисленные виды помощи начинающим авторам (устные и письменные консультации, конкурсы и т. п.) являются формой приближения, а частично и превращения непрофессионального мастерства в профессиональное. Уже теперь в нашей стране заложены все материальные предпосылки для повышения уровня самодеятельного искусства до уровня искусства профессионального. Но это еще только начало. Имеются все данные для заключения, что в дальнейшем противопоставление профессионального и непрофессионального искусства станет невозможным.

Говоря об условиях, необходимых для действительного перехода к коммунизму, И. В. Сталин указывает, что нужно добиться «такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»⁸. Пятый пятилетний план, наметивший частичное введение обязательного среднего образования,— первый шаг к осуществлению сталинских предначертаний. Таким образом, ненадежный, расплывчатый, исчезающий признак (профессиональное — непрофессиональное) не может быть положен в основу классификации произведений искусства.

Если по разобранным выше причинам мы считаем самостоятельные произведения сказителей, стихи, песни, поэмы рабочих, колхозников и интеллигентов формой литературного творчества, то уж нет никаких оснований зачислять в фольклор так называемые устные сказы. Все эти рассуждения о «реалистической народной прозе», о ее становлении и развитии попросту ненаучны. Так, мы читаем:

«Рассказы эти большей частью строятся как личные воспоминания о пережитом и виденном. Не каждый из них представляет законченное целое и может считаться художественным повествованием. Однако массовое зарождение этих рассказов в период революции свидетельствует о мощном процессе словесного творчества. Это первые ростки советской народной прозы, из которой впоследствии — в годы расцвета народного творчества — будет оформляться законченный, стройный реалистический устный рассказ»⁹.

Утверждения о «ростках» «советской народной прозы» и о преемственности между рассказами различных периодов истории совершенно бездоказательны. Еще более странно читать, что «устные рассказы явились основой на которой позднее, в годы расцвета советского народного творчества, вырастают монументальные эпические произведения»¹⁰. Получается, что народ живет обособленной жизнью, что нет у него ни литературы, ни кино, ни радио, или что советский фольклор может быть независим от всего этого, поскольку он развивается из себя: и

⁸ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 68—69.

⁹ «Очерки», стр. 67.

¹⁰ Там же, стр. 124. Разрядка наша.— В. Б.

«стройный реалистический рассказ» и «монументальные эпические произведения» якобы возникают из рассказов более ранних.

Подавляющее большинство записанных и опубликованных «устных рассказов» попало в блокноты собирателей из первых рук. Значит, возможность шлифовки этих рассказов коллективом исключена. Значит, они не имели самостоятельного хождения в народе. Авторы «Очерков» заявляют: сказ — фольклорное произведение, потому что он бытует в народе, а шлифуется он в процессе неоднократного повторения самим рассказчиком. Но это звучит неубедительно, и здесь опять творчество коллектива приравнено к творчеству индивидуума. Приведем пример.

В тридцатые годы, пишут А. М. Астахова и С. И. Минц, сложилось много рассказов о Чрезвычайном VIII съезде Советов, который утвердил Сталинскую Конституцию. «Таков рассказ покойного П. Е. Хинейко, бригадира завода имени Сталина в Ленинграде, бывшего делегатом съезда. Рассказ характерен тем, что выразил в простых, правдивых словах мысли и чувства народа. С этим рассказом Хинейко выступал не только у себя на заводе перед товарищами по работе, но много раз рассказывал он о Сталинской Конституции и молодежи своего завода, и работникам других промышленных предприятий Выборгской стороны. Рассказ заканчивался словами: «И как же советский народ счастливо живет по Сталинской Конституции! Что она дает? Право на труд, право на отдых, право на образование, право на лечение... Ни в одной буржуазной стране не может быть такого положения и у молодых, и у старых людей, как в нашей земле, где живет народ по Сталинской Конституции»¹¹. Итак, выступление делегата съезда — фольклор?!

Это замечательные слова, они действительно выражают мысли и чувства народа. И тем не менее по своей форме рассказ т. Хинейко не может быть причислен к устному народному творчеству и вообще считаться художественным (литературным) произведением.

Специфика художественного произведения состоит в том, что оно отражает действительность не прямо, а опосредованно, при помощи художественных образов, обобщающих, типизирующих явления жизни. Авторы «Очерков», видимо, не согласны с этим. Стбит только записать любой рассказ, как рассказавший его колхозник и рабочий уже становится в их глазах мастером «народной прозы» и даже «творцом нового эпоса». Люди, оказывается, говорят не только прозой, но еще и устными сказами, готовыми художественными произведениями! Настойчивые указания на «реализм», точность рассказов как раз и подтверждают наше мнение о том, что эти рассказы стоят вне процессов художественного творчества; они непосредственно соотносятся с действительностью, просто излагают факты.

Мы не можем, конечно, вообще отрицать в народном творчестве наличия таких прозаических жанров, как, например, бывальщина, легенда, историческое предание, рассказ легендарного характера о каком-либо историческом лице, историческом памятнике и т. п. Всем этим произведениям свойственен ряд фольклорных признаков: живое бытование в народе (или, что то же, отрыв от автора; последнее отчасти характеризуется безымянностью), наличие вариантов и т. п. По сути дела это даже один признак любого фольклорного текста, воспринятого и шлифуемого народом. Нет нужды доказывать отмирание бывальщин, легенд и тому подобных произведений, связанных со старым мировоззрением. Нет нужды доказывать и то, что распространение большинства легендарных рассказов о дореволюционной современности в царской России было во многом обусловлено темнотой народа, его неграмотностью, плохим знанием жизни внешнего мира (почти полное отсутствие газет и тому подобной информации).

¹¹ «Очерки», стр. 247—248.

В наши дни грамотные люди, обладающие передовым мировоззрением, читающие газеты, слушающие радио, в любой момент могут сопоставить слышанное с реальными фактами. Поэтому не о расцвете новых суеверных легенд и сказаний, основанных на фольклорной фантастике и вере в чудесное, надо было говорить в «Очерках». Новые по содержанию и идейным устремлениям рассказы-легенды (например, о Чапаеве) лишь продолжают старую традицию. Место подобных произведений в духовной жизни народа неизбежно, хотя и постепенно занимает действительный факт, действительное знание, газета и книга (тот же роман «Чапаев», ставший подлинно народной книгой).

Ошибка авторов «Очерков» состоит не только в том, что они преувеличивают значение сказа, но и в том, что они даже не попытались наметить границы этого необычайно пестрого, разнохарактерного жанра. Они не ответили на вопрос, как выделить сказ из многочисленных записей художественных и нехудожественных рассказов. Не разработав общего подхода к сказу, авторы и в конкретных случаях не проявили филологической чуткости, не дали ни одного примера подлинно научной критики текста (как, впрочем, и при рассмотрении других произведений).

Выше мы уже сделали попытку наметить основные признаки тех видов сказа, которые можно считать подлинными произведениями народного творчества. Во-первых, это устное в основном бытование в коллективе (отрыв от автора), шлифовка коллективом, что отличает все фольклорные жанры от жанров литературы; с этим связан момент вариативности, хотя он, разумеется, не всегда даже может быть зафиксирован; во-вторых, отражение коллективного сознания (отсюда историчность в широком смысле слова и типичность содержания в целом и отдельных образов); в-третьих, высокая художественность (здесь легче всего впасть в субъективизм, поэтому считать художественность единственным или по крайней мере основным критерием, как это подчас делалось, нельзя). Всегда надежнее объективные признаки, названные выше).

На протяжении книги, десятки раз, на все лады авторы говорят о новом советском эпосе, о творцах эпоса наших дней и т. д. и т. п. В этом также нужно разобраться — ведь мы имеем дело не с дилетантами, а с специалистами, которые знают терминологию своей науки и знают, какое значение имеет термин «эпос». Нагромождая один домысел на другой, авторы «Очерков» пытаются охарактеризовать новый советский эпос чертами особенного реализма, особенной историчности, показывают его новаторскую сущность. Но все эти качества свидетельствуют только о одном: это уже не эпос в исторически сложившемся понимании, а индивидуальное творчество, «художественное творчество в собственном смысле», как говорит Маркс¹².

«Наблюдения над русскими былинами показывают, — совершивший справедливо отмечал акад. Ю. М. Соколов, — что былины жили полно жизнью, когда творцы, создававшие и создавшие эти былины, глубоко верили в то, что описывалось в них, верили в реальное существование чудесного, в мифы, чувствовали мифическую почву эпоса. Ясно, что тогда, когда мифы, как и все старое мировоззрение народных масс, исчезли, былина не может жить с тем идейным наполнением и в той форме в которых жила»¹³.

Итак, меняется «идейное наполнение» нового эпоса, меняется его форма, коренным образом изменился процесс его создания («художественное творчество в собственном смысле» вместо бессознательного коллективного творчества). Тем не менее «...бессспорно, растет эпос, — счи-

¹² Сб. «Маркс и Энгельс об искусстве», М., 1933, стр. 45.

¹³ Ю. М. Соколов, Основные линии развития советского фольклора, «Советский фольклор», 1941, № 7, стр. 48.

тает Ю. М. Соколов, — создается новый эпос, создаются новые художественные эпические жанры»¹⁴. Эту точку зрения приняли и авторы «Очерков», в частности А. М. Астахова. Например, в предисловии к «Былинам И. Г. Рябинина-Андреева» исследовательница пишет: «Кижская волость вместе с восточной частью Прионежья — Пудожем — должны считаться наиболее значительными былинными гнездами с живой эпической традицией, в которой не прекращаются творческие процессы. Достаточно указать на то, что в Кижах, как и в Пудожье, не только сохраняется и бытует старая былина, но носителями ее создается новый, советский эпос, выросший на ее основе»¹⁵.

Для этого и для других высказываний А. М. Астаховой характерно игнорирование принципиального отличия старого эпического творчества от нового, индивидуального. В главах «Очерков» (написанных А. М. Астаховой в соавторстве с И. П. Дмитраковым и С. И. Минц), можно найти подтверждение этому. К тридцатым годам, говорится в введении, относится «формирование силами народных сказителей и сказочников (являвшихся хранителями эпического и сказочного наследия) советского героического эпоса...» (следует перечисление других жанров) ¹⁶. Между тем перенесение черт старого эпоса в повествование о современности ведет к разрыву формы и содержания. Во всех новых произведениях — в былинах, сказках, сказах, — где в новых условиях сохраняется архаика древнего русского эпоса, мы чувствуем фальшь. Это признают сами авторы.

К. Маркс писал: «...такое общественное развитие, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое требует от художника независимой от мифологии фантазии, не [могло бы] ни в коем случае [образовать почву для греческого искусства]»¹⁷. Эта глубокая мысль, имеющая непосредственное отношение к проблемам нового искусства, показывает нам, что новое искусство, если это действительно искусство, создает свою художественную систему на почве нового мировоззрения (мы не касаемся здесь проблемы классического наследия).

Нет никакого основания относить к эпосу произведения, созданные, по признанию самих «Очерков», отдельными авторами, закрепленные в первоначальной форме, распространяющиеся только печатно. Произведения, во всем подобные литературным текстам, и должны изучаться по законам литературы, а не фольклора.

В самом деле, получается странное положение: авторы утверждают, что они заняты изучением фольклорных текстов, а сами выступают перед читателем в роли «чистых» литературоведов: исследуют биографию сказителя, говорят о творческой его эволюции, объясняя эту эволюцию не только изменением общих условий, но и изменением личной судьбы самого народного поэта, его жизненными впечатлениями. Однако, поскольку такая работа ведется вслепую, без ясного представления о самом предмете исследования, фольклористы робко, буквально в единичных случаях, переходят к конкретному художественному анализу. Чаще же все ограничивается привычным сличением вариантов, поисками источников и общим разговором об идейном смысле произведения.

«Очерки» еще более запутывают дело, утверждая сначала, что удачные произведения сказителей — это новый эпос, а затем присоединяя к нему и неудачные.

«Создание поэм — одно из самых больших достижений советского творчества в области героического эпоса... Однако, представляя в целом качественно новое явление и часто значительную творческую удачу в

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева», Петрозаводск, 1948, стр. 11.

¹⁶ «Очерки», стр. 47.

¹⁷ «Маркс и Энгельс об искусстве», стр. 46. Разрядка наша.— В. Б.

художественном отношении, поэмы не всегда свободны от влияния уже устаревших эпических форм, не соответствующих новому содержанию.

В особенности это влияние сказалось в области другой разновидности современного героического эпоса тридцатых годов — в попытках разработать новый тип «былины»... Произведения эти не только слагаются, подобно поэмам, в ритмическом строе былин, но используют и другие элементы былинной поэтики — иногда даже всю композицию в целом, композицию отдельных эпизодов, а также образы и изобразительные и эмоциональные средства былины... Упорное использование элементов старого эпоса в новом неизбежно приводило в ряде случаев к разрыву между содержанием и формой, к формализму»¹⁸.

Дальше следует вывод: «Оба этих типа новых героических произведений — новый жанр поэмы, свободно использующий лучшее из классического наследия, и произведения, отталкивающиеся от старой былины, — составляют одну из основных частей современного эпоса»¹⁹. Хорош эпос, значительная часть которого заведомо тяготеет к формализму! Еще поразительнее сноска к слову «формализм», которая призывает фольклористов вести «самую решительную борьбу» «с такими проявлениями эпигонаства в народном творчестве».

Безусловно, хорошими побуждениями руководствовались авторы, когда говорили о расцвете «советского эпоса», «советской сказки», «советской волшебной сказки», — но выглядит это как неуважение и к великим, неумирающим ценностям прошлых эпох и ко всей нашей новой, социалистической культуре. Эпос есть эпос, сказка есть сказка, а замечательные поэмы, новинки, поэтические сказы одаренных творцов и эпигоны малохудожественные былины других авторов, которые, кстати, в изобилии представлены в книге, — есть произведения индивидуальные. Так и нужно относиться к ним. Период эпического творчества мигновал²⁰, его сменил новый период в художественном развитии нашего народа, дающий неизмеримо больший простор для творческих устремлений личности²¹.

Можно ли сказать, что другие жанры народного творчества, например, песня, частушка и т. п., подобно эпосу, не могут развиваться в новых условиях? Конечно, нет.

Возьмем хотя бы песню. Если сложные и обширные произведения, скажем, М. С. Крюковой, не имеют данных для традиционного устного распространения (а следовательно, и для шлифовки их коллективом), то песня, даже в пору всеобщей грамотности, легко передается с голоса. Песня по природе своей рассчитана на устное исполнение. Следовательно, текст песни должен быть удобен для исполнения и запоминания — иметь простую композицию, припев, отчасти сохранить постоянные эпитеты и другие художественные средства народной песни, помогающие легко воспроизвести ее в памяти.

¹⁸ «Очерки», стр. 311—313.

¹⁹ Там же.

²⁰ При обзоре советского фольклора авторы «Очерков», да и не только они, зачастую проводят полную аналогию между русским народным творчеством и творчеством других братских народов. Разумеется, социалистическая культура всех наций народов одна, но форма этой культуры, ее специфика, зависящая от глубоких исторических причин, может и действительно является различной. В данном случае мы говорим только о творчестве русских сказителей.

²¹ Мы не считаем нужным особо говорить о новой сказке. Доказательства в пользу того, что все эти произведения (исключая сказку бытовую) также являются произведениями личного творчества, т. е. литературными, — аналогичны. (Вспомним хотя бы аллегорию Е. И. Сорокинова-Магая «Богатырь и Орел», где, в отличие от традиционного образа В. И. Ленина, автор рисует «красивого юношу»).

Отрывы формы от содержания, исчезновение веры в чудесное, на которой основана сказка, и т. д., — все это делает невозможным ее реальное бытование. Понятно, что новые произведения, созданные по типу сказок, совершенно не вошли в устную традицию, а лучшие из них распространяются печатно.

Плохая песня вообще не будет петься. Хорошая же, имеющая некоторые недостатки, зачастую на ходу исправляется, совершенствуется исполнителями. Разумеется, широкое распространение печатных текстов уменьшает эту возможность, но не ликвидирует. Вот почему поэты-песенники в своем творчестве особенно легко усваивают народные традиции и сами в свою очередь обогащают советский фольклор. Песня — живой жанр народного творчества, который действительно необыкновенно развился в наши дни. То же самое можно сказать и о частушке, возникшей сравнительно недавно и нисколько не потерявшей своей жизнеспособности.

Специфические особенности общественных явлений, учит товарищ Сталин, «более всего важны для науки»²². Но именно внимания к специфике народного творчества и не проявили исследователи. В большинстве случаев книга ограничивается пересказом текстов. Почти никакого анализа художественных особенностей произведений не дано.

Неясность в определении предмета науки ведет и к неясности в практической деятельности фольклористов и работников культурно-просветительных учреждений. Ведь если стать на точку зрения авторов книги, то окажется, что мы, фольклористы, можем быть только пассивными регистраторами явлений, потому что нельзя непосредственно воздействовать на творца фольклора — народ. Если же мы признаем, что массовое творчество трудящихся есть творчество индивидуальное, то в каждом данном случае мы имеем возможность выступить не только в роли исследователя, но и в роли критика, оказать прямую помощь автору-непрофессионалу, направить его искания по правильному руслу. Конечно, «Очерки» не декларируют отрыва от практики. В тексте книги мы найдем много хороших слов о необходимости вторгаться в жизнь, например, «призыв бороться с формализмом в эпосе». Но ясно, что эти слова никак не вытекают из теоретических позиций авторов.

Остановимся еще на опыте периодизации народного творчества советской эпохи. Он также представляется нам неудовлетворительным. Слишком дробное деление заставляет мельчить проблемы, суживать, обеднять идейное и художественное значение произведений и отдельных образов, прикрепляя их к вполне определенным, хронологически точно устанавливаемым фактам и событиям. Объективно это ведет к повторению ошибок исторической школы. Между тем подлинные творения народа, постоянно совершенствуемые им, имеют долгую жизнь. В каждый данный отрезок времени они удовлетворяют современные запросы, творчески перерабатываются, переосмысяются и до некоторой степени могут считаться порождением современности.

В настоящей статье мы касаемся только двух основных вопросов, именно: предмета и метода советской науки о народном творчестве. Нужно сказать, что «Очерки» не ответили на эти вопросы. Теоретически авторы не решили, что такое народное творчество советской эпохи. Они не показали ни практически, ни теоретически, как нужно исследовать. Вот почему, книга, содержащая богатый, частью новый материал, книга, в основном верно объясняющая отдельные факты, не явилась новым словом в науке о народном творчестве, не смогла стать вровень с высокими требованиями нашего времени.

* * *

Подведем некоторые итоги. Авторы «Очерков» собрали обширный материал, объединив произведения фольклора с произведениями литературного типа. Первая группа произведений определяется следующими основными чертами: коллективностью создания, что проявляется в не-

²² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкоznания, Госполитиздат, 1950, стр. 35.

прерывном совершенствовании текста при его бытовании; отсюда появление вариантов, устной по преимуществу формы бытования, чему не мешает наличие текстов, закрепленных письмом; устная форма — нормальная форма существования фольклорных произведений, наиболее способствующая процессу шлифовки текста²³. При общем идейном содержании, определяющемся советской действительностью, передовым мировоззрением нового советского человека, вторая группа произведений имеет свои специфические особенности. Ко второй группе мы относим произведения массового творчества трудящихся — стихи, песни, поэмы, рассказы, новины, стихотворные сказы и т. п., создаваемые в самых разнообразных художественных традициях, как правило, в письменной форме, не бытующие устно. Эти произведения попадают в стенгазеты, в местные издания (например, районные, городские, заводские, газеты и т. п.), сохраняются в тетрадях, дневниках, альбомах и т. п.; в процессе овладения художественным мастерством многие талантливые авторы поднимаются до создания больших, обобщающих действительность произведений, становятся вровень с профессиональным искусством и в этих случаях обычно профессионализируются. Массовый характер этого творчества свидетельствует о возросшем культурном уровне советского народа, о большом духовном подъеме народа, о благоприятных объективных условиях для творчества, созданных в нашей стране. Это обеспечивает также приход в советскую литературу все новых и новых дарований, обеспечивает расцвет советской литературы.

Нелепо было бы рассуждать, следует ли фольклористике собирать и изучать произведения массового творчества трудящихся: вопрос этот давно и положительно решен самой практикой. Но, поскольку мы различаем в настоящее время две названные группы, обладающие своей спецификой, фольклористам необходимо осознать, что литературные и фольклорные тексты и надо изучать как литературные и как фольклорные. Следовательно, на данном этапе, при всей схожести литературы и фольклора как проявлений единого словесного искусства, в советской фольклористике не может быть унифицированного метода исследования.

Советская наука о творчестве народа выросла в борьбе с многочисленными школами и школками либерально-буржуазной науки. Фольклор, как воплощение чаяний и ожиданий народных, как рассказ о действительной жизни и борьбе народа, фольклор, как совершенное художественное создание коллектива,—таков круг вопросов, решаемых, но еще во многом не решенных советской фольклористикой. Партия указывает нам конкретные пути работы: исследование произведения в его идейно-художественном единстве, в конкретных исторических рамках; анализ языка, как основы национальной формы социалистического языка; содержанию произведения (речь идет о советском периоде); разрешение проблемы типического в народном творчестве; взаимообогащение литературы и фольклора; проблема сатиры в фольклоре; действенности народного искусства и т. д. и т. п. В связи с тем, что массовое творчество по своей форме творчество литературное, фольклористы в тесном содружестве со всеми литературоведами должны разработать соответствующие литературоведческие методы исследования этого творчества. К сожалению, здесь пока еще ничего не сделано. Жизнь обогнала фольклористов. Как серьезное предупреждение о неблагополучии в теории народного творчества следует рассматривать и неуспех «Очерков».

²³ Б. Н. Путилов в статье «Об основных признаках народного поэтического творчества» («Ученые записки Грозненского Гос. Педагогического ин-та», 1952, № 7) совершенно верно отмечает этот момент.

А. И. ПЕРШИЦ

О «ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

(*К вопросу о периодизации истории первобытного общества*)

Одним из характерных проявлений животворного влияния работ товарища И. В. Сталина на развитие советской науки является дискуссия о периодизации первобытной истории, развернувшаяся в последние годы на страницах «Советской этнографии». Замечательный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания», открывший новый этап в развитии творческого марксизма, мобилизовал советских исследователей к пересмотру ряда «привычных» положений первобытной истории, и в частности, периодизации Моргана, которую, по выражению С. П. Толстова, многие начетчики и талмудисты от археологии и этнографии объявляли неприкосновенной, не подлежащей какой бы то ни было попытке критического пересмотра¹.

Основы новой периодизации истории первобытного общества, сформулированные М. О. Косвеном, включают: 1) эпоху первобытного стада и 2) эпоху родового строя, распадающуюся на периоды матриархата (раннего и развитого) и патриархата². Такое членение, основанное на соответствующих высказываниях Ленина и Сталина и выразительно передающее сущность родового строя на различных этапах его развития, несомненно правильно. Можно только пожелать, чтобы в характеристике матриархального и патриархального периодов была четче отражена доминирующая роль рода в раннем матриархате и племени в развитом матриархате и патриархате, что стоит в непосредственной связи с указанием товарища Сталина о развитии «от языков родовых к языкам племенным...»³

В приведенной новой периодизации остается открытым вопрос о так называемой «военной демократии». М. О. Косвен, характеризуя этап разложения родового строя, отмечает:

«Охарактеризованный этап либо выделяется в качестве особого, последнего периода первобытной истории, либо считается переходным периодом от первобытно-общинного строя к классовому и обозначается предложенным в свое время Морганом термином «военная демократия». Возникают вопросы: а) надлежит ли данный этап выделять в качестве особой эпохи (периода) первобытной истории и вводить его тогда в основную периодизацию; б) каковы в таком случае основания наступления данного этапа и какова его археологическая датировка; в) не следует ли считать данный этап переходным; г) следует ли вообще так или иначе выделять данный этап и не следует ли его разуметь в общем

¹ См. С. П. Толстов, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания», «Советская этнография», 1951, № 3.

² М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Советская этнография», 1952, № 3.

³ И. Стalin, Марксизм и вопросы языкоизнания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

понятия патриархата; д) следует ли при том или ином решении вопроса пользоваться термином «военная демократия»⁴.

При решении поставленных вопросов исходным несомненно является вопрос об основаниях наступления этапа «военной демократии», этапа разложения родового строя и становления классовых отношений. Ответ на этот вопрос содержится в гениальных трудах И. В. Сталина «Оialectическом и историческом материализме» и «Экономические проблемы социализма в СССР», где с исчерпывающей ясностью сформулирован закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

«При первобытно-общинном строе,— указывает товарищ Сталин,— основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку...

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своём распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих...»⁵.

Таково конкретное выражение закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил при первобытно-общинном строе и при первом классовом строе — рабовладельческом. Общинно-родовые отношения соответствуют каменным орудиям, луку и стрелам, нищенскому примитивному хозяйству; классовые рабовладельческие отношения соответствуют металлическим орудиям, развитию скотоводства, земледелия, ремесла, обмена. Эту же мысль товарищ Сталин не менее ясно проводит в другом месте: «Когда некоторые члены первобытно-общинного общества постепенно и ощущую переходили от каменных орудий к железным орудиям, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким **общественным** результатам приведет это новшество, они не понимали и не сознавали того, что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что он приведет в конце концов к рабовладельческому строю...»⁶.

Итак, развитие производственных отношений определяется развитием производительных сил, прежде всего развитием орудий производства. Хорошо известно, что металлические орудия производства появляются уже в эпоху родового строя, в период патриархата. Но применение металлических орудий, связанное с огромным подъемом всей хозяйственной деятельности родовой общины, создает противоречие со старыми общинно-родовыми отношениями, соответствующими каменным орудиям, луку и стрелам. Производственные отношения «начинают стареть и впадать в противоречие с дальнейшим развитием производительных сил, они начинают терять роль главного двигателя производительных сил и пре-

⁴ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 156; ср. его же, Основные проблемы истории первобытного общества и их положение в советской науке (тезисы доклада), Институт этнографии АН СССР, Этнографическое совещание, январь-февраль 1951 г.

⁵ И. Сталин, О dialectическом и историческом материализме, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 594.

⁶ Там же, стр. 599.

вращаются в их тормоз. Тогда на место таких производственных отношений, ставших уже старыми, появляются новые производственные отношения, роль которых состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил»⁷.

Вот в этом противоречии и заключается, по нашему мнению, основное содержание этапа разложения родового строя, этапа «военной демократии». Главное основание наступления этого этапа (и одновременно — его археологическая датировка) — появление металла, неразрывно связанное с ростом земледелия, скотоводства, ремесла, обмена, военной техники, с появлением прибавочного продукта. Археологически — это палеометаллический период или же раннее железо: в зависимости от места, от конкретной истории того или иного народа.

Второй по значению вопрос, поставленный М. О. Косвеном, — о месте «военной демократии» в новой периодизации. Этот вопрос решается самим содержанием интересующего нас этапа. Никто, повидимому, не сомневается в том, что «военная демократия» — это этап разложения родового строя и складывания классовых отношений, разложения одной формации и складывания элементов другой формации. Известно вместе с тем, что «Третья особенность производства состоит в том, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя...»⁸. В свете этого сталинского указания сам собой отпадает вопрос о «военной демократии» как особой переходной эпохе, лежащей между первобытно-общинным и рабовладельческим строем. Процесс разложения родовых отношений и складывания отношений классовых наступает не после исчезновения старого строя, а происходит в недрах старого строя. Стало быть, «военная демократия» составляет определенный период в общей истории, ее последний период. Но следует ли тогда выделять этап «военной демократии» в качестве особого периода, не совпадает ли этот этап с патриархатом в целом? Нам думается, что подобное отождествление было бы неверным. Конечно, весь период патриархата является временем постепенного разложения родового строя; такие моменты, как усложнение структуры рода, патриархальная семейная община и т. п., уже сами по себе являются отходом от последовательного принципа родового единства и родового колlettivизма. Однако последний этап патриархата, ознаменованный появлением металла, важнейшими экономическими сдвигами и быстрым, бурным распадом родового строя, представляет особую яркую специфику. Эта специфика достаточно хорошо показана в статье М. О. Косвена⁹. Вполне очевидно, что качественное различие между двумя этапами патриархата резче и принципиальнее, чем между ранним и развитым патриархатом. Следовательно, имеются все основания для того, чтобы выделить этап «военной демократии» как особый, второй этап периода патриархата (различать, например, патриархат ранний и развитый). В этом случае термин «военная демократия» возвращается к своему первоначальному значению — наименованию только формы правления, политической надстройки развитого патриархата.

Здесь мы подошли к последнему вопросу — о приемлемости самого термина «военная демократия». В последнее время с ним обращаются чрезвычайно осторожно: его не принимают, но его и не отбрасывают. Так, например, И. И. Потехин считает сочетание слов «военная демократия» необычным и искусственным, но в то же время признает, что в этом сочетании заложено крайне существенное рациональное зерно,

⁷ И. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 62.

⁸ И. Стalin, О диалектическом и историческом материализме, стр. 598.

⁹ М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, стр. 156.

что термин этот схватывает своеобразие общественной власти переходной эпохи¹⁰. Нам совершенно непонятно, по каким причинам подвергается сомнению правомерность термина «военная демократия», безоговорочно принятого Марксом и Энгельсом и широко употребляемого в советской научной литературе — этнографической, археологической, собственно исторической. Искусственность, конечно, не причина, так как едва ли не большинство научных терминов искусственно и условно. А между тем И. И. Потехин совершенно прав, когда отмечает, что термин «военная демократия» схватывает своеобразие общественной власти переходной эпохи. Это своеобразие превосходно передано Энгельсом: «Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹¹. И дальше: «Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников... Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фракции, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹². В этой же работе Энгельс цитирует выдержку из Маркса конспекта книги Л. Моргана «Древнее общество»: «...слово *basileia*, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской так называемой царской власти, при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания, означает только военную демократию (потому что главный отличительный признак этой власти — военное предводительство)» (Маркс)¹³.

Так Маркс и Энгельс объясняют, почему к форме общественной власти в период распада родового строя применим термин «военная демократия». Мы не видим причин, по которым советские историки должны отказаться от этого термина, столь выразительно характеризующего политическую надстройку развитого патриархата.

¹⁰ См. И. И. Потехин, Военная демократия матабеле, сб. «Родовое общество», Труды Института этнографии АН СССР, т. XIV, М., 1951, стр. 235.

¹¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 169.

¹² Там же, стр. 170.

¹³ Там же, стр. 109.

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ С. А. СЕМЕНОВА

«О СЛОЖЕНИИ ЗАЩИТНОГО АППАРАТА ГЛАЗ МОНГОЛЬСКОГО РАСОВОГО ТИПА»

Редакцией журнала «Советская этнография» получен ряд откликов на статью С. А. Семенова «О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа», опубликованную в № 4 журнала за 1951 г. (стр. 156—179). Все эти отклики отмечают заслуги автора в разработке актуальной и сложной проблемы возникновения расовых особенностей у человека и призывают к дальнейшему развертыванию антропологических исследований в этом направлении. Так, работники Астраханского педагогического института — заведующий кафедрой всеобщей истории доцент В. Семенов и старший преподаватель основ марксизма-ленинизма Г. Стойкин пишут:

«Работа С. А. Семенова «О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа» представляет большой научный и общественно-политический интерес. Дело в том, что всего каких-нибудь 15 лет назад Я. Я. Рогинский, которому принадлежат ценные работы в науке о расах, в статье «Проблема происхождения монгольского расового типа» («Антропологический журнал», 1937, № 2, стр. 60) писал: «Вопрос о том, какие факторы вообще содействовали дифференциации человечества на большие расы и, в частности, привели к образованию монгольского расового типа, вряд ли разрешим на уровне современного знания». С появлением талантливого исследования С. А. Семенова, проявившего всестороннюю эрудицию в сочетании с творческой новаторской смелостью мысли, сделан первый почин в деле раскрытия этих факторов, в деле подлинно научной, материалистической разработки проблем расогенеза.

Советская антропология должна подхватить этот ценный почин: продолжить, развить и углубить материалистическое исследование проблемы происхождения рас, наносящее сокрушительный удар по человеконенавистническим расистским лжетеориям фашистующих американо-английских мракобесов».

Ниже публикуется часть полученных редакцией писем.

«Ценное исследование

(По поводу статьи С. А. Семенова)

В разделе «Дискуссии и обсуждения» журнала «Советская этнография» (№ 4 за 1951 г.) опубликована статья С. А. Семенова: «О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа». Несмотря на специальное название, статья посвящена весьма обширной актуальной теме. Речь в статье идет по существу о причинах образования расовых типов вообще и монголоидного расового типа в частности.

С. А. Семенов, как советский археолог, разработал свою тему в плане решения большой актуальной проблемы истории первобытного общества — первоначального расселения людей.

Марксистский диалектический метод обязывает решать отдельные вопросы, исходя из общей задачи. Так, например, Ленин и Сталин такой сложный для России вопрос, как национальный, ставили и решали, исходя из общей задачи раскрепощения трудящихся, демократизации страны и пролетарской революции. Автор статьи при решении сложнейшего вопроса первобытной истории занял правильную методологическую позицию, которая изложена в первом разделе статьи.

1. С. А. Семенов справедливо замечает: «проблема расогенеза принадлежит к числу наиболее спорных, наименее изученных. Пользуясь этим, сторонники реакционных расистских концепций стремятся превратить ее в идеологическое оружие империалистической политики» (стр. 156). Вопросы расогенеза рассматриваются автором в связи с процессом антропогенеза в целом: расогенез есть часть единого процесса антропогенеза. Как известно, фактором, определившим антропогенез, был трудовой процесс, который начался с изготовления орудий. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится: «...вместе с изменением и развитием орудий производства изменялись и развивались люди, как важнейший элемент производительных сил». Это основное для темы марксистское положение сформулировано С. А. Семеновым чрезвычайно четко. Далее в статье читаем: «Наряду с этими общими для всего человечества изменениями и качествами, в результате длительной борьбы с природой в разных географических и климатических условиях возникли и специальные особенности, которые мы называем расовыми. Они были необходимы для существования и дальнейшего развития. Без них человечество не могло бы заселить различные области и зоны земного шара и размножаться там при низком уровне производительных сил и культуры, с которым оно начало это заселение» (стр. 157). Итак, С. А. Семенов весьма четко ставит вопрос о том, что определившим расогенез фактором были естественно-географические условия. Рассмотрим, как автор обосновывает свой тезис конкретным материалом.

2. С. А. Семенов говорит здесь об основных особенностях в строении верхней части лица монголоида. К сожалению, автор вынужден ограничивать себя сравнительным описанием только глаза. Исключены из рассмотрения уплощенность лица, характерная для монголоидов, несколько уплощенный по сравнению с европеоидами нос, строение лба, волосяной покров и т. д. Но, возможно, прав в данном случае и автор, выделив лишь необходимый минимум для подкрепления своего тезиса, требовавшего в силу своей новизны особо полного и ясного доказательства. Для этой цели защитный аппарат глаз, как его называет автор, был достаточен. Каковы же характерные особенности этого глаза? Как известно, основная особенность монголоидного глаза — узкая глазная щель, образующаяся благодаря нависшему верхнему веку и эпикантусу, или складке, закрывающей внутренний угол глаза с его слезным бугорком. Оба века, особенно верхнее, в силу своей массивности, имеют «тяжелый набухший вид» (стр. 159). С. А. Семенов правильно подчеркивает, что эти особенности мягких покровных тканей «монголоидного глаза соответствуют и строению лицевых и черепных костей» (стр. 160). Рельеф черепа определяет особенности мягких тканей на нем. Благодаря исследованиям археолога-скульптора М. М. Герасимова, найдена теперь основная закономерность зависимости между мягкими тканями лица и соответствующими черепными костями.

3. Если «характерное строение монгольского глаза возникло как защитная реакция этого жизненно важного органа в борьбе за существование человеческого общества с окружающей природой» (стр. 162), то в чем же заключаются особенности этой природы? С. А. Семенов извлек из трудов наших географов и путешественников богатый убедительный материал, характеризующий особенности климата области распространения монголоидной расы. Так, например, центр мирового

максимума атмосферных давлений лежит в Монголии, а также и в Западном Китае, амплитуда годовых колебаний крайних температур достигает 90—95°, а суточной — 25—30°. Все это оказывает исключительное влияние на интенсивность циркуляции воздуха. Кроме того, Центральная Азия является также центром так называемого оптического контраста воздуха и отраженной радиации, которые особенно перегружают зрение монголоидов и обусловливают интенсивную работу защитных аппаратов глаза.

4. Точка зрения о том, что постоянно действующие суровые естественные географические факторы обусловили соответствующий защитный аппарат глаза, приобретает еще более убедительную форму, когда С. А. Семенов привлекает этнографический материал и приводит сведения о болезни глаз, менее приспособленных к суровым условиям природы Центральной Азии. С. А. Семенов подробно останавливается на так называемых снежных очках, широко применяемых в Северной Азии как средство дополнительной защиты глаз от отраженной радиации. Назначение и форма этих очков убеждают читателя в том, что узкая расщелина и чуть скошенный разрез монголоидного глаза образовались в течение длинного ряда столетий как реакция организма на внешнее воздействие.

Необходимо напомнить, что передовая мичуринская биологическая наука показала наследование приобретенных под воздействием среды признаков. В этой связи можно думать, что расовые особенности могли закрепиться относительно быстро и оказаться устойчивыми, как защитная реакция. Небезинтересно отметить, что среди раскольников, сосланных в Сибирь в XVII в., стали встречаться лица с заметными чертами монголоидности. Хотя русское население часто смешивалось с местным, но едва ли это распространяется на староверов, живших до революции очень изолированно от окружающего населения. Возможно, это указывает на некоторую изменчивость черт лица прошлого населения Сибири.

Разделы 5 и 6 посвящены истории в широком смысле. С. А. Семенов дает весьма интересную сводку сведений не только по палеолиту и палеантропологии, но и палеогеографии. Все эти данные действительно указывают на время и место образования исследуемых автором расовых признаков. В результате С. А. Семенов приходит к выводу о том, что основные физические признаки трех больших рас образовались во вторую половину ледникового периода в основном в тех же географических пределах, где они распространены в настоящее время. На основании археологических данных С. А. Семенов утверждает, что в начале современной геологической эпохи уже сформировался монголоидный физический тип.

7. С. А. Семенов пишет, что Южная Африка по ряду существенных физико-географических черт приближается к Центральной Азии, что ее относят к северокитайскому климатическому типу. Поэтому население Южной Африки — бушмены и готтентоты — имеют черты монголоидности, как и население Северного Китая. К сожалению, С. А. Семенов, говоря о защитном аппарате глаз, не обратил внимания на ресницы и брови, которые у монголоидов реже, чем у европеоидов, в то время как они должны быть как будто гуще. Было бы желательно, чтобы С. А. Семенов расширил круг своего исследования и рассмотрел верхнюю часть лица монголоидов в целом, волосяной покров и т. д.

С. А. Семенов, сузив тему своего исследования, сумел в пределах небольшой статьи (23 стр.) четко поставить и правильно решить большой актуальный вопрос. Естественно, как всякий новый шаг, это исследование не свободно от недостатков в плане хотя бы упомянутых выше. Лишь изучение комплекса признаков расового типа в целом должно окончательно закрепить в науке точку зрения автора, а остальные примеры, удачно, как в данном случае, взятые из комплекса, служат нача-

лом нового и хорошего исследования, которое должно быть всячески поддержано. Таков отклик рядового советского читателя на статью, которая привлекла его внимание своей свежестью и актуальностью.

Э. Р. Рыгдылыны

«В редакцию журнала «Советская этнография»

С большим интересом прочитал напечатанную в № 4 вашего журнала за 1951 г. в отделе «Дискуссии и обсуждения» статью С. А. Семенова «() сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа». Думаю, что редакция правильно сделала, напечатав эту статью. Не будучи специалистом-антропологом, я не могу оценить многих аргументов автора, но в целом статья и ее конечные выводы мне представляются убедительными.

Н. Н. Чебоксаров в сборнике «Происхождение человека и древнее расселение человечества»¹ правильно указывает, что лженаучные теории вейсманизма долгое время мешали советским ученым поставить вопрос о приспособительном характере многих антропологических признаков. Статья С. А. Семенова показывает, каких интересных и плодотворных результатов могут добиться советские исследователи после разоблачения буржуазного вейсманизма.

П. Борисковский

«В редакцию журнала «Советская этнография»

Напечатанная в дискуссионном порядке статья С. А. Семенова «О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа» (№ 4 за 1951 г.) должна обратить на себя внимание как антропологов, так и историков доклассового общества, интересующихся вопросами расогенеза.

Проблема эта является очень трудной и сложной, так как требует научного объяснения разнообразных расовых признаков, характерных для представителей каждой данной расовой группы. А такое объяснение требует рассмотрения каждого из этих признаков в отдельности. Рост, цвет кожи, форма черепа, внешний облик лица, форма глаз и прочее — все эти признаки, характерные для данной расы, могут быть поняты только в результате тщательного исследования. Указанная статья и берет один из характерных признаков монгольского расового типа, а именно — «характерные для монгольского глаза набухшее верхнее веко, эпикантус и узкую глазную щель».

Автор твердо придерживается основного принципа Маркса об изменении человеком внешней природы, в результате чего происходит изменение человеческой природы, и мичуринского учения о роли внешней среды в процессе изменения организмов. Руководясь общими идеями материалистического учения Маркса, автор дает тончайший анализ сложения защитного аппарата глаз у монголов, опираясь на данные географии центральных частей Азии, включая Монголию, где как раз и были внешние условия образования монгольского глаза, а также на данные анатомии и физиологии глазного яблока. Анализ сложения характерных особенностей монгольского глаза довольно убедительно разъясняет причины этого сложения и намечает тот путь, которым должно идти изучение расогенеза.

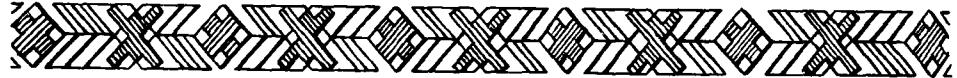
Приветствую статью С. А. Семенова и желаю, чтобы на нее обратили скучное внимание ученые, занятые выяснением проблем расогенеза.

Кандидат философских наук Н. Андреев.

¹ Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1951.

К сожалению, специалисты-антропологи не выступили еще в печати по затронутым в статье С. А. Семенова вопросам и не приняли участия в дискуссии, открытой журналом опубликованной статьей. Редакция считает, что совершенно недостаточная разработка вопросов расогенеза в антропологической науке и актуальность темы обязывают советских антропологов к участию в их обсуждении, и выражает надежду, что дискуссия будет продолжена.

Редакция

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Ю. Ф. ХОХОЛ

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ ЧЕРНОВИЦКОЙ И СТАНИСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ УССР *

Мастера резьбы по дереву горных районов Черновицкой и Станиславской областей создают замечательные произведения искусства, используя богатое наследие прошлого и вводя новую тематику в разрабатываемые орнаменты. Почти в каждой гуцульской хате можно найти утварь, украшенную резьбой. Издавна славился мастерами резьбы по дереву село (ныне город) Яворов — родина известного всему Прикарпатью талантливого резчика Юрия Шкрибляка, как и многих украинских мастеров-резчиков. Работы Ю. Шкрибляка распространялись по селам и, естественно, оказывали влияние на дальнейшее развитие этого вида народного творчества.

Изделия Ю. Шкрибляка украшены в большинстве случаев геометрической клинообразной резьбой. В орнаменте встречаются мотивы, которые были известны и в более ранние времена. Это показывает, что он развивал традиции, выработанные на протяжении столетий украинскими народными мастерами.

Последующие мастера вводили в художественную резьбу по дереву новые элементы. Так, в деревне Рички (около Яворова) мастер Марко Мегеденюк начал применять инкрустационную резьбу с введением бисера.

В 1904—1905 гг. в г. Выжнице была организована школа резьбы по дереву. Основателем и первым преподавателем этой школы был Василий Шкрибляк (сын Ю. Шкрибляка). С 1905 г. Выжницкой школой резчиков руководил мастер-самоучка Василий Девдюк. В 1918 г., когда по р. Черемош прошла граница между Польшей и Румынией, Девдюк покинул Выжницкую школу и остался жить в г. Косове, где создал новую школу. За двадцать лет существования Косовской школы В. Девдюк обучил искусству резьбы по дереву около ста человек.

Однако в условиях капитализма народное искусство не могло получить нормального развития. Основными заказчиками и покупателями резных изделий были случайные туристы и аристократия. Предприниматели, эксплуатировавшие народных мастеров, старались навязать им, в интересах сбыта, мещанский вкус городской буржуазии, что вело к упадку творческих традиций и национальных стилевых особенностей украинского орнамента.

В сентябре 1939 г., после воссоединения украинских земель в едином социалистическом государстве, начался новый этап в развитии Косовской школы резчиков. Руководствуясь указаниями Коммунистической партии и Советского правительства о развитии национального искусства и подготовке высококвалифицированных мастеров, школа в г. Косове перестроила свою работу.

Выжницкая школа в это время властила жалкое существование. Румынские бояре, жестоко эксплуатировавшие украинский трудовой народ, совершенно не интересовались народным искусством. В 1930-х годах Выжницкая школа готовила только квалифицированных столяров. Возрождение ее началось в 1940 г. с приходом на Буковину Советской власти. Но в 1941 г. в связи с временной оккупацией Украины немецко-фашистскими захватчиками деятельность школ прекратилась. Она восстановила свою работу в 1944 г. В настоящее время мастеров резьбы по дереву в западных областях Украины, помимо школ в г. Выжнице Черновицкой области и в г. Косове Станиславской области, готовят специально созданные цехи при художественных ремесленных училищах. Под руководством квалифицированных преподавателей коллектива

* Настоящее сообщение основано на материалах, собранных автором на месте в 1949—1951 гг.

учащихся осваивают новые методы, разрабатывают новые орнаменты, отражающие социалистическую действительность.

Так, коллектив учащихся ремесленного художественного училища № 5 в г. Черновиц, под руководством мастера Т. П. Герцика работает над созданием инкрустационного портрета из дерева. К XXX годовщине ВЛКСМ в 1948 г. Т. П. Герциком и его учениками был исполнен портрет Н. С. Хрущева в инкрустации, с применением 12 натуральных пород дерева. К X годовщине воссоединения Украины коллектив учащихся этого училища изготовил портрет «И. В. Сталин у карты Украины». Учащимися этого же училища были созданы портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина. Выполнение работ такого рода показывает, что училище готовит хороших мастеров резьбы по дереву, свободно и умело владеющих как техникой резьбы, так и композиционными приемами.

В послевоенные годы Косовская и Выжницкая школы резчиков по дереву много работают над созданием инкрустационной высокожудоственной мебели. И упорный, настойчивый труд дает свои результаты. Отмечая 70-летие со дня рождения вождя всех народов И. В. Сталина, мастера резьбы по дереву г. Косова прислали в подарок своему вождю обстановку рабочего кабинета. Вся мебель сделана на высоком художественном уровне с применением клинообразной и инкрустационной резьбы.

Так благодаря победе Советской власти гуцулы получили возможность совершенствовать свое традиционное народное искусство, которое в условиях капитализмашло к полному упадку.

* * *

В Прикарпатье встречается клинообразная и плоскорельефная геометрическая резьба.

В клинообразной резьбе рисунок состоит главным образом из сочетания фигур, ограниченных прямыми и циркульными линиями (треугольники, четырехугольники, круги и т. д.), врезанными внутрь поверхности (рис. 1).

В плоскорельефной двухплановой резьбе прямолинейный или криволинейный орнамент отличается мелким плоскостным рельефом. Такая резьба применяется по большей части для украшения мебели, для оформления архитектурных деталей, для отделки местных декоративных изделий. Иногда такую резьбу раскрашивают, и тогда она получается более нарядной.

Большой интерес представляет плоскорельефная резьба, имитированная под черное дерево. Четкий симметричный рисунок черного цвета хорошо сочетается с желтоватым фоном второго плана (рис. 2).

Наряду с традиционным геометрическим орнаментом в резьбе иногда встречаются и растительные мотивы, аналогичные тем, которые характерны для украинской надднепровской и русской резьбы. Так, нами отмечена плоскорельефная резьба, напоминающая резьбу кудринского промысла (под Москвой). По технике выполнения кудринская резьба несколько похожа на плоскорельефную резьбу с завальным фоном. Нанесенный на плоскость рисунок вырезают контуром по всем линиям, отчего получается мелкий плоскостной рельеф. Композиция рисунка симметричная с ветвевобразным расположением изгибов, напоминающим растения и птицы. Такую резьбу полируют (рис. 3). Описанный вид резьбы встречается на Буковине довольно редко, поэтому нужно полагать, что он был занесен из северных областей Европейской части СССР.

Иногда в вырезанные желобки (линии) втирают уголь. Таким образом получают рисунок с черными линиями на светлом фоне дерева.

Материалом для резьбы обычно служит явор (отсюда и название центра резьбы в Станиславской области Яворов). Из долговечных материалов применяются бук и дуб. Как строительный материал используют сосну и ель (смerek, яльца).

С возникновением инкрустационной резьбы начали сочетать цветные породы дерева, например: грушу, сливу, яблоню, которые дают красный цвет.

Груша очень распространена в диком и культурном виде в предгорьях Карпат. Благодаря приятному цвету и исключительной пластичности грушевое дерево высоко ценится резчиками. Однако твердость и некоторая хрупкость груши требуют особого внимания при работе.

Широко применяют клен, имеющий белый цвет. Клен отличается компактным строением; мелкие волокна и значительная твердость этого дерева дают возможность изготавливать из него тончайшие детали с очень четким рисунком.

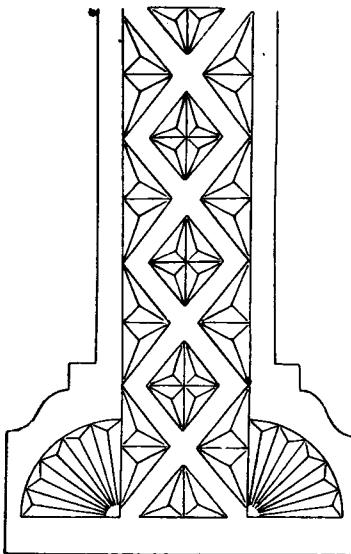

Рис. 1. Образец геометрической клинообразной резьбы; Северная Буковина

В качестве черного материала используют мореную грушу. Иногда применяют морене с пигментом и таким образом получают синие и другие инкрустационные вставки. При инкрустационной резьбе, кроме деревянных частей, вводят и другие

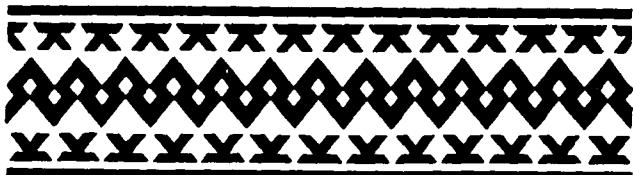
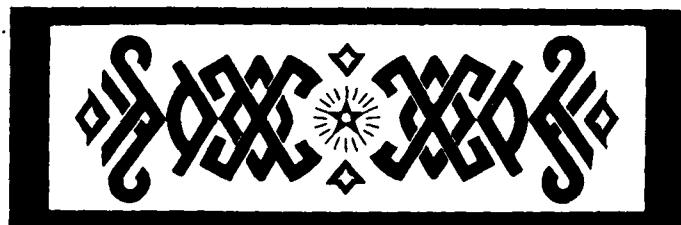

Рис. 2. Плоскорельефная двухплановая резьба на деревянной березовой шкатулке (имитация под черное дерево); г. Черновицы

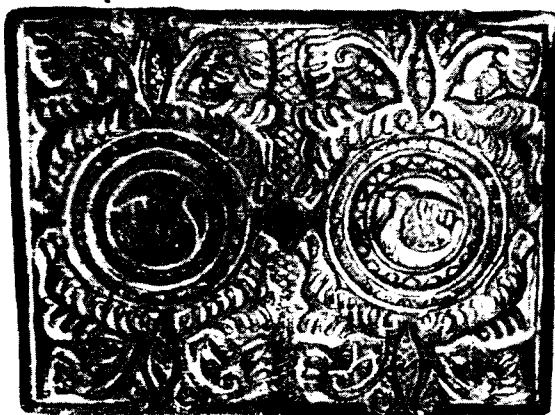

Рис. 3. Плоскорельефная контурная резьба на шкатулке; г. Черновицы

материалы. Часто применяют бараний рог, который дает черный цвет. Для подковок и других деталей употребляют металлические вставки из латуни. Желтоватые вставки делают из медвежьей, а иногда и из слоновой кости.

Еще со второй половины XIX в. резчики начали использовать для инкрустации бисер и перламутр. Бисер применяют стеклянный и фарфоровый, преимущественно белого и голубого цвета, а последнее время пытаются вводить и красный.

Используется для резьбы также и привозный материал, в частности карельская береза, имеющая очень красивую текстуру, и красное дерево.

Для разметки рисунка и выполнения самой резьбы резчики пользуются различными инструментами. Рисунок размечают обычно при помощи линейки, угольника, циркуля и других чертежных принадлежностей. Простые геометрические орнаменты вычертывают непосредственно на поверхности дерева. Криволинейный орнамент сложного рисунка вычертывают предварительно на бумаге, затем тонкой иглой прокалывают в ней отверстия по контуру рисунка и, наложив на дерево, посыпают угольным порошком. Когда снимают бумагу, на дереве остается рисунок из точек, который прорисовывается карандашом.

Основной инструмент, применяемый для резьбы,—резак. Он представляет собой стальную стамеску, отточенную под углом 15—20°, со снятыми фасками по широкой части. Для выполнения геометрической резьбы применяют еще полукруглые стамески или долота различных размеров. При грубой обработке дерева употребляют деревянный молоток —киянку. Плоскорельефную резьбу выполняют набором стамесок специального профиля.

Иногда дерево предварительно обрабатывают на токарном станке. Этот прием был введен в середине XIX в. мастером резьбы по дереву Юрием Шкириляком.

Иногда поверхность деревянных предметов с клинообразной резьбой полируют.

Большой интерес представляет техника инкрустационной резьбы. При этой резьбе применяют до 12—15 пород деревьев, создавая богатый и мягкий по тонам рисунок. Готовое изделие шлифуют, а потом полируют.

Техника инкрустационной резьбы с применением бисера заключается в следующем. На плоскость наносят линейный рисунок орнамента. В местах, где должны быть вставки из других пород дерева, делают углубления по форме рисунка. В такие гнезда вклеивают цветные вставки из дерева. Бронзовые и латунные гвоздики с большими шляпками и подковки устанавливают до шлифовки.

Обработку дерева производят уже после установки всех деталей, за исключением бисера, а иногда и перламутра. Но в большинстве случаев перламутр вставляют одновременно с другими деталями. После обработки поверхности дерева шлифовкой ее полируют. На отдаленном и отшлифованном предмете намечают рисунок размещения бисерных вставок. В соответствующих местах сверлом делают маленькие гнезда по размеру бусинки. Бусинку надевают на просмоленную шпильку и опускают в ямку. Вынув шпильку, бусинку придавливают железным утюгом, чтобы она прочно вошла в гнездо; смола удерживает ее от выпадения.

Представляет интерес инкрустация на темном дереве с частым применением латунных гвоздиков и проволочек.

В горных районах Черновицкой и Станиславской областей резьбой украшены детали жилых домов, утварь, мебель, деревянные памятники. В долине р. Прут, в северо-восточных районах Буковины, резьба по дереву встречается значительно реже.

В жилых и хозяйственных зданиях резьбой украшают оконные и дверные наличники, балки перекрытий и другие детали. На балках перекрытия (сволоках) резьбу располагают симметрично относительно продольной и поперечной осей, подчеркивая центральную часть большим пятном резного орнамента. По концам балок размещают пояски и циркульные розетки резного орнамента, которые оживляют гладкую поверхность, завершая простую и логичную композицию.

В резных наличниках окон и дверей обычно применяют простой прямолинейный геометрический орнамент. Иногда дверные наличники оформляют рядом одинаковых витых полос, и они приобретают перспективный вид. Так решен наличник деревянной церкви XVIII в. в селе Сокирницы Хустского округа Закарпатской области (рис. 4).

Широко использована резьба в оформлении деревянных придорожных крестов-памятников. На них часто встречается клинообразная геометрическая резьба сложного орнамента. В некоторых памятниках клинообразная резьба сочетается с плоскорельефной.

Рис. 4. Деталь резного наличника; с. Сокирницы Хустского района Закарпатской области

Наибольшее распространение получила резьба в украшении мебели и домашней утвари. Формы гуцульской мебели простые, хороших пропорций. Мебель чаще всего украшена монохромной клинообразной резьбой. На сундуках (скрынях) встречается полихромная клинообразная резьба.

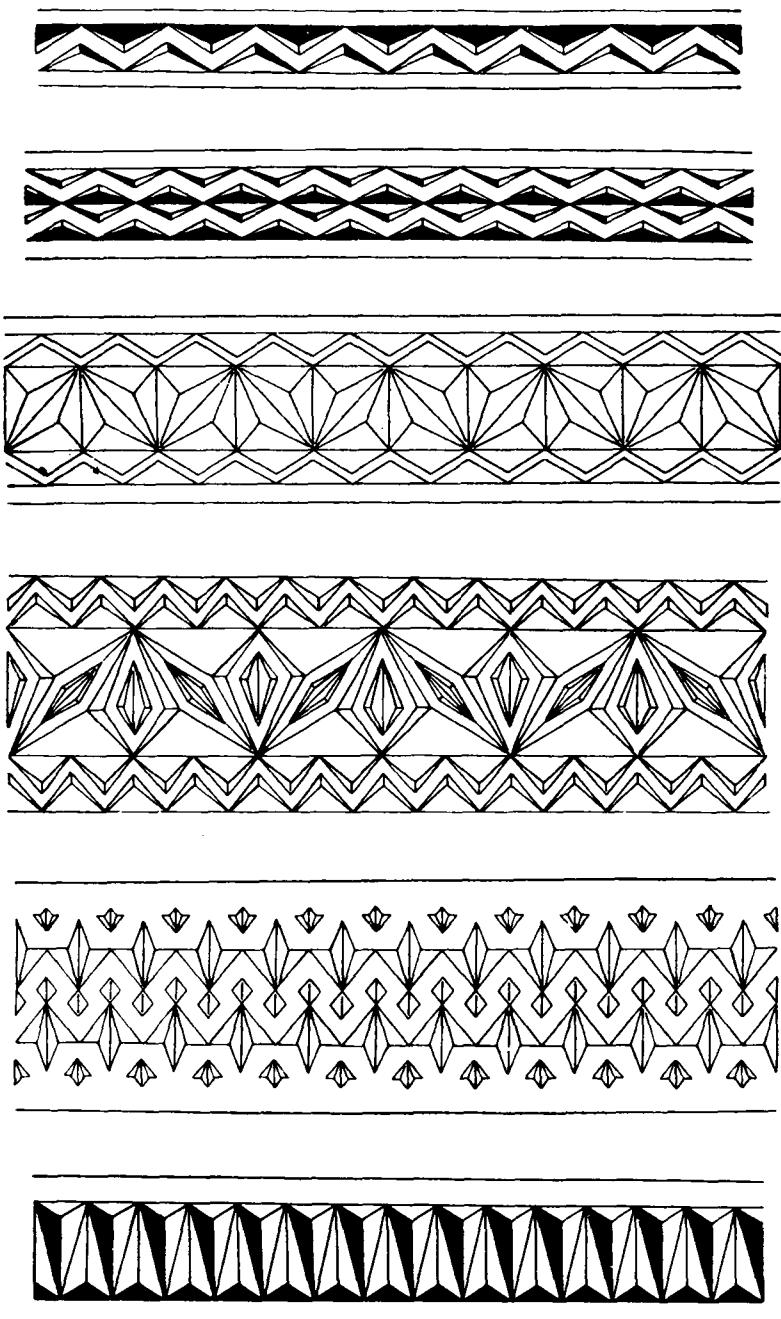

Рис. 5. Клинообразный резной орнамент на мебели; Северная Буковина

Резьбой украшают ножки столов, спинки стульев, боковые соединительные планки. Орнаментом покрывают не все плоскости полностью, а только места, хорошо доступные для обозрения. Гладкую плоскость покрывают скромным, но изящным рисунком, оживляя игрой светотени строгие формы мебели.

Для украшения мебели применяют также инкрустацию с введением бисера и перламутра. Для резных украшений мебели используют дуб, бук и сосну, а для инкрустационных работ — грушу, клен, мореный дуб (рис. 5).

Украшая мебель, деревянные тарелки, полочки, шкатулки, ложки, пороховницы и такие предметы хозяйственного обихода, как ярма, седла, дойницы, трембиты

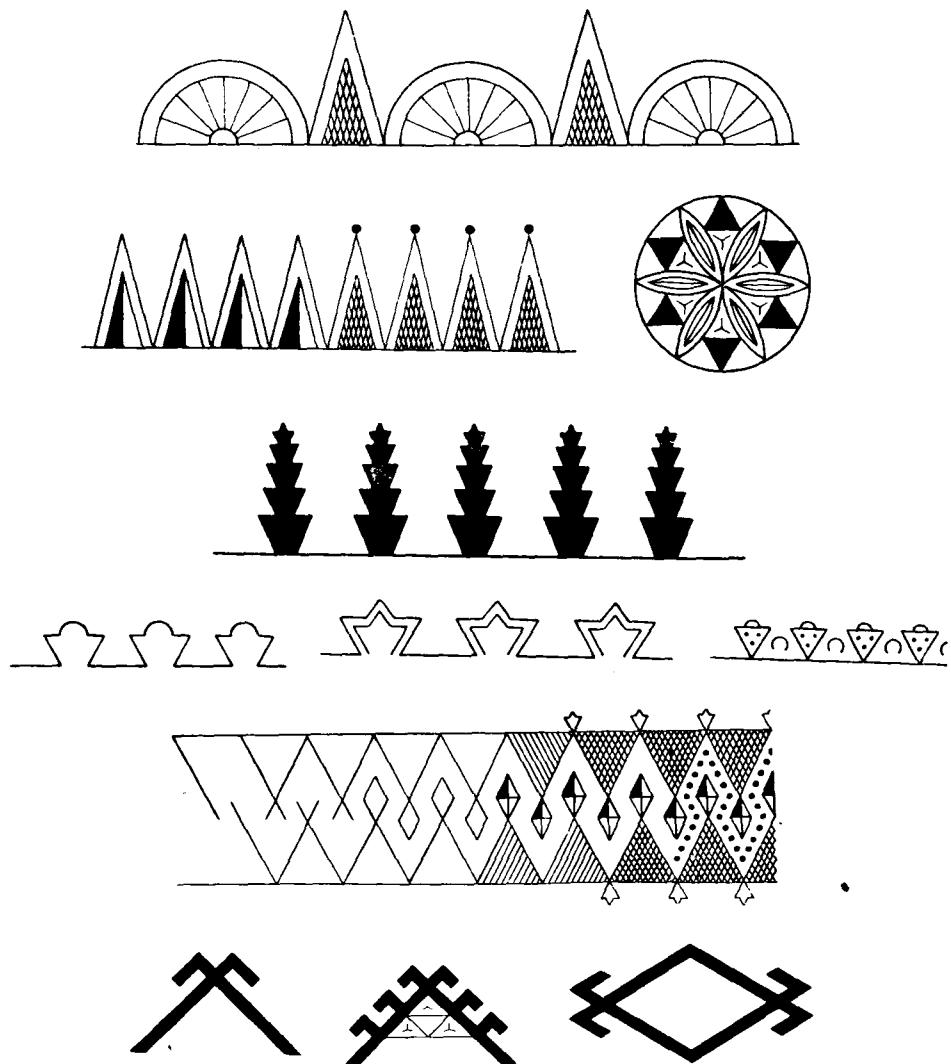

Рис. 6. Сводная таблица элементов орнамента (составлена автором)

(трубы) и т. д., резьбой, мастера стремились вложить в орнамент определенное содержание, соответствующее назначению предмета. Однако в некоторых произведениях, созданных в угоду буржуазным вкусам, это стремление не получило должного выражения. Такие произведения отличаются засущенностью инкрустированного узора, детали их перенасыщены орнаментом, особенно бисером, что создает излишнюю громкоту и снижает художественную ценность изделия.

В настоящее время мастера резьбы по дереву уделяют большое внимание вопросам композиции орнамента. Они ищут новые формы, мотивы и композиционные решения, вводя в орнамент изображения пятиконечной звезды, серпа и молота и сочетая их со старыми мотивами циркульных розеток (ружа), стилизованными изображениями

их со старыми мотивами циркульных розеток (ружа), стилизованными изображениями. В инкрустации одним из основных элементов орнамента являются крючки, или по-местному гачки, которые представляют собой пересеченные накрест Г-образные крюки. Из них составляют композиции, разнообразящие орнамент. Из наиболее старых элементов орнамента до сих пор применяют так называемые живульки или киркульки с полукруглым завершением. Более поздней формой являются окантовки

с треугольным завершением. Для окантовок применяют также треугольники, расположенные по прямой линии. Иногда в окантовках используют бронзовые или латунные подковки и гвозди с большими шляпками. Вершины треугольников украшают бусинками разноцветного бисера. Представляет интерес сочетание треугольников с лучеобразными полукругами, которое создает живописные пояски окантовки. Такие окантовки выполняют клинообразной или инкрустационной резьбой.

Из деталей орнамента распространены так называемые пшеничка и елочка (ялычка). В резьбе на сундуках и других предметах домашнего обихода применяют циркульные розетки (рис. 6). Встречаются и другие мотивы: «кучери», «сливки», «колоски», «розклине». Сами названия уже говорят о том, что мотивы были заимствованы из растительного мира. Но со временем они были настолько геометризованы, что полностью утратили сходство с растениями.

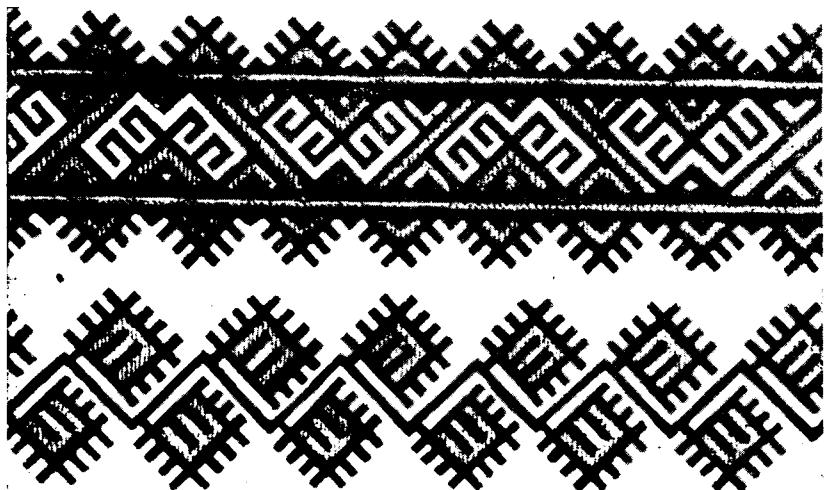

Рис. 7. Художественная вышивка; Киевская область

Большое разнообразие представляют окантовки, состоящие из зигзагов и ноготков. Многие из этих мотивов исполняют контурной резьбой с введением некоторых элементов инкрустации.

Образами для инкрустационной резьбы часто служат вышивки, которые дают готовые формы и определенные тональные отношения. Так, в художественных вышивках Каменец-Подольской, Полтавской, Киевской областей встречаются отдельные орнаментальные мотивы (в частности Г-образные крючки), аналогичные гуцульским (рис. 7). Несомненно, в данных районах их использовали и в резьбе.

Изучение форм орнамента, распространенных в горных районах Черновицкой и Станиславской областей, позволяет заключить, что в основе они связаны с орнаментальными формами, характерными для центральных и восточных областей Украины. Некоторые геометрические элементы орнамента, подобные гуцульским, встречаются и в северных русских районах (Архангельская область). В этих отдаленных друг от друга областях — Архангельской и Прикарпатской — в силу их изолированности дольше, нежели в других областях, сохранились сравнительно чистые древние изобразительные формы. Они не только являются родственными по основным определяющим признакам, но иногда и совпадают в деталях. Примеры общности орнаментальных мотивов дают основание утверждать родство украинского, белорусского и русского народного искусства.

Достоинство гуцульской резьбы состоит в композиционном единстве элементов орнамента с формой самого предмета. Однако нельзя не отметить, что на большинстве орнаментов лежит налет архаичности, обусловленный вековым отрывом народов Прикарпатья от их братьев украинцев — жителей восточной и центральной Украины. Воссоединение их в едином социалистическом отечестве дало возможность гуцулам приобщиться к передовой советской культуре, что оказало глубокое преобразующее влияние на их искусство резьбы по дереву. Перспективы развития этого вида народного искусства огромны. Резьба по дереву приобретает большое значение как для украшения мебели, утвари и архитектурных деталей деревянного зодчества, так и в монументальном строительстве. Ярким примером этого является использование академиком В. И. Заболотным мотивов резьбы по дереву в монументальном здании Верховного Совета УССР.

М. Е. ШЕРЕМЕТЕВА

ТАРУССКАЯ АРТЕЛЬ ВЫШИВАЛЬЩИЦ

Народное декоративное искусство нашей великой Родины, тесно связанное с производством, бытом и всем укладом жизни широких масс, создавалось веками в процессе накопления огромного творческого опыта. Корнями своими оно уходит в глубочайшую древность.

Навсегда освободив народных мастеров от эксплуатации капиталистического строя, Великая Октябрьская социалистическая революция дала новые богатейшие возможности для роста и расцвета народного художественного творчества. Коренным образом изменилась самая экономика художественных ремесел. До революции художественные артели, где членами состояли кустари, исчислялись единицами. Ныне в системе промысловой кооперации имеются сотни артелей, производящих художественные изделия, в них работает свыше 200 тысяч человек. В этих коллективах наблюдается сейчас особенный творческий подъем. По всей стране рядом со старыми гнездами художественных промыслов возникают новые их очаги, обычно преемственно связанные с местным народным мастерством.

Одной из важнейших отраслей народного прикладного искусства является искусство вышивки, отвечающее глубоким стремлениям народа к декоративности. Искусство вышивки разнообразно. В каждой местности оно имеет свои художественные формы, свои неповторимые особенности, которые вносятся в общую сокровищницу национального искусства.

На территории Калужской области, наряду с различными видами орнаментации текстиля — цветным узорчатым тканьем, шитьем золотом, кружевничеством, — издавна известно народное вышивальное мастерство. Оно живет и совершенствуется и в настоящее время. Плодотворно работает в области искусства вышивки Тарусская артель вышивальщиц. Деятельность ее заслуживает внимания. Эта артель — один из творческих коллективов, сохраняющих и развивающих лучшие традиции народной художественной вышивки Калужской области¹.

1

Тарусская артель вышивальщиц основана в декабре 1924 г. Она^{*} была организована крупным специалистом по народным художественным промыслам Натальей Яковлевной Давыдовой. Некоторую роль в создании артели сыграло и то увлечение народным декоративным искусством, которое проявляла семья выдающегося художника В. Д. Поленова, проживавшего и работавшего в усадьбе недалеко от гор. Тарусы, близ села Бехово.

Целью организации артели было укрепление и развитие народного вышивального мастерства.

До образования артели кустарного вышивального промысла в Тарусском районе не было. В городе и окрестных селениях только одиночки занимались вышиванием по холсту техникой «перевить» и крестом по счету ниток.

Первое время после организации артели в ней было 30—40 членов, главным образом горожанок, работавших на дому. Материалом служили крестьянский холст, белая и цветная редина; нитки употреблялись исключительно льняные,—белые и цветные. Изготавливались скатерти разных размеров, дорожки, вышитые платья-рубахи народного покроя, женские кафтанчики-шушуны.

Образцы узоров приносили в артель крестьянки Тарусского района; использовались также имевшиеся у Н. Я. Давыдовой рисунки русского орнамента — геометрического, растительного и фигурного. Техникой работы с 1924 г. являлась калужская перевить. Артель сбывала готовые изделия в Московскую экспортную контору Мосэкуст. Этот период работы артели — время надомничества, когда не было общей мастерской и разделения труда,—длился с 1924 по 1929 г. Дело было некрепким, неустойчивым.

¹ Излагаемые ниже материалы собраны автором настоящей статьи в 1951 г. по поручению Калужского областного художественного музея.

В 1929 г. была организована общая мастерская с разделением труда по цехам: цех раскroя; цех «плана — держки», где на ткани намечали план узора и держали на полотне нитки, изготавливая сетку; цех вышивки — работы в пяльцах; цех «сбора», в котором шивали уже вышитые пологоница декоративным швом «коэзлик цветной и другими, подшивали рубцы (край) под мережку «кисточку» и заделывали углы.

Число членов артели достигало 150 человек. В артель влились колхозники деревень Игнатовки, Кузьмищево, Сутормино и других. Работа уже сосредоточивалась главным образом в мастерской, лишь небольшая часть членов артели вышивала на дому. Труд в общественной мастерской, концентрация рабочей силы, укрепление художественного руководства повели к тому, что качество работы стало выше, заботок мастерий увеличился. Постепенно артель перешла на другое сырье — на широкие фабричные полотна, полубелье и белые, изготавливая товарную продукцию: скатерти с салфетками, дорожки, наподносники.

В связи с новым районированием артель перешла из Калужского кустпромсоюза в Мосшвейсоюз, что позволило расширить план работы и производственные возможности. Число членов достигло 350 человек; артель получила в свое распоряжение большое каменное помещение.

В 1930 г. начал усиливаться экспорт продукции артели за границу: гарнитуры столового белья и другие изделия, вышитые льняными нитками и мерсеризованной шелковистой цветной бумагой, шли через базы в Архангельске, Ленинграде, Одессе во Францию, Бельгию, Англию, Америку, на восток — в Монголию, в Японию.

Сюжетика узора была взята из мотивов калужской крестьянской вышивки. По этнографическим коллекциям Калужского краеведческого музея был составлен альбом узоров. Образцы шитья собирались также художником артели М. Н. Гумилевской в колхозах, например, в селениях Перемышльского района Калужской области — Перемышль, Корекозово, Поляна и других — старинных гнездах изготовления и бытования вышивки. Использовались также геометрические узоры тульской вышивки перевитью (часть мастерий была из-за реки Оки — жительницы Тульской области). Образцы узоров брали и в Музее народоведения и в Музее кустарной промышленности (Москва).

Таким образом, мастерство тарусских вышивальщиц развивалось на основах прекрасной старинной народной техники и местных народных элементов узора — выражалось от корней подлинного народного искусства.

Благодаря высокому качеству мастерства и глубоко национальным формам орнамента образцы работ Тарусской артели многократно и с большим успехом экспонировались на разных выставках. В Москве на выставке «10 лет промысловой кооперации» артель получила диплом за качество. В 1938 г. артель принимала участие в выставке художественного текстиля в Москве. Артель экспонировала свои работы также за границей. В 1925 и 1937 гг. на международных выставках в Париже Тарусская артель получила золотую медаль и дипломы первой степени; на выставке крестьянского декоративного искусства 1927 г. в Италии (в Милане) артели также был присужден диплом первой степени.

С развитием выпуска Советской промышленностью предметов широкого потребления, в ответ на спрос советских потребителей, ассортимент выпускаемых Тарусской артелью изделий сильно расширился; вместе с тем экспорт за границу сократился (1934). В этот период деятельности артели изготавливались орнаментированные белой и цветной перевитью портьеры, скатерти, наволочки, подзоры, накомодники. Было уделено внимание развитию швейного дела, из полотна шили разнообразные изделия с вышивкой: женские и детские платья, мужские рубашки и пр.

Так развивалась деятельность артели до Великой Отечественной войны. В дни войны, когда Родина требовала, чтобы весь труд, все силы советских граждан были отданы на удовлетворение нужд фронта, тарусские вышивальщицы, оставив свое специальное мастерство, переключились на пошив белья для Красной Армии. Во время двухмесячной оккупации г. Тарусы (1941) работа артели была прервана.

В январе 1942 г., после овобождения Тарусского района от оккупантов, началось восстановление Тарусской артели. Ядро возрождающейся артели сначала состояло из 50 человек, а к концу 1942 г. уже насчитывалось 350 ее членов. Артель выполняла работы на нужды фронта: шили одежду для Красной Армии — стеганки, бурки и пр. В конце 1942 г. артель возобновила выработку ассортимента орнаментированных перевитью изделий довоенного времени.

В 1945 г. Тарусская артель вышивальщиц вошла в систему Калужского областного художественного промсоюза². Число ее членов в настоящее время — 395 человек (в том числе работающих в общей мастерской — 203, остальные — надомники). Производство организовано в общественных мастерских, главными цехами являются: цех раскroя, цех «плана — держки», цех сбора, группа проработки образцов, общая мастерская вышивки, склад готовых изделий. Артель имеет два отделения³.

² Союз был организован в том же 1945 году.

³ Отделения артели организованы и функционируют в селе Волковское Тарусского района, в 12 км от районного центра, где работает 30 членов, и в г. Алексине Тульской области (40 членов).

Подготовка кадров для артели осуществляется по плану, утверждаемому Калужским художественным промсоюзом, в артели обучается до 30—50 человек в год. Новые члены проходят учебу в общественной мастерской групповую (человек по 10) или индивидуальную.

Для повышения квалификации мастериц в артели организованы стахановские школы по цехам; стахановки передают свой опыт не только начинающим вышивальщицам, но и опытным мастерикам. В артели организовано социалистическое соревнование — индивидуальное, между бригадами, между цехами и между артелями. Тарусская артель соревнуется с Троицкой артелью вышивальщиц в с. Высокиничи Калужской области.

Изделия тарусских вышивальщиц в послевоенное время экспонировались в Москве: в 1947 г. на выставке «30 лет Советской власти», в 1950 г. на выставке изделий промкооперации; в 1951 г. артель участвовала в республиканской выставке народного прикладного искусства, где все работы артели были приобретены музеем Научно-исследовательского института художественной промышленности.

Артель имеет выдающихся мастерик вышивального искусства. Среди них следует назвать М. Н. Гумилевскую (художник артели), — представленную Областным художественным промсоюзом на присвоение ей диплома первой степени; А. А. Крестову, работающую в артели почти со дня ее основания — 27 лет; А. А. Тавырикову, работающую в артели 19 лет; А. М. Мельникову — 18 лет; Н. С. Никулину — 12 лет; М. Г. Колоскову⁴, А. С. Гольнякову; А. И. Никифорову и других.

2

Калужская крестьянская вышивка — один из видов художественного народного творчества. Преобладающие элементы ее узора (зооморфный и геометрический) восходят к орнаменту древних насељников Верхнеокского края. Их декоративные мотивы сохранились в археологических материалах, в дошедших до нас остатках местной материальной культуры — ювелирных изделиях, керамике, в которых имеются орнаменты: ромбы, зубцы, бегущий зверь с причудливо изогнутым над спиной хвостом, птица, голова коня и другие.

Калужская вышивка по своей технике в основном представляет собой «перевить», по-местному «вырезы», распространенные в Калужском, Переимышльском, Спас-Деменском и других районах бывшей Калужской губернии. Шьют их следующим образом: в куске холста выдергиваются нитки, сначала поперечные — нити утка, а затем «вдольные» — основы, причем две нитки выдергиваются, а три оставляются. Тонкими холщевыми нитками, а иногда бумажными, вышивается узор. На незашитой части холста нитки, оставшиеся после выдерга, обвиваются, перевиваются красной нитью, получается красная сетка-решетка с выступающим на ней белым узором. Это так называемые «красные вырезы». Их еще «красят», т. е. расшивают ромбиками, «глазками». В более старые годы «глазки» шили цветной — голубой, зеленой, желтой шерстью, а позднее яркого цвета бумажной ниткой, так, чтобы они были «прозористыми», хорошо выделялись.

Кроме того, шьют «белые вырезы»: на всем участке вышивки нитки, оставшиеся после выдерга, перевивают, делая белую сетку, а по ней выводят белый узор. Красные вырезы шить дольше, так как нужно, чтобы в решетке фона не проглядывала белая холщевая нитка.

Нитки, которые надо было «таскать», подрезали особым маленьким ножичком. На территории нынешнего Калужского района перевить работали на руках, в Переимышльском районе — в четырехугольной рамке-пяльцах из дерева береск.

Вырезы шили только девушки, начиная с детского возраста, с 10 лет, и до замужества. Вышивать учили девочку, как рассказывают пожилые крестьянки, — мать или сестра; наука шла туро. «Сестра, бывало по голове долбила, а мать заступалась: ты покажи ей чередом, а не бей, не долби!». Искусство это отнимало у девушки много времени и терпения.

Вышивали в день пятницы и под пятницу, когда не пряли, а также в воскресенье «после обедни». Это было занятие праздничное, девушка шила вырезы не для семьи, а для себя, для своего приданого. Занимались этим мастерством в избах, зимой. На улицах, в садах не шили, в противоположность девушкам севера, которые иногда вышивали и вне дома, например сидя на бугорке у входа в деревню⁵.

Во время тканья работали молча, а за вышиванием приятно было и посмеяться и пошутить. Чтобы не дремалось за шитьем вырезов, пели песни.

Тематика калужского шитья, как и других видов нашего народного искусства, с древних времен, с самых своих истоков идет от изображения реальной жизни, природы, ее животного и растительного мира. Калужская вышивка отличается богатством изобразительных элементов, для нее характерны фигуры птиц и живот-

⁴ М. Г. Колоскова и А. С. Гольнякова выполнили для Калужского областного художественного музея образцы вышивки, описание которых имеется в данной статье.

⁵ «Искусство севера. Заонежье», Гос. институт истории искусств, Л., 1927, стр. 62.

ных, мотивы «дерево» или «куст». Вырезы шили «павлинами», «утками», «гусиными лапками», «петухами», «конями», «медведями», «садами», «елочками» и пр.⁶.

Значительное место в узорах занимают птицы: идущие одна за другой «утки» с изогнутыми шеями, с отогнутыми хохолками, с плоскими клювами. Между ними — восьмилепестковые розетки (с. Корекозово Перемышльского района; рис. 1, а). Две птицы идут одна за другой, перья их пышных хвостов переданы орнаментом в виде

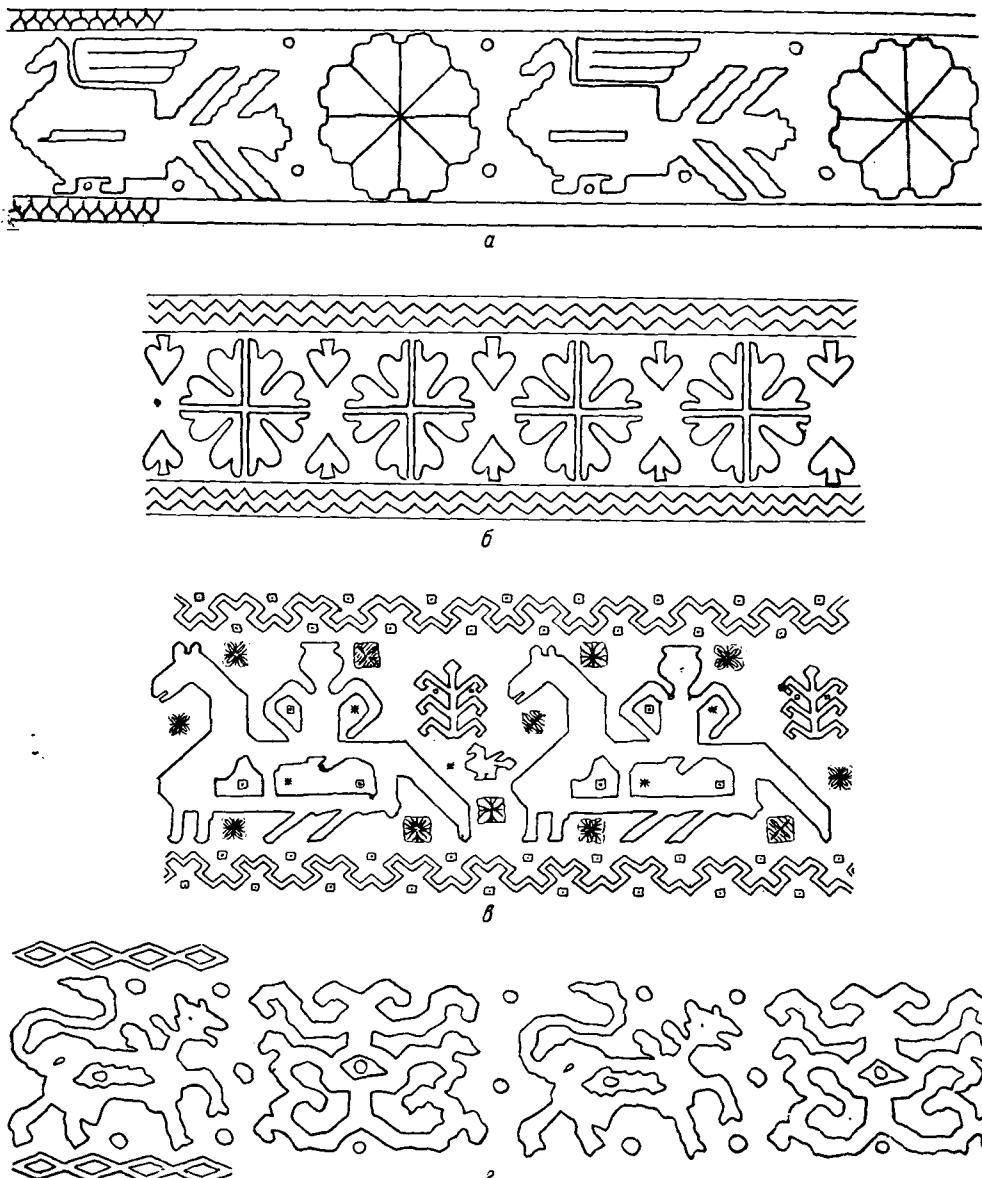

Рис. 1. Узоры калужской крестьянской вышивки: а — «утки» (с. Корекозово Перемышльского р-на); б — узор «гусиные лапки»; в — «всадники»; г — «коньки»

двух елочек, разделенных стержнем. Каждая елочка оканчивается большим глазком. Внизу под птицами большие глазки ромбовидной формы (дер. Горенское Калужского района). Встречаются также птицы «петухи», на их спинках поднятое крыло треугольной формы (с. Корекозово Перемышльского района), птицы «павы» (с. Варваренки Перемышльского района) и другие.

⁶ Хорошее собрание местного народного шитья имеется в Калужском краеведческом музее.

Интересен трехпальчатый узор, носящий образное название «гусиные лапки»; название это непосредственно связано с природой Верхнеокского края, изобилующего водами и водоплавающими птицами (рис. 1, б). Птицы — лебедушка белая, лебедин, плавающие, купающиеся лебеди, утка «утеня», голуби — любимые образы также и традиционной калужской свадебной поэзии.

Из зооморфной орнаментики отметим еще коней, на которых едут всадники. У коней — торчащие уши, раскрытый рот. Между конями деревце, которое в данном узоре утратило свое традиционное центральное положение и перемещено кверху, как дополнительный мотив. Вышивка украшена розетками, расположеннымными около дерева, под конями, по сторонам всадников (дер. Киреево Перемышльского района; рис. 1, в).

Изображенные в движении коньки с разевающимися гривками, с хвостами, извивающимися над спиной, бегут в одну сторону — таков узор на полотенце той же д. Киреево Перемышльского района (рис. 1, г). Эта вышивка напоминает один из древних славянских орнаментов.

Барсы-«медведи» — трехчастная композиция (название «медведи» дано, как более понятное). Вышиты два барса с поднятыми лапами, с закручивающимися над спиной хвостами, между ними условно переданное дерево. В подзоре, «подузорнике», вышиты мелкие птицы (село Корекозево Перемышльского района).

К антропоморфным изображениям относятся женские фигуры с полными вверх руками и другой узор — расположенные в ряд женские фигуры с руками, опертыми в бока, который осмысливался, вероятно, как пляска или развернутый круг хоровода⁷.

Геометрические мотивы являются дополнительными. В них преобладают ромбы, которые в вышивках называются «кругами»: вышитые по холсту круги приобретают угловатую форму ромба, квадрата; ромбы, соединенные на угол — так называемые «безотрывные», ромбы «с пальцами» — отходящими в стороны крюками; розетки, треугольники, зубцы.

Как и в других областях страны, в Калужском крае вышивка играла большую роль в крестьянских обычаях, обрядах, во всем бытовом укладе. Рушники с «вырезами» являлись необходимой принадлежностью убранства избы в семейные и другие праздники, когда изба «преображалась»: все ее стены были увешаны рушниками с вышивкой и узорным тканьем. Невеста к свадьбе вышивала себе восемь «занавесок» с «вырезами» и в дар гостям 30, а в зажиточных семьях и до 60 рушников; самый нарядный она готовила жениху, и этот «дар» жених надевал к венцу, заткнув его за пояс (Гамаюнщина Калужского района). В изготовлении вырезов к свадьбе невесте помогали девушки — подруги.

Рушник с «вырезами» дружка вешал на дугу жениховой повозки. Вышитое полотенце расстилали в церкви под ноги венчавшимся. Повознику, который должен был везти молодых домой, в церковной сторожке «покрывали» (повязывали вокруг шеи и крест на крест на груди) вышитым полотенцем с шуточным приговором: «В случае, если оборвется вожжा, чтобы было чем надвязать». В старое время эти обычаи имели, вероятно, значение средства, отвращающего беду, злое колдовство. Занавеску с белыми «кручинными», т. е. печальными вырезами невеста носила со дня просвящания до замужества.

Таковы сведения о вырезах традиционной крестьянской вышивки Калужской области и об ее использовании в доколхозном сельском быту.

Вышивать по выдергу в Калужской области перестали в XX в., но в разных селениях в разное время. В ряде заокских деревень Калужского района, в «Гамаюнщине» (деревни Квань, Верховая, Сивково, Горенское и др.) вышивкой «перевить» занимались еще и в первые годы после революции; однако в связи с переходом при пошиве одежды от домотканья к тканям фабричного производства работа по изготавлению «вырезов» была постепенно оставлена. В других деревнях этого же района, например, в расположеннем на большом тракте селении Рождественно, уже в первое десятилетие XX в. перестали вышивать по выдергу.

В Перемышльском районе, который славился своими вышивками, где шили «вырезы» с таким усердием, что девочки, еще не выгнувшись обычному щитью, сидели за «перевитью», вырезы перестали вырабатывать в 1910-х годах, причем в селе Корекозеве сохранилось следующее предание: местный крестьянин С. П. Вдовин при женитьбе своего сына на девушке односельчанке объявил: «Никаких даров (т. е. вышитых к свадьбе рушников) не надо!» С этого времени будто бы в селе Корекозево и других деревнях этой местности — Горки, Варваренки, Лодыгино, Поляна и др. — стали прекращать вышивание «вырезов».

Оставив шитье по выдергу, калужские крестьянки стали переходить на вышивку другой техникой — крестом по канве, отчасти крестом по счету ниток, — на рубахах, на праздничных декоративных рушниках, на полотенцах, на ширинках — коротких кусках холста для вытирания лица.

Узоры брали из «вышивальных книжечек», которые приобретали в городе. Эти узоры, главным образом растительного характера, и теперь в ходу: розы с листьями.

⁷ Ср. Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XI, М., 1951, стр. 78.

розы в завитках, черная смородина, крещатый рисунок в расположенных двумя рядами ромбах. Расцветка — красная с черным, нитки бумажные. Встречаются ряды «петушков».

Одним из красивых узоров вышивки крестом по счету ниток является «архитектурный» мотив, встречающийся на полотенцах Перемышльского, Козельского, Калужского районов; например, в деревне Верховая Калужского района вышит по холсту терем с двумя башнями, кругом терем деревья. В селе Березичи Козельского района нарядное полотенце расшито сложным «архитектурным» узором. На таких полотенцах обычно вышиты крестом надписи.

В калужской колхозной деревне живет и все дальше развивается влечение к декоративности, к тщательному украшению жилища и предметов быта. В деревенских домах мы видим вышитые изделия на зеркалах, на комодах, на швейных машинах, обрамляющими портреты и т. д. Вышивка в быту сохраняется как один из видов декоративного искусства.

Вышивальное искусство тарусских мастерниц в отношении тематики и техники преимущественно связано со старинной калужской крестьянской вышивкой; в творческой переработке тарусянки искусно и умело используют ее радостную сюжетику, ее красивую расцветку.

В артели применяются два вида калужского народного шитья по выдернутым ниткам: 1) нитки выдергиваются во всем куске ткани для подготовки сетки; узор зашивается, а фон перевивается цветной ниткой; 2) весь участок ткани идет под перевитую сетку — решетку, и по этой сетке вышивают узор белыми и цветными нитками.

Процесс производства в основном представляет следующее. На ткани выделяют границы четырехугольника для узора путем выдергивания по его краю вертикальных и горизонтальных нитей, намечают расположение рисунка. В цехе плана-держки ножницами с острыми концами подрезают в ткани нитки противоположных рядов — горизонтальной и вертикальной стороны; эти нитки выдергивают, смотря по виду узора, — две нитки через три или три нитки через четыре. Сетка должна получаться квадратной, поэтому в процессе держки соблюдается точный счет и подрез ниток.

Обработанную таким способом ткань вставляют в плянцы. Мастерица по счету клеток, руководствуясь образцом, выполняет рисунок штукой — «штуковкой», которая состоит в том, что вышивальщица в горизонтальном направлении вперед иголкой зашивает сетку, обратным ходом заполняет промежутки между стежками, заплетая вторые стежки за первые. То же делается и в вертикальном направлении. От пересечения ниток получается по сетке «штопка». Этот процесс продолжается до заполнения клеток всего рисунка. Оставшееся после штуковки пространство сетки перевивается нитками, мелкая сетка — один раз, а крупная — два раза. Перевить бывает белая и цветная; последняя выполняется по выдернутой сетке цветной ниткой. На фоне перевитой сетки выступает штукованный узор без контура или с шитым контуром, с цветными «глазками» и знаками геометрического характера. Для всех узоров, за небольшим исключением, употребляются бумажные нитки.

При втором виде шитья разделка штуковки и «настил» (т. е. накладка стежков в одном направлении нитей, например по горизонтали или по вертикали) производится по перевитой сетке.

Как дополнительный и украшающий шов в Тарусской артели применяется двухсторонний шов-полукрест, «роспись». По В. Стасову⁸, это самое древнее русское шитье — красной ниткой по холсту. Комбинация стежков цветной, большей частью красной ниткой на белом фоне ткани дает узор, который бывает или дополнительным выше и ниже полосы основного рисунка, или образует самостоятельный фигуруный рисунок⁹.

Узоры для предметов массового потребления и для выставочных экспонатов, с ежегодным их обновлением, создаются художественными силами артели. В целях изучения элементов народного декоративного искусстваправление артели дает творческие командировки в московские музеи.

В артели имеется группа вышивальщиц, вырабатывающих образцы (человек 10), — это лучшие мастерицы, работающие под руководством художника артели М. Н. Гумилевской. Художник создает композицию, мастерицы выполняют узор на ткани. Созданный рисунок обсуждается коллективно, группой, вносятся исправления, дополнения.

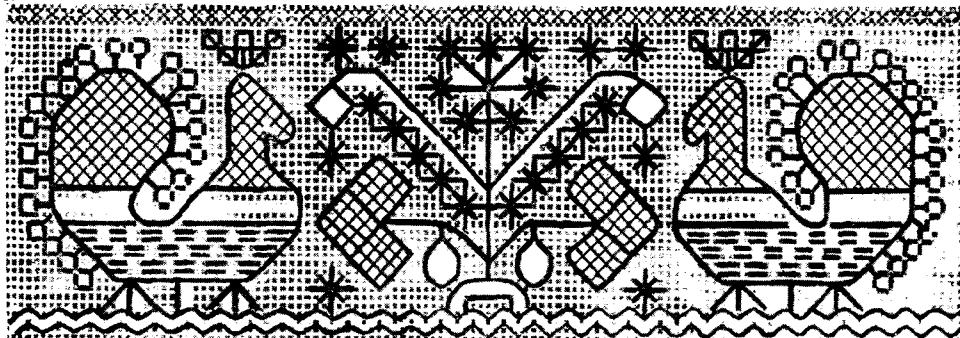
Просмотр образцов со стороны художественного оформления производится в Калужском областном художественном промсоюзе. От времени до времени как массовые, так и выставочные образцы просматриваются и утверждаются в Москве Научно-исследовательским институтом художественной промышленности. Для развития творческой инициативы этим институтом проводятся конкурсы на лучшие рисунки и изделия, с присуждением премий.

⁸ Стасов, Русский народный орнамент, вып. 1, Спб., 1872.

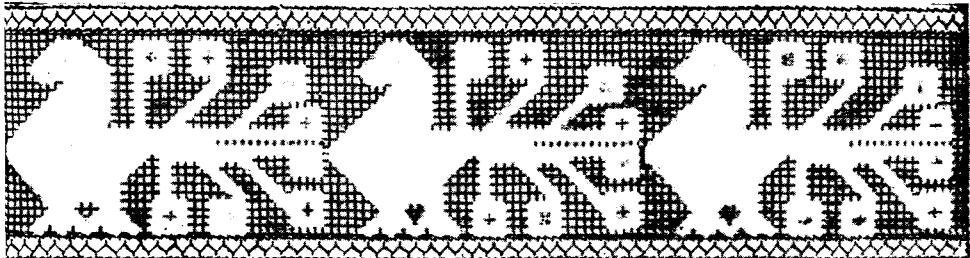
⁹ В довоенное время этот шов применялся в артели для выставочных работ и при выполнении индивидуальных заказов, например, при изготовлении «платьев-рубах» народного покроя с нагрудной вышивкой в виде птиц, женской фигуры и прочих узоров.

Узоры тарусского шитья, разрабатываемые вышивальщицами артели, представляют две основные группы: 1) зооморфные и растительные образы; 2) геометрический орнамент. Обе группы узоров артели продолжают традиции народной вышивки.

В первой группе значительное место занимает разработанная детально и многообразно тема птиц: их хохолки, крылья, пышные хвосты, все их оперение передается с большим богатством форм и деталей. Изображения геометризованы, прямолинейны,

а

б

Рис. 2. Узоры вышивки Тарусской артели вышивальщиц: а — птицы «павы»; б — «павлины»

что связано с техникой по счету ниток. Но сухой схематизации не чувствуется, — напротив, рисунок по своим очертаниям большей частью приятен, гармоничен.

Тарусская артель вышивальщиц дала ряд интересных образцов, основанных на традиционной трехчастной композиции. Такова, например, композиция — «птицы». В центре пышное дерево-куст, переходящее наверху в изображение чаши с фигурано отогнутыми краями. Над чашей восьмиконечная звезда. По бокам дерева — птицы-павы с удлиненными туловищами, распущенными хвостами, на спинках сильно геометризованные приподнятые крылышки, на головах высоко стоящие хохолки. Рисунок выполнен белой штуковкой по красной сетке; как оттеняющие и украшающие белый узор введены полоски синего и желтого настила и цветные «глазки» на оперении птиц.

Вариант этой композиции такой. В центре сильно стилизованное дерево-куст с широкими сердцевидными листьями, отогнутыми от ствола, с вершиной, состоящей из семи звезд. По фону также вышиты звезды. По бокам дерева — две птицы-павы, на головках крупные хохолки; хвосты, пышно распушенные, с расходящимися перышками — глазками. Рисунок птиц оформлен контурной обводкой. Основание узора состоит из двух волнистых линий. Шитье выполнено темноголубыми и белыми бумажными шелковистыми нитками по белой сетке техникой «настил» и мелкой строчевой разделкой (рис. 2, а).

«Павлины» — три птицы, без хохолков, с выдающимися вперед грудками, с пышно распущенными хвостами, выступают одна за другой, каждый стержень пера заканчивается квадратом с цветным «глазком». Лапки широкие. Рисунок в прямолинейно-геометрическом стиле выполнен по красной сетке белой штуковкой без контура (рис. 2, б).

В отдельную группу узоров могут быть отнесены вышивки артели, развивающие народный орнамент, который показывает ряд однотипных фигур. Сюда относятся, на-

пример, «петухи». Две птицы идут одна за другой, с пышными отогнутыми хохолками, с широко распущенными хвостами, в которых перья переданы в виде двух елочек, разделенных горизонтально протянутым стержнем. Каждая елочка завершается одним большим белым квадратом с цветным «глазком» в центре. Внизу под каждой птицей по одному ромбу. Птицы выполнены на фоне красной сетки белой штуковой без контура и цветным настилом. Узор в прямолинейно-геометрическом стиле воспроизводит с некоторой переработкой (укрупнение рисунка, более пышные хохолки, более яркая расцветка) крестьянскую вышивку дер. Горенская Калужского района.

Ряд однотипных фигур в вышивке использует не только зооморфные, но и антропоморфные образы. В вышивках артели часто, например, встречаются сцены с женскими фигурами, характерными и для калужского крестьянского шитья.

Тройное антропоморфное изображение «бабы» состоит из расположенных в ряд женских фигур. Поднятые руки, держащие квадратные предметы, головы ромбической формы, платье, расширяющееся книзу в виде треугольника, — придают фигурам архаический вид. Под фигурами — дополнительная полоса узора с геометрическим орнаментом (зубцы, восьмиконечные звезды, соединенные ромбы). На фоне — украшающие знаки в форме крестов с отходящими лучами. Рисунок выполнен на белой сетке ярким цветным настилом и белой строчевой разделкой. Квадраты в руках женщин имеют контурную цветную обводку.

Особую вариацию представляют «куколки» — расположенные в ряд женские фигуры с геометризованными головками, с руками, опёртыми в бока, с виднеющимися из-под короткой одежды ножками. К антропоморфным изображениям относятся также узоры: две женские фигуры в танцующей позе с помещенным между ними деревом «елочкой», приближающимся по форме к натуре; три фигуры с поднятыми руками, на^а санях между ними малые женские фигуры; всадники, едущие навстречу друг другу, с деревом посреди них; женская фигура с поднятыми руками держащими горящие светильники (по ее сторонам два всадника с ромбовидными головами), и некоторые другие.

Одним из распространенных элементов растительного орнамента в тарусской вышивке является многообразный мотив дерева. Архаический узор дерева, помещенного в центре в окружении птиц или животных, трансформируется, осмысливается как «сад». «Сады», «сад», «плодовые деревья», «ягодные кусты» — образы, часто встречающиеся и в местной народной поэзии.

Узор «сады» изображает стоящие в ряд три дерева, их плотные стволы разделяются наверху на две ветви с крупными листьями. Между деревьями стилизованные цветы. Дополнительные полоски узора представляют орнамент «козлиные рожки». Шитье выполнено по красной сетке белой штуковой без контура, настилом и цветной перевитью.

В другом варианте узора «сады» деревья показаны с корнями, отходящими по обе стороны от ствола и соединяющимися с корнем и стволом соседнего дерева, что придает композиции особую цельность.

Высококачественными, очень изящными являются тарусские вышивки белой перевитью; примером их может служить узор «корзины». Из двух удлиненной формы корзин поднимаются ветвистые, пышные деревья. По фону многочисленные украшающие знаки (большой ромб, квадраты, звезды). Геометризация смягчена, контуры корзин округлены. Выполнено по белой сетке настилом и мелкой строчевой разделкой белыми шелковистыми нитками.

Вторую группу тарусских работ составляют узоры с геометрическим орнаментом, к которым относятся: ромбы соединенные (по народной терминологии «безотрывные»), внутри которых резные фигурные ромбы; остальной орнамент этого рисунка повторяет ромбы в вариантах — полуромбы вверху и внизу основной полосы узора. Ромбы разных других видов, геометризованные розетки и звезды (среди них фигурные трехпальчатые розетки и звезды с отходящим перистым орнаментом) являются наиболее распространенными формами геометрических узоров тарусской вышивки, исполненных белой штуковой и цветной перевитью, по образцам смоленского и калужского шитья.

На основе старинной тематики Тарусская артель выполнила ряд интересных выставочных работ: большую диванную подушку с комплексным узором — птица, женская фигура, всадник и пр.; портьеры и скатерти с вышитыми птицами и геометрическим орнаментом.

В условиях социализма народ получил возможность развивать все то лучшее, что составляет основу национального художественного мастерства. Советское народное искусство, проникнутое живым ощущением современности, отражает мысли и чувства советских людей; вместе с тем оно органически связано с традиционными орнаментом и техникой.

Используя с большим успехом старинную сюжетику, тарусские вышивальщицы активно осваивают новые темы, новый орнамент. В свои узоры они с любовью вводят мотивы и эмблемы советской действительности: Кремль, серп и молот, пятиконечную звезду и другие.

Ко дню семидесятилетия И. В. Сталина артелью был изготовлен подарок — вышивка: изображение Кремля с зубчатыми стенами, башнями, с богато орнаменти-

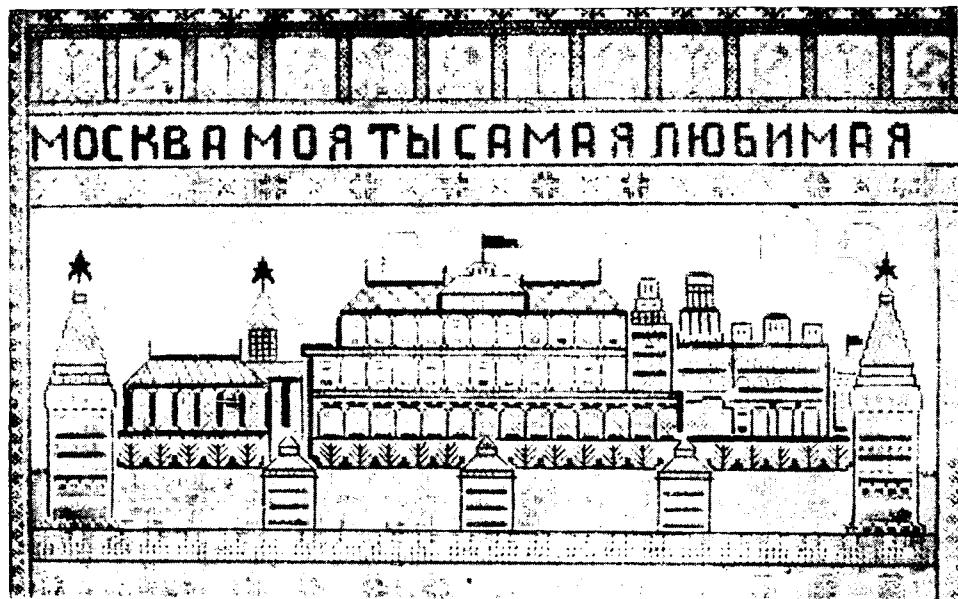

Рис. 3. Узор «Кремль». Тарусская артель

Рис. 4. Вышивальщица М. Г. Колоскова за работой

рованными подзорами; на фоне вышиты салют в стилизованной форме и надпись: «Москва моя, ты самая любимая» (рис. 3).

В связи с этим подарком вышивальщицы артели сложили песню:

Шили девушки ковер,
Шили, вышивали.
Вышиваючи ковер,
Песни распевали.

Да кому ж этот ковер,
Кому достанется?
Доставался ковер
Сталину родному,
Отцу дорогому.

Ты прими, товарищ Сталин,
Подарок заветный!

Вышивка — подарок Тарусской артели И. В. Сталину выполнена на полотне алыми, белыми, голубыми и золотистыми нитками; работу выполняли искусственные мастерицы артели — Мария Колоскова, Мария Бочкова и Александра Мельникова.

Артель создала еще одну вышивку с изображением Кремля. Этот вариант «Кремля» шит по шелковому полотну голубыми и золотыми нитками с надписью из песен Джамбула:

Живи, сияй, моя Москва,
Столица красная моя!
Народы мира, вся земля
С надеждой смотрят на тебя.

К советской тематике относится художественно переданная в тарусском шитье эмблема «Серп и молот». Изображение их дается преимущественно внутри трех соединенных ромбов; между гербами тучные колосья пшеницы; реалистически даны крупные с усиками зерна, вышитые для большей убедительности выпуклым желтым настилом. Расцветка приятная, радостная, сочная: ромбы в розоватых обрамлениях, фон в боковых ромбах темносиний, в среднем — голубой. Вышитые белой штуковкой эмблемы оттенены настилом золотистого оттенка.

Другую композицию на тему советской эмблемы представляет вышивка, шитая белой штуковкой. Крупный желтый колос пшеницы выступает на фоне темноголубой сетки с наугольным орнаментом геометрического стиля (рис. 5).

Узоры «Серп и молот» в различных вариантах и тонах — синих, голубых, кирпичных — очень удачно применяются тарусскими мастерами для орнаментации скатерей и других крупных изделий на углах и в каймах.

Хороши исполненные той же певевити вышивки-картины для детских садов и других детских учреждений. В таких узорах, как «Цыпленок и подсолнечник», просто и вместе с тем правдиво дано изображение желтого птенчика и раскрытой чашки цветка; хороши также вышивки «Зайчик между деревьями», «Цыпленок и сорока» и некоторые другие.

Декоративное искусство тарусянок, неразрывно связанное с новой жизнью в Советской стране, является частью нашей социалистической культуры. Широко известные и любимые народом тарусские вышивки служат для украшения одежды и предметов быта советского человека, для оформления общественных и жилых зданий. По линии

Рис. 5. Узор «Серп и молот». Тарусская артель

дальнейшего развития деятельности артели желательно, чтобы тарусские мастерицы еще шире, еще смелее внедряли в свои работы многообразную, звучную, яркую советскую тематику.

Но одновременно с введением новых узоров на советские темы Тарусской артель необходимо продолжать творческую разработку старых национальных мотивов — ценного фонда народных декоративных элементов, а именно мотивов, взятых из природы (растительный орнамент, птицы); особенно тщательно следует использовать богатство геометрических узоров, красота которых неоспорима. При выполнении же тех или иных мотивов на ткани должно иметь место продуманное согласование темы вышивки с назначением того или иного изготавляемого орнаментированного изделия.

Связь тарусского вышивального мастерства с народным творчеством представляется вполне ясной и закономерной. Ценнейшие элементы народного искусства, которые отвечают требованиям современной жизни, растущим эстетическим запросам широких масс, живут века. Осваивая новые сырьевые материалы, творчески разрабатывая русские орнаментальные мотивы и создавая новые композиционные построения, внедряя советскую тематику, тарусские вышивальщицы содействуют дальнейшему подъему нашего народного декоративного искусства.

Х Р О Н И К А

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1952 году

В 1952 г. советская наука обогатилась новым гениальным творением марксистской мысли — работой И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Состоявшийся в 1952 г. XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза утвердил директивы по составлению пятого пятилетнего плана, который означает новый крупный шаг на пути перехода от социализма к коммунизму. XIX съезд партии призвал советских ученых развивать передовую советскую науку, поставив перед ними задачу занять первое место в мировой науке.

Коллектив Института этнографии обсудил эти исторические документы на заседаниях секторов и Ученого совета и наметил пути перестройки этнографической науки в соответствии с новыми задачами. Ученый совет признал, что критические замечания в адрес советских историков, сделанные с трибуны партийного съезда, относятся и к этнографам. В резолюции Ученого совета указывается, что советские этнографы в большом долгу перед народом: мало издано еще серьезных исследований по важнейшим разделам этнографической науки, не разработано на этнографическом материале положение И. В. Сталина о развитии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным», в области этногенетических исследований непростительно отстает изучение вопросов происхождения великого русского народа, слабо разработана методология использования этнографического материала для разрешения проблем этногенеза, отстает теоретическая разработка проблем социалистической культуры и быта народов СССР — имеющиеся публикации по этому вопросу представляют все еще простые описания наблюдаемых явлений, без углубленной их интерпретации, без должных научных выводов.

Центральной задачей этнографов Ученый совет признал решительное повышение теоретического уровня исследований, обеспечивающее переход от научного описания этнографических явлений к раскрытию закономерностей развития этих явлений. Этнографы должны дать такие новые научные исследования, которые непосредственно содействовали бы ускорению темпов переустройства всего быта народов СССР, которые, с другой стороны, являлись бы примером для этнографов стран, позднее вступивших на путь социалистического переустройства жизни; в трудах этнографов должна убедительно разоблачаться гнусная клевета империалистической пропаганды о жизни народов СССР; эти исследования должны помочь прогрессивным силам буржуазного мира в их борьбе с силами реакции. В результате обсуждения главнейших задач этнографической науки были выработаны конкретные научно-организационные мероприятия, необходимые для перестройки работы как во всесоюзном масштабе (укрепление этнографических учреждений в союзных республиках, восстановление Музея народов СССР в Москве, улучшение подготовки кадров и др.), так и в самом Институте.

Претворение в жизнь решений, принятых Институтом этнографии в связи с XIX съездом КПСС и выходом в свет труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», началось с пересмотра в первую очередь работы в области этнографического изучения социалистической культуры и быта народов СССР. Как известно, эта тематика уже ряд лет занимает основное место в плане научно-исследовательских работ Института. В частности, в 1952 г. закончены полевые исследования и представлена основная часть текста коллективной монографии «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», написанной на материале одного из колхозов Ленинабадской области Таджикской ССР; начата работа над подобной же монографией, посвященной быту колхозников-киргизов Иссык-Кульской области; коллектив сектора славяно-русской этнографии и фольклора уже второй год изучает современный быт русского колхозного крестьянства в Воронежской и Тамбовской областях РСФСР.

Кроме работы над этими тремя большими монографиями, отдельные сотрудники и аспиранты Института, в соответствии со своими планами, в 1952 г. были также заняты этой тематикой. Велись этнографические исследования в колхозах республик Прибалтики, в Коми АССР, в Дагестане, в Кара-Калпакской АССР, в Белоруссии и др.

Учитывая, что этнографические учреждения всей страны в настоящее время также в значительной степени заняты разработкой актуальнейших вопросов развития и становления национальных по форме, социалистических по содержанию культуры и быта различных народностей и социалистических наций нашей страны, Институт этнографии созвал в ноябре 1952 г. координационное совещание, на котором были обсуждены новые задачи в области исследования быта колхозного крестьянства и рабочего класса, наметившиеся после выхода в свет труда И. В. Сталина. На этом совещании присутствовали представители этнографических учреждений большей части академий наук союзных республик и филиалов АН СССР (Украинской, Белорусской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Латвийской, Эстонской, Туркменской, Казахской, Таджикской академий, Казанского, Дагестанского, Молдавского филиалов). Участники совещания подчеркнули, что центральной задачей советских этнографов является исследование путей развития национальных форм культуры и быта народов СССР в условиях мощного роста социалистической промышленности, крупного механизированного социалистического сельского хозяйства, постепенной ликвидации существенных различий между городом и деревней, быстрого роста материального благосостояния и культуры народов СССР, определяемого основным экономическим законом социализма. Признание объективного характера законов развития общественной жизни обвязывает советских этнографов к исследованию закономерностей развития культуры и быта в условиях социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Совещание подвело итоги дискуссии о методах изучения социалистической культуры и быта народов СССР, развернувшейся в течение 1952 г. на страницах журнала «Советская этнография», и выделило из многообразной тематики для углубленного теоретического этнографического исследования две основные темы — «Семья и семейный быт» и «Современное народное жилище». Разработка этих трудов будет вестись совместно с академиями наук союзных республик и некоторыми филиалами АН СССР — по материалам различных народов¹.

В свете решений XIX съезда КПСС был пересмотрен план научных работ Института этнографии на 1953 г.

Исходя из необходимости разрешения целого ряда важнейших теоретических проблем в области изучения истории первобытного общества, Институт включил в план 1953 г. новую тему — «Базис и надстройка в первобытном обществе». В то же время в пятилетний план Института решено включить вторую, не менее важную с теоретической точки зрения тему по истории первобытного общества — «Род и племя». Эта работа будет начата в 1954—1955 гг. и завершится в следующем пятилетии.

В целях усиления борьбы с реакционной империалистической идеологией, проявляющейся столь ярко в современной зарубежной этнографии, Институт запланировал на 1953 г. подготовку сборника «Американская этнография на службе поджигателей войны».

1952 год в жизни Института был годом дальнейшего творческого освоения труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» и преодоления порочных влияний в этнографии так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Сотрудники Института опубликовали ряд статей, посвященных как критике концепций Марра, так и пересмотру некоторых вопросов, ранее запутанных Марром и его последователями. Так, Н. Н. Чебоксаров, в работах которого были допущены марристские ошибки, опубликовал статью «К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы» («Советская этнография», 1952, № 1); Г. Ф. Дебец и Т. А. Трофимова, также допустившие марристские ошибки, опубликовали в соавторстве с М. Г. Левиным статью «Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза» (там же); критике порочных взглядов Н. Я. Марра и его последователей в области фольклористики была посвящена статья В. И. Чичерова («Советская этнография», 1952, № 3). Однако, еще не все разделы этнографической науки, в которых оказывалось влияние Марра, подвергнуты критическому пересмотру; еще не все сотрудники Института, допустившие марристские ошибки, выступили в печати с критикой своих взглядов (например, А. Ф. Анисимов). Затянулось завершение обсуждения выдвинутой проф. С. П. Толстовым и подвергнутой резкой критике со стороны языковедов гипотезы первобытной языковой непрерывности. В современной этнографии как в некоторых союзных республиках, так и в Институте этнографии АН СССР, имеют место проявления, кроме марризма, и других антимарксистских извлечений. Так, например, ст. научный сотрудник Института этнографии С. М. Абрамzon

¹ Отчет о совещании и принятую им резолюцию см. «Советская этнография», 1953, № 1.

допустил в своих работах ряд серьезных ошибок — в вопросе о присоединении Киргизии к России, в оценке киргизского эпоса «Манас», в характеристике общественного строя киргизов до Великой Октябрьской социалистической революции, в трактовке вопросов современной культуры и быта киргизов — ошибок, играющих на руку буржуазным националистам. Институт не провел достаточно активной и решительной критики указанных отклонений от марксизма.

В целях усиления борьбы за высокий идеологический уровень современной советской этнографии Институт включил в план 1953 г. подготовку сборника статей — «Против извращений марксизма в этнографии, антропологии и фольклористике». В сборнике будет дан детальный разбор и конкретная критика трудов, отражающих антимарксистские положения в области этнографии (в частности, в вопросах этногенеза, в трактовке истории одежды и др.), антропологии и фольклористики.

В 1952 г. в жизни Института имело место значительное оживление борьбы мнений и научной критики. Дискуссии по вопросам изучения социалистической культуры и быта народов СССР, формирования новых социалистических наций, по основным проблемам этнической антропологии и другие — заняли в работе коллектива научных работников довольно значительное место, вскрыли различные точки зрения, помогли уяснению многих проблем. В связи с разработкой проблемы консолидации народов Южной Сибири (руководитель — доктор историч. наук Л. П. Потапов) выявила необходимость обсуждения вопроса о грани, отделяющей социалистическую нацию от народности социалистического типа. Этот вопрос встал в центре дискуссии на заседании Ученого совета Института по докладу Потапова.

Однако, несмотря на проведение в 1952 г. шести дискуссий по актуальным теоретическим проблемам, следует признать, что дискуссии и обсуждения не стали еще органической составной частью жизни Института и особенно его секторов. Организация дискуссий и совещаний страдает рядом недочетов (плохо ведется подготовка к выступлениям участвующих в дискуссиях сотрудников Института, не привлекаются к дискуссиям ученые смежных дисциплин и т. д.), и потому в отдельных случаях они оказываются недостаточно плодотворными. Неудавшимися следует признать дискуссии по статье П. И. Кушнера «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства», по докладу А. И. Козаченко «Народность как этап этнической истории», по вопросам антропологии, — в итоге которых не были разрешены основные, принципиальные вопросы, связанные с обсуждаемыми проблемами.

В конце 1952 г. сектора и дирекция Института разработали общую программу дискуссий и совещаний на 1953 г., обеспечивающих разрешение теоретических проблем, предусмотренных планом научно-исследовательских работ.

Среди разрабатывавшихся в 1952 г. научно-исследовательских проблем, как уже указывалось, одно из центральных мест занимало изучение современной социалистической культуры и быта народов СССР. Значительно продвинулось за год исследование проблемы формирования социалистических наций в СССР, ведущееся на базе изучения этого процесса у народов Южной Сибири и Дагестана. Кроме экспедиционных исследований в Хакасской и Тувинской автономных областях, начата авторская работа по этой теме: написан один из вводных разделов будущей монографии, посвященной происхождению бурятского народа (автор Б. О. Долгих); на материалах Дагестанской экспедиции в 1952 г. написаны этнографические очерки истории культуры и быта ряда народностей Дагестана (рутульцев, цахуров, агулов), а также очерк социалистической культуры и быта аварцев.

Большое место уделено было в 1952 г. исследованиям этнографии русского народа, выразившимся как в упоминавшихся выше экспедициях в колхозы Воронежской и Тамбовской областей, так и в работе по подготовке этнографического атласа русского народа. Авторский коллектив «Атласа» проделал большую кропотливую работу для выявления типологии сельскохозяйственных орудий, одежды и жилища, для определения объектов, подлежащих картографированию по теме «Поселения». Оживленному обсуждению подверглись первые авторские эскизы нескольких карт «Атласа», составленные в течение года. Собран большой литературный и архивный материал — изучались архивы Географического общества, Вольно-экономического общества, Русского музея и др. Написан раздел исторического введения, посвященный древнерусской народности.

Наряду с этим большое внимание уделялось тематике, связанной с этнографией народов зарубежных стран. Продолжая работу по подготовке к печати серии «Народы мира», Институт сдал в Издательство том «Народы Африки», являющийся первым в истории русской и советской науки обобщенным трудом по истории и этнографии народов Африки. Подготовлен к сдаче том «Народы Австралии и Океании». Близко к этой серии стоит подготовляющийся Институтом к печати «Индийский этнографический сборник», а также сборник «Индийцы Америки», в который входит ряд статей, характеризующих историю завоевания, колонизации и современное положение индейцев Северной, Центральной и Южной Америки, и десять очерков, посвященных описанию отдельных племен и локальных групп индейцев. Публикация этих трудов является существенным вкладом в этнографическую науку. Впервые в них освещается с марксистских позиций быт народов колониальных и полуколониальных стран, изымающих под гнетом империализма и борющихся вместе со всеми демократическими силами мира за свою национальную независимость.

Не менее важны и актуальны результаты работ 1952 г. в области изучения этнического состава населения земного шара и этнического картографирования. По новому методу П. Е. Терлецкого, позволяющему сочетать показ национального состава и плотности населения, составлена и подготовлена к печати «Этнографическая карта Индии и Пакистана». Карта основана на статистических первоисточниках (переписи населения) и будет служить важным пособием при изучении национальных проблем Индии и Пакистана; в частности, она является наглядным опровержением двух распространенных буржуазных теорий — о «расовом хаосе» и о «двух нациях» в Индии. Кроме завершения этой карты, в 1952 г. под руководством П. Е. Терлецкого составлен авторский эскиз этнографической карты Индонезии и начат сбор материалов для карт Передней и Юго-Восточной Азии.

Продолжалась работа над этнографическими монографиями: В. Н. Белицер написала половину своего труда «Коми-зыряне и коми-пермяки»; С. М. Абрамzon завершил в авторской части работу «Семья и брак у киргизов»; Б. О. Долгих изучал архивные материалы XVII в. по Нерчинскому и Якутскому уездам для своего этнического исследования «Родоплеменной состав народов Сибири в XVII веке»; К. В. Вяткиной написаны разделы по монгольскому жилищу, одежде, пище и т. д. для ее монографии, посвященной культуре и быту монголов МНР и основанной на новейших материалах, собранных историко-этнографической экспедицией АН СССР. Написана часть статей, запланированных для коллективного труда «Очерки по истории русской этнографии, антропологии и фольклористики». В число этих работ вошли: «Взгляды и исследования цекабристов в области этнографии и фольклора» (В. К. Соколова); «Этнографические и фольклорные материалы у Н. В. Гоголя» (она же); «Проблемы этнографии и фольклористики в работах революционных демократов середины XIX века» (В. И. Чичеров); «Этнографические и фольклорные материалы в произведениях писателей-шестидесятников» (Л. Н. Пушкина); «Роль русских исследователей в изучении этнографии Западной Европы XVII—XVIII вв.» (И. Н. Гроздова); «Антропологические исследования К. М. Бэра» (М. Г. Левин); «Этническая антропология в работах русских антропологов» (Г. Ф. Дебец). Кроме того, С. А. Токаревым написан общий очерк «Развитие этнографической науки в России до Великой Октябрьской революции» для «Истории науки и техники в СССР с древнейших времен до наших дней» (издание, подготавливаемое рядом институтов АН СССР).

Следует отметить завершение в 1952 г. в авторской части учебного пособия «Курс общей этнографии для вузов», подготовленного совместно с кафедрой этнографии Исторического факультета МГУ.

Научные исследования в области антропологии велись по нескольким темам. Лаборатория пластической антропологической реконструкции лауреата Сталинской премии М. М. Герасимова выполнила новую серию скульптурных реконструкций по черепам эпохи ранней бронзы степной полосы СССР, которые затем войдут в «Атлас антропологических типов древнего населения территории СССР». М. Г. Левиным продолжались исследования по этногенезу народов Сибири на антропологическом материале — проведены экспедиционные работы в Южной Сибири и написана глава «Антропологические типы Амура и Сахалина». Продолжались также краниологические исследования В. В. Бунака, связанные с разработкой проблем формирования особенностей черепа в процессе становления и развития человека.

В 1952 г. в разных республиках и областях СССР работали шесть экспедиций Института: Хорезмская археолого-этнографическая, Памиро-Ферганская археолого-этнографическая, Балтийская комплексная антрополого-этнографическая, Дагестанская, Русская и Саяно-Алтайская этнографические экспедиции (см. об этом ниже — М. Г. Левин, «Полевые исследования Института этнографии»).

Институт принимал участие в работах на Сталинских стройках коммунизма. Основные силы Хорезмской экспедиции (руководитель С. П. Толстов) в 1952 г. были сконцентрированы в зоне строительства Главного Туркменского канала, где семь отрядов экспедиции проводили стационарные исследования и раскопки. Изучались стоянки первобытной культуры на древнем русле Узбоя, древняя и средневековая оросительная сеть и исторические памятники земель древнего орошения Ташаузской области Туркменской ССР, расположенные близ трассы будущего канала. Сделан ряд научных открытий в области хозяйственной жизни, архитектуры и искусства; впервые найдены остатки средневековых стекольных мастерских; обнаружена до сих пор не известная средневековая система орошения при посредстве цепи водоподъемных сооружений, поднимавших озерную воду на береговые террасы Сарыкамышской котловины. Научные результаты экспедиции имеют практический интерес для работы проектировщиков канала и последующего за строительством освоения примыкающих к трассе территорий. Коллектив экспедиции завершает работу над II томом «Трудов Хорезмской экспедиции», который посвящен историческим памятникам трассы Главного Туркменского канала².

В 1952 году состоялось 23 заседания Ученого совета Института этнографии, кроме вопросов, связанных с плановой работой, на Ученом совете обсуждались задачи советской этнографии в свете работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС и другие.

² Отчет о работе экспедиции см. «Вестник древней истории», 1953, № 2.

Ученый совет Института обсудил и подверг критике ошибки С. М. Абрамзона в области истории и этнографии киргизского народа³. Заслушан и обсужден доклад об издании «Краткие сообщения Института этнографии». Это обсуждение было, однако, плохо подготовлено, и в нем приняло участие лишь 3—4 человека. Между тем это издание нуждается в серьезном критическом разборе. «Краткие сообщения» не всегда отвечают установленным задачам и нередко содержат случайный материал. Идейный и научный уровень этого издания еще ни разу не был предметом критической оценки.

На заседаниях Ученого совета в 1952 г. защищено 18 диссертаций; обсуждались и были представлены к печати 10 работ Института этнографии.

Научно-организационное сотрудничество с академиями наук союзных республик и филиалами АН СССР приняло вполне конкретные формы. Выше уже упоминалось о координационном совещании по теме «Изменения в культуре и быте народов СССР» и о начале совместной разработки девятыю академиями и филиалами коллективных трудов по отдельным этнографическим проблемам. Связь с Дагестанским научно-исследовательским институтом обусловливается работами Дагестанской экспедиции Института этнографии. Однако увязку работы обоих институтов следует признать недостаточной. В связи с разработкой темы «Этногенез народов Прибалтики» и работами Балтийской экспедиции установлено тесное сотрудничество с научно-исследовательскими учреждениями республик Прибалтики. В этой работе участвуют все академии наук Прибалтийских республик. В порядке подготовки экспедиции весной 1952 г. в Прибалтику выезжали руководители экспедиции — доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров, доктор исторических наук П. И. Кушнер и кандидат исторических наук Л. Н. Терентьева. В мае в Москве состоялся семинар для участников экспедиции. Этнографические отряды экспедиции собирали материал одновременно как для темы «Этногенез народов Прибалтики», так и по современной культуре и быту народов Прибалтийских республик. Материалы экспедиции обрабатываются. Представлены отчеты всех экспедиций. В феврале 1953 г. результаты работы экспедиции обсуждались на специальном совещании (см. ниже информацию Л. Терентьевой).

В 1952 г. Институт этнографии принял участие в научной сессии по вопросам мордовского языкоznания в гор. Саранске. На совещание была командирована ст. научный сотрудник В. Н. Белицер. В 1953 г. В. Н. Белицер, по просьбе Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, примет участие в организуемой Институтом экспедиции.

По распоряжению Президиума АН СССР, в апреле 1952 г. в научной конференции по истории Осетии, языкоznанию и литературе принял участие сотрудник Института проф. В. И. Чичеров. Он прочел два доклада: 1) «Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования народских сказаний осетин» (опубликовано в «Известиях отделения литературы и языка АН СССР», 1952, № 5); 2) «О порочных взглядах Марра и его последователей в области фольклористики» (опубликовано в журнале «Советская этнография», 1952, № 3).

В 1952 г. ст. научный сотрудник Института этнографии проф. Г. Ф. Дебец выезжал в Азербайджан и Грузию, где, по приглашению Грузинской и Азербайджанской академий наук, осуществлял научное руководство антропологическими экспедициями, предпринятыми местными силами. В начале 1952 г. профессор Дебец выезжал в Тбилиси для помощи в обработке экспедиционных материалов, собранных при его участии в 1950—1951 гг.

Таким образом, фактически работа, проводимая Институтом этнографии совместно с республиканскими академиями наук, не ограничивается темой «Изменения в культуре и быте народов СССР», но захватывает гораздо более широкий круг проблем. В частности, большое место в совместной работе занимают проблемы происхождения народов СССР (работа Балтийской экспедиции, антропологические исследования на Кавказе и проч.).

В 1952 г. вышли из печати издания Института: «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, посвященные археологическим и этнографическим исследованиям экспедиции, проведенным в период с 1945 по 1948 г. В написании тома участвовал большой коллектив сотрудников экспедиции — около 20 чел. В 1-ю часть книги — «Археологические работы» вошла вступительная статья начальника экспедиции С. П. Толстова и 12 статей по различным темам, связанным, главным образом, с раскопками дворца хорезмских шахов III в. н. э. Топрак-кала, а также несколько публикаций, являющихся результатом анализа краинологического материала и остатков фауны первобытного, античного и средневекового Хорезма. 2-я часть — «Этнографические работы» включает научные отчеты этнографических отрядов Хорезмской экспедиции: Североузбекского, Южноузбекского, Туркменского, Каракалпакского. В «Приложениях» дана подробная хроника многолетних исследований Хорезмской экспедиции — с 1937 по 1948 г. и библиография советской и иностранной литературы, касающейся исследований экспедиции. Общий объем богато иллюстрированного труда — 66,8 п. л.

Вышедший в свет в 1952 г. «Сибирский этнографический сборник» содержит статьи крупнейших советских сибиреведов (Л. П. Потапова, С. А. Токарева, Б. О. Долгих, О. В. Ионовой, А. А. Попова и др.), посвященные вопросам этнографии

³ Отчет об обсуждении см. «Советская этнография», 1952, № 4.

(происхождения, социального строя, материальной культуры) нганасанов, селькупов, алтайцев, хакасов, долган, якутов и других народов Сибири.

Вышли из печати: очередной том собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая (т. III, ч. 2), а также четыре выпуска «Кратких сообщений Института этнографии» и четыре номера журнала «Советская этнография».

Однако план выпуска изданий на 1952 г. не выполнен. Ряд книг не вышел в свет вследствие задержки их в Издательстве и Редакционно-издательском совете АН СССР, другие — по вине Института. Некоторые рукописи, сданные в Издательство, оказались плохо подготовленными, потребовали неоднократной переделки и исправлений. Ученому совету Института следует сделать из этого соответствующие выводы и уделять должное внимание серьезному критическому рассмотрению представляемых к печати рукописей.

Несмотря на большую работу, проводимую Институтом по подбору и подготовке кадров, в этой области имеются еще серьезные недостатки. До сих пор Институт не обеспечен кадрами по ряду специальностей, в частности, по странам народной демократии, по Юго-Восточной Азии.

В 1952 г. несколько сотрудников Института защитили кандидатские диссертации (И. А. Золотаревская на тему «История конфедерации криков», С. П. Русаякина — «Народная одежда таджиков Гармской области», М. К. Кудрявцев — «Происхождение мусульманского населения Северной Индии»), один — докторскую (Н. А. Кисляков — «Семья и брак у таджиков»).

В составе аспирантуры в 1952 г. было 44 чел., в том числе 1 докторант и 43 аспиранта, из них прикомандированных академиями наук союзных республик (Латвийской, Литовской, Эстонской, Азербайджанской, Узбекской, Казахской) и филиалов АН (Киргизского, Молдавского, Башкирского, Якутского, Карело-Финского, Казанского). — 21 человек.

Задирили диссертации 8 аспирантов Института и 6 сотрудников других научно-исследовательских этнографических учреждений: «Социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства» (Л. Н. Теретьева); «Материальная культура колхозников Бобруйской области БССР» (О. А. Ганцкая); «Поселения Заонежья в XVI—XVII вв.» (М. В. Витов); «Польская народная одежда» (О. В. Пчелина); «Материальная культура уйгуротов Советского Союза» (И. В. Захарова); «Материальная культура русского (сельского) населения Татарской АССР» (Е. П. Бусыгин); «Киргизская народная медицина» (Г. Г. Нуров); «Цыганы Европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости» (Т. Ф. Киселева); «Социалистическое переустройство хозяйства и быта крестьянства Закарпатской области Украинской ССР» (А. А. Лебедева); «Социалистическое преобразование культуры и быта даргинцев Сергокалинского района Дагестанской АССР» (А. И. Алиев); «Каякентские кумыски в XIX—XX вв.» (С. Ш. Гаджиева); «Русское народное жилище Верхнего Поволжья» (Л. Н. Чижикова), «Жилище и хозяйственные постройки Восточной Литвы» (Г. И. Гозина), «Пахотные орудия на территории Болгарии и их этническое определение» (Ж. Н. Выжарова).

С выпуском аспирантов Институт не справился: план выпуска был выполнен только на 40%. Это объясняется недисциплинированностью некоторой части аспирантов и недостаточной ответственностью научных руководителей, в результате чего нарушаются установленные сроки подготовки диссертаций к защите. С другой стороны, следует отметить, что в наиболее ответственный период подготовки и окончательного редактирования диссертаций, приходящийся на третий квартал года, основной научный состав Института отсутствует, будучи в экспедициях. Институту, в связи со спецификой его работы, следует поставить вопрос об изменении сроков приема в аспирантуру и ее окончания, перенеся их на весну.

В заключение необходимо отметить деятельность Музея антропологии и этнографии по Институту этнографии АН СССР. В 1952 г. Музеем открыты новая экспозиция «Индейцы Южной Америки» и две выставки: «Китайский политический плакат» и «Древний Хорезм». Посещаемость Музея составила свыше 80 тыс. человек.

Новые задачи, вытекающие из решений XIX съезда КПСС, требуют решительного улучшения всей работы Института. В центре внимания должна быть задача повышения качества научной продукции и идеологического уровня исследований.

Т. Жданко

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В 1952 году

Как и в предыдущие годы, экспедиции Института в 1952 г. проводились в различных районах. В центре внимания экспедиций стояло изучение современных форм культуры, исследование процессов социалистического преустройства быта и культуры колхозного крестьянства различных народов нашей многонациональной страны. Наряду с этим, проводились исследования, посвященные вопросам происхождения и этнической истории отдельных народов, истории их культуры, вопросам культурных взаимоотношений различных народов.

Хорезмская экспедиция под руководством проф. С. П. Толстова в 1952 г. широки развернула археологические работы в зоне трассы Главного Туркменского канала

Эти работы проводились шестью отрядами. Три из них вели исследования на землях древнего орошения Ташаузской области Туркменской ССР; два отряда работали на верхнем Узбое; шестой отряд вел раскопки городища Куня-Ургенч — средневековой столицы Хорезма (начальники отрядов: М. А. Итина, Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапорт, О. А. Вишневская, Н. Н. Вактурская, Б. В. Андрианов). Обследованы многочисленные памятники различных эпох, начиная от неолитических стоянок, открытых вдоль русла Верхнего Узбоя, и кончая памятниками позднего средневековья. Наиболее крупные работы проводились на городищах Гяур-кала (крепость кушанского времени, примерно II—III вв. н. э.), Куня-Уз (многослойный памятник, древнейший слой которого датируется первыми веками до н. э.), Шахсенем (городище существовало со времени ранней античности — IV—III вв. до н. э. до монгольского нашествия), Куня-Ургенч. Вдоль древнего канала Чермен-яб проводилась археолого-топографическая съемка древних ирригационных систем.

Обследование древних ирригационных сооружений по берегам Сарыкамыша позволило установить существование в XVI—XVII вв. большого Сарыкамышского пресноводного озера и наличие грандиозной оросительной системы, созданной здесь туркменским земледельческим населением. Проведена археологическая разведка в районах к северу от Сарыкамышской котловины и вдоль русла Аджаиб — южного протока Нижнего Узбоя, где впервые открыты многие древние памятники.

Собранный Хорезмской экспедицией в зоне трассы Главного Туркменского канала материал позволяет по-новому осветить многие исторические и историко-географические вопросы, в частности, историю Сарыкамыша и Узбоя.

В 1952 г. экспедиция продолжала также начатые в предыдущие годы раскопки известного памятника IV—III вв. до н. э. — крепости Кой-Крылган-кала¹.

Североузбекский этнографический отряд Хорезмской экспедиции (начальник отряда К. Л. Задыхина) провел значительные полевые исследования среди узбеков левобережных районов Кара-Калпакской АССР.

Этнографические работы Памиро-Ферганской экспедиции в 1952 г. были связаны в основном с пополнением материалов для подготовляемой Институтом монографии по культуре и быту таджикского колхоза (командировка Е. М. Пещеревой). Я. Р. Винниковым собирались материалы к составлению этнографической карты Ферганской долины. В Иссык-Кульской области Киргизской ССР проводилось изучение культуры и быта киргизского колхозного крестьянства (начальник отряда С. М. Абрамzon, участники отряда — сотрудники Института этнографии Г. П. Васильева, Е. И. Махова, аспиранты Института Р. Г. Кузеев, Е. И. Тошакова, сотрудник Музея национальной культуры Киргизского филиала АН СССР К. И. Антилина и другие). Объектом изучения был избран колхоз им. Ворошилова Покровского района, в 47 км от областного центра г. Пржевальска. Собирались материалы по производственному быту колхозников, по материальной культуре, по истории селения, по теме «Семья и брак у киргизов», по культурному строительству.

Работы в таджикском и киргизском колхозах входят в общий комплекс тех исследований, которые проводятся Институтом этнографии и другими этнографическими учреждениями страны по теме «Изменения в культуре и быте колхозного крестьянства народов СССР». В 1952 г. был осуществлен ряд мероприятий для координации этих работ, для выработки согласованной программы исследований, были обсуждены методические и организационные вопросы.

Перед советскими этнографами стоит сейчас важнейшая и нелегкая задача: перейти от описания фактов, от простой фиксации наблюдаемых явлений к анализу их, к вскрытию закономерностей тех процессов, которые протекают в культуре и быте различных народов нашей страны. Это может быть осуществлено только на основе данных, собранных в различных районах, на базе детального сравнительного изучения различных сторон культуры и быта.

Дагестанская экспедиция Института проводит свои исследования уже в течение ряда лет. Центральными темами работ экспедиции являются: изучение национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Дагестана и исследование процессов этнической консолидации, протекающих среди различных групп этой многонациональной республики. В прошлые годы проводились исследования в аварских, лакских и даргинских районах. В 1952 г. велись работы по изучению рутульцев (начальник экспедиции Л. И. Лавров), агульцев (Б. А. Калоев) и шахуров (З. А. Никольская) — групп, почти не исследованных до настоящего времени в этнографическом отношении. Сотрудник экспедиции Л. А. Добрускин, разрабатывающий тему по экономике Дагестана и направлению хозяйства по отдельным районам республики, продолжал изучение материалов в архиве ДАССР. К сожалению, исследования Дагестанской экспедиции не увязаны с работами местных этнографов, что неминуемо приводит к распылению сил, нередко к дублированию работы.

Саяно-Алтайская экспедиция (руководитель проф. Л. П. Потапов) имеет своей основной темой изучение процессов национальной консолидации у народностей Алтая-Саянского нагорья. Эти вопросы тесно связаны с вопросами происхождения и этнической истории этих народностей. В 1952 г. работы экспедиции проводились тремя отрядами.

¹ О работах Хорезмской экспедиции см. «Вестник древней истории», 1953, №№ 1 и 2.

Хакасский отряд (Л. П. Потапов, П. И. Коралькин, Р. Ф. Итс) вел исследования в Усть-Абаканском районе, собирая материалы по культуре и быту в хакасских национальных колхозах. Проведена значительная работа в архивах гор. Абакана. Л. П. Потапов собирал материалы по хозяйственному и культурному строительству, в Тувинской автономной области, в областном центре — гор. Кызыле.

Тувинский этнографический отряд под руководством Е. Д. Проокофьевой работал в Тоджинском районе — северо-восточном районе области. Значительная часть тувинцев-тоджинцев до недавних лет вела кочевой образ жизни, занимаясь охотой и оленеводством. За годы коллективизации, которая началась здесь лишь в 1949 г., культура и быт тоджинцев неизвестно изменились. Наряду с подробным обследованием современной культуры и быта тоджинцев, экспедицией собраны ценные материалы для решения сложного вопроса о тувинско-самодийских древних этнических связях, в частности, по самодийским элементам в языке тоджинцев.

Антропологический отряд Саяно-Алтайской экспедиции в составе М. Г. Левина и студента кафедры антропологии Московского университета В. Г. Властовского охватил своими работами широкую территорию. Работы начались с антропологического обследования бурят в Баяндайском районе Усть-Ордынского национального округа. В июле — августе проводилось обследование тофаларов (карагасов), данные о которых в антропологической литературе полностью отсутствовали. На третьем этапе работы были проведены исследования в Тувинской автономной области, где обследованы четыре группы: центральная (в Тандынском районе), западная (в Дзун-Кемчинском районе), южная (в Эрзинском и Самагалтайском районах) и северо-восточная (в Тоджинском районе). Собранный антропологический материал, обработка которого далеко еще не закончена, позволяет по-новому осветить некоторые вопросы антропологии Южной Сибири, существенные различия в антропологическом типе между тувинцами-тоджинцами и другими группами тувинцев, близость антропологического типа тофаларов к типу тувинцев-тоджинцев и др.).

В 1952 г. начали свои работы Балтийская этнографо-антропологическая комплексная экспедиция. Эта экспедиция проводится Институтом этнографии совместно с этнографическими учреждениями академий наук Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республик и ставит себе целью всестороннее этнографическое и антропологическое исследование народов Советской Прибалтики. В тематику экспедиции входит изучение вопросов происхождения, этнической истории, культурных взаимоотношений народов Прибалтики, изучение процессов социалистического переустройства культуры и быта литовского, латышского и эстонского крестьянства. Работа экспедиции в 1952 г. (руководитель проф. Н. Н. Чебоксаров) проводилась несколькими отрядами. Литовский антропологический отряд работал в трех северо-восточных районах Литвы: Рокицком, Панельском и Обяльском. Латвийский антропологический отряд проводил исследования в Неретском и Акнистском районах Даугавпилской области. Эстонский этнографический отряд охватил обследованием территорию вдоль границы с Латвийской ССР и РСФСР: Ваастселинасский район Тартуской области и Иыхвский район Таллинской области, а также Печерский и Качановский районы Псковской области. Из сотрудников Института этнографии АН СССР в составе этнографических отрядов принимали участие Л. Н. Терентьева, О. А. Ганцкая, а также аспирантки Н. В. Шлыгина и Н. Н. Грацианская.

Антропологический отряд в составе проф. Г. Ф. Дебеца, М. В. Витова, К. Ю. Марк и В. Д. Дяченко охватил обследованием 18 групп во всех трех Прибалтийских республиках, а также в Печерском районе Псковской области РСФСР и Сморгонском районе Молодечненской области БССР.

Работами 1952 г. положено начало широкому комплексному исследованию народов Прибалтики, которое будет продолжено в 1953 и последующие годы².

Воронежская экспедиция под руководством проф. П. И. Кушнера проводила свою работу в селениях Старая Тойда и Старая Чигла Анненского района Воронежской области. Эти работы связаны с подготовляемым коллективом экспедиции монографией по культуре и быту русского колхозного крестьянства. Сотрудниками экспедиции (В. Ю. Крупянской, М. Н. Шмелевой, Л. А. Пушкиной и С. Б. Рождественской) собраны материалы, характеризующие производственный и семейный быт колхозников, различные стороны материальной и духовной культуры.

В 1953 г., наряду с продолжением работ в Воронежской области, будут проводиться исследования в русских колхозах Тамбовской области. Эти работы входят составной частью в указанный выше комплекс исследований по культуре и быту колхозного крестьянства народов СССР.

Надо признать, что в работе наших экспедиций имеются еще очень серьезные недостатки в области как научной, так и технической их подготовки. Изучение важнейших и сложнейших вопросов, связанных с исследованиями по современной культуре народов СССР, не выходят во многих случаях за пределы простого описания. Недостаточно подробно и тщательно разрабатываются зачастую программы полевых исследований. Далеко не все экспедиции имеют в своем составе художника и фотографа, что

² Подробнее о работах Балтийской экспедиции см. в статье Л. Терентьевой и О Ганцкой, «Советская этнография», 1953, № 1.

очень снижает уровень доставляемого иллюстративного материала и, сказывается и на полноте фиксаций наблюдаемых явлений.

Помимо названных выше экспедиций, в 1952 г. был осуществлен ряд научных командировок на научных сотрудников, так и аспирантов Института.

Ст. научный сотрудник В. Н. Белицер совершила поездку в Удорский район Коми АССР с целью пополнения полевых материалов для монографии «Коми-зыряне и коми-пермяки». Основное внимание при сборе материалов было обращено на темы: «Поселение и жилище» и «Духовная культура». Были проведены командировки аспирантов: Н. В. Шлыгиной в Эстонскую ССР, Р. Ходжаевой в Уйгурский район Алма-Атинской области КазССР, В. В. Вострова в Уральскую область РСФСР, У. Х. Шалекенова в Чимбайский район Кара-Калпакской АССР, М. И. Атакишиевой и Г. Гулиева в Азербайджанскую ССР. Собранные ими материалы лягут в основу их диссертаций. Аспиранты Л. В. Маркова и В. С. Зеленчук приняли участие в Молдавской экспедиции, организованной кафедрой этнографии Исторического факультета Московского гос. университета. Многие аспиранты участвовали в Хорезмской, Балтийской и других экспедициях Института.

Из года в год крепнет содружество Института этнографии с этнографическими и антропологическими учреждениями союзных республик, растет число совместно проводимых экспедиций. Таковы работы Балтийской комплексной экспедиции, работы Памиро-Ферганской экспедиции, в которой принимали участие этнографы Таджикской и Узбекской академий наук. Связана в своей работе с местными научными учреждениями Саяно-Алтайская экспедиция Института. Местные работники принимали участие и в работах других экспедиций. Проф. Г. Ф. Дебец, по приглашению академий наук Азербайджанской и Грузинской ССР, осуществлял научное руководство антропологическими исследованиями в Азербайджане и Грузии. Эти работы будут продолжены в 1953 г.

Однако координация работ различных этнографических учреждений еще далеко не достаточна. Усилить координацию, наладить повседневную связь Института этнографии с местными этнографическими учреждениями — важная задача, успешное разрешение которой будет во многом способствовать плодотворности полевых исследований.

М. Г. Левин

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ КОМПЛЕКСНОЙ БАЛТИЙСКОЙ АНТРОПОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЗА 1952 год

В январе-феврале 1953 г. в Институте этнографии АН СССР и соответствующих институтах академий наук трех Прибалтийских республик были проведены отчетные конференции по итогам работы комплексной Балтийской антрополого-этнографической экспедиции за 1952 год. 19—22 января состоялась первая конференция в г. Вильнюсе. Институт истории и права АН Литовской ССР привлек для участия в ней не только членов экспедиции, но и представителей других республиканских и районных учреждений, ведущих этнографическую работу (работников кафедры археологии и этнографии Вильнюсского государственного университета, сотрудников Вильнюсского художественного музея, работников некоторых краеведческих музеев), а также специалистов смежных областей науки — археологов, историков, архитекторов, филологов.

Работой конференции руководил вице-президент Академии наук Литовской ССР профессор И. И. Жюгжда. С докладом «Некоторые вопросы этнической истории народов Прибалтики в свете новейших антропологических данных» выступил начальник экспедиции профессор Н. Н. Чебоксаров. Доклад вызвал оживленный обмен мнений. Выступавшие подтвердили основные положения, высказанные Н. Н. Чебоксаровым в его докладе.

Участниками Литовского этнографического отряда было прочитано пять докладов. Начальник отряда А. И. Вишняускайте сделала обобщающий доклад по итогам работы этнографов. Основываясь на решениях XIX съезда КПСС, она наметила перспективы дальнейшей работы отряда и выдвинула для дискуссии ряд вопросов по методике исследования. Директор этнографического музея АН Литовской ССР В. С. Жилинас сделал подробное сообщение о типе поселений и о жилище в обследованных районах. Научные сотрудники Института истории и права О. В. Пчелина и М. М. Глемжайте ознакомили в своих докладах с собранными материалами по одежде и домашней обработке льна и шерсти. Аспирант Института К. Григас характеризовал в своем сообщении устное народное творчество сельского населения Панельского, Рокишского и Обяльского районов Литовской ССР.

На конференции были заслушаны также доклады двух преподавателей кафедры археологии и этнографии Вильнюсского государственного университета — П. Дундулене и А. И. Микенайте, ознакомивших с этнографическими материалами, собранными студентами университета во время полевой практики. Интересное сообщение о работах по фиксации памятников народного зодчества сделал заведующий кафедрой Каunasского политехнического института т. Шешелгис.

К открытию конференций в помещении Этнографического музея была организована выставка материалов, собранных во время экспедиции. На выставке были пред-

ставлены вещевые экспонаты: орудия труда, мебель, предметы домашней утвари, одежда, образцы льняной и шерстяной домотканной материи (2 альбома с 560 образцами), предметы народного искусства (скульптура на дереве, предметы с росписью на дереве), а также значительное число иллюстративного материала — рисунки, планы жилищ и усадеб, фотоснимки и другое.

Итоговая конференция участников Латвийского этнографического отряда экспедиции состоялась в Риге 22—23 января. Помимо этнографов — сотрудников Института этнографии и фольклора АН Латвийской ССР, в ней приняли участие работники музеев (Музея народного быта ЛССР, Государственного исторического музея ЛССР), историки и археологи Института истории АН ЛССР, работники Отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совете Министров ЛССР и другие.

В день открытия конференции, после вступительного слова действительного члена АН ЛССР директора Института этнографии и фольклора проф. Р. А. Пельше, с докладами выступили профессор Н. Н. Чебоксаров¹ и и. о. заведующего сектором этнографии Института этнографии и фольклора АН ЛССР Э. П. Ласе. В своем докладе, посвященном итогам работы этнографического отряда, т. Ласе подвергла резкой критике имевшие место недостатки в научно-организационной и исследовательской работе отряда. Непродолжительность пребывания в поле отдельных работников и вызванная этим их сменяемость, а также несогласованность в работе этнографов и фольклористов отразились весьма отрицательно на работе отряда. В результате этого, исследования по некоторым темам (производственный и семейный быт, духовная культура) не дали ожидаемых результатов. Наиболее существенным пробелом в работе отряда в 1952 г., указала т. Ласе, следует считать недостаточное внимание со стороны отдельных его участников к изучению коренных социалистических преобразований в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства, неумение найти типическое в исследуемых явлениях, обнаружить и зафиксировать ростки нового, прокладывающие себе путь в борьбе со старым, отживающим.

На утреннем и вечернем заседаниях 23 января были заслушаны доклады по отдельным этнографическим темам, а также по устному и музыкальному народному творчеству.

Научный сотрудник Института этнографии АН СССР Л. Н. Терентьев, руководившая в экспедиции темой «Госеление и жилище», остановилась в своем докладе преимущественно на методике исследования, показав на примере собранных полевых и архивных материалов по поселениям и жилищу, как велики возможности использования этих памятников для исследования общественных и семейных отношений, а также для изучения этнической истории народа.

Научный сотрудник Института этнографии и фольклора АН ЛССР А. К. Крастыня ознакомила с крестьянским жилищем Неретского и Акнистского районов ЛССР, рассматривая его как памятник народного зодчества. Доклад ее был богато иллюстрирован чертежами, рисунками и фотографиями. Научный сотрудник того же Института М. К. Славе сделала сообщение о собранных материалах по современной одежде колхозников и ее орнаментации. Доклад также сопровождался богатыми иллюстрациями. С докладами об устном и музыкальном народном творчестве, записанном в Неретском, Акнистском и Вентспилском районах, выступили научные сотрудники т. т. Анцелане и Витолиньш. В Риге, как и в Вильнюсе, к открытию конференции была организована выставка полевых материалов, на которой, кроме материалов Института этнографии и фольклора АН ЛССР, были представлены копии с рисунков и чертежей Отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совете Министров ЛССР.

26—27 января в Тарту состоялась научная конференция по итогам работы Эстонского этнографического отряда Балтийской экспедиции. На конференции был повторен доклад Н. Н. Чебоксарова об этнической истории народов Советской Прибалтики в свете данных антропологии (со значительными дополнениями по Эстонии), а также прочтены доклады научных сотрудников Института истории и Этнографического музея АН Эстонской ССР: К. И. Тихазе («Из истории эстонского народного жилища»), А. Х. Моора («К вопросу о культурных связях эстонцев северо-восточных районов Эстонской ССР с русскими по данным материальной культуры»), А. А. Вольмаа («Народная одежда смешанного русско-эстонского населения Иыхвиского района»), Т. М. Пазвере («Жилой дом крестьянского населения Вастселийнинского района»), Е. В. Рихтер («Этнографические работы у сету летом 1952 года»). К конференции была организована выставка этнографических материалов, собранных эстонскими отрядами Балтийской экспедиции. 29 января Н. Н. Чебоксаров прочел свой доклад еще раз на расширенном заседании Ученого совета Института истории АН Эстонской ССР в г. Таллине. Доклад, получивший в целом положительную оценку, вызвал оживленные прения.

Итоговая объединенная конференция в Москве состоялась 13—18 февраля. В конференции приняли участие работники Балтийской экспедиции — этнографы и антропологи, многие научные сотрудники Института этнографии АН СССР, археологи

¹ Тема доклада та же, что и на конференции в Институте истории и права АН Литовской ССР, но с более подробным освещением вопросов, относящихся к этнической истории Латвии.

Института истории материальной культуры АН СССР и Институтов истории Литовской и Эстонской ССР, некоторые языковеды Института языкоznания АН СССР и Институтов языка и литературы Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, а также историки Прибалтики, находившиеся в это время в Москве на сессии Совета по координации. В течение 5 дней на конференции было заслушано 30 докладов.

Первый доклад — об итогах работы экспедиции в 1952 г. и о ее дальнейших перспективах — сделал начальник экспедиции профессор Н. Н. Чебоксаров на вечернем заседании 13 февраля. Вслед за тем были заслушаны отчеты всех трех начальников республиканских этнографических отрядов.

14 февраля на утреннем заседании выступили с докладами антропологи и археологи. Профессор Н. Н. Чебоксаров повторил свой доклад «Некоторые вопросы этнической истории народов Прибалтики в свете новейших антропологических данных», прочитанный на республиканских конференциях, значительно расширив его. Профессор Х. А. Моора выступил с докладом «Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа по данным археологии».

Научный сотрудник Института истории Эстонской ССР антрополог К. Ю. Марк сделала доклад о новых данных по палеантропологии Эстонской ССР, представляющий собой основные выводы подготовленной ею к защите кандидатской диссертации. Кандидат исторических наук П. З. Куликаускас сделал информационное сообщение об археологических исследованиях в Литовской ССР.

Вечернее заседание 14 февраля было посвящено докладам языковедов. Все три докладчика: В. П. Мажюлис (Литва), Э. Я. Шмидт (Латвия) и А. Я. Универе (Эстония) — подробно ознакомили с диалектами литовского, латышского и эстонского языков и с работами по диалектологии в своих республиках. Каждым из докладчиков демонстрировались карты с границами распространения диалектов и говоров. Доклады лингвистов Прибалтики, впервые выступавших на конференции, вызвали особенно большой интерес.

Отмечая значительную работу, проделанную лингвистами по диалектологии, выступавшие этнографы, археологи и антропологи указывали вместе с тем на недостаточную увязку выводов языковедов с данными истории народов Прибалтики и выражали настоятельное пожелание ближе контактировать свою работу с языковедами путем совместных выездов в экспедиции, участия в заседаниях, разработки общих программ дальнейших исследований и т. д.

С 16 по 18 февраля на утренних и вечерних заседаниях были заслушаны этнографические доклады. Кроме поименованных выше докладов, прочитанных этнографами — участниками экспедиции на республиканских конференциях, значительно дополненных и переработанных, в повестку дня Московской конференции было включено еще несколько новых: доклад директора Музея народного быта Латвийской ССР Н. П. Типайниса о работах Музея по изучению народного жилища, доклад научного сотрудника названного музея С. Я. Цимерманиса о жилище латвийских батраков в конце XIX — начале XX века, доклад преподавателя кафедры этнографии исторического факультета Московского государственного университета К. И. Козловой об этнографических работах у русских побережья Чудского озера (Эстонская ССР); доклад научного сотрудника Института этнографии АН СССР О. А. Ганцкой об этнографическом изучении русского населения северо-восточной Литвы, доклады аспирантов Института Г. О. Калнини об изучении национального состава населения Неретского и Акнистского районов Латвийской ССР и В. К. Милюса об опыте изучения пищи и домашней утвари литовских крестьян.

В зале заседаний конференции была организована выставка материалов каждого из этнографических отрядов экспедиции. Большинство докладчиков пользовались, кроме того, при чтении доклада проекционным фонarem или сопровождали доклады демонстрацией карт, схем, альбомов с иллюстрациями.

В заключение работы конференцией была принята развернутая резолюция, в которой дана оценка работ, проведенных этнографическими и антропологическими отрядами в 1952 г., и определены задачи дальнейшей работы экспедиции. Наряду с положительной оценкой работы, в резолюции отмечается ряд существенных недочетов в деятельности экспедиции в 1952 г.

Культурно-бытовые преобразования социалистической эпохи, отмечено в резолюции, изучались преимущественно описательно, путем констатирования тех или иных фактов и явлений, без глубокого раскрытия закономерностей их развития в наши дни. Не все стороны культуры и быта исследовались с необходимой полнотой, мало внимания было уделено, в частности, производственной жизни колхозников, их семейному быту (в Латвийской и Эстонской ССР), духовной культуре. Координация между отдельными группами работников не всегда была полной. Не удалось обеспечить участия в работах экспедиции языковедов-диалектологов, очень важного для исследований в области этнической истории. Некоторые недочеты имелись также в методике полевой фиксации материалов (съемка планов и разрезов памятников архитектуры, чертежей и выкроек одежды, фотографирование).

Учитывая ответственные задачи, стоящие перед советскими этнографами в свете гениальных работ И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» и «Экономические проблемы социализма в СССР», а также в свете исторических решений XIX съезда партии, совещание по итогам Балтийской этнографо-антропологической экспедиции признало, что в центре работ экспедиции 1953—1955 гг. должно стоять всестороннее изучение тех коренных изменений культуры и быта, которые происходят

у народов Советской Прибалтики, как и у всех народов СССР, в настоящее время — в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Вместе с тем признано необходимым продолжить и углубить исследовательскую работу по проблемам происхождения народов Советской Прибалтики, их этнической истории и культурных связей как между собою, так и с другими народами, в первую очередь с русскими и белоруссами. При разработке всех указанных вопросов, отмечается в резолюции, особое внимание должно быть обращено на установление основных закономерностей развития изучаемых явлений в различные исторические эпохи, на показ успехов и достижений социалистического строительства в СССР во всех областях культуры и быта, на разоблачение и критику с фактами в руках всевозможных реакционных антимарксистских концепций этногенеза и этнической истории, в особенности буржуазно-националистических теорий, которые были широко распространены в Прибалтийских республиках в годы буржуазной диктатуры.

Чтобы обеспечить выполнение этих задач, устранить отмеченные выше недостатки и добиться дальнейших успехов в этнографической работе в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, совещание наметило провести следующие мероприятия.

Организовать в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР — в районах работы Балтийской экспедиции — стационарное комплексное исследование хозяйства, культуры и быта сельского населения в передовых колхозах, выбранных по согласованию с местными партийными и советскими органами. Наряду со стационарными работами развернуть маршрутные тематические исследования различных элементов материальной культуры, — в первую очередь, поселений, жилища и одежды, — необходимые для освещения вопросов этнической истории народов Советской Прибалтики, с тем расчетом, чтобы в течение текущей и следующей пятилеток охватить всю территорию Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. В 1953—1955 гг. завершить предусмотренные планом Балтийской экспедиции работы в восточных районах Прибалтийских советских республик, характеризующихся наиболее древними и глубокими связями с соседним восточнославянским, позднее русским населением. Особое внимание в работах всех этнографических отрядов экспедиции обратить на всестороннее исследование двух тем — современного колхозного жилища и семейного быта колхозников, — рекомендованных Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР для координированного изучения во всех республиках Советского Союза. Изучение этих тем будет вестись по единым программам, разработанным Институтом этнографии, с учетом местных особенностей каждой из республик Советской Прибалтики.

В резолюцию включен также пункт о координации работы комплексной Балтийской экспедиции с работами этнографов, археологов и языковедов Академии наук Белорусской ССР и об увязке с работами Русской экспедиции Института этнографии АН СССР, начинающей в 1953 г. работу в соседних с Литовской и Эстонской ССР Новгородской и Псковской областях РСФСР.

Участники конференции одобрили опыт Института этнографии АН Латвийской ССР по проведению выездных сессий Ученого совета и высказали пожелание провести в 1953 г. выездные сессии в районах работ всех трех этнографических отрядов.

Вместе с резолюцией на конференции был обсужден и получил одобрение план подготовки трудов комплексной Балтийской антрополого-этнографической экспедиции. В результате деятельности экспедиции намечено издать «Труды экспедиции». Параллельно с этим принято решение осуществлять публикацию материалов экспедиции в периодической печати Института этнографии АН СССР. В частности, намечено подготовить к печати доклады, прочитанные на данной конференции.

Республиканские и особенно объединенная итоговая конференция в Москве имели большое положительное значение для обмена опытом и координации всей этнографической работы по изучению народов Советской Прибалтики, а также для увязки этой работы со смежными науками — археологией и лингвистикой. Работа конференции показала, что за три года, прошедшие с момента первого совещания этнографов Советской Прибалтики, проведенного Институтом этнографии АН СССР в 1950 г.², имеются значительные сдвиги в постановке исследовательской этнографической работы в Советских республиках Прибалтики, а также, что за эти годы во всех трех республиках выросли молодые кадры этнографов. Из 26 докладов, подготовленных литовскими, латышскими и эстонскими этнографами, 18 прочитаны молодыми, начинающими работниками. Подавляющее большинство из них выступали с докладами в Москве впервые. Серьезное внимание республиканскими академиями наук уделяется подготовке молодых научных кадров через аспирантуру. В настоящее время в республиканских институтах и в Институте этнографии АН СССР проходят аспирантскую подготовку 9 человек. Ряд научных работников готовят кандидатские диссертации без отрыва от основной работы.

Можно не сомневаться, что в результате дальнейшей совместной работы московских и прибалтийских этнографов и антропологов будет осуществлена разработка ряда важнейших научных проблем и обеспечена подготовка кадров этнографов и антропологов для Союзных Советских Республик Прибалтики.

Л. Терентьева

² См. хронику совещания в журнале «Советская этнография», 1950, № 2, стр. 189.

XII СЕССИЯ СОВЕТА ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

(Подсекция этнографии)

4—12 февраля 1953 г. в Академии наук СССР состоялась XII сессия Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик.

5 февраля состоялось совместное заседание подсекций истории, археологии, этнографии и истории искусств. В своем докладе на этом заседании заместитель директора Института этнографии АН СССР М. Г. Левин подробно остановился на итогах научной деятельности в области этнографии за 1952 г., сообщил о сводном координационном плане этнографических исследований и мероприятий на 1953 г. по проблемам, принятым к постоянной координации. Особое внимание М. Г. Левин уделил разбору недостатков в работах советских этнографов и задачам этнографии в свете основных положений классического труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС.

Планы на 1953 г. научно-исследовательских работ академий наук союзных республик по этнографической тематике детально обсуждались на заседаниях секторов подсекции этнографии. Как показало обсуждение этих планов, этнографическая работа в большинстве союзных республик за последнее время значительно усилилась, почти во всех планах предусмотрены исследования по центральной координируемой теме — «Изменения в культуре и быте народов СССР». Однако в ходе обсуждения был вскрыт ряд серьезных недостатков и пробелов в работе как Института этнографии АН СССР, так и этнографических учреждений союзных республик. Общим недостатком обсужденных планов является то, что в них не предусмотрены работы, посвященные разоблачению реакционных направлений зарубежной этнографии, показу современного положения народов колониальных и полуколониальных стран, критике антимарксистских извращений, имевших место в исследованиях советских этнографов.

Широкому развертыванию этнографических работ препятствует недостаточная обеспеченность научно-исследовательских институтов квалифицированными кадрами этнографов. За исключением Академии наук Грузинской ССР, где имеется большой коллектив квалифицированных работников, и Академии наук Таджикской ССР, где в последние годы штат этнографов значительно пополнился, положение с кадрами специалистов-этнографов в академиях наук союзных республик все еще остается тяжелым. Из-за отсутствия этнографов в Институте истории Академии наук Азербайджанской ССР и в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР в планах этих институтов этнографическая тематика вообще не представлена.

На заключительном заседании подсекции этнографии была принята резолюция, в которой нашли отражение вопросы планирования этнографической работы и вскрытые в результате обсуждения недостатки.

Учитывая исключительную политическую актуальность исследований, посвященных показу изменений в культуре и быте народов СССР, показу расцвета их социалистической по содержанию, национальной по форме культуры, — совещание рекомендовало всем этнографическим учреждениям академий наук союзных республик в кратчайшие сроки подготовить статьи по этой тематике для публикации их в журнале «Советская этнография» либо отдельными выпусками. Этнографическим учреждениям академий наук Закавказских республик сделано предложение подготовить в 1953 г. сборник, посвященный показу расцвета культуры народов Закавказья, торжества ленинско-сталинской национальной политики; высказано пожелание, чтобы эту работу организационно возглавил Институт истории Академии наук Грузинской ССР. Институту этнографии АН СССР совместно с Дагестанским филиалом рекомендовано подготовить аналогичный сборник по народам Дагестана.

В резолюции указано на необходимость созыва в Институте этнографии АН СССР осенью 1953 г. совещания этнографов, работающих по координируемым темам — «Семья и семейный быт народов СССР» и «Современное народное жилище».

Считая одной из важнейших задач этнографов выявление порочного влияния концепций Марра и его последователей в области этнографии, совещание призвало все этнографические учреждения академий наук союзных республик подготовить ряд критических статей по этому вопросу для публикации их в журнале «Советская этнография», на страницах которого борьба с антимарксистскими извращениями ведется все еще недостаточно.

Подсекция сочла необходимым обратить особое внимание на подготовку кадров квалифицированных этнографов и в связи с этим — просить Президиум Академии наук СССР об увеличении числа мест в аспирантуре Института этнографии.

Итоги работы подсекции были доложены заместителем директора Института этнографии АН СССР М. Г. Левиным 9 февраля на пленарном заседании секции истории и философии, принявшем общее постановление.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

15 марта 1952 г. старшим научным сотрудником Института этнографии Н. А. Кисляковым защищена докторская диссертация на тему «Семья и брак у таджиков»¹. Официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР [А. Ю. Якубовский] и доктора историч. наук М. О. Косвен и М. М. Дьяконов очень положительно оценили эту работу, подчеркнув ее теоретическое и практическое значение. Эта работа, сказал А. Ю. Якубовский, отражает хорошее знание автором общественной жизни таджиков в прошлом и в советское время. Семья и ее институты автор рассматривает как часть общественной жизни народа, объясняя семейные установления и обычай, а также взгляды таджиков на семью и брак, исходя из существовавших у них на разных исторических этапах общественных отношений. Во введении автор, давая характеристику общественных отношений у таджиков до Великой Октябрьской социалистической революции, отмечает резкое различие в этих отношениях у таджиков, живших в Бухарском ханстве и в областях, вошедших в состав Российской государства. Автор убедительно показал, что дореволюционный таджикский кишлак Восточной Бухары представлял собой сельскую общину, характерную для страны, еще не вышедшей за пределы натурального хозяйства и почти не знавшей товарно-денежных отношений, причем застайные формы хозяйства и общественного устройства сознательно консервировались феодально-деспотическим государством эмирской Бухары. Другая картина выявлена автором в отношении таджиков, населявших Зеравшанскую долину и другие области, присоединенные к России. Включение этих областей в состав Российской государства имело для их населения весьма положительные последствия, выразившиеся в уничтожении рабства, передаче из владельцев земель, арендовавшихся ими у крупных феодалов, в вовлечении таджиков в сферу капиталистических отношений, что вместе с тем приводило к углублению классового расслоения таджикского кишлака. Эти различия в общественных отношениях обусловили различия в формах семьи, в брачных установлениях и обычаях, сложившихся у таджиков тех и других областей. В следующей главе охарактеризованы покровившаяся на неразделенном хозяйстве патриархальная семья, а затем малая индивидуальная семья, в которой, в условиях слабо развитого товарно-денежного хозяйства, в той или иной мере сохранялись патриархальные отношения. Данная автором характеристика патриархальной семьи, по мнению А. Ю. Якубовского, представляет интерес не только для этнографов, но и для историков и археологов, так как изложенные и проанализированные автором этнографические факты позволяют осветить и правильно истолковать данные археологических памятников, касающиеся общественных черт патриархальной семьи в далеком прошлом, о которых исторические источники дают мало сведений. В главе о калыме и приданом, Н. А. Кисляков на гаджикском материале показал, что калым возник в эпоху патриархата и по своему происхождению был не чем иным, как куплей невесты у патриархальной семьи, которая с уходом работницы из дома терпела материальный ущерб, требовавший возмещения. У горных таджиков калым продолжал существовать и после распада патриархальной семьи вследствие сохранения ее пережитков в малой индивидуальной семье; среди же равнинных таджиков, у которых натуральное хозяйство в значительной степени сменилось товарно-денежным, а затем возникли и капиталистические отношения, калым как купля-продажа невесты, по мнению Н. А. Кислякова, прекратил свое существование. Против этого положения А. Ю. Якубовский возражал, считая, что калым сохранялся и у равнинных таджиков и узбеков вплоть до первых лет советской власти, являясь очень живучим пережитком, активно поддерживаемым мусульманским духовенством. Оппонент подверг критике положение Н. А. Кислякова о том, что «патриархальная семья сопутствует феодальному способу производства на всем протяжении его существования». Нельзя, сказал оппонент, переносить застайные формы социально-экономической жизни горной Бухары конца XIX — начала XX в. на все периоды феодализма. В Средней Азии XI—XV вв., где хозяйство не было чисто натуральным, где товарно-денежные отношения играли значительную роль не только в караванной торговле, но и в систематическом обмене города и деревни, в городах патриархальная семья уже перестала существовать. Спорно, по мнению оппонента, и утверждение автора о том, что брак умыканием практиковался лишь в отдельных случаях в качестве экстраординарной формы, что он не находил себе места в истории человеческого общества, что его невозможно связать ни с одним периодом развития человечества, так как при мatriархате его не могло быть, а при патриархате уже существовал брак путем купли-продажи. Не разделяя взгляда об универсальности брака путем умыкания невесты, А. Ю. Якубовский указал на то, что такая форма заключения брака существовала у целого ряда племен, о чем имеются многочисленные свидетельства. Хорошо, сказал А. Ю. Якубовский далее, показано автором бесправие таджикской женщины в дореволюционном прошлом. Однако здесь автор явно увлекается, перенося это полное бесправие женщины

¹ Автореферат диссертации см. «Краткие сообщения Института этнографии», XVII, М., 1952.

в Бухарском ханстве на более отдаленные времена. Археологические памятники говорят о том, что в согдийском обществе женщина была свободна и ничем не напоминала рабыню. Ухудшение ее положения пришло с торжеством феодализма, под большим давлением реакционной идеологии ислама. Последняя глава диссертации, где говорится о таджикской женщине Сталинской эпохи, по мнению А. Ю. Якубовского, имеет особое значение; она связывает все исследование с нашей современностью, с эпохой построения коммунистического общества, и дает возможность в полной мере оценить тот подобный чуду скачок, который проделала женщина-таджичка за годы Советской власти. Автор вместе с тем показал, что завоевание свободы таджикской женщины происходило в обстановке ожесточенного сопротивления всех реакционных сил и, с другой стороны, что не все еще препятствия в деле полного раскрепощения женщины в Таджикистане изжиты. В сознании людей в отдельных случаях еще сохраняются пережитки старых взглядов на женщину как на существо, целиком подчиненное мужу. Показывая факторы, способствующие изживанию этих реакционных взглядов, автор основу этого процесса видит в самом существе советского государства, в руководящей, направляющей роли коммунистической партии. Труд Н. А. Кислякова, заключил А. Ю. Якубовский, — очень нужное исследование, которое принесет большую пользу не только людям науки, но и практическим работникам Таджикистана и вызовет интерес у широкого круга советских читателей.

М. О. Косвен, присоединившись к положительной оценке обсуждаемого труда, данной предшествующим оппонентом, остановился на некоторых специально этнографических вопросах. Он считает недостаточным данное в диссертации объяснение обычая говора малолетних, причину которого автор видит в ограниченности брачного выбора, обусловленной узостью территории расселения. По мнению оппонента, необходимо дать историческое освещение этого обычая. Разбирая вопрос о калыме и приданом, сказал М. О. Косвен, автор правильно разграничивает эти два различных института, показав, что калым возник гораздо раньше приданого и не является компенсацией последнего, как это иногда указывается в литературе. Однако автор впадает в некоторую крайность, заявляя, что «калым и приданое не имеют ничего общего», так как, если это и различные по происхождению институты, то все же в процессе исторического развития экономической стороны брака между ними устанавливается определенная связь. М. О. Косвен считает правильной критику, данную автором так называемой «теории похищения», согласно которой многие исследователи пытаются чрезвычайно распространенные отдельные свадебные обряды объяснять как пережитки брака путем умыкания невесты. По мнению М. О. Косвена, автор диссертации прав, отрицая такое универсальное происхождение всех обрядов свадьбы из этой формы заключения брака.

М. М. Дьяконов также подчеркнул общетеоретическую и политическую значимость обсуждаемого труда, особенно для историков, работающих над проблемами общественного развития народов Средней Азии. Много в этом отношении, отметил он, дает вводный очерк общественно-политической жизни таджиков до Великой Октябрьской революции, в значительной мере основанный на личных изысканиях автора, особенно по Карагину и Дарвазу, а в осталенной части представляющий собой сводку материалов, которой до сих пор в литературе не имелось. Рассматривая формы землевладения в Восточной Бухаре, автор дает убедительную картину и правильно полемизирует с исследователями, которые в анализе форм собственности в феодальной Средней Азии не могли обходиться от гипноза мусульманских юридических формул, не отражавших действительного положения вещей. Считая правильным утверждение автора о том, что у горных таджиков до революции преобладала большая патриархальная семья, оппонент не согласился с тем, что эта форма семьи и у равнинных таджиков была господствующей вплоть до 70—80-х гг. XIX в. Исходя из археологических данных, оппонент полагает, что в оседлых земледельческих районах разложение патриархальной семьи началось очень рано, хотя отголоски патриархального быта, прослеженные автором диссертации, давали себя знать на протяжении многих веков. Соглашаясь с трактовкой Н. А. Кисляковым вопроса о происхождении и сущности калыма, М. М. Дьяконов считает спорным утверждение о том, что калым и приданое — институты, возникшие на разных стадиях общественного развития. Древневосточные параллели, по его мнению, показывают, что приданое появляется не в связи с исчезновением калыма, а существует в еще очень архаическом обществе. Верно то, что с ослаблением значения калыма приданое начинает играть новую роль, служа целям экономического укрепления новой хозяйственной ячейки — малой семьи. Что касается отрицания Н. А. Кисляковым универсальности брака умыканием, то в этом вопросе М. М. Дьяконов полностью с ним согласился.

В диспуте по диссертации выступил стар. научн. сотрудник Института права АН СССР Г. М. Свердлов. Он остановился на последней главе, отметив большую ее ценность, но вместе с тем, как на досадный пробел, указал на недостаточное внимание автора к государственно-правовой стороне вопроса. Показывая огромные преобразования в жизни таджикской женщины, автор справедливо объясняет их коренными изменениями в области экономики, работой, проведенной таджикскими общественными организациями, и т. д. Однако он уделяет недостаточное внимание таким важнейшим факторам в деле раскрепощения женщины, как советские законы, советский суд. Ссылаясь на кодекс законов о браке Таджикской ССР от 1939 г., автор не упо-

минает о том, что в 1945 г. в этот кодекс внесены существенные изменения в связи с новым общесоюзным законом о браке и семье от 8 июня 1944 г. Не упомянул автор и о том, что брачный возраст женщины в Таджикистане был повышен с 16 до 18 лет, что имеет очень важное значение. Освещение таких серьезных вопросов этнографом, имеющим возможность непосредственно наблюдать, как претворяются в жизнь советские законы, имело бы существенное практическое значение. В заключение Г. М. Свердлов обратился к советским этнографам с призывом больше увязывать свою работу с практическими вопросами советского законодательства и в своих исследованиях уделять больше внимания государственно-правовой надстройке.

Ученым советом Института этнографии Н. А. Кислякову присуждена степень доктора исторических наук.

8 апреля 1952 г. младш. научн. сотрудник Института этнографии М. К. Кудрявцев в защитил кандидатскую диссертацию на тему «Происхождение мусульманского населения Северной Индии». Как отметили официальные оппоненты — доктора историч. наук Н. В. Кунер и А. М. Дьяков, диссертант, основываясь на данных английских и индийских авторов, официальной статистики и исторической литературы, на обширном материале убедительно показал, что индийские мусульмане не составляют особой нации или этнической общности, что они никогда не были связаны общностью языка и культуры. В результате своих исследований автор пришел к выводу, что мусульмане Индии составляют органическую часть тех же народов, из которых они происходят и на языке которых говорят, что они не имеют своей особой истории и культуры, отличной от истории и культуры этих народов, и что, следовательно, разделение Индии на два государства — Индустан и Пакистан — искусственно и исторически не оправдано. В работе дана характеристика кастовой системы и ярко показано положение низших и неприкасаемых каст — самой обездоленной, жестоко эксплуатируемой и бесправной части индийского общества. Автор показывает также процесс образования мусульманских каст и их отличия от индийских, рассматривая первые как своеобразный этап разложения кастовой системы. Много места в диссертации уделено вопросу о том, какие именно слои индийского населения и почему принимали ислам. Известная часть верхушечной прослойки индийских народов принимала эту религию в тот период, когда у власти стояли мусульманские правители; в дальнейшем основная масса прозелитов вербовалась из различных низших каст, в значительной мере из числа неприкасаемых, искавших в исламе избавления от нетерпимо унизительного положения в условиях кастового режима и кастовой дискриминации. Вместе с тем автор подчеркивает, что хотя «принятие ислама избавляет низшие касты от некоторых видов дискриминации, но оно никак не меняет их классового положения, т. е. не избавляет их от нищеты и феодальной или капиталистической эксплуатации». С поставленными перед собой задачами, указали оппоненты, диссертант успешно справился и дал актуальную, политически заостренную работу. Вместе с тем оппоненты отметили и некоторые имеющиеся в ней спорные положения. Так, по мнению А. М. Дьякова, диссертант неправ, считая современных джатов и раджпутов этническими образованиями, тогда как они в действительности являются сословно-кастовыми группами. Ошибается автор и когда связывает процесс распространения ислама среди низших каст с распространением капиталистических отношений — процесс обращения низших каст в ислам начался гораздо раньше; в Восточном Бенгали, например, большинство крестьян, в основном принадлежавших к низшим кастам, перешло в ислам еще в период включения Бенгала в состав империи Великих Моголов. Несогласен проф. Дьяков с диссертантом и в том, что наличие каст среди индийских мусульман облегчало индусам процесс их обращения в ислам. Оппонент полагает, что, наоборот, — индусы, обращаясь в ислам, приносили с собой многие обычаи индуизма, в том числе и пережитки кастового деления. Напрасно также автор пытается изобразить переход индусов в ислам как какой-то шаг вперед в разложении кастовой системы. Это во всяком случае путь очень архаичный, и сейчас процесс разложения кастового строя происходит иными путями, а именно — в результате развития капиталистических отношений и главным образом в результате вовлечения низших, неприкасаемых каст в антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу, которая ведется народами Индии в настоящее время. Высказанные замечания, подчеркнул А. М. Дьяков, отнюдь не имеют целью умаление достоинств диссертации, а направлены к тому, чтобы автор обратил внимание на указанные спорные моменты при подготовке своей работы к печати. М. К. Кудрявцеву присуждена искомая степень кандидата исторических наук.

8 апреля 1952 г. ассистент Казанского государственного университета Е. П. Бусыгин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура русского (сельского) населения Татарской АССР». Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат историч. наук В. Н. Белицер. Оппоненты признали выбор темы весьма удачным, так как русское население Среднего Поволжья этнографами почти не изучалось. Между тем этнографическое изучение русских Поволжья очень важно и для выяснения истории хозяйственного и культурного взаимодействия великороссов с другими этническими группами этой территории в прошлом, и для понимания процессов коренной перестройки всей хозяйственной, общественной и культурной жизни различных национальностей Татарской республики в советскую эпоху. В диссертации, сказал Н. Н. Чебоксаров, на базе об-

ширного оригинального полевого материала поставлены и в значительной степени разрешены такие важные историко-этнографические проблемы, как вопросы о происхождении русского населения Среднего Поволжья и Прикамья, о самобытных чертах его материальной культуры и их дальнейшем развитии в новых условиях, о взаимодействии культуры северных и южных великороссов, татар и других соседних народов, о коренной перестройке материального быта в советскую эпоху на основе социалистической экономики. Особенный интерес, по мнению оппонентов, представляет глава о жилище, в которой автор дал типологию и детальное описание построек русского населения Татарской АССР.

В числе имеющихся в диссертации отдельных недостатков и пробелов оппоненты указали на перегрузку главы о хозяйстве специально экономическим и цифровым материалом, а также детальными данными по агрономии, что для этнографической работы совершенно излишне. Этнограф при характеристике материальной базы современного быта должен тщательно отбирать лишь самые необходимые цифровые данные и отнюдь не увлекаться описанием современной агротехники, общей для всех народов нашей страны. С другой стороны, в главе мало чисто этнографических сведений. Слабо показана специфика сельского хозяйства изучаемого населения в прошлом и настоящем. Недостаточно разработан раздел о домашних промыслах — диссертант ограничивается перечислением промыслов, существовавших у русского населения края, и описанием тяжелых условий труда кустарей в прошлом, но не дает сведений о технике домашних производств, орудиях труда и т. п. По мнению В. Н. Белицера, автор стоит на неправильной точке зрения, рассматривая, по его признанию, «общие вопросы, касающиеся уровня развития сельского хозяйства в целом, независимо от национального признака». Следовало бы отметить правовые и хозяйствственные различия в землепользовании, обеспеченности скотом, технике земледелия и т. п. у русского и татарского населения края в дореволюционном прошлом. Следовало бы также показать, как за годы советской власти, в условиях коллективизации это неравенство русского и татарского крестьянства было ликвидировано. Хотя автор и стремится связать историю материальной культуры русского населения Татарской АССР с его социально-экономической жизнью и не игнорирует классовой дифференциации, которая была сильна в русском крестьянстве Среднего Поволжья в капиталистическое время, однако в главах, специально посвященных рассмотрению отдельных сторон материальной культуры, он не всегда уделяет должное внимание этим вопросам, сказал Н. Н. Чебоксаров. Недостаточно показана бытовая роль материальной культуры — в описании жилища, одежды и т. д. не чувствуется живых людей, носителей этой культуры. Не показаны, например, традиционная роль отдельных частей жилища и ломка этих традиций в наши дни. Указанные недочеты, подчеркнули оппоненты, не умаляют значения диссертации в целом, как серьезного исследования, заполняющего имеющийся до настоящего времени пробел в этнографическом изучении населения Среднего Поволжья.

На заседании были зачитаны отзывы о диссертации — научного руководителя диссертанта проф. Н. И. Воробьева, давшего в целом очень положительную оценку этой работе, и старш. научн. сотрудника Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР Х. Г. Гимади, который, отметив отдельные спорные положения автора, признал его работу серьезным вкладом в этнографическую науку. Е. П. Бусыгину присуждена степень кандидата исторических наук.

13 мая старш. лаборант кафедры этнографии Исторического факультета МГУ Т. Ф. Киселева защитила диссертацию на тему «Цыган Европейской части СССР и их переход от кочевания к оседлости». Официальные оппоненты — доктор историч. наук М. О. Косвен и кандидат историч. наук М. Я. Салманов — указали на большое политическое значение этой работы, являющейся первым исследованием о цыганах, написанным советским автором. Очень интересны, по мнению М. О. Косвена, разделы диссертации, посвященные характеристике материальной культуры и семейного быта цыган. Диссертанткой приводятся данные о существовании у цыган в прошлом большой семьи, чего до сих пор в литературе не встречалось; дано описание цыганской свадьбы. Анализируя дореволюционные общественные отношения цыган, Т. Ф. Киселева отмечает сохранение в них традиций родовой организации, скавывавшихся, в частности, в стойком бытования обычая взаимопомощи. Табор, исторически складывавшийся на основе кровного родства, в последний период кочевой жизни цыган перестал быть только родственной группой, включая в свой состав и не родственников. В этот период уже имело место глубокое расслоение табора. Вожак, прежде родовой вождь, держал в своих руках власть, основанную на экономической силе, используя в своих интересах труд таборной бедноты. Суд, состоявший из старейших цыган и раньше действовавший на основании норм обычного права, которым наравне со всеми подчинялся и вожак, в дальнейшем превратился в орудие поддержания власти последнего. Приводя эти данные, диссертантка, по мнению М. О. Косвена, все же вопрос об общественном строе цыган в прошлом не разрешила, как не удалось ей разрешить и сложный вопрос об их происхождении. Рассматривая далее историю кочевания цыган и начало процесса их оседания, диссертантка приходит к выводу о полнейшем бессилии царской администрации справиться с «цыганским вопросом»; попытки воздействовать на цыган, перевести их на оседлость и приучить к земледельческому труду, проводившиеся полицейскими мерами,

потерпели неудачу. Диссидентка убедительно показала, что у цыган было определенное стремление осесть и при благоприятных условиях это оседание происходило, но насилиственные меры мешали делу. Лишь в условиях советского строя удалось осуществить переход цыган к оседлости, так как переход этот проводился не принудительными мерами, а на началах добровольности, и цыганам предоставлялись все возможности для лучшего устройства оседлой жизни. На этом пути было много труdnostей, объясняемых глубоко укоренившимися бытовыми особенностями цыган, их отсталостью, силой пережитков и противодействием таборной верхушки. Диссидентка, сказал М. О. Косвен, хорошо показала, как партия, советская власть и сами цыганы справились с этими трудностями, как шла борьба старого с новым в среде цыган и как новое победило. Если и сохраняются еще некоторые пережитки прошлого, то они имеют временный характер и на наших глазах исчезают. Коммунистическая партия и советская власть добились того, чего не могло достигнуть ни одно правительство — «цыганский вопрос» в Советском Союзе радикально разрешен. В неизвестно короткий срок цыганы в СССР перешли к трудовой оседлой жизни, каждому дана возможность полезной деятельности в любой отрасли труда. За это время произошла серьезная перестройка быта цыган, создалась новая цыганская семья, выросла новая цыганская женщина, новая молодежь. Огромные успехи достигнуты в области культуры; создана письменность на цыганском языке, цыганская литература, прекрасный цыганный театр в Москве, выросла цыганская интеллигенция. Все это новое, замечательное в истории цыганского народа, сказал М. О. Косвен, хорошо показано в диссертации Т. Ф. Киселевой, и в этом заключается ее научный интерес и большое политическое значение, перед которыми отступают отдельные недочеты и пробелы. Т. Ф. Киселевой присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

На том же заседании Ученого совета Института этнографии, 13 мая 1952 г., защищена кандидатская диссертация научным сотрудником Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы А. А. Лебедевой. Тема диссертации — «Социалистическое переустройство хозяйства и быта крестьянства Закарпатской области Украинской ССР». Официальные оппоненты — доктор историч. наук П. И. Кушнер и кандидат историч. наук В. Н. Белицер — указали на особый интерес этой темы, так как она разработана на материале области, сравнительно недавно вошедшей в состав СССР и в момент проводившихся автором исследований еще сохранившей как в хозяйстве, так и в культуре и быте населения остатки пережиточных явлений, быстро исчезающих в условиях советского строя. Диссиденткой использованы: богатый полевой материал, собранный ею в 1946—1951 гг. в ряде селений, литературный и архивный материал, музейные фонды, а также периодическая печать, удачно привлеченные автором в качестве источника. Этнографическое изучение колхозного крестьянства, сказал П. И. Кушнер, является актуальной задачей советской науки, но вместе с тем и трудной задачей, опыт разрешения которой еще очень невелик. Перед автором данной диссертации стояли еще дополнительные трудности — она должна была выявить специфику в исторически сложившихся особенностях хозяйства и быта населения Закарпатья, в течение ряда столетий оторванного от основной массы украинского народа и находившегося в условиях тяжелого национального и классового гнета; перед диссиденткой стояла задача выявить своеобразие процесса социалистического переустройства хозяйства и быта населения этой области и показать, какое влияние оказал на них колхозный строй. С этими задачами А. А. Лебедева, по признанию оппонентов, успешно справилась и дала серьезное исследование, обогащающее этнографическую науку. В частности, в главе о хозяйстве интересно показаны специфика различных видов колхозного производства и связанные с этой спецификой особенности производственного быта отдельных бригад. Отрадно видеть, сказала В. Н. Белицер, что вопросы материальной культуры диссидентки рассматривает не абстрактно и изолированно, а в тесной связи с изменениями в экономической и политической жизни края, она не забывает о человеке, носителе этой культуры. На материалах жилища, одежды, пищи А. А. Лебедева показывает существовавшее в недавнем прошлом классовое расслоение закарпатской деревни и, с другой стороны, доводя изложение до сегодняшнего дня, дает яркую картину тех изменений, которые произошли в результате социалистического строительства в Закарпатской области. Бледнее и менее полно освещены в работе вопросы духовной культуры, по которым приведено мало полевого материала.

Отмечая положительные стороны работы, оппоненты сделали ряд критических замечаний. Из плана диссертации, отметил П. И. Кушнер, совершенно выпал семейный быт колхозников, не показано влияние на крестьянскую семью общественного хозяйства и тех особенностей производственного быта, о которых пишет автор. Диссидентка излишне подробно приводит статистико-экономические сведения, забывая о том, что каждая цифра только тогда будет понятна, когда раскрыто ее содержание. В тексте много ненужных таблиц. Не нужны и многие общеизвестные сведения, взятые, например, из устава сельскохозяйственной артели. Автор обязан их знать, чтобы не сделать ошибок, но далеко не все, что должен знать автор, нужно включать в текст исследования. Диссидентка, сказала В. Н. Белицер, допустила существенный пробел, обойдя молчанием вопрос о национальном составе населения Закарпатья и о его локальных группах. Следовало бы также остановиться на вопросах духовной

культуры, осветить народное искусство, народные праздники. Внесение этого материала сделало бы работу еще более интересной. Сделанные замечания, подчеркнули оппоненты, не могут снизить общей положительной оценки диссертации. А. А. Лебедевой присуждена искомая степень.

3 июня защищены две диссертации по этнографии Прибалтики. Окончившая аспирантуру Института этнографии Л. Н. Терентьева защитила диссертацию на тему «Социалистические преобразования в хозяйстве, быте и культуре латышского крестьянства». Диссертация эта, как и предыдущая, представляет особый интерес; в ней на примере крестьянства бывшей Селпилской волости раскрывается процесс социалистического переустройства хозяйства и быта одного из народов, сравнительно недавно вступивших в братскую семью народов СССР. Как отметили официальные оппоненты — доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат филологич. наук Я. Я. Ниедре, в работе впервые собраны, проанализированы и обобщены данные о том, что представляет собой в настоящее время латвийская колхозная деревня. Вместе с тем диссертация является первым исследованием в области этнографии Латвии досоветского периода, всесторонне отображающим материальную и духовную культуру латышей данной территории. Хронологическая работа охватывает период с конца XIX в. до наших дней. Даваемая Л. Н. Терентьевой характеристика социально-экономического положения латышского крестьянства конца XIX — начала XX в. основана в большой степени на оригинальных материалах, собранных на месте. Хотя значительную часть этих материалов составляют статистико-экономические сведения, сказал проф. Н. Н. Чебоксаров, однако они органически входят в состав диссертации и помогают понять многие культурно-бытовые явления, характерные для латышского крестьянства дореволюционного времени. Умелое сочетание экономических и этнографических данных, красной нитью проходящее через все исследование, является большим достоинством обсуждаемой диссертации. Другим ее достоинством является то, что диссертантка по-новому подошла к изучению вещевого материала, исследуя материальную культуру в тесной связи с жизнью людей. Следуя учению Ленина о двух культурах в национальной культуре классового общества, Л. Н. Терентьева при описании и анализе этнографических явлений стремится подчеркнуть те социальные различия, которые проявлялись в материальной и духовной культуре, в семейном быте крестьянства досоветской Латвии.

Вторая, основная часть диссертации посвящена этнографическому исследованию крестьянства бывш. Селпилской волости после восстановления в Латвии советской власти. На большом материале (в основном по группе колхозов Екабпилского района с привлечением сравнительных данных по другим районам) Л. Н. Терентьева показывает коренные преобразования в области хозяйства, новый быт и рост новой, социалистической культуры латышей. При этом диссертантка уделяет большое внимание национальной специфике исследуемых явлений, показав, как, сохраняя самобытность, преобразуется национальная культура латышей, наполняясь социалистическим содержанием и служа задачам успешного развертывания социалистического строительства.

Таким образом, по заключению оппонентов, работа Л. Н. Терентьевой имеет большое научно-методологическое значение. Л. Н. Терентьевой присуждена степень кандидата исторических наук.

Вторая обсужденная в тот день диссертация «Жилище и хозяйственные строения Восточной Литвы» защищена научным сотрудником библиотеки Отделения общественных наук АН СССР Г. И. Гозиной, также окончившей аспирантуру Института этнографии. Официальными оппонентами были доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат историч. наук Е. Р. Бинкевич. Проф. Чебоксаров в своем выступлении указал, что в этнографической литературе, в частности в русской, очень мало работ, посвященных характеристике литовского жилища. Между тем материалы по этнографии литовцев представляют очень большой интерес, выходящий далеко за пределы Литвы и Прибалтики в целом, поскольку они отражают издревле существовавшие тесные связи между литовцами и их восточными соседями — белорусами, этаки также украинцами и русскими. Выбор темы диссертации следует поэтому признать очень удачным. Очень интересна глава, посвященная сравнительному анализу жилища литовцев, латышей и белоруссов. В результате этого анализа автор приходит к выводу о большом сходстве в жилище литовцев и белоруссов, подчеркивая при этом наличие в том и другом специфических национальных или этнических черт. Диссидентка права, и сопоставляя жилища восточных литовцев и латгалцев, которые на протяжении XVII—XVIII вв. были связаны с литовцами общностью исторических судеб. Г. И. Гозиной, по мнению оппонента, следовало бы однако больше устремиться на вопросе о том, чем обусловлено это сходство — древними ли связями, восходящими к началу I тысячелетия н. э., мощным ли влиянием восточнославянской культуры, воздействовавшей и на восточных литовцев и на латгалцев, или же заряду с этим здесь действовали и другие факторы. Этот вопрос имеет тем больший интерес, что жилища литовцев других областей — Жемайтии и Курзeme — резко отличаются как от восточнолитовского, аукштайтского, так и от латгальского. Недостает в диссертации и сравнительного материала по жилищу поляков, также исторически тесно связанных с литовцами. Проследив пути развития литовского жилища, начиная с наиболее древнего типа «pamas», или «pūmas», сменившегося затем, под

воздействием восточнославянского жилища, избай «istaba», вплоть до жилища, бытавшего в Восточной Литве в 1948—1949 гг., времени полевых исследований докторантки, она в кратком заключении еще раз подчеркивает огромное влияние много-векового культурного общения литовцев с восточными славянами, сказавшееся на формировании литовского жилища вообще, восточнолитовского, в особенностях.

С положительной оценкой диссертации, данной Н. Н. Чебоксаровым, вполне согласировалась и Е. Р. Бинкевич. Замечания оппонентов в основном относились к не совсем удачной структуре диссертации, что обусловило повторение материала в отдельных главах; показывая пути исторического развития литовского жилища, докторантка вынуждена была, забегая вперед, черпать материал из последующих глав. Оппонентами было отмечено и недостаточное выявление докторанткой сказывавшихся в жилище классовых различий, почти не освещен вопрос о том, каким же социальным группам крестьян принадлежал тот или иной тип дома. Давая в целом правильную типологию жилища, Г. И. Гозина не связывает появление того или иного типа с изменением быта, численности семьи, с классовым расслоением крестьянства. Для более ясного представления об эволюции жилища, сказала Е. Р. Бинкевич, следовало бы характеристику его на разных исторических этапах связать с историей семьи, в частности привести данные о существовании большой семьи и ее разложении. Указанные недочеты, как и более мелкие погрешности, подчеркнули оппоненты, необходимо устранить при подготовке диссертации к печати. Г. И. Гозиной присуждена степень кандидата исторических наук.

27 мая защитил диссертацию окончивший аспирантуру Института этнографии М. В. Витов. В своей работе «Поселения Заонежья в XVI—XVII вв.» докторант поставил себе задачей проследить на историко-этнографическом материале, как отражались закономерности общественного развития на эволюции поселений как одного из элементов материальной культуры народа. Разработана диссертация в основном на архивных, в значительной мере не опубликованных источниках (писцовые книги, древние акты и т. д.); для подтверждения своих основных положений и при сопоставлении с более поздними историческими периодами автор использовал собранный им этнографический материал и критически проработанную литературу. В результате своей работы, отметили официальные оппоненты — доктор исторических наук А. Н. Насонов и кандидат исторических наук В. Н. Белицер, автору удалось написать оригинальное исследование, представляющее значительный интерес как для специалистов-этнографов, так и для собственно историков. К диссертации приложены восемь карт, которые, будучи составлены по последовательным историческим периодам, охватывающим несколько столетий, показывают процесс освоения территории Заонежья, воспроизводят размеры поселений, их группировку, основные типы расселения и т. д. Основной объект своего исследования — поселения Заонежья автор рассматривает не изолированно, а на фоне данной исторической эпохи, в тесной связи с социально-экономическими процессами, происходившими в русском государстве того времени. Докторант, сказал А. Н. Насонов, делает попытку дать ряд классификаций поселений: 1) по типам заселения (долинный, водораздельный, приозерный — прибрежный), 2) по формам поселений (кучевая, уличная, рядовая, круговая), 3) по типам поселения (село, деревня, хутор и т. д.), 4) по типам расселения (скученное, разбросанное, отдельно стоящее поселение). Однако, сказал А. Н. Насонов, не все данные в этой классификации типы в равной мере отражают процессы общественного развития и изучение их не в одинаковой степени представляет научную ценность. Наиболее важный материал, по мнению оппонента, дает изучение поселений по типу расселения, т. е. по типу их взаимосвязи. Докторант показывает, что основным типом расселения для Заонежья было однодворное поселение, причем такие дворы-деревни располагались в большинстве не в одиночку, а группами — гнездами, нося одно общее для данного гнезда название, часто дорусского происхождения, что указывает на их большую древность. Эти гнезда, по мнению докторанта, представляют собой поселения, распавшиеся большой семьи — патронимии. Гнездовой тип поселения, отметила В. Н. Белицер, встречается на широкой территории русского севера и Коми АССР. Для некоторых деревень надолго сохраняется родовое имя, или такая группа селений значится под именем «деревень детей такого-то»; следует согласиться с докторантом, что эти гнезда-деревни носили патронимические названия и во время составления первых писцовых книг были населены родственниками. М. В. Витов показывает далее процесс укрупнения деревень, переход, с конца XV в., от однодворного поселения к многодворному, что он связывает с переходом к долевому землевладению. Однако, по мнению А. Н. Насонова, докторанту следовало бы больше остановиться на общих социально-экономических причинах, вызвавших переход к многодворности: здесь несомненно нашли свое отражение новые явления в социально-экономической жизни, в частности, переход к денежной ренте. Анализируя типы заселения, автор приходит к выводу, что древнейшим из них для Заонежья является прибрежный. Этот вывод, сказала В. Н. Белицер, справедлив и в отношении значительной части территории русского севера и нынешней Коми АССР, где господствует приречный тип поселений, главным образом при устьях рек, которые служили и продолжают и теперь служить основными магистралями. Докторант отмечает незначительный процент селений при водоразделах и их позднее появление в Заонежье. Здесь следовало бы, по мнению В. Н. Белицер, развернуть более поздний

этнографический материал, показывающий, что неуклонный рост производительных сил, лесной и сельскохозяйственной техники приводил к освоению водоразделов, позволяя строить новые поселки в глубине лесных массивов.

В главе, посвященной рассмотрению этнического состава населения Заонежья, автор относительно карел приходит к выводу, что они в основной массе расселились в северном Заонежье, тогда как в западном и южном Заонежье, даже в местах их современного обитания, они являются поздними пришельцами. Здесь, отметила В. Н. Белицер, возникает вопрос, — кто же населял южное Заонежье до карел? На этот вопрос диссертант не дает четкого ответа. Несколько также мнение диссертанта об этнической принадлежности древней чуди и о том, когда чудское население было ассимилировано. Диссертант мало использовал данные топонимики, в особенности характерные для Заонежья и смежных районов двойные, а иногда и тройные названия поселений, помогающие вскрыть этнический состав населения в прошлом и прохождение поселков. Мало использовал он также легенды и предания о местном крае, могущие быть важным источником при выяснении вопросов, связанных с историей поселений и их обитателей.

Давая критические замечания по диссертации, оппоненты вместе с тем отметили ценность этого исследования, являющегося существенным вкладом в этнографию. М. В. Витову присуждена степень кандидата исторических наук.

27 мая защитила диссертацию также окончившая аспирантуру Института этнографии О. А. Ганцикай. Работа, озаглавленная «Материальная культура колхозников Бобруйской области БССР», по своей тематике примыкает к ряду защищенных за последние годы диссертаций, посвященных современному быту и культуре колхозного крестьянства народов СССР. В этой тематике определенную трудность для этнографа представляет характеристика современного общественного хозяйства; ряд этнографических работ на данную тему страдает перегрузкой чисто экономическими вопросами, не являющимися предметом исследования этнографа. О. А. Ганцикай сумела в значительной степени обойти эти трудности, показав характер колхозного хозяйства и выделив основную линию его развития без излишних подробностей, затмняющих изложение. Основной своей задачей диссертантка поставила выявление изменений, произошедших за годы Советской власти в области хозяйства и материальной культуры белорусских крестьян, и показ не только новых черт быта, общих для колхозного крестьянства всех народов Советского Союза, но и той национальной специфики, которая была присуща материальному быту белорусских крестьян в недавнем прошлом и сохраняется, хотя и в несколько измененном виде, и в настоящее время. Диссертантка особо отмечает необходимость изучать те национальные традиции, существование которых целесообразно в наши дни, а также те пережиточные явления, с которыми следует вести борьбу как с вредными пережитками, мешающими социалистическому развитию.

Оппонент считает правильным, что основной стержневой темой вводного исторического очерка О. А. Ганцикай сделала историю хозяйства белорусского крестьянства, а не Белоруссии вообще. Это позволило диссертантке центр внимания направить на выявление причин экономической отсталости дореволюционного белорусского крестьянства, обусловленной малоземельем его основной массы, засильем помещичьего землевладения, сохранением множества пережитков феодально-крепостнических форм эксплуатации. С углублением классового расслоения и ростом сельской буржуазии, к помещичьему гнезду добавляется эксплуатация со стороны кулаков, использовавших с этой целью некоторые народные обычаи и пережиточные формы общинных порядков. В главе, посвященной хозяйству изучаемых колхозов, диссертантка отмечает зональные особенности сельского хозяйства данного района в прошлом, традиционные культуры (ржь и картофель), использование этих традиций в современном колхозном производстве и показывает то новое, что появилось теперь на колхозных полях. Отмечая существование в прошлом связанных с зерновым хозяйством обычая «зажинок» и «дожинок», диссертантка показывает трансформацию их в колхозные праздники начала и окончания уборки урожая. В целом содержащийся в диссертации обзор хозяйства колхозов, по мнению П. И. Кушнера, дает отчетливое представление о ведущих и второстепенных отраслях этого хозяйства и о его специфике, что очень важно для этнографа, когда он переходит к изучению производственного быта колхозников. Интересно наблюдение диссертантки о том, что по мере развития механизации прежнее поло-возрастное разделение труда в сельском хозяйстве отходит в прошлое и женщины начинают осваивать такие работы, которые раньше считались для них неподходящими, а мужчины все чаще выполняют работы, раньше считавшиеся специфически женскими. Это в корне меняет положение женщины в производстве, а следовательно и в общественном быту. Не перегружая текст своей работы излишним количеством имен и дат, что еще часто имеет место в аналогичных работах, диссертантка выразительно показывает влияние колхозной демократии на весь быт колхозников, на изменение их психологий, на конкретном материале раскрывает значение политических факторов и идеологического воздействия на развитие и укрепление социалистических форм труда.

В центральной главе своей работы диссертантка дает подробное, в историческом плане, описание различных сторон материальной культуры изучаемого населения и приводит ряд ценных наблюдений. Таково, например, указание автора на зависимость

форм жилых и подсобных построек не только от этнических традиций белорусского народа, но и от классового положения хозяев. Автор уделяет большое внимание не только техническому описанию жилища, но и вопросу о бытовом использовании помещений. Указывая на изменение внутренней планировки дома в связи с изменяющимися бытовыми условиями, на несомненный и все развивающийся прогресс в этой области, вызванный ростом культуры сельского населения Белорусской ССР, О. А. Ганцкая вводит в свое описание социальный момент, что методологически очень важно. Однако, заметил проф. Кушнер, докторантка не всегда делает необходимые выводы из своих описаний. Ограничив свои сопоставления сравнительным материалом по соседним славянским народам, она устранила из своей диссертации материал о культуре других соседей белорусского народа — литовцев, тем самым отрезав себе путь для выяснения многих явлений материальной культуры белорусов, имевших в историческом прошлом теснейшую связь с литовцами.

Методологически неправильно, указал проф. Кушнер далее, вводить в главу о современной материальной культуре колхозников, наряду с описанием обычной пищи, описание обрядовых кушаний и связанных с этими обрядами верований, как это сделала докторантка. Серьезным пробелом является игнорирование автором национального вопроса в историческом очерке. Докторантка даже не упомянула о том, что довоенное белорусское крестьянство на данной территории подвергалось не только классовому, но и национальному гнету со стороны польских помещиков.

Несмотря на наличие указанных недочетов и более мелких погрешностей, сказал в заключение П. И. Кушнер, работа О. А. Ганцкой представляет определенную ценность как по методологии исследования, так и по содержащемуся в ней материалу, собранному в большей части самой докторанткой и в некоторых случаях приобретающему значение исторического документа, поскольку отмечаемые в диссертации явления уже уходят в прошлое.

Кандидат историч. наук А. Н. Мальцев — второй официальный оппонент отметил, как недостаток работы, неполноту и некоторую схематичность исторического очерка. Докторантка следовала бы также более ярко подчеркнуть изменение характера подсобного хозяйства колхозника в связи с мощным ростом колхозного производства. В целом же оппонент полностью присоединился к положительной оценке диссертации, данной П. И. Кушнером. О. А. Ганцкой присуждена степень кандидата исторических наук.

10 июня защитила диссертацию на тему «Материальная культура уйголов Советского Союза» окончившая аспирантуру Института этнографии, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР И. В. Захарова. Официальными оппонентами были доктор филолог. наук Н. А. Баскаков и кандидат историч. наук С. М. Абрамзон. Обсуждаемая диссертация, отметили они, является первым опытом систематического и всестороннего рассмотрения материальной культуры уйголов, опытом тем более ценным, что основательное знакомство с культурой и бытом уйголов имеет большое значение для выяснения проблем этногенеза и истории культуры народов Средней Азии; между тем уйгуры в этнографическом отношении до сих пор еще слабо изучены. Работа И. В. Захаровой заполняет существенный пробел, тем более, что она построена в основном на собранном автором материале, относящемся к настоящему времени. Докторантка устанавливает различия в материальной культуре двух групп уйголов Советского Союза, которых она условно именует семиреченскими и ферганскими. Эти различия обусловлены особыми историческими судьбами каждой из рассматриваемых групп, — различными причинами их переселения на территорию России и той этнической средой, в которой обосновывалась каждая группа. Сопоставляя культурно-бытовые особенности обеих групп советских уйголов с культурой зарубежных уйголов, живущих в Синьцзяне, докторантка приходит к выводу о принадлежности в прошлом каждой из названных двух групп к различным территориально-этнографическим подразделениям уйголов: семиреченскую группу она связывает с уйгарами восточных районов Синьцзяна — Турфана и Хами, ферганскую — с уйгарами южных оазисов — Кашгара и Хотана. Далее И. В. Захарова выявляет сходство различных элементов культуры уйголов, с одной стороны, и узбеков и таджиков, — с другой, которое, по ее мнению, восходит к отдаленному прошлому и, является следствием древних этно-культурных связей Восточного и Западного Туркестана. Выявив также влияние китайской культуры на некоторые стороны культуры уйголов, докторантка заканчивает свое исследование характеристикой тех изменений, которые материальная культура уйголов претерпела в советский период их истории, в эпоху социализма.

Остановившись на недостатках работы, С. М. Абрамзон указал на то, что материальная культура рассматривается докторанткой оторванно от живых людей, в ее описаниях не видно быта. Недостаточное внимание уделила И. В. Захарова анализу прогрессивных тенденций развития материальной культуры уйголов, выявлению тех путей, по которым шло влияние передовой русской культуры, причин возникновения новых явлений. При рассмотрении старой уйгурской культуры докторантка не всегда учитывает положение В. И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре, не выявляя классовых различий в отдельных ее элементах. Оппонент выразил также сожаление о том, что докторантка не привлекла к своему исследованию

нию археологический материал, который позволил бы ей уточнить и подкрепить свои выводы. Н. А. Баскаков подверг сомнению правильность высказанной автором мысли о быстром процессе сложения уйгурской нации, а также правомерность помещения в конце диссертации сравнительно-этнографического очерка без детального освещения материальной культуры уйголов, живущих в Синьцзяне — основной области их расселения. Вместе с тем оппоненты оценили обсуждаемую диссертацию как серьезный и полезный труд, автор которого вполне заслуживает присуждения искомой степени. И. В. Захаровой присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ГРУЗИИ

За годы советской власти грузинские этнографы выявляли и изучали характерные особенности быта и культуры грузинского народа, вели систематическую научно-исследовательскую работу по собиранию коллекций и пополнению существующих фондов Музея Грузии. Особо следует отметить, что в первые же годы советской власти в Музее Грузии были сосредоточены все этнографические фонды и коллекции, разбросанные до того по разным местам и учреждениям.

Систематически разрабатывая актуальные проблемы этнографии Грузии и изучая коллекции этнографического отдела Музея Грузии, грузинские этнографы периодически устраивали комплексные и тематические выставки, как, например, этнографические выставки горной части Грузии — «Хевсурети» и «Сванети», «Грузинский костюм XIX в.», «Грузинская народная резьба по дереву», «Грузинская народная вышивка», «Старинное холодное и огнестрельное оружие», «Ковры», по общей этнографии — выставку «Абиссиния», а также ряд специальных и передвижных выставок.

На современном этапе развития грузинской советской этнографии создана прочная научная база для организации единой этнографической выставки Грузии. Руководство Государственного музея Грузии им. академика С. Джанашвилли и Президиум Академии наук Грузинской ССР, поддерживая инициативу коллектива грузинских этнографов, наметили ряд мероприятий для создания организационной базы этой экспозиции.

В послевоенной сталинской пятилетке этнографы Грузии особое внимание обращали на изучение социалистической культуры и быта колхозного крестьянства. Уже начато изучение социалистической культуры и быта рабочих. При изучении нового быта грузинские этнографы исходили из положения, что это изучение предполагает выявление трудовых навыков, производственного опыта, специфики народной культуры. Такая установка позволила нам подойти вплотную к вопросам, входящим в круг этнографического исследования новой, социалистической культуры.

Изучение нового быта и культуры грузинской социалистической нации давно уже занимает ведущее место и в работе Отдела этнографии Музея Грузии. Вопросы нового быта и культуры находили соответствующее отражение в бывших экспозициях «Сванети» и «Хевсурети». Экспозиционный материал этих выставок ежегодно пополнялся и освежался. Но особенно интенсивный характер изучение нового быта и культуры грузинского народа получило за последние годы, и эта работа, естественно, найдет соответствующее место в экспозиции второго раздела выставки — «Культура и быт грузинской социалистической нации».

С выходом в свет гениального произведения И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», а также после опубликования директив XIX съезда партии внесены исправления в планируемую на 1952 и 1953 гг. тему по изучению быта и культуры грузинской социалистической нации. В основу разработки вопросов нового быта и культуры будет положено учение И. В. Сталина об основном экономическом законе социализма. Эта проблема будет разработана отделами этнографии Института истории АН Грузинской ССР и Музея Грузии. В Отделе этнографии Музея эта проблема разрабатывается преимущественно на материалах Кутаисского автомобильного завода и Закавказского металлургического завода имени Сталина. Эти заводы вступили в строй сравнительно недавно, они являются детищем индустриальной Грузии. Изготавливаемые на этих заводах стали и автомобили получили название «грузинских». Изучение производственного и семейно-общественного быта рабочих этих заводов, изучение их культуры наглядно показывает ясную перспективу будущего, неуклонное движение вперед по пути к коммунизму.

В экспозиции быта и культуры рабочих следует сделать упор на показ их специфики. Например, поскольку изучаемые заводы сравнительно новые, то здесь характерную специфику быта составляет становление молодых коллективов рабочих и технических работников. Характерной особенностью такого процесса становления автозаводского коллектива на данном этапе является комплектование основного контингента рабочих из состава сельского населения.

Аналогичное явление засвидетельствовано грузинскими этнографами еще в 1950 г. в быту горнопромышленных рабочих.

Тематический и экспозиционный планы Этнографической выставки были составлены проф. Г. С. Читая. План обсуждался среди коллектива грузинских этнографов и на Ученом совете Музея Грузии и одобрен ими.

Этнографическая выставка Грузии имеет целью служить орудием идеологического воспитания масс в духе коммунизма и популяризации научных знаний в области изучения истории, быта и культуры грузинского народа. Для достижения этой цели единная этнографическая выставка должна быть насыщена глубоким научным содержанием, политически заостренной. Она должна показать специфику культуры и быта грузинского народа, его национальные особенности — в свете высказывания И. В. Сталина о том, что «...каждая нация, — всё равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹.

Тематический план выставки состоит из введения и двух основных разделов: 1) Старый быт и культура грузинского народа и 2) Быт и культура грузинской социалистической нации.

В введении даются характеристика географической среды Грузии (долинная, предгорная и горная Грузия), древнейшие очаги культуры — бассейны рек Риохи, Куры, Чорохи и Галиси. Древнейшее расселение грузинских племен показывается, исходя из учения И. В. Сталина об историческом процессе этногенеза, применительно к образованию грузинской нации. В вводной части выставки будут представлены карты древнейшего расселения грузинских племен вплоть до XIX в., карта оформления единого народного литературного языка и таблица периодизации истории Грузии. На отдельном стенде будет показана карта современного расселения грузин (СССР, Иран, Турция).

В первом разделе — «Старый быт и культура грузинского народа» будут представлены темы: по хозяйству — его наиболее важные отрасли: керамическое производство, металлургия, полеводство, виноградарство-виноделие, животноводство, пчеловодство; по материальной культуре — орудия труда, грузинская национальная одежда, жилые и хозяйствственные постройки, народный транспорт; по древним формам социальных отношений — пережитки патриархата и патриархата, виды народного самоуправления и соответствующие им социальные объединения, пережитки раннерабовладельческого общества, тип общины «теми» и ее структура, деление общинного населения на рядовых общинников и на теократическую власть общины, имущественная и сословная дифференциация общинного населения, органы управления и службы общины, исторические и археологические данные о рабовладельческом государстве в Иверии (Грузии), большая семья (структура, организация труда, управление), малая семья; по древним формам духовной культуры грузинского народа — календарь грузинских народных праздников, верования грузинских племен, связанные с отдельными отраслями хозяйства на разных ступенях общественного развития, дохристианский пантеон грузинских божеств, христианство, магометанство, грузинская народная музыка и народные музыкальные инструменты, народные увеселения, народный спорт, грузинский народный орнамент, родовые знаки и письменность.

Во втором разделе экспозиции — «Быт и культура грузинской социалистической нации» — представлены темы: металлургия, грузинская сталь, Рустави — город грузинской металлургии, чиатурский марганец, керамическое производство, полеводство, культура и быт передовых колхозов, труженики полеводства, внедрение достижений передовой советской науки в полеводство, новые оросительные системы, новые сельскохозяйственные орудия; общенародная, колхозная и личная собственность в сознании советского человека, соцсоревнование и стахановское движение; электричество в быту, виноградарство-виноделие, новые интенсивные сельскохозяйственные культуры — чай, щитрусы, технические культуры, сахарная свекла, животноводство, пчеловодство; современная одежда грузинского рабочего, крестьянина, интеллигента, основные очаги текстильной промышленности Грузии и их техническое оснащение, современные жилые и хозяйствственные постройки, использование национальных форм в жилищной архитектуре, новые архитектурные ансамбли, современный транспорт, грузинский автомобиль, быт и культура рабочих Кутаисского автомобильного завода, грузинская социалистическая семья — советская женщина вместе с мужчиной активный строитель коммунизма, грузинка на производстве, на социалистических полях, на культурном фронте и в семье, характерные особенности колхозного брака, воспитание молодого поколения, советский патриотизм, грузинский народ в Великой Отечественной войне, в борьбе за мир, духовная культура грузинской социалистической нации и образцы народной самодеятельности, национальные виды народного спорта, народное образование (детские сады, школы, высшие учебные заведения), наука, искусство, литература, бытовые и трудовые условия грузинской советской интеллигенции.

Руководящей идеей второго раздела выставки является основополагающее учение И. В. Сталина об основном экономическом законе социализма: «Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных по-

¹ И. В. Стalin, Речь на обеде в честь Финляндской Правительственной делегации, «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

требностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники².

Выставочный материал этого раздела будет отражать конкретное проявление этого закона в быту и культуре грузинского рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции.

Единая этнографическая выставка Грузии строится на сопоставлении старого и нового быта и культуры, причем показ старого должен быть предваряющим условием для показа нового. В свою очередь на выставке любой комплекс должен быть дан в его динамике, в историческом разрезе. Это относится одинаково как к новому, так и к старому быту и культуре. Так, например, показывая пахотное орудие капиталистической Грузии (мухраний плуг), мы даем схему развития этого плуга (кавцера, вчача, орхела, эрквани, диди гутани). Точно так же при показе пахотного орудия социалистической Грузии (трактора) дается схема его развития за советский период. Это, помимо всего другого, даст возможность выявить, какими невиданными темпами развивается социалистическое общество в сравнении с длительным существованием досоциалистических общественно-экономических формаций. Принцип отдельного показа этих разделов, т. е. сопоставление старого быта и культуры с новыми, даст возможность шире и нагляднее отобразить преобразования и изменения в быту и культуре грузинского народа.

Методологической основой организации данной экспозиции служит указание И. В. Сталина о том, что «в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя её для развития нового»³.

На выставке экспозиционные комплексы должны строиться по принципу наибольшего соответствия формы и содержания, логического и зрительного восприятия, четкого проведения стержневой идеи экспозиции. Этому должны способствовать уловимое глазом членение экспозиции, простая и ясная топография, подача экспонатов в комплексах при соблюдении свободного экспозиционного поля, отбор главного, ведущего и типичного, использование слов-понятий для раскрытия содержания объекта и его связей и взаимоотношений.

Для того, чтобы экспозиция как в разделе старого, так и нового быта не отходила от своей специфики и не сбивалась со своей стержневой идеи, необходимо показывать лишь то, что вошло в культуру, быт, привычки, что составляет производственный опыт и трудовые навыки грузинского народа.

Для осуществления экспозиций предполагается использовать экспонаты-оригиналы, действующие машины и их модели, макеты, диафильмы, художественные картины, светящиеся краски, лампы дневного света, магнитофон и др.

М. Гегешидзе

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В КАЗАНСКОМ ФИЛИАЛЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР располагает значительными фондами как по татарскому, так и по русскому фольклору. Активная работа по записи русского краевого фольклора развернулась с 1946 г., после создания в Казани филиала Академии наук СССР.

В 1948—1949 гг., по предложению старшего научного сотрудника Е. К. Бахмутовой, собирание устного народного творчества стало производиться совместно со сбором материалов для VII тома Диалектологического атласа русского языка. Организация комплексных экспедиций дала возможность ежегодно собирать материалы по устному творчеству на широкой территории. Так, диалектологически-фольклорная экспедиция 1948 г. охватила шесть районов республики и дала значительное количество устно-поэтического материала. Летом 1949 г. была проведена вторая комплексная экспедиция, представившая материал по девяти районам.

Кроме того, отдельные выезды в 1950—1951 гг. в Теньковский, Бондюжский, Апастовский и Заинский районы в осенне время дали возможность собрать с помощью учеников и учителей большое количество различных жанров устной поэзии.

В июле-августе 1952 г. Институт на основе договора о содружестве с Казанским государственным университетом имени Ульянова-Ленина организовал и провел совместную фольклорную экспедицию. В ее состав входило четыре человека: В. Ф. Павлова (начальник экспедиции), А. М. Шурчилова, Л. А. Фролова и Л. Р. Фокина.

² И. В. Стalin, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 40.

³ Там же, стр. 53.

Экспедиция обследовала Тетюшский, Больше-Тархановский, Теньковский районы Татарской республики. Было записано 3140 частушек, 388 песен и 304 номера других жанров. Сотрудники провели работу с талантливыми слагателями частушек, песен, помогли им подобрать новые темы для составления частушек, песенчных произведений.

Другие материалы фонда представлены записями Т. А. Крюковой 1926—1927 гг. в бывшем Козмодемьянском уезде Казанской губернии; 150 песнями, собранными В. Ф. Павловой в 1941—1947 гг. в Кызыл-Юлдузском, Арском, Муслюмовском районах республики; выборками устного творчества из материалов диалектологических экспедиций Казанского филиала Академии наук СССР 1946—1947 гг., а также из экспедиционных материалов Кабинета VII тома Диалектологического атласа русского языка Казанского университета.

Таким образом, фонды русского фольклора нашего Института насчитывают до 10 000 номеров материалов по различным жанрам, они представляют свыше 40 районов из 72 в республике.

Среди собранных нами материалов наиболее полно представлены жанры песен и частушек.

Большое место в песенном репертуаре современной колхозной деревни занимают частушка, советская массовая песня, фронтовая лирика.

В годы Великой Отечественной войны появилось много новых песен, созданных народом. Большинство их возникло на ритмической и музыкальной основе ранее известных песен. Популярная «Катюша» М. Исаковского привлекала исполнителей темой любви и дружбы девушки с далеким пограничником. В новых песнях Катюша выступает как участница войны: партизанка, медицинская сестра и пр. Особенно много песен было создано на основе использования мелодии и образов старой песни «Раскинулось море широко». Вновь созданные песенные произведения отображают боевые подвиги летчиков, моряков. В недавно записанной песне «Раскинулись крылья широко» рассказываетя о герое-летчике. Во время налета на Берлин его самолет попал под обстрел противника и загорелся. Летчик повторил бессмертный подвиг капитана Гастелло, направив объятый огнем самолет на вражеские цистерны с бензином.

Поют в нашей республике о полковнике Ш. Х. Садыкове, погибшем в боях. Образ отважного и смелого командира, делившего с бойцами все трудности боевой обстановки, умевшего в тяжелый момент ободрить бойцов «теплой шуткой, приветливым словом», обрисован в песне с большой любовью.

Повсеместно звучит в республике песня о Герое Советского Союза партизанке Зое Космодемьянской. В ней рассказывается о опасности, нависшей над Родиной в годы войны. Комсомолка Зоя решила идти в партизанский отряд. Она делала смелые вылазки в тыл врага. Но ее поймали фашисты. Умирая, Зоя призывает народ: «Вперед, за Сталина, за Конституцию!»

Новые темы послевоенной сталинской пятилетки отображаются в колхозных частушках-припевках. Молодежь поет о лесонасаждениях, о труде и зажиточной жизни объединенных колхозов, о дружбе народов. Последний мотив особенно популярен в устном творчестве нашей республики.

Сложено много новых припевок о великих стройках коммунизма:

Канал Волго-Дон построили,
Свободно поезжай,
Подруженька из Одессы,
Приезжай и побывай.

В частушках отражается всенародное горячее участие в строительстве каналов, электростанций, куда «шлют продукты и машины и колхозы и завод».

Народ справедливо связывает дело осуществления великих строек с мирной политикой Советского Союза, с борьбой за мир:

Коммунистические стройки,
Всем туда дорога,
Потому что нужен мир
Для всего народа.

В метких частушках обличает молодежь замыслы поджигателей войны, которые «точат зубы» на страну Советов:

Распростертыми руками
Трумэн тянется к войне,
Не бывать войне-пожару
В нашей радостной стране.

В большинстве сказок нашего фонда налицо мотивы социального протesta, сатира на царскую власть, насмешка над губернатором, попом. Многие сказки носят черты местного приурочения. Действие в них происходит у Волги, Свияги, в Чистополе.

Интересная сказка записана в Заниском районе от учительницы Климоновской, которая выучила ее от отца, старого рабочего. Сказка «Как портной на небе свои порядки наводил» выражает чувство протesta против социальной несправедливости.

Герой сказки портной попал на небо и забрался на «богово кресло». Оттуда он увидел всю землю, все несправедливости. Возмущившись неправильным решением судьи, незаслуженно обвинившего бедняка, портной запустил во взяточника-судью скамеекой из-под ног. Возвратившийся бог возмущен этим поступком. «Если бы я так распоряжался, у меня на небе давно бы ничего не осталось», — восклицает бог.

Следует отметить также сказку про русского солдата и американскую красавицу. В ней подчеркнуты черты смелости и находчивости героя, противопоставляемые отрицательным качествам «американской красавицы», отличающейся жадностью и глупостью.

Сказка о подвигах Ильи Муромца по сюжету близка к известным былинам; ее наличие в нашей местности подтверждает предположение о бытованиях былин на Каме в прошлом.

Из местных материалов по истории края нужно отметить сказы о Безднинском восстании крестьян 1861 г.

Руководитель восставших крестьянских масс Антон Петров выводится в сказах народным героем, страстно мечтавшим о воле и земле для крепостного крестьянства и смело выступившим за его свободу против самодержавия. В ряде сказов повторяется обличение Антоном Петровым священника, а в его лице всего духовенства, которое обманывало народ.

Сказы о Степане Разине, о его «кладах» популярны среди стариков в приволжских селениях. Они рассказывают, что Степан жил в Сюкеевских горах (правобережье Волги), что он расправлялся с богатеями, владельцами судов и барж, а за народ всегда заступался.

Любопытна группа топонимических сказов. Названия некоторых населенных пунктов, например село Монастырское Тетюшского района и село Пролей-Каши Большетархановского района, связаны с именем Степана Разина и его дружины.

Большой исторический интерес представляют сказы и воспоминания старых рабочих-большевиков казанских фабрик и заводов о событиях революции 1905 г., о подпольной работе, песни старых рабочих. На Алафузовской ткацкой фабрике была популярна короткая песенка, которая произносилась рецитативом в цехе под шум станков:

Ткачи, ткачи, рабочий люд,
В чем родились, в том помрут,
Носит-то совсем не тот,
Который год за годом ткет.

Казанские варианты старых лирических песен в ряде случаев отражают картины местной природы, изображая Волгу, Казанку, города — Казань, Елабугу и многие деревни.

Материалы фольклорного архива в настоящее время систематизируются и описываются. Часть из них должна войти в сборник, подготавливаемый к печати.

В. Ф. Павлова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

R. Trautmann. *Das altrussische Historische Lied*. Akademie-Verlag, Berlin, 1951. В серии «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Jahrgang 1951, № 2.

Издательство Академии наук в Берлине (Германская Демократическая Республика) опубликовало новую работу Рейнольда Траутманна «Старинная русская историческая песня». Автор ее давно уже известен русскому читателю как многосторонний исследователь в области славянской филологии. Его перу принадлежит монография «Русская народная поэзия. I. Богатырская песня» (1935) («Die Volksdichtung der Großrussen. I. Das Heldenlied»). В послевоенные годы им опубликованы исследование по славянской топонимике Полабии (т. е. района Эльбы) и побережья Северного моря, курс славяноведения и ряд работ по русской литературе и русскому народному творчеству¹.

Как известно, фашистская фольклористика совершенно игнорировала русскую народную поэзию, тем более русскую историческую песню; она утверждала, что русские, как и другие славяне, относятся якобы к числу «неисторических» народов. Как отмечает Р. Траутманн, последствием этого была полнейшая неосведомленность немецких филологов в области русского исторического эпоса. В связи с этим он поставил перед собой задачу познакомить немецких читателей с русской исторической песней, которая, как он отмечает, чрезвычайно важна для верного понимания духовной жизни русского народа в прошлом (стр. 4).

В русских исторических песнях, в идеях, которые в них выражены, и в художественных особенностях этих песен Р. Траутманн справедливо видит яркое свидетельство живости и остроты, с которой русский народ откликался на важнейшие исторические события. Он постоянно подчеркивает высоту патриотического сознания творцов песен. Чрезвычайно важно и то, что исследователь сумел увидеть продолжение этих традиций в современности. Обзор исторических песен заканчивается им указанием на то, что «Великая Отечественная война уже теперь дала обильный урожай песен» (стр. 22). В приложении к исследованию автор опубликовал тщательно выполненные переводы нескольких вариантов исторических песен.

Итак, положительное значение нового труда Р. Траутманна несомненно. Однако оно могло бы быть значительно выше, если бы исследователь избежал многих промахов, противоречий и ошибок, в которые он впадает. Во всей работе Р. Траутманна, от первой до последней строчки, явственно ощущается слабое знакомство автора как с исследованиями советских ученых, так и с публикациями текстов, осуществленными за последние десятилетия. Так, например, Р. Траутманн пишет, что работы Вс. Миллера и М. Сперанского расцениваются им как образцовые («mustergültig», стр. 4), как последнее слово русской науки. С другой стороны, Р. Траутманн в ряде существенных моментов не только не соглашается со сторонниками антинародных «теорий» так называемой «исторической школы» Вс. Миллера, но и прямо им противоречит. Так, например, он считает, что исторические песни созданы народом (правда, термин «народ» употребляется им довольно неопределенно), подчеркивает художественную природу исторической песни (правда, ссылаясь при этом на П. И. Вейнберга) и т. д. Далее исследователь указывает на многочисленность, распространенность и поэтичность песен о С. Т. Разине, но уделяет им буквально несколько фраз, а песни о

¹ См. например, «Die elb- und ostseeslavischen Ortsnamen», Berlin, 1950; «Die altrussische Nestorchronik in Auswahl», Leipzig, 1948; «Turgenjew und Tschechow, ein Beitrag zum russischen Geistesleben», Leipzig, 1948; «Altrussische Helden- und Spielmannslieder», Leipzig, 1948; «Die slavischen Völker und Sprachen, eine Einführung in die Slavistik», Leipzig, 1918, и др.

Е. И. Пугачеве даже не называет. Патриотические идеи постоянно подчеркиваются Р. Траутманом, однако понимаются они узко — только в приложении к борьбе с иноzemными захватчиками. Идеи классовой борьбы, социальные идеалы народа и т. д. исклюются им из понятия патриотизма.

Но дело собственно не в отдельных, хотя и существенных противоречиях. Р. Траутман в целом правильно определяет и время и причины возникновения исторических песен. Он пишет: «...историческая песня — свидетельство и выражение растущего государственного и национального самосознания, которое с новой силой развилось после конца татарского ига и сосредоточилось вокруг *Москвы*» (стр. 5). И в то же время Траутман явно неверно излагает вопросы возникновения и развития исторических песен. Отмечая связь исторической песни с былиной, он трактует этот вопрос упрощенно: «Из нее (т. е. из былины.— К. Ч.) в старомосковское время, которое было временем интенсивной народной жизни, не имевшей доступа в официальную письменность, выделился сперва духовный стих, воплотивший в себе религиозные чувства народа и проживший вплоть до XIX в., и затем рядом с ним выросла историческая песня и старинная русская баллада...» (стр. 4). Ошибочность такой схемы очевидна. Прежде всего — духовные стихи не народны по своему происхождению и стоят в стороне от основной линии развития русского народного эпоса. Что же касается исторических песен, то они, несомненно, эпичны; основная масса их возникла позже, чем основной слой былин, однако значит ли это, что исторические песни возникли из былин, причем вслед за духовным стихом и параллельно балладам? Какие есть основания для такого заключения? Каким образом могли духовные стихи в развитии эпоса предшествовать историческим песням и подготовить их появление? Какая связь между историческими песнями и балладами? Что общего между ними, кроме принадлежности и тех и других к повествовательным (сюжетным) песням? Какие есть основания говорить о параллельности возникновения тех и других?

Исследователь несколько раз повторяет верную мысль о том, что исторические песни возникали сразу же вслед за событиями, были непосредственным откликом или оценкой того или иного события. Какая же в таком случае нужда выводить исторические песни из былин? Что же могли найти творцы исторических песен в былинах, кроме отдельных поэтических формул и некоторых общих приемов эпического повествования? Какие собственно идеи, сюжеты и т. п. былин могли понадобиться даже при сложении наиболее ранних исторических песен — о взятии Казани, о Кострюке, о гневе Грозного на сына и т. д.?

В основе схемы Р. Траутмана лежит устаревшая идея трансформации жанров, восходящая еще к генетическим схемам мифологической школы. Между тем очевидно, что историческая песня, как и всякий иной жанр, постоянно, в зависимости от хода повествования, использовала поэтические приемы то былины, то лирической песни, то баллады, то притчания. Кроме того, известно, что использование поэтических приемов былины (например, «хвастовство на пиру», «встреча внезапного гостя или вести» и др. в песне о гневе Грозного на сына) находится в явной зависимости от силы былинной традиции в той или иной местности. И, наконец, близость к былине характерна не для всей исторической песни, а лишь для определенного ее слоя, главным образом для песни XVI — начала XVII в., да и то только для песен русского Севера. Вряд ли можно говорить о близости к былине песен о Разине, Пугачеве, Петре I, Отечественной войне 1812 г. и т. д. Несомненно, что каждый этап развития исторического, национального и классового самосознания народа определял и порождал свойственный ему тип эпической песни, а не просто приспособлял, трансформировал раз и навсегда возникший древнейший эпос.

Бесспорная мысль об актуальности исторических песен, об их современности событиям столь же несовместима и с другим устаревшим представлением, которого придерживается Р. Траутман, — представлением о том, что время расцвета исторической песни падает на вторую половину XVI — начало XVII в., в дальнейшем же «поэтическое воображение не выходит за пределы застывших формул» (*die Darstellung erstartt!*), все дальнейшее развитие — лишь отголосок ранних песен (*Nachklang*). Это представление в такой же мере плод некритического усвоения работ деревоэволюционной русской фольклористики, как и все, о чем говорилось выше. Между тем именно оно заставляет автора подробно останавливаться на значительных, а порой и незначительных песнях XVI — начала XVII в., только упомянуть песни о Разине (несмотря на оговорку: «Дела Степана Разина воспеты во многих песнях», стр. 20) и скороговоркой перечислить две-три темы песен XVIII—XIX вв. Такое изложение материала, несомненно, создаст у читателя неверное, искаженное представление о русской исторической песне, об ее классовой сущности и ее роли в освободительной борьбе русского народа.

Наконец, ошибочно и толкование образа Грозного в исторических песнях. Повторяя все те же «образцовые» работы, Р. Траутман постоянно подчеркивает жестокость, якобы даже «демоничность» характера Грозного, противоречивость его образа и т. д., не замечая того, что песня всегда связывает гнев Грозного с его стремлением «вызвать изменушку из каменной *Москвы*», рисует его грозным, но справедливым, вспыльчивым, но отходчивым. Между тем без правильного понимания этого момента невозможно верно оценить свойственную народной песне глубину понимания прогрессивности борьбы Грозного с боярской оппозицией.

В заключение укажем еще на одну частную, но существенную ошибку. На странице 21 Р. Траутманн говорит о том, что песня о взятии Астрахани неверно передает действительные события, так как в действительности у Разина «сына» не было. Автору осталось, очевидно, неизвестным, что «сынками» Разина в действительности назывались его агитаторы, разносчики «подметных писем».

Появление работы Траутманна следует приветствовать как проявление растущего интереса прогрессивной немецкой интеллигенции к русской истории и многообразным формам великой русской культуры. Однако следует пожелать автору ближе познакомиться с работами советских ученых, много сделавших в области исследования исторических песен, особенно песен, связанных с крупнейшими крестьянскими движениями С. Т. Разина и Е. И. Пугачева.

К. В. Чистов

Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XIII, Изд-во Академии наук СССР, М., 1951.

Под заглавием «Славянский фольклор» объединены статьи, посвященные народно-исторической поэзии восточных и южных славян. Такое объединение должно, по замыслу редакторов сборника (В. К. Соколова и В. И. Чичеров), «послужить центральным материалом для выявления родства славянских народов, в том числе и языкового, о котором говорит И. В. Сталин в работе «Относительно марксизма в языкоизучении» (стр. 3). Включенные в сборник статьи содержат богатый материал, во многих случаях впервые вводимый в науку, поднимают ряд новых тем и вносят новые точки зрения.

Сборник состоит из двух частей. В первой помещены статьи по русскому фольклору, во второй — статьи по фольклору южных славян (статьи И. М. Шептунова и Н. И. Кравцова). Я не могу считать себя достаточно компетентным в вопросах южнославянской фольклористики и потому в своем разборе остановлюсь исключительно на русском разделе, центральное место в котором занимают статьи, посвященные русским историческим песням. Выбор этой темы в качестве центральной обусловлен и общим значением исторических песен в русской народной поэзии, и их слабой изученностью. Действительно, этот участок нашей науки является наиболее запущенным. За сто с лишним лет своего существования русская фольклористика не только не выработала правильной точки зрения на сущность и значение исторических песен, но даже не выяснила природы этого жанра и не выработала его определения. Одни ученые считали исторические песни лишь «начальным фазисом в развитии былин», другие видели в них «промежуточное звено между лирическими песнями и былинами», третьи совершенно отрицали какое-либо самостоятельное значение исторических песен и рассматривали их только в связи с былинами¹.

Соответственно этому до сих пор остаются недостаточно выясненными и пути развития этих песен и их идейное содержание. Разрешение некоторых из этих вопросов с марксистско-ленинских позиций и является основной задачей настоящего сборника. И нужно признать, что темы, нашедшие в нем отражение, выбраны очень удачно: песни о Грозном, песни о войне 1812 г., песни, отражающие революционное движение 1905 г.

Лучшей статьей в сборнике следует признать статью В. К. Соколовой («Русские исторические песни XVI века»), имеющую большой принципиально-теоретический интерес.

Песни об Иване Грозном представляют собой весьма показательный пример для опровержения многих сложившихся порочных взглядов на сущность и характер народного исторического песнетворчества. Эти песни, по формулировке автора, «представляют собою образец нового жанра эпических исторических песен, развивающегося у нас с XVI в.» (стр. 25), и ярко показывают, как «новая действительность, новые потребности и стремления заставляют отбрасывать старые художественные формы и искать новых художественных средств для воплощения нового содержания и новых идей» (стр. 8). «Исторические песни XVI века», — продолжает далее исследовательница, — отразили те же колоссальные изменения, которые произошли к этому времени в жизни русского государства и вызвали соответствующие изменения в мировоззрении народа, их создавшего» (там же). В. К. Соколова стремится главным образом

¹ Любопытно, что ни в первом, ни во втором издании «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона нет специального слова «Исторические песни». В «Литературной энциклопедии» (т. 4, 1930, стр. 637) такое «слово» имеется, но лишь в качестве ссылочного со следующим указанием: см. «Былины» и «Песни». Но ни в «Былинах» (т. 2), ни в «Песнях» (т. 8) нет ни одного упоминания об исторических песнях. Тот же «метод» применен и в «Большой Советской энциклопедии» (1-е изд., т. 29), где также вместо специальной статьи об исторических песнях читатель отсылается к слову «Песня» и где также в статье о песнях (т. 45) ничего не сказано о песнях исторических.

выяснить смысл «народной трактовки исторических фактов и образов», что дает возможность подойти более углубленно к сложному и трудному вопросу о характере исторического мировоззрения народа в один из важнейших моментов развития русского государства.

Автор анализирует следующие сюжеты: «Взятие Казани», «Ермак», «Кострюк», «Грозный и сыны». Несколько страничек уделено сюжетам: «пожалования казакам Терека» (или Дона), «правежка» и «смерти Грозного». О двух последних автор говорит очень кратко и бегло. Песни-плач о смерти Грозного очень близки к аналогичным песням о Петре, и в исследовательской литературе неоднократно ставился вопрос, какие из них нужно считать изначальными. Большинство ученых склонялось к мысли, что исконными текстами следует считать песни о Петре, имя которого впоследствии оказалось вытесненным именем Ивана IV. В. К. Соколова полагает — и ее замечания представляются нам довольно убедительными, — что песня-плач о Грозном была «непосредственным откликом на его смерть» (стр. 71).

Большой методологический интерес имеет глава, посвященная анализу песен о Кострюке. В ней поставлен очень важный вопрос об участии различных слоев города в создании устно-поэтических произведений. По мнению исследовательницы, песня о Кострюке возникла в городских демократических кругах и представляет собою острую сатиру на боярство (стр. 49). Исключительную популярность этой песни (известно свыше 80 вариантов) автор объясняет не конкретным историческим содержанием ее, а «обобщенным характером» и «социальным осмысливанием ее образов»: песня о Кострюке «утверждает национальное достоинство», «веру в силы русского народа» и прославляет «простого русского человека, сумевшего постоять за честь родной страны» (стр. 46).

Наибольшее внимание В. К. Соколова уделяет песням о взятии Казани. Весьма убедительными соображениями она устанавливает время, первоначальный смысл, идеиное содержание этих песен и выясняет среду, их создавшую. «Песня эта, — полагает В. К. Соколова, — сложена самими участниками событий, или по их рассказам, и отразила настроение войска, ходившего под Казань» (стр. 29); песни о Казани более, чем какие-либо другие песни, раскрывают народную точку зрения на Грозного, и в них особо отчетливо определяется «новое отношение народа к действительности» (там же). Широкое привлечение устных преданий и повестей дает возможность еще более отчетливо раскрыть характер исследуемых песен и их идеиную направленность. «Повесть прославляет высшие сословия, представляет их вершителями судеб государства и старается внушить к ним уважение; песня прославляет и возвеличивает простых солдат. Перед нами две системы взглядов, два исторически сложившихся мировоззрения: одно выражает официальную оценку события, другое — народную» (стр. 33).

Основные выводы автора безусловно правильны и, несомненно, станут прочным достоянием русской фольклористической науки, но отдельные частные соображения и замечания вызывают возражения, а порой требуют прямых поправок. В. К. Соколова утверждает, что «песенный характер» (выражение автора) этой песни, отличающий ее от былины, и ее демократизм были «причиною невнимания к ней со стороны буржуазных ученых» (стр. 24). Это и не убедительно и не вполне верно. Как раз песня о взятии Казани привлекла к себе наибольшее внимание досоветских исследователей исторических песен. О ней писали П. И. Вейнберг, Ор. Ф. Миллер, И. П. Сеников, Вс. Ф. Миллер, Г. З. Кунцевич, С. К. Шамбинаго, А. И. Зачиняев, М. Н. Сперанский и другие. Это, конечно, известно автору так же хорошо, как и рецензенту, но построенная заранее схема заставила забыть о подлинном факте. Другое дело — каково значение и идеиный смысл этих исследований, но нельзя говорить об отсутствии интереса в прошлом к данной песне. Впрочем, необходимо отметить, что и по своему идеологическому характеру работы прежних ученых не были однородными. Ни в коем случае нельзя причислять к реакционно-монархической литературе, как это делает В. К. Соколова, исследование (диссертацию) П. И. Вейнберга. Автор принадлежал к прогрессивному лагерю русской литературы (см. его характеристику в «Большой Советской энциклопедии», 2-е изд., т. 7, М., 1951, стр. 110), начал свою литературную деятельность участием в «Колоколе», принадлежал к числу активнейших сотрудников «Искры»; позже он скатился к умеренному либерализму, но в начале 1870-х годов, т. е. как раз в пору работы над своей диссертацией, сотрудничал в «Деле» Благосветлова и «Отечественных Записках» Некрасова. Его сотрудничество в этих журналах продолжалось и после защиты диссертации. Неужели же Некрасов мог бы допустить в числе постоянных сотрудников своего журнала автора реакционно-монархической книги? Очевидно, в прогрессивных кругах русского общества того времени книга Вейнберга воспринималась как-то иначе.

Книгу Вейнберга выкинула из науки суровая и несправедливая рецензия А. Н. Веселовского, и ее неизжитое влияние сказывается и по сей день. Между тем исследование Вейнберга весьма выделялось на фоне современной ему академической науки. Оно не только не было по своему характеру реакционным, но было прямо направлено против реакционных взглядов на народное творчество. Песни о Грозном не раз истолковывались как доказательство безусловного монархизма народных масс. Не имея возможности вследствие цензурных условий высказаться с полной определенностью, Вейнберг очень осторожно снимал это утверждение, противопоставляя ему тезис о демократическом характере народных взглядов на царя. Вместе с тем он

решительно подчеркнул ненависть к боярству, которая, как он писал, сквозит в народных песнях о Грозном. Из этого не следует, конечно, что Вейнберг принадлежал к ученым-революционерам, но нет оснований и для зачисления его книги в инвентарь реакционной науки.

Большое внимание уделено в статье В. К. Соколовой вопросу о народной трактовке самого события, которое послужило поводом для создания песни. Песня о взятии Казани имеет исключительное историческое значение, потому что в ней в сжатой форме, пишет автор, даны «обобщение внешней политики Грозного» и ее народная оценка (стр. 20). «Взятие Казани в народном представлении — самое важное внешнеполитическое событие царствования Грозного». «На примере его народ раскрывает смысл деятельности Грозного по укреплению русского государства» (там же). Это, конечно, правильно, но не полно. В. К. Соколова слишком схематично и отвлеченно изображает народную точку зрения. Народные певцы и слагатели песен — не учёные-историки и не политики, они — поэты, для которых характерно образное восприятие и отражение исторических событий. Народ не механически фиксирует исторические события и абстрактно не теоретизирует по поводу них; в своих песнях он любит и ненавидит, радуется и горюет, скорбит и торжествует. Взятие Казани потрясло народное воображение, ибо оно явилось не только крупной победой русского оружия, но было разгромом давнего врага и насильника на его собственной территории. Этот существенный момент упущен в исследовании В. К. Соколовой.

Такое, несколько ограничительное и схематическое толкование этих песен в значительной степени обусловлено и тем, что они оказались вырванными из цикла песен, отражающих борьбу русского государства с врагами в XVI в. Автор оставил вне своего внимания песни, отразившие Ливонскую войну и крымские набеги, и это, несомненно, является крупным пробелом исследователя.

Исторические задачи, поставленные Иваном IV, были гораздо шире, чем только ликвидация опасности набегов с востока и освобождения торговых путей по Волге и Каме, на что указывает В. К. Соколова (см. стр. 20). Иван Грозный довел до конца борьбу с Ордой; при нем русское государство проникло в Сибирь и Предкавказье, и, наконец, вплотную был поставлен вопрос о выходе к Балтийскому морю. Все это нашло полное отражение в народных песнях о Грозном, составляющих в своей совокупности своеобразную «поэтическую летопись» его царствования. Завоевание и разгром Казанского царства, завоевание Сибири, борьба с Крымским царством, Ливонская война, — все это воспето народом, все это сохранилось в его поэтической памяти, и потому-то выделение из этого цикла двух-трех сюжетов разрывает это единство и тем самым ослабляет основной (правильный по существу) тезис автора.

Борьба русского государства с татарами была осложнена и затруднена политической западноевропейских государств. Они, пишет современный исследователь, «отложив в сторону благочестивые соображения об опасности со стороны мусульманства, с упоминанием взирали на татар, как на силу, облегчившую борьбу с московским государством, стремившимся проложить себе выход к Балтийскому морю»². Изумительное историческое чутье народа разгадало эту сложную ситуацию и своеобразно отразило ее в своем творчестве. Не случайно так много сходных черт и подробностей в песнях о защите Пскова и о крымских набегах. Они сходны по ситуации, по обрисовке основных действующих лиц. Песня не делает различия между Степаном Баторием и крымским царем. Очень характерен в этом отношении вытегорский вариант песни об осаде Пскова, где «король Степан» именуется «собакой царя Крымского»³. Наиболее замечательный вариант песни о Крымском набеге дошел до нас в записи, сделанной для Джемса, и является, таким образом, самой ранней записью песни о Грозном и его эпохе. Это обстоятельство особенно должно было бы побудить автора к анализу этой песни, чтобы отчетливее проследить историю возникновения и развития цикла песен о Грозном.

Разбор песен о взятии Казани явился еще потому односторонним, что в нем отсутствует анализ их художественной стороны, — это, впрочем, общий недостаток всего сборника в целом. Нельзя забывать, что высокая идеиность народного творчества выражается не теоретическими рассуждениями, а созданием художественных образов. По этой же причине остался неучтеным и невыясненным агитационный характер и агитационная роль песен о Казани.

Очень много верных и важных наблюдений содержит глава о Ермаке. В. К. Соколова внимательно анализирует причины исключительной популярности образа Ермака в русском фольклоре и вскрывает различный классовый смысл песен и преданий о нем. Одни «отражали идеологию трудового крестьянства», и нередко образ Ермака сближается с образом Разина; в других — «Ермак рисуется верным подданным русского царя, а его подвиг расценивается как борьба с неверными во имя торжества православной веры». «На такой трактовке образа Ермака, — пишет автор, — оказались как неизжитые дореволюционным крестьянством и казачеством царистские иллюзии и религиозные предрассудки, так и усиленно пропагандировавшийся «сверху» культ Ермака как примерного слуги церкви и престола» (стр. 34). Такого рода

² А. А. Новосельский, Борьба московского государства с татарами в XVII веке, М.-Л., 1948, стр. 12.

³ «Живая Старина», вып. 3, 1906, стр. 129.

тенденции находили свою опору в идеологии реакционных кругов зажиточного казачества и кулачества и особенно поддерживались и пропагандировались духовенством. Эта же трактовка усиленно подкреплялась и распространялась многочисленными популярными брошюрами, лубочными картинками и тому подобными казенными изданиями. Но они все же не смогли изгладить из народного сознания величественный образ смелого, вольнолюбивого патриота. Песни о Ермаке не утратили своей популярности и в наши дни, войдя в число «любимейших песен», с которыми проходили свой славный боевой путь в Великую Отечественную войну фронтовики-казаки (стр. 45).

В этой главе вызывают возражения лишь отдельные частности. Нельзя согласиться с автором, что песни гребенских казаков о Ермаке мало интересны с исторической точки зрения (стр. 44). Появившаяся недавно статья Б. Н. Путилова «Ермак в терских исторических песнях»⁴ вносит очень ценные корректизы в это суждение. Нельзя лишь согласиться с категорическим утверждением Б. Н. Путилова об отсутствии в русском фольклоре песен о сибирском походе Ермака и о завоевании Сибири: «таких песен нет, и, несомненно, не было,— утверждает он,— а те немногие тексты, в которых имеется тема похода в Сибирь, не являются подлинными песенными текстами»⁵. В. К. Соколова более правильно подходит к данному вопросу. Тексты сборника Кирши Данилова она также считает «литературными редакциями», но, в отличие от Б. Н. Путилова, совершенно правильно указывает, что в основе этой редакции лежали «подлинные народные песни и предания» (стр. 37). В дополнение к этому, безусловно верному указанию следует учсть важное свидетельство историка Миллера в его «Истории Сибири» об «унылых сибирских песнях», в которых воспевается гибель товарищей Ермака в битве при устье Ишима. Ясно, что здесь речь идет о существовании в фольклоре сибирских народностей песен о походах Ермака и его гибели в реке Ишиме, которые Миллер сам слышал.

Менее убедительным представляется нам анализ песен «Грозный и сын». В этой главе, так же как и в остальных, рассыпано много интересных и метких отдельных замечаний и соображений, особенно по вопросу о позднейших привнесениях, но в целом эта глава содержит ряд спорных положений. По мнению автора, песня о Грозном и его сыне отличается «от других песен о Грозном своей боярской тенденцией и характером образов» (стр. 64); она наиболее близка к былине и (во всяком случае, в какой-то части) выражает идеологию реакционного боярства (там же). Цель песни — стремление «убедить, что бояре — не враги, а защитники государства и народа и что Грозный отличается ненужной жестокостью» (стр. 63). Возникла эта песня не в народной среде, а в боярских кругах, потому-то и занимает в ней центральное место образ Никиты Романовича (стр. 60).

Такое толкование неизбежно, против воли автора, смыкается с пресловутым тезисом исторической школы о верхушечном происхождении памятников народной исторической поэзии. По мнению В. К. Соколовой, эта песнь сложилась в боярской среде и оттуда перешла в народ. Конечно, отдельные случаи такого рода возможны, и для их признания все же нужно быть adeptом исторической школы, но такие объяснения могут иметь место лишь при анализе малопопулярных и случайных песен,— в данном же случае дело касается весьма распространенной песни (известно свыше 50 вариантов ее), принадлежащей к числу любимейших песен народа. Как же можно допустить антитиардное происхождение такой песни? Ссылка автора на «народные поправки», «народные переосмыслиния» или «народные редакции» ничего по существу не изменяет и не исправляет. Сомнительна и та интерпретация этого сюжета, которую дает В. К. Соколова. Действительно ли эта песня имеет в виду осуждение Грозного? Напомню, что уже Ю. М. Соколов (да и не один он) указывал, что народная песня в противовес исторической подлинности снимает с Грозного обвинение в сыноубийстве⁶. К тому же песня находит и полное оправдание суровому гневу Грозного и сделанному им жестокому приказу. Они вызваны подозрением в измене сына. Таким образом, эта песня полностью включается в цикл песен и преданий о борьбе Грозного с изменниками. Автора, как и многих его предшественников, несомненно, смутил образ боярина Никиты Романовича, но делать из этого выводы о боярском происхождении и реакционном характере песни в целом так же незакономерно, как относить за счет княжеской среды происхождение песен о Добрыне Никитиче или видеть отражение монархических тенденций в думе Рылеева «Сусанин» (а такие попытки, как известно, не раз делались в период господства вульгарно-социологических воззрений).

Статья Э. С. Литвин «Отечественная война 1812 года в русских народных песнях» восполняет чрезвычайно существенный пробел в нашей фольклористической литературе. В силу различных причин, о которых автор говорит (к сожалению, несколько бегло) в рецензируемой статье, песни об Отечественной войне 1812 г. оказались совершенно неизученными. И еще до сих пор господствуют совершенно неправильные и прямо ложные представления об их количестве, содержании, идейной направленности и значении. Совсем недавно на страницах авторитетного исторического издания была высказана мысль, что оперировать этими песнями, как источником, характеризующим

⁴ Б. Н. Путилов, Ермак в терских исторических песнях, «Известия Грозненского областного института и Музея краеведения», вып. 4, Грозный, 1952.

⁵ Там же, стр. 94.

⁶ Ю. М. Соколов, Русский фольклор, 1938, стр. 267.

отношение народа к Отечественной войне, пока невозможно⁷. Статья Э. С. Литвина служит прекрасным опровержением этого пессимистического утверждения. Автор очень убедительно доказывает, что песни о 1812 г. являются одним из важнейших разделов нашей исторической песни, что (вопреки общераспространенному суждению) цикл этих песен выдерживает сравнение даже «с такими классическими циклами, как песни об Иване Грозном или о крестьянской войне начала XVII века» (стр. 94), и, наконец, что в своей совокупности они являются «грандиозной исторической эпопеей» (стр. 100), позволяющей уяснить, как отразились в народном сознании великие события 1812 г. Вместе с тем эти песни представляют собой ценнейший материал «для понимания развития русских исторических песен» (стр. 93) и «для раскрытия общих закономерностей развития эпоса,— в первую очередь для решения проблемы отбора и поэтического отражения исторических фактов в народном творчестве» (стр. 94). Основной вывод автора формулирует так: «Поэтическое творчество широких масс изобразило исторические вехи эпохи и ее главных исторических героев с большой правдивостью, сочетавшейся с полнотой и свободой художественного отбора и обобщения. Не менее своеобразно и вместе с тем правдиво оно раскрыло внутренний смысл событий, выдвинув на первый план определенные социальные силы, раскрыв классовые противоречия своего времени» (стр. 107). Очень ценным дополнением в фонд песен 1812 г. является извлеченная автором из архива Академии наук «Песня Семеновского полка», сложенная после известных «волнений» 1820 года, в которой только что пережитая катастрофа и горестное положение полка сопоставляются с картиной славных подвигов, совершенных им в войну 1812 г.

Статья Э. С. Литвина не вызывает каких-либо существенных принципиальных возражений, но, при всем богатстве материалов и значительности выводов, она производит впечатление некоторой неполноты и даже недоработанности. В сущности, те общетеоретические проблемы, постановка которых, как указано самим автором, неизбежно вытекает из данного материала, остались нераскрытыми, но лишь бегло намечеными, в том числе и важнейшая проблема, возникающая при анализе этих песен,— проблема отбора исторических событий и исторических героев. Чуть ли не каждый автор, писавший о песнях 1812 г., пытался разрешить вопрос, почему вопреки исторической правде центральную роль в этом эпическом цикле занял Платов, а не Кутузов. Обычно это объяснялось той исторической ролью, которую сыграло в Отечественной войне донское казачество. Э. С. Литвин отводит этому обстоятельству лишь второстепенное место (стр. 104); основной причиной являются, по ее мнению, «сложившиеся основные черты эпического образа Платова», именно они способствовали тому, что этот образ «не потускнел со временем и сохранил свою поэтическую привлекательность в течение более чем столетия» (стр. 106). Но, ведь, такое объяснение имеет тавтологический характер: одна легенда объясняется другой. А как исторически объяснить возникновение эпического образа Платова? Проблема остается в таком же положении, в каком находилась и до статьи Э. С. Литвина. Неправильно даваемое автором объяснение сравнительной немногочисленности песен, отражающих события 1813—1815 г.; автор объясняет это тем, что война 1813—1815 гг., ведшаяся уже за пределами русского государства, перестала носить характер народной войны, но была «войной держав Священного Союза с империей Наполеона» (стр. 99). Здесь все неверно вплоть до хронологических дат. Священный Союз был основан в сентябре 1815 г. и, стало быть, никак не мог быть причиной и идейным источником войны, ведшихся до его учреждения. Впрочем, автор в данном случае себе же противоречит, так как уже на следующей странице говорит о взятии Парижа как об одной из основных «исторических вех», воспринятых народным сознанием и отраженных в созданных им песнях.

Статья Р. С. Липец, озаглавленная «Былины у промыслового населения русского Севера XIX—начала XX века», посвящена частному, но весьма важному для понимания процессов народно-поэтического творчества вопросу: об отражении в былинах особенностей труда и быта северного крестьянства. Сама по себе тема эта не новая в русской фольклористической науке. Впервые она была в общем плане разработана Л. Н. Майковым в его диссертации «Былины Владимира цикла», затем уже специально в применении к северу, вновь поставлена в знаменитом предисловии Гильфердинга к «Онежским былинам»; не малое внимание уделяла этому вопросу и историческая школа (А. В. Марков, С. К. Шамбина). В отличие от прежних исследователей, Р. С. Липец выдвигает новые задачи, которые она характеризует как комплексное изучение былий, понимая под этим привлечение данных по истории края, его этнографии и материальной культуре. Такое изучение должно дать, по мысли автора, прочную базу не только для выяснений связи народно-поэтических произведений с хозяйственно-бытовой средой, но и для выяснения «идейной настроенности былин». Большой материал, привлеченный автором, распределен по следующим рубрикам: природа, мореплавание, охота и рыболовство, земледелие, отождествление промыслов, женский труд, постройки, одежда; особо выделен параграф, озаглавленный «Древнерусский город».

Р. С. Липец превосходно владеет этнографическим материалом нашего Севера, и ее наблюдения не только очень интересны и существенны, но порой буквально вос-

⁷ А. В. Предтеченский, Отражение войн 1812—1814 гг. в сознании современников,— «Исторические записки», т. 31, М., 1950, стр. 236.

хищают своею тонкостью. Так, например, в былине о Добрыне и Ермаке (Рыбников, 1, 268) Добрыня, желая вывести из боя чрезмерно расходившегося малолетнего богатыря, «захватывал его баграми железными» и «уговаривал словами ласковыми». Р. С. Липец разъясняет, что здесь упомянуты багры, которыми судно удерживали у берега, пока оно еще не привязано канатами, или у борта другого судна (стр. 174).

В былине Марфы Крюковой Добрыня, застигнутый ночью в Сорочинских лесах, размышляет:

Ночевать-то нужно во сыром бору
Во сыром бору надоть под елушечкой.

«Надо представить себе,— пишет по этому поводу автор,— громадную северную ель, под ветвями которой, действительно, легко может расположиться человек, чтобы понять, как ясно вставала перед глазами сказителей и их слушателей картина ночевки в лесу, подобная той, к которой они прибегали и сами» (стр. 180). Но нужно представить также тонкость и чуткость исследователя, сумевшего так четко и выразительно раскрыть содержание одной, казалось бы, мелкой художественной детали.

Но, к сожалению, большие знания, которыми владеет автор, и его литературное дарование, не опираются на строго выработанный научный метод, поэтому в данной статье встречается много натяжек, недоказанных утверждений, поспешных выводов, импрессионистических замечаний и, наконец, прямых ошибок. Все это значительно снижает ценность работы.

Статья Р. С. Липец представляет собой систематизированную серию примеров, которые во многих случаях вырваны из контекста и не поставлены в связь ни с содержанием былины в целом, ни с личностью сказителя, ни с исторической обстановкой. Часто то, что кажется автору проявлением северной специфики, является в действительности общерусским достоянием и встречается в записях, сделанных у сказителей любых районов. Примером может быть следующее. На той же самой странице, где приведен превосходный пример с елью, Р. С. Липец упоминает о «подорожничках», которыми неизменно запасается, отправляясь в путь, герой былины. По её мнению, это типично северная черта: так запасаются «путники из любой северной деревни», потому что «рассчитывать на покупку припасов в пути из-за редкости селений не приходилось...», и т. д. Но точно так же укладываются подорожники «в свои сумочки» герои былин и сказок, записанных в самых разнообразных частях страны. Это так общеизвестно, что, полагаю, нет надобности приводить для доказательства какие-либо цитаты из былин и сказок. Подобных примеров можно привести много. Так, Р. С. Липец тщательно подбирает всякие упоминания об овсе, в том числе и поэтические формулы и сравнения, и объясняет их тем, что овес является основным злаком на севере (стр. 193—194). Но неужели автору неизвестно, что овес распространен повсеместно? За счет северной специфики относится автором сохранение и детальная разработка картин перевоза через реки; типично северными считает автор образы «колдоватых атаманов» (стр. 181), о которых говорят и предания других мест; типично северными оказываются символические образы лебедя и сокола, как известно, распространенные повсеместно; даже некоторые «общие места» или образы и сравнения, имеющие явно книжное происхождение, и те попадают в число данных, подтверждающих северную специфику (см. извлечения из былин и новин Марфы Крюковой).

Значительное число таких ошибок и неосторожных обобщений явилось прямым результатом отсутствия строгого исторического и филологического анализа.

Каков же общий итог всех наблюдений? Что нового в теоретическом плане вводит статья Р. С. Липец? То, что «сказители-северяне при передаче былин невольно, а иногда и сознательно, переносили действие в привычную им обстановку», что «промысловая жизнь создавала благоприятные условия для исполнения и слушания былин»? Эти выводы приведены в авторском «заключении» как основные тезисы работы, но ведь они, как и остальные, приводимые здесь же автором, общеизвестны и стали достоянием учебников. Не могут служить данные наблюдения и решительным опровержением компаративизма, как утверждает автор, ибо ни один из самых крайних компаративистов не отрицал наличия местных черт в былинах и отражения в них позднейшей обстановки.

Неточны и экскурсы автора в историю русской науки о фольклоре. Р. С. Липец уверяет, что Гуляев и Киреевский применяли одни и те же методы при подготовке фольклорных текстов к печати. Это совершенно неверно. Метод «исправления» текстов, который разработал Киреевский и в результате которого искусственно создавались новые варианты, не имеет ничего общего с осторожной и сравнительно незначительной «правкой», которую допускал Гуляев. Новое издание его записей⁸ дает возможность убедиться, что исправления Гуляева имели чисто внешний характер и не затрагивали «идейного существа» народно-поэтических памятников⁹. К контаминации он прибегал,

⁸ «Былины и песни южной Сибири». Собрание С. И. Гуляева, Под ред. В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952.

⁹ Там же, стр. 20.

вопреки утверждению Р. С. Липец, крайне редко: всего два раза¹⁰. Во всяком случае приемы работы Гуляева не имели ничего общего с методом Киреевского; их можно скорее сравнивать с методом Афанасьева, которого, однако, и самый заядлый вульгаризатор не решается назвать «искусителем народного творчества».

Слабо владеет¹¹ Р. С. Липец техникой библиографических ссылок. Она цитирует: «Б. М. Соколов. Былины. М. 1918; то же название, вып. 1—2. М. 1928»,—но у Б. М. Соколова нет двух книг под одним и тем же названием; второе сочинение, которое имеет здесь в виду автор, озаглавлено: «Русский фольклор. Пособие для заочников». Первый выпуск его действительно посвящен былинам и имеет такой подзаголовок. Не существует и такой книги: «С. И. Гуляев. Былины и песни из южной Сибири».

Очень интересные и ценные материалы содержит статья П. Г. Ширяевой («Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1905—1907 гг.»). П. Г. Ширяевой просмотрены и обследованы, помимо различных фольклорных сборников, сборники Истпартов, различные нелегальные издания, партийная печать, архивные сборники, следственные дела б. Министерства юстиции, департамента полиции и пр. Задачей статьи является «рассмотреть песенное творчество пролетариата 1905—1907 гг.» и поставить его в связь с «рабочей исторической песней» (стр. 113). Последнюю же следует рассматривать, пишет автор, как «необходимое и важное звено в общем развитии русского исторического песенного жанра» (стр. 114). Читатель вправе ждать полного обоснования этого ответственного тезиса,—этого, к сожалению, не сделано: автор ограничивается лишь декларативным заявлением; формулировка же данного тезиса, намечающая какой-то закон единого «общего развития» песенного исторического жанра, вызывает большие недоумения. Впрочем, статья в целом имеет вообще описательный характер, и ее ценность заключается главным образом в тех материалах, которые сообщены в ней и которые значительно дополняют наши сведения о роли революционной рабочей поэзии в агитационно-просветительной работе (см. стр. 114—115). В данном очерке приведены в большом количестве (полностью или в пересказах и извлечениях) песни, распевавшиеся на рабочих мавках и демонстрациях, стихотворения и песни, публиковавшиеся в партийной печати, стихи пролетарских поэтов, получившие массовую популярность, и т. д. Все это имеет большой исторический интерес и несомненное познавательное значение, но ясному пониманию сущности излагаемого автором процесса препятствует отсутствие четких определений вида и характера приводимых материалов. Наше замечание не является новостью. Уже по поводу составленного тем же автором (совместно с В. А. Кравчинской) сборника «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области»¹¹, было указано в печати на отсутствие у авторов строгих критерии для отнесения тех или иных произведений в состав фольклора¹². Однако П. Г. Ширяева пренебрегла этим указанием и в своем очерке вновь повторила те же ошибки, которые были отмечены рецензентом названного сборника, причем в данном случае эти ошибки еще более разительны. В статье П. Г. Ширяевой соединены вместе и тексты, которые входили в репертуар рабочей революционной песни, и тексты стихотворений, которые впоследствии стали песнями, и стихотворения, которые, хотя и были популярны в рабочей среде, но никогда не пелись, а лишь запоминались наизусть и декламировались. Так, например, в «Приложениях» под № 12 перепечатана из сборника Гуревича «Песни рабочих Забайкальской тайги о Разгильдееве» (стр. 148—152). Этот текст содержит 375 стихотворных строк, и уже поэтому довольно трудно представить себе какие-либо хорошие коллективы или отдельных певцов, исполняющих такую «песню». В действительности это произведение представляет собой сатирическое повествование в форме поэмы. Правда, в состав этой поэмы вошли кое-где отдельные стихи и строфы из подлинных рабочих песен о Разгильдееве, но от этого она не стала фольклором. Не является «песенным фольклором» и стихотворение «В трудное время дух не теряй». Это стихотворение было записано в 1938 г. фольклористкой Н. С. Смирновой от рабочего Трехгорной мануфактурной фабрики, но исполнитель сам считал и называл его только стихотворением (стр. 148), и нет никаких указаний, что оно когда-либо, где-либо пелось. Более того, в число материалов, характеризующих характеризовать русское революционное песнеписьвоство рабочих, П. Г. Ширяева включает и обнаруженные ею в архиве Института истории русской литературы стихи какого-то неизвестного автора, написанные.. на немецком языке (!) (см. стр. 128). Каждый читатель вправе воскликнуть с недоумением: «Что же такое, наконец, фольклор? и что такое русский фольклор в частности, если в его состав, оказывается, можно включать и немецкие стихи?»

Вызывает ряд недоуменных вопросов и «Приложение» (стр. 143—152), которое, по объяснению редакции сборника, должно дать «представление об исторической песне русского пролетариата начала XX века» (стр. 5). Во-первых, некоторые из включенных в этот раздел текстов не могут (как уже сказано выше) быть названы песнями; во-вторых, трудно понять, почему именно эти тексты выбраны в качестве наиболее характерных образцов; в-третьих, в ряде случаев тексты напечатаны с нарушением

¹⁰ Там же, стр. 21.

¹¹ Сб. «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области». Составители П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская, Л., 1950.

¹² См. И. Светлов, Неудачный сборник песен, «Культура и жизнь», от 30 ноября 1950 г.

общепринятых правил научной публикации: тексты № 1 и 7 (в «Приложениях») даны без каких-либо пояснений об их характере (стихотворение, песня?) и без всяких указаний на их происхождение и источник. У читателя невольно складывается убеждение, что эти тексты появляются в печати впервые,— между тем они имеются в сборнике А. Л. Дымшица¹³. Текст № 1 перепечатан из этого сборника слово в слово, буква в букву, текст № 7 имеет разночтение лишь в одном слове: у Ширяевой — «Море яростно стонало», у Дымшица — «Море в ярости стонало». Неужели такое «изменение» уже свидетельствует о «фольклоризации»? Такого же типа «фольклоризация» имеет место и в тексте № 3 («Клятва рабочих в память 9 января»): «И скажем» — вместо «Скажем вам мы» (ср. «Пролетарские поэты», I, стр. 158; настоящий сборник, стр. 144). О тексте № 2 («Мы мирно стояли пред Зимним Дворцом») подробно говорится на страницах 123—124: отмечен ряд публикаций и вариантов, но публикация текста в «Приложении» — «слепая»; при проверке обнаруживается тот же источник — сборник А. Л. Дымшица (стр. 127 с изменением в одном стихе). Едва ли такие неряшлиевые публикации допустимы на страницах академического издания. В редакционном предисловии сказано, что включенные в приложения тексты рабочих песен являются или неопубликованными, или взятыми из малодоступных советским читателям изданий (стр. 5). Как видим, это далеко не так. Редакция сборника следовало бы не полагаться всецело на заявления автора, а самой тщательно проверить источники.

Редакции следовало бы поработать и над стилем этой статьи, заметно отличающейся от других очерков сборника, написанных хорошим литературным языком. Нечеткие и неудачно выраженные формулировки, в связи с отсутствием строгих, продуманных методов исследования, приводят порой к явной путанице в изображении исторических фактов и их интерпретации.

Русский раздел сборника завершается публикацией И. Ф. Голубева: «Повесть об Илье-Муромце и Соловьев-разбойнике» по рукописи второй четверти XVIII века» (хранится в Калининском гос. областном архиве). Текст содержит любопытные детали для истории данного сюжета.

Несомненный интерес представляют также новые тексты из цикла песен об эпохе Ивана IV, приложенные к статье В. К. Соколовой,— в особенности любопытна запись песни о Кострюке, извлеченная из рукописного сборника Д. П. Ознобишина, хранящегося в Государственном литературном музее. В. К. Соколова не приводит, к сожалению, подробных сведений об истории и составе данного сборника. Между тем известно, что Д. П. Ознобишин записывал песни преимущественно в 1830-х годах: песня о Кострюке записана им со слов «136-летнего старика», т. е. от человека, родившегося в начале 1700-х гг., а может быть даже и в конце 90-х годов XVII в. Таким образом, данный текст ведет нас непосредственно к древнейшим редакциям этой песни. К наиболее древним редакциям принадлежит и другой текст песни о Кострюке, извлеченный из Архива Географического общества: записан в начале XX в. Интересны также варианты песен о Ермаке (один от того же Ознобишина, другой в записи (1911 г.) известного сибирского (омского) фольклориста П. Е. Петрова). В приложении к статье Р. С. Липец большой интерес представляют тексты, извлеченные ею из составленного в дореволюционные годы рукописного сборника «Народное творчество Кемской области», переданного автору статьи Ф. М. Миховым (составителем?) еще в 1932 г. В печати до сих пор не появлялось сообщений об этом сборнике.

В общем, выход в свет сборника «Славянский фольклор» должно признать значительным явлением в нашей науке, и советские фольклористы с живейшим интересом ожидают дальнейших выпусков, выход которых обещан в редакционном предисловии. Хотелось бы встретить в последующих томах большее внимание к вопросам художественной формы народного творчества, а главным образом найти статьи по теоретическим проблемам, постановка которых диктуется гениальными трудами И. В. Сталина.

М. К. Азадовский

Л. П. Потапов. *Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)*, Хакаблгосиздат, Абакан, 1952.

Рецензируемая книга написана Л. П. Потаповым по поручению Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1950 г. в связи с исполнившимся 20-летием со дня образования Хакасской автономной области.

Как указывает сам автор в предисловии, данная работа представляет «краткую характеристику основных этапов истории хакасов с момента включения их в состав Русского государства, а также вопросов происхождения и формирования этой народности» (стр. 3). Л. П. Потапов также оговаривается, что весьма сжатые сроки и объем, предоставленные для написания работы, «не позволили расширить хронологические рамки сверх указанных (XVII—XIX вв.—Н. О.) и нарисовать более полную и глубокую картину жизни хакасов в различные исторические периоды». Поэтому написанные «Очерки» не освещают полно такие вопросы, как «события 1905 и 1916 гг., как период

¹³ «Пролетарские поэты» под ред. А. Л. Дымшица, т. I, Л., 1935.

от февральской революции до образования Хакасской автономной области и др.» (там же).

Таким образом, автор в «Кратких очерках истории и этнографии хакасов» систематически излагает вопросы истории и этнографии хакасов, начиная с XVII в. и кончая началом XX в. Советский период не затронут автором в его «Очерках».

Л. П. Потапов справедливо подчеркивает в предисловии, что для освещения этого периода нужно прежде всего «проделать большую трудоемкую и кропотливую работу» по выявлению материалов как в местных, так и в центральных архивах. Такая работа еще не проделана, хотя она уже ведется. Некоторым возмущением отсутствия изложения вопросов советского периода является обширное по объему введение к «Очеркам», в котором автор стремится «дать общую характеристику современного состояния социалистической культуры и быта хакасов» (стр. 5).

Несмотря на известную неполноту очерков (хронологическую) и некоторую краткость изложения ряда вопросов, что подчеркивается и самим автором, данная работа Л. П. Потапова представляет собой заметное явление в нашей советской литературе, посвященной истории и этнографии народов Сибири. При всей тематической неполноте этих очерков они являются все же первой марксистской систематической работой по истории и этнографии хакасов. Выпущенная в 1925 г. книжка Н. Н. Козьмина «Хакасы» являлась антимарксистской, буржуазно-националистической, она извращала историческое прошлое хакасов. Создать марксистский научный труд по истории и этнографии хакасов представлялось задачей, политически важной и научно актуальной. Выпущенная Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории книга Л. П. Потапова и разрешает с успехом эту задачу.

«Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)» Л. П. Потапова имеют три раздела: I — «Исторические предки хакасов в XVII в.», II — «Хакасы в XVIII в. и начале XIX в.» и III — «Хакасы в XIX и начале XX в.». Каждый из разделов распадается на главы, посвященные отдельным вопросам истории и этнографии хакасов.

Разбивка на большие разделы в книге не является случайной. Она связана с периодизацией истории хакасов, которую автор обосновывает в предисловии. Отметим, что предлагаемая периодизация вызывает некоторые возражения. Л. П. Потапов дает периодизацию только исторического прошлого хакасов в пределах изучаемых веков. «Очерки» намечают периодизацию исторического развития хакасов за указанное время, — подчеркивает автор (стр. 4). В частности, Л. П. Потапов совершенно не включает в периодизацию «историю населения и его культуры на территории Хакасии в древнейшие времена», отсылая к известному исследованию С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири». Периодизация в пределах изучаемого Л. П. Потаповым времени выглядит следующим образом. Первый период охватывает весь XVII век. Это — период «включения в состав Русского государства местного населения, являющегося ближайшим историческим предком современных хакасов». Период этот, как подчеркивает Л. П. Потапов, «имеет весьма важное, прямо-таки переломное значение в жизни упомянутого населения», «в это время окончательно разрешилась его историческая судьба» и «пределились условия дальнейшего исторического развития предков нынешних хакасов в составе Русского государства». Второй период охватывает весь XVIII и первую четверть XIX века. «Хронология этого периода определяется двумя важными датами: началом XVIII в. (1703 г.), когда большая часть енисейских киргизов была насильственно уведена в Джунгарию и началось мирное освоение территории Минусинской котловины русским населением, совместно с местным населением, заложившим начало образования хакасской народности, и конечной датой для этого периода — административной реформой «сибирских инородцев», объявленной царским правительством в 1822 году, знаменовавшей новые исторические условия для социально-экономической и культурной жизни хакасов, под гнетом царской колониальной политики». Наконец, третий период охватывает время со второй четверти XIX в., точнее, с 1822 г. до Великой Октябрьской социалистической революции. «Если началом его нужно признать реформу 1822 г., означающей (?!, очевидно, означающую — Н. С.), завершение предшествующего этапа, то окончанием этого, и в то же время началом нового и самого важного, решающего периода истории хакасов, является Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.».

Такова предлагаемая периодизация и ее обоснование. На наш взгляд, прежде всего, стоило предлагаемую периодизацию дать как часть всей в целом периодизации истории хакасов. История хакасов, как и многих народов окраин бывшей Российской империи, естественно распадается на три крупных этапа исторического развития. Первый этап — до включения предков современных хакасов в состав Русского государства (до XVII в.); второй этап — история хакасов в составе вначале феодальной, а позже — капиталистической России (до Великой Октябрьской социалистической революции); третий этап — советский, история хакасов в составе СССР. Три периода предложенной Л. П. Потаповым периодизации истории хакасов являются, с нашей точки зрения, более дробными подразделениями второго этапа в истории хакасов. Такая более дробная периодизация вполне допустима и даже желательна. Можно ли, однако, согласиться с предложенными Л. П. Потаповым тремя периодами в истории хакасов XVIII — начала XX в.?

Мало обоснованным нам представляется выделение реформы 1822 г. как границы между вторым и третьим периодами. Л. П. Потапов указывает, что реформа Сперан-

ского 1822 г. знаменовала «новые исторические условия для социально-экономической и культурной жизни хакасов» (стр. 5). Так ли это? В чем же сказывались эти новые условия? В анализе самой административной реформы 1822 г. автор не раскрывает эти «новые условия», и он не может их раскрыть, поскольку ничего принципиально нового в жизнь хакасов, равно как и других народов Сибири, реформа 1822 г. не вносила. Автор правильно подчеркивает, разбирая самый Устав 1822 г., что «устав этот явился законодательным оформлением колониальной политики царизма, осуществляемой в Сибири» (стр. 135).

Устав законодательно оформил все то, что проводилось и раньше: ясак, натуральные повинности, опору на патриархально-феодальную верхушку и т. д. Нельзя же считать принципиально новым создание органов «инородческого управления», ставших определенными звенями в самой системе колониальной политики царизма.

Правильнее, на наш взгляд, начинать третий период не с 1822 г., а с середины XIX в., когда в экономике хакасов и их социальных отношениях, а также и в экономике Минусинского уезда в целом происходят важнейшие изменения. Реформа 1861 г.—граница между феодальной и капиталистической Россией. Развитие капитализма в центре России оказывало могущественное влияние на экономику окраин царской России и социальные отношения населения этих окраин. Автор конкретным материалом по существу сам обосновывает, что именно с середины XIX в. в истории хакасов надо начинать новый период, а не с реформы 1822 г. В разделе «Экономическое развитие» он подчеркивает: «В период с половины XIX в. и до начала империалистической войны 1914 г. в экономике Ачинского и особенно Минусинского уездов происходят крупные изменения» (стр. 147). В разделе «Классовое расслоение среди хакасов» Л. П. Потапов указывает: «Капиталистические отношения зародились у хакасов в середине XIX в....» (стр. 164). Итак, сам автор выдвигает середину XIX в. как время коренных изменений в экономике и социальных отношениях хакасов. Очевидно, что именно эту границу и надо положить как рубеж между вторым и третьим периодами в истории хакасов XVII—начала XX в.

В остальных моментах периодизация Л. П. Потапова не вызывает сомнений.

Рассмотрим основные идеи и положения книги.

Прежде всего, подчеркнем, что большое место в книге занимает тема о связях между хакасами и великим русским народом.

Важнейшее политическое значение темы о связях великого русского народа с народами СССР со всей острой было подчеркнуто на XIX съезде КПСС. Л. П. Берия в своей речи, исходя из известных указаний И. В. Сталина о роли великого русского народа в дружной семье советских народов, указал: «Силой, цементирующей дружбу народов нашей страны, является русский народ, русская нация, как наиболее выдающаяся из всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Русский рабочий класс под руководством партии Ленина—Сталина совершил в октябре 1917 года величайший исторический подвиг—прорвал фронт мирового империализма, уничтожил власть буржуазии и разбил цепи национально-колониального гнёта на одной шестой части земного шара. Не подлежит сомнению, что без помощи русского рабочего класса народы нашей страны не смогли бы защитить себя от белогвардейцев и интервентов и построить социализм. Что же касается народов, которые в прошлом не прошли капиталистического развития, то без длительной и систематической помощи русского рабочего класса они не смогли бы осуществить переход от докапиталистических форм хозяйства к социализму¹.

Великой прогрессивной силой являлся русский народ и в дореволюционной России. Величайшее прогрессивное значение имело включение нерусских народов в состав Русского государства. Тов. Багиров отметил в своем выступлении на XIX съезде партии, что первоочередная задача советских историков—«на основе многочисленных исторических данных, архивных материалов и документов во весь рост поставить вопрос о прогрессивности, благотворности присоединения нерусских народов к России»².

Как же дана эта важнейшая историческая тема применительно к хакасской народности в книге Л. П. Потапова?

Яркими красками рисует автор картину политического состояния Южной Сибири в конце XVI и начале XVII в., перед включением ее в состав Русского государства. Феодальная раздробленность и междуусобицы, борьба между отдельными мелкими княжествами, грабежи и анархия—таковы характерные черты этого политического состояния. «Междудорожными феодальными улусами шла непрерывная междуусобная борьба. Грабежи и набеги были повседневным явлением и крайне тяжело отражались на мирных хозяйственных занятиях трудящихся скотоводов и охотников. Анархия, произвол и насилие, чинимые азиатскими феодалами по отношению к трудовой части населения различных племен и народностей Южной Сибири, многоданичество, увод в рабство в результате набегов, были тяжелым игом, тормозившим экономический и культурный рост этого населения» (стр. 41).

Продвижение на территорию Южной Сибири русских открыло перед трудящимися Южной Сибири иные перспективы. «Вместе с русскими в Южную Сибирь проникали не только централизованная, твердая государственная власть, но и более высокие

¹ Л. Берия, Речь на XIX съезде ВКП(б), М., 1952, стр. 20—21.

² М. Багиров, Речь на XIX съезде, «Правда» от 7 октября.

формы хозяйства, культуры и быта, которые вскоре же оказали положительное влияние на культуру и быт местного трудового населения» (стр. 41).

«Рядовое население, измученное феодальным гнетом и обстановкой междуусобицы, непрерывными военными грабежами, сопровождавшимися полным разорением, уводом в полон и т. п., видело в переходе в русское подданство свое спасение, возможность мирной и безопасной жизни. Трудящихся охотников и скотоводов не могли не интересовать экономические связи с русским крестьянским населением, которое заводило при острогах пашню, разводило крупный рогатый скот, заготовляя для него сено, принесло с собой ряд кустарных промыслов, строительную технику, новые совершенные орудия труда и т. п.» (стр. 57—58).

Иным было отношение киргизских феодалов. Увидев, что зависимые от них племена переходят в русское подданство и что, таким образом, они лишаются объектов эксплуатации, киргизские феодалы начинают упорную военную борьбу с русскими, которая длится в течение всего XVII века. В этой борьбе киргизские феодалы объединяются между собой и вступают в тесный союз с западно-монгольскими феодалами (джунгарами). Впоследствии киргизские князья окончательно переходят в зависимость от джунгаров и в союзе с последними развязывают активную вооруженную борьбу против Русского государства. Особой активностью отличался князь Иренак, который в течение двадцати лет жег и грабил русские селения. Буржуазные исследователи (Н. Козьмин) стремились поднять на щит этого героя разбоев и грабежа и сделать его борцом за свободу и независимость киргизов. Давая критику взглядов Н. Козьмина, Л. П. Потапов не сообщает, однако, того, что и некоторые советские исследователи оказались в плену этих взглядов. В частности, следовало дать критику взглядов А. Н. Бернштама, который в своих работах рассматривал киргизских феодалов как силу, которая мобилизовала «отдельные раздробленные силы енисейских племен против эксплуатации, идущей из городов и острогов только что покоренной Сибири», и особенно в этом плане выдвигал «энергичного и умного» князя Иренака³.

Борьба отдельных киргизских и монгольских феодалов, хотя бы и временно объединявшихся против централизованного Русского государства, не имела реальных перспектив. В 1703 г., убедившись в бесплодности этой борьбы, джунгарский хан приказал своим киргизским вассалам покинуть Минусинскую котловину вместе с зависимым от них населением. «Это насилие над киргизским родовым населением и некоторыми группами их», — как справедливо характеризует эти действия Л. П. Потапов (стр. 62), джунгарам не удалось осуществить в полной мере. Значительная часть трудового киргизского населения, а также многие другие племенные группы остались жить в Минусинской котловине и начали строить свою мирную жизнь бок о бок и в тесных экономических и культурных связях с русскими — новыми колонистами этого края.

Л. П. Потапов подробно показывает, как уже в XVIII в. положительное влияние русского народа сказалось на всех сторонах жизни местного населения. В быт и культуру местного населения вошли русское крестьянское земледелие и скотоводство со стойловым содержанием скота и заготовкой сена, срубная изба, печенный хлеб и многие другие элементы русской культуры и быта. Русский язык становится вторым языком местного населения.

Л. П. Потапов показывает и другую сторону жизни хакасов. Прогрессивное развитие культуры современных хакасов и благотворное влияние на нее культуры великого русского народа тормозились колониальной политикой царизма.

Л. П. Потапов детально анализирует политику царизма в отношении коренного населения Минусинской котловины и стремится показать ее специфику на отдельных этапах. Так, для XVII в., раскрывая классовый, эксплуататорский характер царской политики в отношении народов Сибири, Л. П. Потапов вместе с тем справедливо указывает на отличие этой политики от политики правительства других европейских государств в их колониальных владениях. Царское правительство было заинтересовано в расширении и укреплении Русского государства за счет Сибири. Оно было заинтересовано в получении сибирской пушнины, поступавшей в ясак. Каждый ясачный человек был на учете казны. «Для московских царей было выгоднее по возможности мирное освоение Сибири, заселение ее крестьянством, при поддержке небольших военных сил, нежели вооруженное присоединение этой обширной территории, требующее больших материальных затрат. Вот почему они так настойчиво требовали от воевод не «ожесточать» ясачное население и пытались бороться с их хищничеством. Таким путем московские цари стремились обеспечить интересы своей казны. Нельзя не признать, что политика московских царей в XVII в. резко отличалась от соответствующей политики правительства других европейских государств, которые в эпоху первоначального накопления капитала обращали в рабство и, как известно, в буквальном смысле истребляли фактически целые племена и народности» (стр. 43). Все это совершенно правильно. Автор в трактовке этого вопроса идет вслед за крупнейшим знатоком истории народов Сибири С. В. Бахрушиным, который еще в 1929 г. в статье «Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года»⁴, развивая соответствующие мысли, ука-

³ А. Н. Бернштам, Историческое прошлое киргизского народа, Фрунзе, 1942, стр. 17.

⁴ С. В. Бахрушин, Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года, «Советский Север», Первый сборник статей, М., 1920.

зывал на истребление испанцами населения Антильских островов, англо-саксонцами в Северной Америке индейцев, с одной стороны, и на политику Московского правительства охраны и защиты ясачного населения в Сибири, с другой стороны. «В то время, как для колонистов Западной Европы, искавших земли и промысловых угодий, туземец-дикарь был опасным и вредным конкурентом, для Москвы «иноземец» был первым делом источником дохода и подлежал поэтому охранению»⁵.

Л. П. Потапов подробно раскрывает формы колониальной политики царизма и в XVIII и XIX вв. Особенно тяжелой она становится в XIX в. Различные налоги и повинности, земельные захваты и притеснения, принудительная христианизация — таковы конкретные формы, в которых находила свое выражение политика царизма в Хакасии. Вся тяжесть ее ложилась на плечи трудящихся масс, так как феодально-байская верхушка сумела говориться с царскими колонизаторами.

И вместе с тем автор показывает, что, несмотря на всю тяжесть колониальной политики царизма и вопреки ей, трудящиеся хакасы и в XVIII, и в XIX в. продвинулись вперед и по пути хозяйственного, и по пути культурного прогресса. Автор в связи с этим раскрывает всю неосновательность созданной народниками и сибирскими областниками в процессе их идейной борьбы с царизмом легенды о вымирании хакасов в период их пребывания в системе Русского государства. Фактический материал указывает на обратные процессы. Хакасы увеличились в своей численности. «Возникает вопрос — каким образом смогли хакасы в условиях царизма увеличиться в численности, в то время как многие другие народности окраин царской России, особенно народности Севера, как европейского, так и азиатского, в результате колониальной политики царизма вымирали? Ответ на этот вопрос может быть только один. Это объясняется только тем, что хакасы развили и укрепили экономические и культурные связи с русским трудовым крестьянством, от которого они усвоили более высокие формы хозяйства и быта. Вследствие благотворного влияния более высокой культуры русского народа, хакасы смогли настолько развить и укрепить свою экономику, что это позволило им не только сохраниться физически, но даже увеличиться в численности. Более высокие и производительные формы хозяйства, воспринятые от русского народа, помогли хакасам выдержать борьбу за существование в условиях царской колониальной политики и даже поднять свой экономический и культурный уровень по сравнению с предшествующим периодом их истории, когда они находились под игом киргизских и джуңгарских феодалов» (стр. 175). Автор прекрасно показывает, что исчезновение таких этнических групп, как арины, котты, маторы и т. д., на основании чего и делался вывод о вымирании населения Минусинской котловины, объясняется не вымиранием, а ассимиляцией этих групп с иными этническими группами, в частности с качинцами. Некоторые же из этих этнических групп, как, например, котты, часть качинцев, аринов, койбалов, бельтиров ассимилировались в русской народной среде, причем эта ассимиляция носила не принудительный, насильственный характер, а протекала в результате тесного экономического и культурного общения, смешанных браков и т. п.

К слову сказать, народническая и областническая легенда о вымирании аринов, коттов, маторов повторяется до настоящего времени. В выпущенной в 1952 г. в Омске книге М. Е. Бударина «Прошлое и настоящее народов Северо-западной Сибири» она вновь воспроизводится с обоснованием по работам Потапина, Ядринцева и др.

Прекрасно раскрывая экономические и культурные связи хакасов с великим русским народом и благотворное влияние культуры русского народа на культуру хакасов, Л. П. Потапов недостаточно, на наш взгляд, раскрывает политические связи трудящихся хакасов с русским крестьянством, позже с русским рабочим классом.

То немногое, что имеется в книге по этому вопросу, не дает чего-либо нового. Автор никаких новых исследований в этом плане не проводил, то же, что имелось в литературе, — явно недостаточно для освещения этого вопроса.

Следует пожелать, чтобы автор в последующей переработке книги восполнил этот недостаток и дал нам историю совместных политических движений трудящихся хакасов и русских против общих эксплуататоров, а также показал формирование классового самосознания у трудящихся хакасов под влиянием русского революционного движения.

Второй центральной темой книги является вопрос о формировании хакасской народности. Л. П. Потапов внимательно прослеживает этот процесс с XVII в., показывает всю сложность этого процесса, в котором принимали участие различные этнические группы.

Существенную помощь в изучении этнического состава Минусинской котловины в XVII в. оказали Л. П. Потапову исследования Б. О. Долгих⁶. Однако Л. П. Потапов не ограничивается анализом этнического состава, а показывает и экономику и классовые отношения всех анализируемых этнических групп. Перед читателем проходят кето-язычные арины, родственные им ястинцы, тюркоязычные качинцы, самоедоязычные камасинцы, кетоязычные котты и асаны, самоедоязычные маторы и тубинцы, тюркоязычные «чулымцы» и сагайцы и т. д. и т. д.

⁵ Там же, стр. 66, 67, 79.

⁶ Б. О. Долгих, Племена Средней Сибири в XVII в., «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. VIII, 1949; его же, Родовой и племенной состав народностей севера средней Сибири, там же, вып. V, 1949.

Следует пожалеть, что, видимо из-за ограниченности места, автор не развернул характеристики отдельных этнических групп и зачастую они являются чрезмерно краткими, без достаточной аргументации отдельных положений. Так, автору приходится на слово верить, что тинцы и кайдинцы кетоязычны и родственны аринам (стр. 78), что кашины, «видимо, тюркоязычны» (!, там же), что улусы Кочемарский, Кармагинский, Карапутский, Ийский, Шуртосский Удинской земли — это «обуряченные тунгусы» (стр. 84), а улусы Корчунский, Улегатский и Байберинский той же земли — это «обуряченные котты» (там же). Автору в последующих изданиях следует дать более развернутую и аргументированную характеристику ряда мелких этнических групп. Дополнительные разыскания в архивохранилищах XVII в., несомненно, дадут еще много интересного материала для этнической, экономической и социальной характеристики населения Минусинской котловины в XVII в. Вообще следует подчеркнуть, что автор для данных «Кратких очерков» не производил самостоятельных разысканий в архивах XVII в. и весь материал взят им из соответствующих публикаций актов, а также из отдельных работ. Для последующей переработки очерков желательно использование свежего, архивного материала, что придаст данной работе еще большую ценность.

В XVIII и в начале XIX в., как показывает Л. П. Потапов, хакасы не представляли единой народности. Они были раздроблены на отдельные территориальные группы, в этническом отношении весьма разнородные. Лишь во второй половине XIX в. и в начале XX в. идет процесс объединения этих групп и формирования их в единую хакасскую народность. В это время у хакасов складываются все признаки общности, характерные для народности: 1) территориальная общность, 2) общность языка, в основном на базе качинского диалекта, 3) культурно-бытовая общность, создававшаяся на основе преимущественно качинских и русских форм народной культуры и быта. Экономической общности у хакасов не возникло, у них не было национального рынка, не была ликвидирована их экономическая раздробленность. Отсюда, правильно замечает Л. П. Потапов, хакасы до революции не сложились в нацию, и к моменту Великой Октябрьской социалистической революции они только успели сформироваться в народность, «совсем еще молодую и неокрепшую» (стр. 212).

Значительное место в книге занимают вопросы развития социальных отношений. Более детально эти вопросы даны для XVIII и особенно для XIX в., более схематично — для XVII в. Из-за отсутствия достаточного фактического материала для XVII в. некоторые положения выглядят здесь натянутыми и мало обоснованными. Так, характеристика общественных отношений аринов в XVII в. как полуфеодальных — полупатриархальных вызывает возражение. Приведенный материал никаких элементов феодальных отношений не вскрывает. Феодальная терминология русских документов («князцы» и «лучшие люди») в отношении аринов сама по себе ни о чем не говорит. Такая же терминология русских документов известна нам и в отношении тунгусов и юкагиров, у которых никто не обнаружил полуфеодальных — полупатриархальных отношений. У близких аринов кетов (енисейских остяков) материалы XVIII—XIX вв. дают возможность вскрыть только патриархально-родовые отношения.

В целом вопрос о феодальных отношениях у хакасов потребует дальнейшей разработки в связи с выходом в свет гениальной работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». И. В. Сталин указывает в этой работе на феодальную собственность на землю как на основу феодальных отношений. В книге Л. П. Потапова, так же как и во многих других трудах советских историков, на эту сторону феодальных отношений обращено мало внимания.

Ясно и подробно изложены Л. П. Потаповым вопросы классового расслоения хакасов в XIX в. в связи с развитием капитализма. Особенно подробно и тщательно освещены автором труда культуры и быт хакасов в предреволюционный период. Помимо исторического материала, автором использован здесь большой этнографический материал, собранный им в течение ряда экспедиций в Хакасию.

Несколько мелких замечаний по частным вопросам.

Не всегда автор правильно переводит отдельные термины XVII в. Так, на стр. 46 «нужные», т. е. нуждающиеся, находящиеся в нужде, переводится как «тощие». Книге явно не хватает карты, особенно для вопросов XVII в. Читателю легче было бы разобраться в сложном и запутанном вопросе этнического состава населения в XVII в. и его расселении, если бы была приложена карта. Очень полезны и нужны были бы и историографический и источниковедческий обзоры.

Все эти недостатки книги не затеняют того факта, что перед нами впервые написанный марксистский труд по истории хакасов, ставящий и разрабатывающий многие важные вопросы по истории и этнографии этого народа.

Второе, исправленное и дополненное издание должно устранить все эти недостатки.

Н. Степанов

М. Венюков. *Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии*, Дальгиз, 1952.

М. И. Венюков (1832—1901) занимает видное место в отечественной географической науке второй половины XIX в. Передовой человек своего времени и неутомимый путешественник, он внес большой, еще полностью не оцененный вклад в познание нашей Родины, особенно ее окраин, а также некоторых зарубежных стран.

Путешествия Венюкова начались вслед за окончанием университета и академии генерального штаба. С 1857 по 1863 г. он исследует русский Дальний Восток (Амур и Уссури), Забайкалье, Среднюю Азию (бассейн реки Чу, верховья этой реки — Кошкар, озеро Иссыккуль, Тянь-Шань), Алтай, Кавказ и Кубань. К 1869—1874 гг. относятся его поездки в Японию, Китай и Турцию, а в 80-х годах он посещает Италию, Африку и Америку.

Круг исследовательских интересов Венюкова был чрезвычайно обширен. Помимо своей прямой специальности — военной географии, он занимался общей географией, естествознанием, историей, экономикой и этнографией посещенных районов. Очень велики заслуги его в картографии и этнографии Средней Азии, в особенности пограничных районов¹. При этом он никогда не замыкался в рамки чисто научных, оторванных от жизни изысканий, а стремился, по собственным словам, к «деятельности не книжной, а наблюдательной и разыскивающей действительность»². Исследуя главным образом колониальные, запоздалые в развитии окраины и страны, он пристально наблюдал жизнь их населения, искал причин его отсталости и путей подъема его экономики и культуры. Служебную деятельность военного исследователя он сочетал с большой работой в Русском географическом обществе в качестве его секретаря и соредактора, совместно с адмиралом К. Ф. Литке, «Известий» Общества.

Венюков был подлинным патриотом. Преданность интересам Родины и русского народа, бесправного в то время хозяина великой страны, была отличительной чертой его деятельности. Любовью к простому трудовому люду проникнуты все его труды, в том числе и вошедшие в рецензируемый сборник «Воспоминания о заселении Амура в 1857—1858 годах». С негодованием рассказывает автор о мытарствах крестьян и казаков, устраивавшихся на новых местах, в то время как штабные начальники и гражданская администрация занимались грязными делишками, гонялись за наградами и наживой, искали действительность в угоду высшему начальству. Побуждаемый чувством патриотизма, Венюков был горячим защитником достоинства русской науки и немало содействовал мировому признанию ее выдающихся успехов. На международном географическом конгрессе в Париже в 1875 г. была экспонирована исполненная Венюковым карта русских путешествий в Азии, «наглядно показывавшая иностранцам то обширное пространство величайшего материка, которое сделалось достоянием европейской науки, благодаря усилиям и трудам длинного ряда русских деятелей»³. При его непосредственном участии была составлена новая «Этнографическая карта Европейской России» (1875), заменившая устаревшую уже тогда карту П. И. Кеппена и получившая высшую награду на международной географической выставке.

По своим общественно-политическим взглядам М. И. Венюков был близок к русской революционной демократии. С юных лет он находился под влиянием А. И. Герцена, лично встречался с ним и с Н. П. Огаревым, общался с декабристом М. А. Бестужевым и с М. В. Петрашевским, сотрудничал в знаменитом «Колоколе». Он ненавидел самодержавный строй, разоблачал продажность и произвол царских властей, забвение ими интересов России и русского народа. Передовые взгляды Венюкова уживались, однако, с тяготением его к мальтизанству и анархизму.

Вошедшее в названный сборник «Путешествие в Китай и Японию» дает яркое описание проникновения английского и американского капитала в отсталые тихоокеанские страны. Автор рисует отвратительную галерею колонизаторов разных мастей — миссионеров, предпринимателей, дипломатов, на глазах у автора орудовавших в Китае и Японии. Особенное презрение вызывали у него англичане с присущим им ханжеством — чопорной важностью и показной добродетелью, за которыми скрывались разнуданный разврат, насилия и зверства, торговля рабами и опиумом, вооруженный шантаж. Так же действовали и американцы, появившиеся вслед за англичанами.

Резко отрицательное отношение Венюкова к российской действительности сделало его в глазах царских властей «политически неблагонадежным». Военное министерство стремилось избавиться от хотя и весьма ценного, но беспокойного и неблагонадежного офицера. Вечные препятствия в работе, недоброжелательство, интриги и доносы обрекали Венюкова на вынужденное бездействие. Он решил «выскочить из рабского состояния», отказался от следуемых ему пенсии и генеральского мундира и в 1876 г. навсегда покинул Россию⁴. Поселившись за границей, Венюков остался верен горячо

¹ Сюда относятся труды М. И. Венюкова: «Очерки Заилийского края и Причайской страны» (1859—1860), «Белоры и их страна» (1861), «Население Чжунгарского пограничного пространства» (1871), «Племенной состав Кульдженского округа» (1872), «Туземные племена в пределах влияния России и Англии в Азии» (1885) и др.

² «Из воспоминаний М. И. Венюкова». Книга 2-я. 1867—1876. Амстердам, 1896, стр. 70 (книга 1-я издана там же в 1895 г., а 3-я, последняя, — в 1901 г.).

³ «История полувековой деятельности Русского Географического общества. 1845—1895». Сост. П. П. Семенов при содействии А. А. Достоевского, ч. II, СПб., 1896, стр. 499—450. Как бы дополнением к упомянутой карте служит забытая справочная работа М. И. Венюкова «Список русских путешественников по Азии со времени занятия Амура и Семиречья. 1854—1880», М., 1881.

⁴ Весьма характерная для того времени история эмиграции М. И. Венюкова рассказана в упомянутой второй части воспоминаний. Там же опубликовано (стр. 284—285) хорошо раскрывающее облик автора заявление его об отставке.

любимой Родине. Он сотрудничал в зарубежной русской печати и иностранных, преимущественно географических, изданиях и вел неустанную борьбу с ненавистным самодержавием. В 1901 г. М. И. Венюков скончался в бедности, в одной из больниц Парижа.

Имя М. И. Венюкова до революции замалчивалось. Труды его, преимущественно относящиеся к Средней Азии, были известны лишь узкому кругу специалистов, официальные издания совершенно игнорировали их⁵. Отсутствуют поэтому в печати того времени и общая оценка его деятельности и удовлетворительные библиографические публикации⁶.

Только в советскую эпоху, заботливо и любовно восстанавливавшую жизнь и труды передовых людей прошлого, имя Венюкова заняло достойное место в истории русской науки. Лучшим свидетельством этого служит только что появившееся переиздание давно забытых трудов Венюкова о его путешествиях в тихоокеанские страны.

Новое издание подготовлено к печати известным знатоком Дальнего Востока А. А. Степановым, откликнувшимся недавно горячей статьей на пятидесятилетие кончины Венюкова⁷. Принадлежащая ему же вступительная статья напоминает о выдающихся успехах русской науки в исследованиях стран Тихого океана и значении их для мировой науки, о посагательствах на русские открытия со стороны Англии и Северной Америки, о беззастенчивой фальсификации современными американскими псевдоучеными истории исследований Тихого океана. Далее автор показывает выдающуюся роль М. И. Венюкова в изучении русского Дальнего Востока и смежных зарубежных стран и приводит биографические сведения о нем. Насыщенная фактическим материалом и ярко политически устремленная статья хорошо показывает личность Венюкова как передового ученого и общественного деятеля. Тем досаднее, что автор совершенно не упоминает об этнографических работах Венюкова и значении их в истории русской науки. Другой наш упрек относится к отсутствию в той же статье каких-либо библиографических указаний. В интересах читателя следовало бы привести источники о жизни и деятельности покойного исследователя и указать его работы, по крайней мере относящиеся непосредственно к Дальнему Востоку⁸.

В настоящий сборник вошли три труда Венюкова: «Воспоминания о заселении Амура в 1857—1858 годах», «Путешествие в Китай и Японию» и «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря». Первые две работы не представляют интереса в этнографическом отношении. Ценность их — в географических и естественно-исторических описаниях и в той общественно-политической характеристике обстановки, о которой упоминалось выше. Свои большие и интересные наблюдения над жизнью и культурой населения Китая и Японии автор опубликовал в других работах⁹.

В отличие от этого, «Обозрение реки Уссури» содержит разнообразные сведения о местных народностях, совершенно до того не известных. До Венюкова лишь один русский путешественник, ботаник К. И. Максимович, сделал в 1855 г. заход с Амура на Уссури, но лишь до устья нижнего ее притока Нора, и сообщил некоторые данные о составе и размещении населения. Венюков явился, таким образом, пионером этнографического исследования Уссури. Летом 1858 г. он вышел с Уссурийского поста, поднялся до слияния рек Даубихэ и Улухэ, а затем по долине Улухэ к устью Либудзина и после перевала через Сихотэ-Алинь вышел по реке Тадуш (Тазуши или Лефуле) к морю.

Путешественник проявил большой интерес к исконным жителям страны — гольдам и «орочам» (к ним он причислял собственно орочей, уде и тазов) и не упускал, по

⁵ Даже такое известное капитальное издание, как «Азиатская Россия» (тт. I—III, СПб., 1914), совсем не упоминало о Венюкове.

⁶ Библиографические сведения о нем приводятся в следующих изданиях: «История полувековой деятельности Русского Географического общества», ч. I—III, СПб., 1896; «Отчет Русского Географического общества за 1901 г.», СПб., 1902 (некролог); «Исторический вестник», т. XXXV, 1901, август (некролог); И. В. Добролюбов и С. Д. Яхонтов, Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губ., Рязань, 1910; «Знакомые». Альбом М. И. Семевского, СПб., 1888, «Русский энциклопед. словарь И. Березина», т. V, стр. 120; «Энциклопед. словарь Брокгауз и Эфрона», т. VI, СПб., 1892; В. И. Межов, Сибирская библиография, тт. I—III, СПб., 1903; «Указатели к изданиям Русского Географического общества и его отделов» — с 1846 по 1875 г. (СПб., 1886) — с 1876 по 1885 год (СПб., 1887) и с 1896 по 1905 год (СПб., 1910); В. И. Межов, Библиография Азии, СПб., 1891; его же, Туркестанский сборник, СПб., 1878—1888; В. О. Михневич, Наши знакомые, СПб., 1884.

⁷ А. Степанов, Путешественник, географ, патриот (К пятидесятилетию со дня смерти известного исследователя Дальнего Востока М. И. Венюкова), Журн. «Дальний Восток», 1951, № 4.

⁸ Можно напомнить по этому поводу о таких интересных и едва ли не забытых совсем работах, как «История реки Амура» (1859); «Разные названия реки Амура» (1859); «Исторические изыскания о населении русских на Амуре» (1859); «Племенной состав населения Амурского края» (1871) и др.

⁹ «Очерки Японии» (1869); «Обозрение японского архипелага в современном его состоянии» (1871); «Очерки современного Китая» (1874).

своим собственным словам, ни малейшей возможности познакомиться с их бытом и нравами. Многочисленные наблюдения и замечания о них встречаются все время в маршрутных описаниях; им же посвящена и заключительная часть «Обозрения» (стр. 174—184). Автор приводит сведения об этническом составе, расселении и населенных пунктах, описывает технику, промыслы, домашние занятия, жилище, одежду и другие элементы материальной культуры. Останавливается он и на семейной жизни и относящихся к ней древних обычаях, и на религиозных обрядах и представлениях. Надо отдать должное и тонкой наблюдательности и справедливости многих предположений Венюкова, относящихся к культуре уссурийских племен, в частности его замечаний о новых, проникших к ним из Китая, религиозных воззрениях и о сложившемся у них на этой почве религиозном синcretизме (стр. 137). Много внимания уделил автор пришлым жителям — китайцам, явившимся носителями земледельческой культуры в глухих уссурийских дебрях. Он остановился сравнительно подробно на китайском населении Фудзи (Фудзина) и Тадуша и сообщил интересные сведения о культуре жень-шена на китайских фермах и крупных предпринимательских плантациях, занимавшихся выращиванием «корня жизни». С горячим сочувствием описывает автор беспросветную нужду и жестокую эксплуатацию трудового люда Уссури маньчжурскими властями и китайскими купцами.

В общем итоге это первое описание населения Уссури дает достаточное первоначальное представление о быте и культуре гольдов, «орочей» и китайцев.

Несомненный интерес представляют сообщения автора об отношении туземцев к маньчжурам и русским. Маньчжуры возбуждали вечный страх у населения. Венюков вспоминает одну из первых встреч с гольдами вблизи реки Сим (Хи): «Во время этой остановки я имел случай в первый раз ознакомиться с отношениями гольдов к маньчжурам. Рыболовы гольды, около юрты которых мы пристали, завидев наши лодки, испугались чрезвычайно. Сначала они хотели бежать, но потом, надумав, решились отаться на произвол судьбы, то есть на волю маньчжур, за которых они нас приняли. Когда, к удивлению их, мы заплатили им за принесенную в подарок рыбу два или три аршина дабы, радость их была чрезвычайна. Спрятанная дотоле женщина вышла к нам с трехлетним ребенком своим и воспевала нашу щедрость. Толпа детей, обычно робких, смело стояла около нас» (стр. 138). Маньчжурские власти относились к русским неприязненно, всячески препятствовали местным жителям общаться с ними, запрещали им в чем-либо помогать экспедиции. Тяготы путешествия по неизведанным местам увеличивались ввиду трудности найти проводников среди запуганного маньчжурами населения (стр. 132—133, 147—148 и др.). Между тем жители Уссури очень интересовались русскими людьми. Они слышали, что русские водворились на Амуре, но боялись съездить туда, дабы не попасть в немилость к маньчжурам (стр. 139). В дальнейшем, соприкнувшись лично с путешественниками, они быстро сблизились с ними и оказывали всяческие услуги. С чувством удовлетворения, весьма характерным вообще для русских путешественников, Венюков сообщает о сложившихся у него и его спутников с местными жителями добрых отношениях: «...К счастью, уважение, которым пользуется на далекое пространство в Восточной Азии имя русских, и, быть может, отчасти ласковое и дружеское обращение с местными жителями нас самих расположило настолько в нашу пользу туземцев, что мы везде встречали, особенно у гольдов, радущие и хотя скрытое расположение к нам. Возвратный путь от берегов морских к Амуру убедил даже меня, что гольды благословляют судьбу за то, что, наконец, на Уссури появились русские, столь умеющие владеть подчиненными им инородцами без отягчения их участия и уже давно ожидаемые там как избавители от жестокого ига маньчжуров» (стр. 133).

Не все, однако, этнографические наблюдения поняты и истолкованы Венюковым правильно. Если описания разных элементов материальной культуры вполне соответствуют действительности и не требуют каких-либо оговорок, то иначе обстоит дело с определением этнической принадлежности и объяснением явлений общественной жизни и духовной культуры, страдающими большими ошибками. Это объясняется и уровнем науки того времени, и неподготовленностью автора к исследованию таких вопросов. Изучение народов Уссурийского края сильно двинулось вперед со временем Венюкова. Богатое наследие оставили последующие дореволюционные исследователи: Маак и Брылкин (1859), Пржевальский (1867), Альфтан, Белькович и Пель-Горский (1894), Надаров (1896) и многие другие. Но это ценное наследие тоже страдало существенными недостатками — ошибками, пробелами, односторонностью наблюдений, не говоря уже о низком теоретическом уровне, связанном с порочной методологией буржуазной науки. В советскую эпоху этнографическая работа достигла небывалой высоты. Вооруженные самой совершенной методологией и высокой идеальной устремленностью ученых социалистического общества, обладающие отсутствовавшим в большинстве случаев у прежних исследователей знанием местных языков, советские ученые пролили свет на многие неизученные или ошибочно трактовавшиеся явления культуры.

В свете этих достижений советской науки подлежат, конечно, соответственным пояснениям и исправлениям (в комментариях или вступительных статьях) все ошибочные положения, встречающиеся в современных переизданиях трудов старых путешественников. Это относится в полной мере и к рассматриваемому нами «Обозрению реки Уссури», содержащему немало оставшихся не разъясненными ошибок.

Наше замечание касается в первую очередь этнического состава населения Уссури. Надо сказать, что нигде в Сибири не царilo такой путаницы в этом важ-

нейшем вопросе, как в так называемых материкиовых районах Дальнего Востока. Только советским этнографам и лингвистам удалось — и то не сразу — разобраться в сложном этническом узле народов Приамурья, Приморья и Уссурийского края.

Венюков называл в составе коренных жителей Уссури лишь две народности — гольдов и «корочей», «короченов» (не считая пришлых китайцев); примечание редакции (64-е, стр. 297) оговаривает, что автор причислил к гольдам удэгейцев. Между тем уде постоянно объединяли прежде в одну группу с собственно орочами¹⁰ и смешивали часто с ульчами и даже тунгусами собственно (эвенками). В. К. Арсеньев, А. А. Емельянов, И. А. Лопатин, Правдин и другие исследователи уточнили расселение всех этих племен и отчетливо размежевали их друг от друга. В сущности, только благодаря В. К. Арсеньеву уде заняли в науке самостоятельное место. Население, которое наблюдал Венюков, состояло в действительности из гольдов-нанаев (Уссури, Ханка), собственно орочей, уде (хорских, бикинских) и тазов (Даубихэ, Улухэ)¹¹. Другое ошибочное примечание (9-е на стр. 296) относится к термину «мангуны, мангуны». Комментатор считает его названием ульчей и поясняет, что это «тунгусское племя, кочевавшее в Приморье и по берегам Амура». В пояснении этом — все ошибочно. «Мангу-най» («камурский человек») — название крупного локального подразделения гольдов, в отличие от иных местных групп: гольдов-килян (жителей Кура, Горюна, системы озера Болон и др.), гольдов-биранка или оиника (озерные, удаленные от Амура) и пр. Ошибочное присвоение этого наименования ульчам исходит от Бошняка (1859) и Л. Шренка, который все же сам указывал, что «название «мангуны» сложилось на основании употребительного у некоторых инородцев Амурского края обозначения, которое однако применимо не исключительно к ольчам и вообще не составляет названия какого-либо особого народа»¹². Нет поэтому никаких оснований пользоваться теперь этим устаревшим термином применительно к ульчам¹³. Далее, нужно отметить, что ульчи (как и гольды) принадлежат действительно к тунгусо-маньчжурской группе народов Сибири, но не к тунгусской, северной, а к маньчжурской, южной ее ветви. При этом они расселены не в Приморье, а в бассейне Амура, и отнюдь не были кочевыми.

Весьма существенные ошибки и противоречия имеются у Венюкова в характеристике социальных отношений гольдов. Автор сообщает по этому поводу: «Ниаких признаков общественного устройства у них незаметно. Не только государственные организации, но и патриархальный родовой быт у них не созрели. Семейные связи заметнее, но и они, повидимому, не имеют очень большого значения» (стр. 180). Такие антиисторические утверждения об отсутствии у гольдов какого-либо общественного строя требуют, конечно, комментариев, тем более, что они явно противоречат другим сообщениям автора: о существовании обычая левирата (стр. 143), о громадном значении «родственных связей» (стр. 182) и пр. И старые и особенно советские исследования (напомним, в частности, замечательные работы покойной Н. А. Липской) дают богатый, едва ли не исчерпывающий материал для суждения о господствовавших в прошлом у гольдов общественных отношениях — находившемся в стадии разложения патриархально-родовом строе. Экономическая основа рода была уже подорвана, но сохранились многие родовые институты, существование которых отрицалось Венюковым: и старости, и высокоразвитый, к слову сказать, суд, и система обычного права, в том числе и обычай родовой мести. Сильные пережитки рода в семейно-брачных отношениях бытовали у гольдов еще в первые годы социалистического строительства и исчезли лишь в 30-х годах.

Не разъяснены читателю и ошибочные рассуждения Венюкова по поводу «единства племен гольдов» (стр. 182—183), также противоречавшие, к слову сказать, только что рассмотренному утверждению об отсутствии у них «общественного устройства». Рассматривая вопрос об этническом самосознании («чувстве единоплеменности»), автор придает решающее значение различным явлениям в области надстройки (политическим учреждениям, религиозным взглядам и народной словесности, ненависти к маньчжурам, отчужденности от китайцев), а отнюдь не основным общественно-экономическим фактам (в сфере базиса).

¹⁰ Ороши — небольшая народность, расселенная в северной части территории уде, до селения Бопчи, в верховьях Хунгари, на побережье Татарского пролива. В настоящее время почти все ороши объединены в одном колхозе («Ороши»), центр которого находится в селении Уська-Орочская.

¹¹ Напомним, что тазы (кэха, кэхары) — это самые южные группы и уде и орочей, которые подверглись сильному китайскому влиянию, выразившемуся, помимо восприятия языка, в заимствовании характерных для китайцев промыслов и сравнительно значительном развитии земледелия. Наиболее отчетливое размежевание орочей, уде и тазов содержится в трудах В. К. Арсеньева, особенно в малоизвестной и непереводимой работе «Тазы и удэхе» (1926).

¹² Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 148—149.

¹³ Исследовавший в 30-х годах ульчей А. М. Золотарев сообщал, что он никогда не слышал от них самоназвания «мангуни» (А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 33).

Обойдены молчанием и другие, требовавшие опровержения утверждения Венюкова: о бедности фольклора и вообще фантазии у гольдов и «орочей» (кстати сказать, автор тут же, не отдавая, видимо, себе отчета, дал прекрасное описание очень распространенного у них, как и у многих других народов Сибири, фольклорного жанра — песни-импровизации, стр. 183), о вымирании коренного населения от соприкосновения с «организованными племенами» (стр. 175), о мотивах переселения китайцев в Уссурийский край (стр. 184) и др.

Нужно отметить еще один досадный пробел — отсутствие карты путешествия Венюкова на Уссури, хотя бы его собственной, приложенной ко второму изданию «Обзора» (1859).

Настоящее первое советское переиздание трудов Венюкова будет встречено, конечно, с большим интересом и удовлетворением. Ценность его, несомненно, повысилась бы при наличии более полных и обстоятельных примечаний.

М. А. Сергеев

КАРТА НАРОДОВ СССР *

Издание такой карты — давно назревшая необходимость, появление ее в свет будут приветствовать не только миллионы учащихся, для которых она главным образом и предназначена, но и научные и музейные работники, административные и многие другие работники и учреждения. Эта карта дает наглядное представление о географическом расселении многочисленных народов нашей великой Родины и об удельном весе различных народов Советского Союза в отношении занимаемой ими территории; она помогает наглядно уяснить многонациональный характер Советского государства. Много различных по численности народов живет в нашей стране, но только очень немногие специалисты — этнографы, географы, демографы — знали и знают более или менее подробно этнический состав СССР. Эта карта дает возможность получить довольно точное представление о числе народов и их географическом размещении. На «Карте народов СССР» показаны соответствующей расцветкой 82 народа. Почти у каждого из них имеется своя территория расселения, свой язык, своя история, быт и культура.

Для удобства усвоения этнического содержания карты все народы в легенде к карте распределены на географические группы, исключая русских, украинцев и белорусов. Так, в группе народов, живущих на юго-западе Европейской части СССР, значатся: молдаване, болгары, гагаузы, албанцы и цыгане; в группе народов Прибалтики: литовцы, латыши, эстонцы и ливы; в группе народов северо-запада Европейской части СССР: карелы, финны, вепсы и саамы (лопари); в группе народов северо-востока Европейской части СССР и Поволжья: коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордовцы, чуваши, татары и башкиры; в группе народов Северного Кавказа: ногайцы, кумыки, аварцы, даргинцы, лезгины, лаки, адыгейцы (чекесы), кабардинцы, осетины, табасараны и абазины; в группе народов Закавказья: грузины, армяне, азербайджанцы, абхазы, талышы, таты и курды; в группе народов Средней Азии: таджики, белуджи, джемшиды, туркмены, узбеки, каракалпаки, уйгуры, казахи, киргизы и дунгане; в группе народов Северо-Западной Сибири: ханты, манси, ненцы, нганасаны, долганы, селькупы и кеты; в группе народов Южной Сибири: алтайцы, хакасы, шорцы и тувинцы; в группе народов Восточной Сибири: буряты, якуты, эвенки, эвены и юкагиры; в группе народов Северо-Восточной Сибири: чукчи, коряки, ительмены, эскимосы и алеуты; в группе народов р. Амура и Сахалина: нахайцы, ульчи, ороки, удэ, орохи и нивхи. Кроме того, показаны греки и евреи.

Приведенный перечень народов, указанных в условных обозначениях к «Карте народов СССР», даст читателям дополнительно знание новейших названий отдельных народов, которые многим до этого не были известны.

Однако приведенным перечнем народов не исчерпывается все чрезвычайно богатое этническое разнообразие нашей Родины. Целый ряд народов не отмечен на рецензируемой карте, как, например, поляки, чехи, словаки, хорваты, венгры, румыны, турки, иранцы, афганцы, индусы, китайцы, корейцы и другие народы, которые живут в нашей стране в небольшом числе, рассеяны по разным городам, областям и республикам СССР и потому не могли быть нанесены на карту.

Наряду с положительными качествами рецензируемой карты имеются и недостатки, которые мы считаем нужным отметить, чтобы в случае переиздания карты их можно было устраниТЬ. Следует оговориться, что речь будет идти лишь об ошибках картографирования украинцев, проживающих на территории РСФСР, а отчасти

* Карта народов СССР. Учебная, для средней школы. Масштаб 1:5 000 000. Карта составлена Институтом этнографии им. Миклухо-Маклая Академии наук СССР совместно с Научно-редакционной картосоставительской частью ГУГК при Совете Министров СССР. Руководители работ: доктор исторических наук Кушнер П. И. и кандидат экономических наук Терлецкий П. Е. Ответственный редактор Баланцев И. А., М., 1951.

и в других союзных республиках. Согласно переписи 1926 г., в РСФСР украинцев было зарегистрировано 7 873 331 человек¹, из них 3 106 852 человека жили на Северном Кавказе. Это население сплошным массивом жило в быв. Кубанской области, особенно в ее западной части, да и в других округах Северного Кавказа оно составляло большинство. Для подтверждения возьмем несколько станиц, расположенных на север от гор. Краснодара по Северокавказской железной дороге: станица Динская, в которой по тем же данным числилось 84% украинцев и 16% русских; станица Пластуновская — 85% украинцев и 12% русских; станица Платоновская — 84% украинцев, 13% русских, 1% белорусов; станица Кореновская — 60% украинцев, 36% русских. На восток от Краснодара находится станица Пашковская с 82% украинского населения, а далее — станица Старокорсунская с 87% украинцев. На северо-запад от Краснодара по быв. Кубано-Черноморской железной дороге находится станица Новотитаровская с 92% украинцев, а далее на запад в станице Нововеличковской — 93% украинцев. Можно было бы привести целый ряд других станиц с таким же примерно процентом украинского населения, но мы считаем, что и этого достаточно, чтобы при первом же взгляде на рецензируемую карту убедиться в слишком большой неточности ее. По условиям картографирования население той или иной народности, составляющее более 80%, закрашивается в условный цвет этого народа. В данном случае вся западная часть Краснодарского края должна быть показана заселенной украинцами, а восточная — смешанной русско-украинской. Между тем на рецензируемой карте украинцев показано в первом случае от 40 до 60%, а во втором случае они совсем не показаны. Неверно отмечены украинцы и в Задонской части Ростовской области и в Ставропольском крае.

В быв. Воронежской губернии украинцы составляли 32,6% от всего населения (1 078 552 человека), но на «Карте народов СССР» это нашло лишь частичное отражение. В быв. Курском округе переписью 1926 г. отмечено 19%, а на карте эти 554 654 украинцев не показаны, хотя в южной части области они живут сплошными селами.

В Казахстане украинское население составляет довольно значительную цифру в 860 822 человека; украинцы населяют северо-западную, северную и северо-восточную часть этой республики. Во многих районах они составляют большинство. Между тем на карте это показано неверно. Так, например, в Семипалатинской области, по левому берегу Иртыша, выше и ниже гор. Усть-Каменогорска, украинцы живут почти сплошной массой (село Таврическое и др.) с незначительным вкраплением русских, а на карте эти места значатся занятymi только русскими, хотя, кроме данных переписи населения, имеется еще и этнографическая литература (например, сборник «Украинцы — переселенцы Семипалатинской губернии»²), подтверждающая данными истории и этнографии принадлежность этого населения к украинскому народу. В этом же сборнике опубликована этнографическая карта автора настоящей рецензии, в которой указано украинское население и приведены данные переписи 1926 г.

Все эти и другие недостатки «Карты народов СССР» необходимо устранить при переиздании, так как в таком виде она не может удовлетворить многочисленный контингент учащихся, для которых она по сути дела и предназначена. Учащиеся тех мест, в отношении которых допущены грубые ошибки, вправе будут не доверять и всей карте.

Несколько слов о методе составления «Карты народов СССР». Метод картографирования этнических территорий, при помощи которого выполнена эта карта, нам думается, при современном состоянии картографирования является наиболее приемлемым, хотя и он не свободен от недостатков. Такова, например, условная градация показа численности того или иного народа при помощи цветной шкалы с 10%-ной разницей: сама шкала расцветки допускает неточность показа на карте, доходящую до 9%. Правда, и сами руководители составления этой карты П. И. Кушнер и П. Е. Терлецкий, видимо, признают этот недостаток. В своей работе «Методы картографирования национального состава населения»³ П. И. Кушнер, говоря о карте Грузинской ССР, составленной Я. Р. Винниковым по методу этнических территорий, отмечает, что она «показывает достоинства и недостатки обоих методов»⁴, т. е. метода этнических территорий и метода людности, примененного П. Е. Терлецким при составлении «Карты расселения народностей Крайнего Севера СССР». «Дополняя друг друга, — пишет П. И. Кушнер, — они вместе дают исчерпывающую этнографическую характеристику страны»⁵. Сочетание этих методов и нашло свое применение в «Этнографической карте Южно-Африканского Союза», составленной и опубликованной П. Е. Терлецким в статье «Об опыте этнического картографирования»⁶ (не останавливаюсь на этой карте из-за ограниченности места).

¹ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. IX, РСФСР, М., 1929, стр. 34.

² «Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР», вып. 16, Л., 1930.

³ «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 24—48.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Там же.

⁶ «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 93—97.

В целях уточнения метода картографирования этнических территорий, нам думается, наряду с расцветкой следует использовать и цифры, особенно в тех случаях, когда надо показать несколько народов, смешанно живущих, причем цифрами показывается численность народов в процентном соотношении, а не в абсолютных данных. Этим способом можно показать смешанный национальный состав населения с точностью до 1%, чего нельзя сделать одной лишь расцветкой. Можно возразить, что это увеличивает нагрузку карты и в чтении делает ее более сложной и трудной, особенно для массового читателя. Но это будет верно лишь отчасти. Массовый читатель, которого не интересует точность, может не обращать внимания на цифры, а пользоваться лишь расцветкой. Напротив, читатель, ищащий точности в карте, кроме цветового изображения, просмотрит и цифры. Для такого читателя это не составит трудности.

Метод такого показа несложный. Мы его уже однажды применили, правда, на небольшой территории, исследованной нами в быв. Семипалатинской губернии Казахстана с украинским, русским, казахским, белорусским, немецким, эстонским, мордовским, болгарским, польским населением⁷. Мы тогда несколько отклонились от приемов, рекомендованных «Инструкцией к составлению племенных карт», изданной Комиссией АН СССР по изучению племенного состава. Сущность нашего метода заключается в том, что мы в целях более точного показа территории, занимаемой тем или иным населенным пунктом, в соответствующем месте карты пунктирной линией наносили земельные угодья населенного пункта, соблюдая масштаб и конфигурацию площади. На очерченной площади наносились условные графические знаки соответствующих народностей, живущих на этой территории, а в дополнение — цифры процентных соотношений этих народов. На карте эти цифры выглядят, например, так: 75—23. Первые цифры (75) относятся к расцветке того народа, какой по шкале легенде на карте значится выше расцветки, отображающей другой народ, к которому относятся вторые цифры. Сумма этих данных составляет 98% населения территории, очерченной пунктирной линией, а 2%, недостающие до 100%, приходятся на другие народы, живущие там же. Если в районе живет три народа, то в этом случае процентное соотношение их будет выражено так: 27—32—36. Размер и шрифт цифр необходимо согласовать с масштабом карты и ее расцветкой.

Если на больших картах уточнение показа смешанно живущих народов предложенным нами способом встретит затруднение, то на малых картах, которые имеют чаще всего специальное назначение, метод сочетания красок и цифр найдет свое применение с пользой для дела.

Институт этнографии, нам думается, всячески должен поощрять составление и публикацию этнографических карт тех районов, которые были обследованы экспедициями Института, или же карт расселения малых народов. Такие карты можно сочетать с маршрутными картами, и они будут служить показателями того, какие населенные пункты экспедиция обследовала и что представляет собой в этническом отношении обследованный район. Наряду с такого рода картами надо бы поощрять составление и еще более сложных карт, на которые наносились бы, кроме населения, и некоторые элементы этнографии, например, тип и некоторые особенности жилищ, одежды и т. п.

Такое сложное картографирование уже имело место в отечественной этнографии. Еще в 1900 г. была издана «Этнографическая и ковровая карта Средней Азии», составленная Ф. А. Михайловым под редакцией А. А. Боголюбова⁸. На этой карте показано 26 народов и туркменских племен Средней Азии. Каждый народ и каждое племя показаны специальной расцветкой. Кроме того, цветной штриховкой показано распространение туркменских ковров. Шкала составлена таким образом, что можно показать развитие ковроделия по следующим четырем градациям: а) слабое развитие, б) недостаточное развитие, в) развито и г) сильно развито. Карта эта была переведена на французский язык, переиздана в Париже и удостоена высшей награды. Не имея возможности остановиться на оценке этой карты, мне лишь хотелось привлечь внимание к такого рода картографированию и отметить, что это первая этнографическая карта Средней Азии, составленная русскими этнографами, опыт которых необходимо учесть при современном картографировании.

А. Бежкович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

An Indian Outcaste. The autobiography of an untouchable, by Hazari, London, 1951.

Тяжелое положение неприкасаемых Индии является той проблемой, которая издавна привлекает внимание прогрессивной общественности всего мира. Численность неприкасаемых — обездоленных, в большинстве своем обезземеленных и абсолютно

⁷ «Украинцы — переселенцы Семипалатинской губернии», «Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР», вып. 16, Л., 1930, стр. 13—14.

⁸ Издание Картографического заведения Высшего технического управления Генерального штаба в масштабе 40 верст в дюйме, на двух листах.

бесправных людей — превышает 60 млн. чел. Лучшие люди Индии, и в первую очередь Коммунистическая партия страны, ведут борьбу за предоставление неприкасаемым элементарных человеческих прав, за улучшение их материального положения, за признание их равноправными членами общества.

Поэтому каждое сообщение, появляющееся в печати, о положении неприкасаемых, каждая новая книга о них не может не привлечь внимания советского читателя. Рецензируемая книга тем более интересна, что ее автором является индийский неприкасаемый, написавший ее в форме автобиографии. Все это заставляет предполагать, что книга содержит гневный обличительный материал, направленный как против всего кастового строя в Индии, так и против двухсотлетней английской политики, содействовавшей его консервации.

Но читателя с первых же глав книги постигает разочарование, так как она вряд ли с достаточной верностью изображает жизнь и быт неприкасаемых. Автор очень аполитично относится ко всей проблеме неприкасаемости в целом. Все описания действительности неприкасаемых подкрашены розовым цветом, который придает ничем не оправдываемую прелест и картинам сельскохозяйственного труда, и семейным неурядицам, и даже поискам работы, всегда почему-то оканчивающимся удачей. Автор почти обходит стороной такие вопросы, как голод, нищенское существование неприкасаемых, их полурабское положение и давящие их тиски беспощадной помешичьей и ростовщической кабалы и эксплуатации. Трудно сказать, в какой степени намеренно автор уделяет много внимания описанию индийского религиозно-философского мировоззрения, объясняющего все бедствия неприкасаемых и все их беспросветное существование воздаянием, судьбой — Карма, которая определяет всю жизнь человека и намечает раз и навсегда и его место в обществе и непреложный круг его обязанностей. Такая философия размагничивает людей, уводит трудящиеся массы (и, в частности, неприкасаемых) от борьбы за свои интересы. Темы этой борьбы в книге нет, если не считать некоторых робких слов о том, как в полицейском участке были избиты люди, арестованные во время представления антианглийской пьесы «Бхарат» (стр. 103). Но несмотря на то, что все англичане, описываемые в книге, показаны как друзья, просветители и первые помощники индийцев, несмотря на то, что жизнь неприкасаемых изображается в несколько идиллическом свете и замалчивается их участие в национально-освободительной борьбе, весь материал книги, все ее содержание в целом все же не могут не быть обличительными. С невольной горечью, сквозящей между строк, автор пишет о том, что на кладбищах неприкасаемых нет ни камней, ни надписей на могилах и муссонные ветры быстро сглаживают землю (стр. 12); что перед сожжением трупа «высококастового инду» с него снимают саван и дарят неприкасаемым (стр. 15); что, по мнению бабушки автора, англичане ввергли Индию в бедствия, небывалые до установления их господства (стр. 16); что дом, в котором жила вся семья автора, был в 6 м длиной и 2,5 м шириной, да еще около 2 м площади было отдано под помещение для мелкого скота (стр. 17); что во всей Индии неприкасаемые обычно живут еще хуже, чем родственники и соседи автора, поэтому он считает жителей своей деревни счастливыми (стр. 18); что его отец за выполнение всей грязной и тяжелой работы на большую семью своих хозяев получал только 10 рупий в месяц (стр. 42); что сам автор начал работать с восемилетнего возраста (стр. 53); что, случайно научившись читать, он был единственным грамотным членом своей общины, так как остальные ее члены, несмотря на свое стремление к элементарному образованию, не имели возможности учиться (стр. 52—63), и т. п.

О безысходно тяжелом положении неприкасаемых читатель может судить также и по тому, что на протяжении всей своей жизни автор стремился по мере возможностей скрывать свою кастовую принадлежность и выдавал себя то за мусульманина, то за христианина, пока, наконец, официально не принял ислам, ища в этом пути избавления от бесконечных унижений.

Он понимает, что нужно что-то сделать для всей общины неприкасаемых, что, читая им священные книги, он «...закрывал им глаза на их истинное положение» (стр. 97), но правильного выхода он не видит, не находит единственно возможного пути — включения всех неприкасаемых в антиимпериалистическую борьбу, соединения их со всеми трудящимися крестьянством, осознания всеми кастами трудящихся единства своих классовых интересов. Именно по этому пути ведет всех неприкасаемых Коммунистическая партия Индии.

Лондонское издательство (Bannisdale Press), пользуясь аполитичностью автора, предпосыпает книге краткое вступление на супербложке, в котором говорится, что автор «...рисует новую картину английского господства в Индии, в то время, когда англичане были единственными хозяевами», и что он «...описывает деревенскую жизнь с ее миром и процветанием без промышленности...». Какой сладостью веет от этих слов и в какой тупик могут они завести читателя, не искушенного в вопросах жизни индийских трудящихся и в проблемах индийской экономики. Вопреки высказанному издательством мнению о том, что мирная жизнь и процветание Индии обеспечиваются отсутствием промышленности, для истинного процветания Индии необходимо как раз развитие ее национальной промышленности. В результате того, что в течение всего своего господства в Индии английские колонизаторы подавляли рост индийской промышленности, Индия до сих пор не производит у себя тяжелого промышленного оборудования и вынуждена закупать его в других странах. Американские мо-

ннополисты, спекулируя на том, что Индия до наших дней является по преимуществу аграрной страной, стараются ее закабалить и подчинить своему диктату, оказывая ей так называемую «техническую помощь». Только сторонники такого закабаления могут говорить о «процветании» Индии без промышленности. Сам же автор рецензируемой книги не высказывает своей точки зрения на этот вопрос.

Несмотря на то, что значительная часть описываемого в книге периода относится к 1910—1920-м годам, для советского этнографа книга интересна своим фактическим материалом, показывающим разные стороны жизни и быта неприкасаемых — их свадебные и похоронные обряды, семейный уклад, кастовые обычаи и т. п. Характерным показателем чрезвычайной сохранности в Индии различных пережитков является, например, тот факт, что до сих пор в некоторых кастах нельзя вступать в брак тем людям, семьи которых имеют общий тотем, вне зависимости от того, что эти семьи разобщены территориально (стр. 96).

Интересно также описаны взаимоотношения разных религиозных общин и каст, был студентов Алигархского и Лакнаусского университетов и жизнь разных слоев индийского общества — от неприкасаемых до англо-индийцев.

Н. Гусева

НАРОДЫ АФРИКИ

ETHNOGRAPHIC SURVEY OF AFRICA

Edited by Daryll Ford

1. *Madeline Manoukian. Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast. Western Africa. Part I.* London, New York, Toronto, 1950. Стр. 108, библиография, карта.

2. *M. McCulloch. Peoples of Sierra Leone Protectorate. Western Africa. Part II.* London, 1950. Стр. 94, библиография, карта.

3. *Magu Tew. Peoples of the Lake Nyasa Region. East Central Africa. Part I.* London, New York, Toronto, 1950. Стр. X + 117, библиография, карты.

Рецензируемые книги представляют собой отдельные выпуски серии «Этнографическое обозрение Африки» («Ethnographic Survey of Africa»), которая издается Международным Африканским институтом и широко рекламируется в английских этнографических журналах. Редактором этой серии является английский этнограф Даррill Ford, известный своими работами по экономике первобытного общества и по этнографии яко — одного из мелких народов Нигерии. Серия «Этнографическое обозрение Африки» возникла в связи с потребностями английского колониального управления. Отдельные выпуски серии напоминают справочники, в которых имеются данные о расселении и численности различных народов Африки, сведения по истории, социальной организации, верованиям и т. п.

На первый взгляд они производят впечатление весьма объективно написанных работ. Однако по мере более внимательного просмотра их, первое впечатление очень быстро исчезает и становится ясным, что под внешним покровом объективности скрывается тенденциозность и антиисторичность в изучении социальных явлений — пороки, столь характерные для современной английской этнографии. Вполне естественно, что в английском этнографическом журнале «Мап» рецензируемые выпуски получили хорошие отзывы. Были указаны лишь сравнительно мелкие недостатки: отсутствие индексов, отсутствие тех или иных второстепенных деталей о жизни племен и другие. Вопрос же о сущности выпусков остался в стороне и критическому анализу не подвергался.

Для всех выпусков серии «Этнографическое обозрение Африки» в той или иной мере характерен тенденциозный показ действительности. Это проявляется в намеренной архаизации при описании быта и общественного строя населения колоний, увеличении роли рода-племенных институтов, в отсутствии анализа классовых отношений, в игнорировании наличия жестокой колониальной эксплуатации, борьбы народов против колонизаторов и во многом другом. Вследствие этого создается ложная картина жизни африканцев. Авторы пытаются убедить читателя, что британский империализм лишь направляет жизнь народов колоний по «правильному» пути.

Весьма скучный фактический материал выпусков, противоречащий основным установкам авторов, носит совершенно случайный характер. Все это еще раз показывает, что руководители Международного Африканского института и многие другие английские этнографы превратились в активных пособников британского империализма в деле дальнейшего порабощения народов колоний.

Работа М. Менухин «Население Золотого Берега, говорящее на языках акан и га-адангме»¹, посвящена народам, населяющим часть британского Того, южную часть английской колонии Золотой Берег и юго-восточный район французской колонии

¹ M. Manoukian, *Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast. Western Africa. Part I*, London, New York, Toronto, 1950.

Берег Слоновой Кости. Численность говорящих на языках акан, по данным 1931 г., достигает 1 235 000 человек. Из них, согласно сведениям 1948 г., 822 000 человек приходятся на народность ашанти². Группа га-адангме насчитывает 100 000 человек (1944).

Книга распадается на две части. В первой из них описаны акан, во второй — га-адангме. Каждый из этих больших разделов включает такие главы, как терриория и расселение, демография, история и предания о происхождении, языки, природные условия, основные черты экономики, социальная организация (система родства, наследование и брак), политическая структура, землевладение, жизненный цикл (обычаи, связанные с рождением, браком и погребением) и религиозные представления.

В книге имеются некоторые полезные данные: цифровой материал о численности населения, сведения о системах родства и другие. Иногда у автора проскальзывают ценные указания на практикующиеся у ашанти и других народов заклад и аренду земли, распространение культуры какао и прочие замечания, свидетельствующие об интенсивном классовом расслоении среди акан и га-адангме.

Так, например, в главе «Основные черты экономики» автор перечисляет различные занятия акан: земледелие, охоту, торговлю, разнообразные ремесла (ткачество, обработку дерева, обработку металла и др.). Автор констатирует также, что на Золотом Берегу производится добыча золота, алмазов, кварца, бокситов, ведется заготовка леса на экспорт. Наличие этих отраслей экономики предполагает наличие сезонных и кадровых рабочих, свидетельствует о развитии классов капиталистического общества и в первую очередь пролетариата.

Несколько большее внимание М. Менухин уделяет культуре какао. К сожалению, в книге совершенно нет цифрового материала, который является основой для более глубокого анализа экономического положения страны и классового состава населения. Все же отдельные замечания, которые встречаются в главах по экономике и земледелию, позволяют составить общее представление о влиянии культуры какао на изменения старых общественных отношений среди акан.

Какао является основной экспортной культурой колонии Золотой Берег. Золотой Берег дает около 45% мировой продукции какао. Значительная часть населения колонии в той или иной мере связана с этой культурой, являясь либо наемными рабочими на крупных плантациях, либо мелкими производителями какао, либо скупщиками и т. д. Автор констатирует, что в зоне распространения какао произошли очень большие изменения. Наряду с мелкими производителями какао появились крупные плантаторы, которые регулярно применяют труд наемных рабочих на своих плантациях. В настоящее время использование наемных рабочих в зоне плантаций стало обычным явлением.

Разрушение старых земельных отношений зашло на Золотом Берегу настолько далеко, что автор вынужден выделить, в отличие от земель, которыми пользуется группа родственников по материнской линии, земли так называемых отдельных держателей, производителей какао. Наличие последней формы землевладения свидетельствует о том, что старые первобытно-общинные нормы владения землей разрушаются и уступают место частному землевладению. Однако такое общее деление является далеко не удовлетворительным, так как оно не дает должного представления о классовом расслоении среди производителей какао на Золотом Берегу, особенно усилившемся в последнее время. В рубрику «частное землевладение» попадают земли мелких фермеров, крупных плантаторов и даже земли феодальных князьков, занимающихся разведением какао. Согласно утверждению автора, во многих районах колонии землю закладывают, продают, покупают. Это является одним из характерных признаков развивающегося капиталистического товарного хозяйства, при котором сама земля превращается в товар. Однако, указания такого рода, раскрывающие действительное положение вещей, носят совершенно случайный характер и с общей концепцией работы никакой связи не имеют.

Проблемы племени, народности, нации, вопросы, связанные с общественными отношениями в доклассовом и классовом обществах, чрезвычайно запутаны в буржуазной науке. Английские этнографы обычно и племенные и государственные образования называют племенами (tribes). При этом они ограничиваются лишь анализом рода-племенных отношений, которые в настоящее время в большинстве случаев не являются основными, игнорируя отношения, определяющие ход дальнейшего исторического развития африканских народов, отношения классовые.

При характеристике социальной структуры акан М. Менухин пошла именно по этому порочному пути. В своей работе она оперирует терминами «племя» или «конфедерация племен», стремясь убедить читателя в том, что рода-племенные отношения среди акан являются основными, что народы акан делятся на племена и т. д. Надо сказать, что автор в этом случае приводит странные, если не сказать нелепые, доказательства. Вот, например, что по этому поводу Менухин пишет на странице 23 своей работы: «Каждое племя, говорящее на языке акан, состоит из ограниченного числа экзогамных матрилинейных кланов, члены которых расселены по всей стране».

² Численность всех акан после 1931 г. неизвестна.

Автор не понимает, что разъединение членов клана, расселение их по всей стране, кладет конец родовому устройству, исчезает экономическая связь рода, родо-племенные отношения уступают место отношениям территориальным и классовым. Существующие же институты родового общества носят в большей или меньшей степени пережиточный характер. Однако это положение, повидимому, николько не смущает автора, так как ниже он дает описание материнского рода у акан, ни слова не говоря о том, что представляет собой этот род как экономическая единица.

Вследствие такой подачи материала получается представление, что даже у ашанти — крупнейшей народности группы акан — господствуют родо-племенные порядки. Разумеется, это в корне противоречит фактическому положению вещей.

Распад общинно-родовых отношений и формирование антагонистических классов начались у ашанти еще до появления англичан на Золотом Берегу. Об этом свидетельствуют выводы даже некоторых английских историков, материалы которых М. Менухин сознательно игнорирует. Вот, например, что по поводу ашанти пишет автор в одной из работ по истории Золотого Берега: «Необходимо отметить, что Ашанти было организованное государство. Оно иногда упоминается в английских источниках как конфедерация ашанти, но термин «конфедерация» пригоден лишь для того, чтобы ввести в заблуждение»³.

Менухин не может не знать, что сейчас у ашанти, наряду со старыми классами феодального общества, формируются классы буржуазного общества. Но, стремясь во что бы то ни стало доказать, что основными отношениями у ашанти и других народов группы акан являются родо-племенные отношения, она смотрит на весь фактический материал глазами этнографа-функционалиста, слепо следуя выводам функционалиста Раттрея и просто отбрасывая те данные, которые противоречат ее выводам.

На протяжении всего изложения автор сознательно извращает историческую действительность, пытается показать британский империализм в роли стража порядка на Гвинейском побережье. Иногда она просто не говорит об английских колонизаторах, стараясь, повидимому, внушить читателю, что колония Золотой Берег развивается самостоятельно или почти самостоятельно, а британский империализм выполняет роль доброго наставника, помогает народам колоний выбраться из состояния «прimitивности» и достичь высот «цивилизации».

Вот, например, как характеризуется в так называемом историческом очерке колониальный захват южной части Золотого Берега и прилегающих прибрежных областей, а также дальнейшая политика британского империализма:

«Около пятидесяти лет ашанти царствовали над большей частью Золотого Берега и над частью французского Берега Слоновой Кости. Завоевание ими побережья было приостановлено европейцами, особенно англичанами, которые помогли береговым народам защитить себя. В последнем столетии было семь войн англичан с ашанти, окончившихся в 1900 г. поражением ашанти, которое сопровождалось аннексией в 1901 г. и установлением над ними протектората. Конфедерация ашанти была восстановлена правительством Золотого Берега в 1935 г.»⁴.

Так описывается период, когда соперничавшие между собой крупнейшие империалистические державы, в том числе и Англия, делили африканский континент, сжигали города и деревни, уничтожали древние культуры, истребляли население. В стране ашанти английские колонизаторы встретили организованное и упорное сопротивление всего народа, самоотверженно боровшегося против иностранных захватчиков. Вполне понятно, что в книге, написанной по заказу колонизаторов, автор постарался изобразить британских захватчиков в роли «благородных» носителей «мира и культуры», а боровшихся за независимость ашанти — как «безжалостных угнетателей» других народов. Дальнейшее «управление» колонией, как известно, преследовало цели еще большего закабаления и ограбления народов Золотого Берега.

В главе «Основные черты экономики» автор ничего не говорит об эксплуатации колонии Золотой Берег англичанами и о значении ее для британского империализма как источника сырья и рынка сбыта. Автор сознательно умалчивает о том, что недра этой колонии эксплуатируют английские монополии, что они получают огромные прибыли от экспорта какао, которое по низким ценам скапают у населения.

Все эти вопросы автор, разумеется, обходит. Зато он довольно много места уделяет системе «косвенного» управления, направленного на дальнейшее закабаление народов Африки. При этом автор пытается нарисовать мирную картину жизни народов группы акан, во главе племен которых стоят, по словам автора, вожди, распорядители земли и руководители культовых церемоний. На самом деле англичане в целях сохранения и укрепления своего господства в Африке пытаются опереться на племенную и феодальную верхушку — реакционные силы африканского общества. С этой целью они искусственно поддерживают в основном отжившие уже свой век племенные и феодальные институты. Вожди, князья и феодалы различных рангов являются послушным орудием британского империализма.

³ W. E. F. Ward, A History of the Gold Coast, London, 1948, стр. 117—118.

⁴ М. Маноукян, Указ. раб., стр. 14.

Книга Мак Куллох о населении протектората Сьерра Леоне⁵, кроме вводных разделов (вступление, язык, природные условия), делится на четыре части, в каждой из которых автор рассматривает различные этнические группы колонии. В первом разделе описываются менде и локко, во втором — темне, лимба, сусу, ялунка, в третьем — шербо, булум, крим и в четвертом — коно, вай, коранко.

Основным и самым большим разделом книги, занимающим около половины ее, является раздел о племенах менде и локко. Он состоит из следующих глав: классификация племен и демография, предания о происхождении и история, антропологическая характеристика, социальная организация, прочие черты культуры (верования, обряды, связанные с рождением, вступлением в брак и похоронами).

Разделы работы, относящиеся к другим этническим группам, написаны в основном по такому же плану. Размер глав внутри разделов далеко не одинаков. Так, например, в первом разделе о менде и локко почти три четверти его отведено описанию социальной организации и тайных обществ, в то время как исторический очерк занимает лишь полторы страницы. Разделы, посвященные другим племенам, настолько малы, что сводятся к перечислению сельскохозяйственных культур, возделываемых ими, ремесел и некоторых кратких сообщений о социальной жизни общества.

В книге Мак Куллох есть сравнительный материал по численности различных народов и племен с 1911 по 1948 г., данные о численности населения по административным округам и некоторые другие сведения статистического характера. Определенный интерес представляет замечание автора об изменении правил наследования, отражающем распад большой семьи у менде в связи с разрушением племенной организации.

Одним из наиболее слабых мест книги Мак Куллох является этническая классификация населения Сьерра Леоне.

Обычно границы многих этнических общностей в Африке не совпадают с колониальными границами. Многие африканские народы расчленены колониальными границами на две и даже на три части. Ясно, что при научном подходе к изучению того или иного народа искусственно проведенные во время империалистического захвата континента границы колоний не дают права дробить племена и народы при описании их. Однако Мак Куллох придерживается другого мнения. Она совершенно сознательно ограничивается территорией колонии и описывает не исторически сложившиеся этнические образования, многие из которых разделены искусственно английскими и французскими колонизаторами, а только те, которые находятся в Сьерра Леоне. Народы, которые после колониального захвата частично оказались в пределах соседних колоний, она либо исключает из своего обзора, либо соединяет ту часть народа, которая живет в Сьерра Леоне, с другими этническими группами этой же колонии. Такими способами автор пытается обосновать рациональность колониальных границ.

В главе о языке Мак Куллох констатирует, что сусу, ялунка, коранко, коно, вай и менде говорят на языках группы менде, но это нисколько не мешает ей сусу и ялунка объединить в одну группу с темне и лимба, языки которых лингвисты относят к так называемой атлантической группе. С лингвистической точки зрения подобное объединение является совершенно необоснованным.

Исторический очерк (о менде и локко), именуемый автором «Предания о происхождении и история», в сущности не дает ничего кроме грубого извращения исторической действительности. В основном вся история сведена к войнам и вторжениям. В ней совершенно не упомянуты европейские и, в частности, английские работорговцы, грабившие страну, превратившие Западную Африку в «заповедное поле охоты на чернокожих».

Историю колониального захвата Сьерра Леоне Мак Куллох трактует как ярый апологет английского империализма. Согласно ее описанию, английские колониальные хищники выступали лишь в роли защитников слабых племен, находившихся под так называемым британским «покровительством», оберегая их от нападения сильных соседей. Судя по изложенному, Сьерра Леоне стала колонией только потому, что это было единственным средством обезопасить англичан и слабые племена от нападения «мятежных» менде и других народов. Однако в первые же годы (1898) после захвата Сьерра Леоне английскими империалистами жестоко эксплуатируемые народы колонии объединились и восстали против своих угнетателей. По этому вопросу в «Историческом очерке» мы находим лишь клеветнические измышления относительно народов Сьерра Леоне, поднявших, по словам автора, бунт, который, к большому удовлетворению автора, был в конце концов жестоко подавлен колониальными войсками. «С этого времени,— цинично заявляет Мак Куллох,— протекторат оставался мирным».

Фальсификация исторических событий, вытаскивание на поверхность ушедших или уходящих в прошлое явлений социальной жизни с целью выдать все это за основу, на которой развивается африканское общество в настоящее время,— вот методы работы реакционных английских этнографов.

⁵ M. McCulloch, Peoples of Sierra Leone Protectorate. Western Africa. Part II, London, 1950.

Некоторая часть материалов в книге Мак Куллох, относящаяся к социальной организации или тайным союзам, является ценной для изучения процесса исторического развития различных народов Сьерра Леоне. Но Мак Куллох, повидимому, не признает исторического изучения человеческого общества. Она рассматривает все старые общественные отношения вне связи с действительностью и не говорит ничего или почти ничего о новых отношениях в обществе. При таком изложении материала легко может получиться представление, что в жизни населения Сьерра Леоне не произошло абсолютно никаких изменений. Однако это далеко не так. Известно, что в Сьерра Леоне складываются новые имущественные отношения, появился пролетариат, который стал объединяться для борьбы против колониального угнетения. Еще в 1915 г. в этой сравнительно небольшой колонии возникло профсоюзное движение, а в 1919 г. профсоюз железнодорожников Сьерра Леоне провел первую в истории Западного Судана организованную забастовку. С каждым днем народы Сьерра Леоне все больше и больше втягиваются в борьбу за мир и демократию. Это расшатывает и ломает старый родо-племенной строй вопреки желаниям Мак Куллох, которая не хочет да и не может понять того, что старая форма социальных отношений не соответствует уже новому содержанию общественной жизни.

Книга М. Тью «Население области озера Ньяса»⁶ также является одним из выпусков серии «Этнографическое обозрение Африки». В этой работе автор исследует народы банту, населяющие крайний юг английской колонии Танганьика, северную и центральную области португальской колонии Мозамбик, юго-восточный угол английской колонии Северная Родезия и английский протекторат Ньясаленд (народы яо, макуа, лоомве, ньянджа, чева и многие другие).

Население этих областей Африки автор считает более или менее родственным по языку и культуре и объединяет его в одну группу на основе классификации языков банту, которая была произведена лингвистом Доком⁷. Народы, взятые М. Тью для обзора, относятся, согласно классификации Дока, к так называемой восточно-центральной группе языков банту, которая в свою очередь состоит из ряда родственных языков.

Работа «Население области озера Ньяса» имеет пять основных разделов:

1. Народы области Мозамбика (ваю, макуа, лоомве, маконде).
2. Народы, населяющие область между озером Ньяса и рекой Замбези (ньянджа, чева, исенга).
3. Народы северо-запада области Ньяса — Лундази (тумбуку, каманга, хенга, сися, кандавире и др.).
4. Народы районов к северу от озера Ньяса (нгонде, ньякуса, кинга).
5. Нгони (ответвление нгуни), рассеянные небольшими группами среди перечисленных выше народов.

Наименование глав внутри этих больших разделов в общем такое же, как и в указанных ранее выпусках.

Работа М. Тью в некоторых отношениях лучше, чем книги, написанные М. Менухин и Мак Куллох. Так, например, здесь систематичнее подобран статистический материал по общей численности и плотности населения, имеются данные о распределении различных этнических групп по административным округам (дистриктам) и резерватам.

Интересны материалы об отходничестве. В Мозамбике и особенно в Ньясаленде уход на работу взрослых мужчин принял массовый характер. Однако как данные по численности населения, так и сведения об отходничестве значительно устарели. Автор почему-то не приводит статистический материал по отходничеству в Ньясаленде из более новых источников, например из «Report of the Special Committee of the Central African Council» за 1946 г., дающего представление о размерах отходничества к этому времени. В Ньясаленде из 320 000 работоспособных мужчин 63 000 работали по найму на территории Ньясаленда, 78 000 в Южной Родезии, 33 400 — в Южно-Африканском Союзе и 8600 — в других районах страны. Таким образом, из 320 000 мужчин 183 000 были отходниками, что составляло по всему Ньясаленду в среднем около 57%⁸. Надо полагать, что процент отходничества к настоящему времени еще более повысился.

Приведенные цифры показывают, что Ньясаленд превратился в рынок рабочей силы для соседних, более развитых в промышленном отношении колоний. Наличие же отходничества в таких больших размерах свидетельствует об интенсивном разрушении старых родо-племенных отношений у народов Ньясаленда. Как и другие авторы, М. Тью отбрасывает противоречие ее точке зрения материалы, указывающие на разрушение племенных отношений, а косвенное управление пытается изобразить как административную систему, отражающую сущность общественных отношений в

⁶ Mary Tew, Peoples of the Lake Nyasa Region. East Central Africa. Part I, London, New York, Toronto, 1950.

⁷ C. M. Doke, Bantu. Modern Grammatical, Phonetical and Lexicographical Studies since 1860. London, 1945.

⁸ Цит. по книге Hailey «Native Administration in the British African Territories», London, 1950, стр. 19.

Ньясаленде. Конечно, родо-племенные традиции, поддерживаемые английским империализмом, еще очень сильны, но это не значит, что они играют решающую роль. Даже некоторые английские авторы принуждены обратить внимание на быстрое разложение родовой организации. Так, например, в работе Фицджеральда об Африке встречаются очень интересные сведения по этому вопросу⁹. Фицджеральд говорит, что под влиянием арабской работоговли, отчуждения племенных земель в пользу европейцев и отходничества племенное общество Ньясаленда подвергается непрерывному разложению. Он констатирует также, что тенденции к распаду среди более крупных племен были отмечены правительством Ньясаленда еще в 1904 г., и именно это обстоятельство, по словам Фицджеральда, мешало попыткам восстановить традиционную власть вождей, т. е., иными словами, попыткам ввести «косвенное» управление, описанное автором, как нечто наиболее полно отвечающее сущности общественных отношений в Ньясаленде.

Положение народов, населяющих Ньясаленду, настолько ужасно, что его не мог скрыть даже автор, писавший книгу по заказу колониальных правительств. Хотя М. Тью нигде не упоминает о жестокой эксплуатации населения британскими колонизаторами, но даже те скучные данные, которые приведены в ее работе, позволяют представить жизнь банту в английских колониях Восточной Африки. Население живет в резерватах, под которые отведены районы, непригодные для жизни. Так, например, в одном из резерватов административного округа Форт Джемсон около 65% земель необитаемы, так как там свирепствует сонная болезнь. О том, кто и почему загнал коренное население в резерваты, М. Тью предпочитает не говорить.

Замалчивание фактов чудовищной эксплуатации, расовой дискриминации, а также отсутствие сведений о национально-освободительной борьбе, которая усилилась в Ньясаленде и соседних странах после второй мировой войны, ясно говорят о намерении автора под флагом так называемой «чистой» этнографии скрыть преступную деятельность английского империализма в колониях.

И. В. Сталин в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР», пополнившем сокровищу марксизма-ленинизма, открыл основной экономический закон развития современного капитализма, объясняющий все противоречия внутри этого общества.

«Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма,— указывает товарищ Сталин,— можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путемвой и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»¹⁰.

В наиболее резкой и грубой форме эти противоречия проявляются в колониях.

В свете этих основополагающих указаний товарища Сталина становится совершенно ясной как деятельность империалистов, так и деятельность их «ученых» помощников, которые, гордясь своей связью с колониальными правительствами, под маской «критического» и «аккуратного» обобщения научного материала, имеющегося по народам Африки, на самом деле становятся на защиту империализма, пытаются протащить идеи о прогрессивной миссии английского империализма, якобы насаждающего «мир», «справедливость» и «культуру» среди африканских «дикарей». Однако народы Африки с каждым днем оказывают все большее сопротивление попыткам дальнейшего порабощения их империалистическими хищниками. Об этом говорит самоутверженная борьба африканцев против колонизаторов в Северной, Западной, Восточной и Южной Африке.

А. И. Собченко

Ph. Gillon, *Frail Barrier*. New York, 1952. Филипп Гиллон. Шаткий барьер, Нью-Йорк, 1952.

Рецензируемая книга — не научное произведение. Это — роман. Он представляет, однако, большой интерес для советских читателей вообще, для этнографов в особенности, потому что в нем освещается один из наиболее злободневных вопросов современной Южной Африки — вопрос о расовой дискриминации.

Преследования «цветного» населения Южно-Африканского Союза в последние годы привлекают все большее внимание мировой общественности и широко освещаются в современной мировой литературе. Кто бы теперь ни писал о Южной Африке, он не может не коснуться проблемы взаимоотношений между коренным населением и колонизаторами. Роман Филиппа Гиллона «Шаткий барьер» — одна из таких книг.

⁹ Фицджеральд, Африка, М., 1947, стр. 343—344.

¹⁰ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 38.

Гиллон, проработавший 15 лет юристом в Иоганнесбурге, избрал для своего первого романа близкую ему тему — жизнь адвоката в большом капиталистическом городе, он изобразил знакомую ему среду, состоящую в большинстве своем из фальшивых, жестоких или ничтожных людей.

Основное содержание романа сводится к следующему: Питер Джастин, владелец адвокатской конторы, попадает в финансовое затруднение, отдав чужие деньги в долг своему другу Алеку Синклеру и мелкому лавочнику — африканцу Даниэлю Моквена. Синклер, игравший на бирже, терпит банкротство; Моквена подвергнут бойкоту, организованному более крупным торговцем. В результате ни один из должников не может вернуть деньги в срок. Питеру грозит суд. Все попытки изыскать средства оказываются тщетными. Алек Синклер решается на самоубийство, надеясь, что страховых сумм хватит для расчета с кредиторами; Моквена вынужден продать свои лавки. Такой исход приводит Питера в отчаяние, он решается бороться против «паршивой, помешанной на деньгах системы».

Однако настолько страшна южноафриканская действительность, являющаяся фоном, на котором развертывается деятельность Питера Джастина, что незамысловатая фабула романа, возможно, помимо воли автора, тускнеет, отходит на задний план, уступая место повествованию о трагической участи обездоленных африканцев, лишенных земли, свободы и счастья. Поэтому образы африканцев — Даниеля Моквена, Сикспенса Нгали и других — кажутся более выразительными и трогательными.

Гневное обличие расовой дискриминации превращает роман Гиллона в яркое публицистическое произведение. «Образы и события, описанные в этой книге, вымышлены, — пишет автор в кратком предисловии. — К сожалению, этого нельзя сказать о законах и обычаях, существующих в Южно-Африканском Союзе».

В целях осуществления империалистического господства и беспощадной эксплуатации коренного населения англо-африканские помещики и капиталисты воздвигли барьер дискриминационных законов между европейской и неевропейской частью населения. За 300 лет господства империалистические хозяева при помощи своих законов лишили африкацев земли, согнали их в тесные резервации и, обложив непосильными налогами, заставили работать на своих фермах и плантациях, в шахтах и рудниках. И вместе с тем законы «цветного барьера», принятые парламентом, сплошь состоящим из белых, лишили африканцев права на получение квалификации и равную оплату труда, запретили вступать в профсоюзы. «Законы о туземцах» составлены в негативных выражениях: им нельзя жить в черте города и владеть там недвижимым имуществом; в виде «привилегии» им разрешают снимать помещение в грязных «локациях» — пригородных лачугах поселках; им нельзя пользоваться транспортом вместе с белыми, — для них отведены особые вагоны; им нельзя беспрепятственно передвигаться по стране, — для перехода из одного района в другой требуется пропуск и специальное разрешение и т. п.

Приход в 1948 г. к власти Националистической партии Малана, активно поддерживаемый американской реакцией, усилил расистскую тиранию правящей верхушки европейского населения, и это нашло отражение в романе Гиллона. Он пишет о том, что участились облавы на африканцев, нарушивших какой-либо из многочисленных законов о пропусках или не уплативших налоги, о том, что ежедневно сотни людей бросают в тюрьмы, отправляют на каторжные работы, на фермы и в рудники. Правительство националистов проводит все новые и новые мероприятия расистского характера.

Новая волна репрессий и полицейского произвола переполнила чашу терпения доведенных до отчаяния людей: национальные африканские организации в июне 1952 г. объявили кампанию неповиновения расистским законам. Сотни и тысячи людей отказываются следовать предписаниям фашистского законодательства, невзирая на то, что им грозит арест по малейшему поводу, такому, как пользование дверями или скамьями, предназначенными «только для белых», как пребывание на улице позже установленного «для черных» часа и т. п. Несмотря на кровавые расправы полиции, применяющей против безоружных людей слезоточивые газы, пулеметы и броневики, во многих городах Южно-Африканского Союза собираются многолюдные митинги протеста, проводятся массовые демонстрации.

Движение африканцев и индийцев за свои человеческие права пользуется все большей поддержкой прогрессивной части европейского населения и прежде всего трудящихся масс Южно-Африканского Союза. Белые хозяева с ужасом наблюдают рост классового и национального сознания африканских рабочих, рост пролетарской солидарности — это грозная сила, от которой не укрыться за барьером расистских законов. «Если националисты будут продолжать свою политику угнетения, — говорит один из персонажей романа, — неминуемо последует взрыв».

Трагедия семьи простого труженика — африканца Сикспенса Нгали, о которой рассказывается в книге, типична для тысяч африканских семей. Нгали долгое время работал на белого промышленника, пока несчастный случай на производстве не сделал его инвалидом. По законам Южно-Африканского Союза, «туземец», не занятый трудом на белого хозяина, не имеет права жить даже в локации — ему предстоит высылка на фермы, куда никто не идет работать добровольно из-за невыносимых условий труда, ничтожной заработной платы и свирепого обращения надсмотрщиков. Белым хозяевам крайне необходимы батраки, и управления по выдаче пропусков

Южно-Африканского Союза давно уже превратились в пункты принудительной вербовки рабочей силы для фермеров. Сикспенс Нгади, не желая бросить четверых детей и большую жену на произвол судьбы, скрывается от полиции, но на его пропуске уже стоит штамп: «Предупрежден о выезде из данного района», следовательно, арест неминуем. Горестны мысли этого человека: «Что за преступление он совершил? Он был туземцем, с которым случилось несчастье, и он потерял работу. Не больше.... Лучше умереть, лучше вообще не родиться, чем быть туземцем». Вскоре, в один из полицейских налетов на африканский поселок, Нгади был схвачен, осужден за нарушение «Закона о городских районах», т. е. пресловутой системы пропусков, и отправлен на ферму.

Тяжек труд африканского батрака на ферме белого хозяина; с раннего утра гнет он спину на плантациях под ударами «съямбока» — тяжелой плети надсмотрщика, а на ночь его запирают в темный сарай — «киа». Никакой надежды на избавление, бежавших травят собаками и, поймав, избивают до полусмерти. Таков закон. Сикспенсу Нгади пришлось испытать все это, «его научили не жаловаться на свою болезнь — лекарством для его спины был съямбок». Но однажды его терпению пришел конец; увидев, как надсмотрщик избивает батрака Нкоси, он схватил лопату и ударил истязателя по голове. Сикспенс Нгади бежал с фермы, он знал, что виселицы ему не миновать — законы белого человека против него. Нгади пробирается домой, но его тут же хватают и бросают в тюрьму. «Я убийцей никогда не был,— говорит он адвокату,— но меня сделал таковым закон белого человека. Нет для меня защиты. Я буду повешен. Но придет время, и мои дети вспомнят меня с благодарностью, потому что я нашел путь через законы белого человека».

Так говорит боец-одиночка, он еще не знает верного пути освобождения от расовой тирании, однако он уже ясно сознает необходимость активной борьбы против дискриминационных законов Южной Африки, удерживающих его народ на положении рабов.

Африканец с рождения осужден этими законами на неграмотность, жуткие бытовые условия, болезни, недоедание, рабский труд. Такое положение считается в Южной Африке незыблемым, и если сейчас многие африканцы пытаются протестовать против вопиющей несправедливости,— это расценивается как подрыв основ государственного порядка, освященного вековыми традициями. Растиющее сопротивление угнетенного народа вызывает страх и ненависть белых эксплуататоров. В этом едини и англичане, и африканцы, Объединенная и Националистическая партии. Их расхождения связаны лишь с различиями в методах сохранения режима колониального порабощения, эксплуатации основного «естественного богатства» Южно-Африканского Союза, которое составляют не золотые и алмазные россыпи, а дешевые рабочие руки. Очевидно, именно это стремление получать максимальные прибыли от применения дешевого труда африканцев удерживает человеконенавистников Южной Африки от масштабного уничтожения неевропейского населения. «Никто не может обвинить нас в том, что мы походим на нацистов — мы ведь не применяем газовых камер. Мы слишком нуждаемся в их труде, чтобы истреблять их»,— с горькой иронией пишет Гиллон.

Звериная злоба южноафриканских расистов обрушивается и на европейцев, сочувствующих обездоленным африканцам. Питер Джастин, герой романа Гиллона,— один из таких людей. Он защищает африканцев в суде, помогает им деньгами и советом, рискуя потерять положение в обществе, может быть, даже рискуя жизнью. Он открыто осуждает рабскую систему, обрекающую на страдания и голодную смерть миллионы африканцев, он с отвращением говорит о людях, получающих «удовольствие за счет несчастья других»; Джастин сочувствует даже идею революционного свержения системы эксплуатации, однако сам он еще не нашел своего места в борьбе за освобождение африканского народа. «Будь я проклят, если знаю ответ, но я найду его»,— говорит он. Но Питер Джастин одинок. Ограниченность Гиллона как буржуазного автора проявилась в том, что он не сумел показать общей борьбы всех демократических сил Южно-Африканского Союза против расистского террора, используемого в целях наступления на политические права как европейского, так и неевропейского населения страны.

И все же книга Гиллона — яркий документ, обличающий расистский произвол в Южно-Африканском Союзе, обличающий законы, лишающие всех прав $\frac{4}{5}$ населения страны и наделяющие $\frac{1}{5}$ его часть всеми правами, включая право эксплуатировать другого человека.

Книга рассказывает о полицейском терроре, воцарившемся в стране; она изобилует описаниями невыносимых условий жизни неевропейского населения, примерами расовой дискриминации и бесчинств фашистующих националистов. Она говорит также и о пробуждении трудящихся африканцев, вступающих в борьбу за свободу и равноправие, за светлое будущее для своего народа.

Л. Яблочкин

СОДЕРЖАНИЕ

С. П. Толстов (Москва). Н. Н. Миклухо-Маклай (К 65-летию со дня смерти)	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
И. И. Потехин (Москва). Новые задачи этнографии в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»	10
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
М. Ю. Брайчевский (Киев). Об «антах» Псевдомаврикия	21
С. А. Токарев (Москва). О происхождении бурятского народа	37
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Е. П. Бусыгин (Казань). Поселения и жилища русского сельского населения Татарской АССР	53
Л. П. Потапов (Ленинград). Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев	76
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Г. Г. Стратанович (Ленинград). Китайский политический плакат	103
И. А. Золотаревская (Москва). Национальное угнетение индейцев в США. Навахи	120
Из истории этнографии и антропологии	
В. К. Соколова (Москва). Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора	131
Дискуссии и обсуждения	
В. С. Бахтин (Ленинград). О некоторых проблемах фольклористики (В связи с теоретическими положениями книги «Очерки русского народно-поэтиче- ского творчества советской эпохи»)	152
А. И. Першиц (Бийск). О «военной демократии» (К вопросу о периодизации истории первобытного общества)	163
Отклики на статью С. А. Семенова «О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа»	167
Заметки. Сообщения. Рефераты	
Ю. Ф. Хохол (Киев). Резьба по дереву в горных районах Черновицкой и Станиславской областей УССР	172
М. Е. Шереметева (Калуга). Тарусская артель вышивальщиц	179
Хроника	
Т. Жданко (Москва). Работа Института этнографии Академии наук СССР в 1952 году	189
М. Г. Левин (Москва). Полевые исследования Института этнографии в 1952 году	194
Л. Терентьевая (Москва). Конференция по итогам работы комплексной Балтийской антрополого-этнографической экспедиции за 1952 год	197

О. Ганцкая, Н. Листова (Москва). XII сессия Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик (Подсекция этнографии)	201
О. Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии	202
М. Гегешидзе (Тбилиси). Этнографическая выставка Грузии	211
В. Ф. Павлова (Казань). Собирание и изучение русского фольклора в Казанском филиале Академии наук СССР	213
 Критика и библиография	
Народы СССР	
К. В. Чистов (Петрозаводск). <i>R. Trautmann. Das altrussische historische Lied</i>	216
М. К. Азадовский (Ленинград). Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян	218
Н. Степанов (Ленинград). Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)	225
М. А. Сергеев (Ленинград). М. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии	230
А. Бежкович (Ленинград). Карта народов СССР	235
 Народы зарубежной Азии	
Н. Гусева (Москва). An Indian Outcaste. The autobiography of an untouchable, by Hazari	237
 Народы Африки	
А. И. Собченко (Ленинград). Ethnographic Survey of Africa	239
Л. Яблочкин (Москва). Ph. Gillon. Frail Barrier	244

8
БИБЛИОГРАФИЯ